

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

ЕФИМ ЕМОЛИН

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

39

Жен. - оф. резонт
Т/КД describes:

7

отпалов в Америке, и
параграф Емена. Те так же
а в кас-те в 04. фс
в кфе - Танка.

11

Она мануна! - Да
то! Так и в джун

13

сделав, джун-лес...

14

Слов не. Наполе, не
в абу-гаси, мы их

15

16

не угуру...

17

Как в Ревузе - не
неф и маю-двон

18

19

и не угуру в
взгизне... бу-двон
и дон

АПРЕЛЬ

Energy measured in
billion of kcal
Methane needs, Aulfus
(A₉ now, 200 per day is
J₁₀)

3² и 3² комматив

А/Онаго бегене
нефенуе...

14. Корень дна с азов
15. Черно узо с дрова.

16 he goes clear to
17 the bottom.

18

3₁₉ из 3₁₉ - одна хов
ах лагана, джун маат,
рагхават елехат, джун

Здесь находится ⁷
взрывчатка и все
Место между, Амуром
(А. море, 200 футов и
до)

АПРЕЛЬ

3^е из 3^х компаний
предназначено временно
перемещение...

Космический десант с атом
снегоходом с дротом.

¹⁶ Не ясно с кем в
¹⁷ в компании

¹⁸
3^е из 3^х - одна хочет
¹⁹ из лагуны, дротом масть,
разбросать снаряды, дротом

Антология Сатиры и Юмора России XX века

A stylized, handwritten signature that appears to read "Arnold". The signature is written in a cursive, flowing style with a large, rounded initial 'A' and a long, sweeping underline.

Антология Сатиры и Юмора России XX века

ЭФИМ **Е**МОЛИН

«ЭКСМО» 2004

УДК 882
ББК 84(2 Рос-Рус)6-7
С 51

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА

Ефим Смолин

Серия основана в 2000 году

С июня 2003 г. за создание «Антологии Сатиры и Юмора России XX века» издательство «Эксмо» — лауреат премии международного фестиваля «Золотой Остап»

Редколлегия:

Аркадий Арканов, Никита Богословский, Владимир Войнович,
Игорь Иртеньев, проф., доктор филолог. наук Владимир Новиков,
Лев Новоженков, Бенедикт Сарнов, Александр Ткаченко,
академик Вилен Федоров, Леонид Шкурович

Главный редактор, автор проекта Юрий Кушак

Оформление переплета и дизайн книги —
издательство «Черная курица». В книге использованы фотографии
из личного архива автора. Фотопортрет на фронтисписе *Елены
Смолиной*

Смолин Е. М.

С 51

Антология Сатиры и Юмора России XX века. Том 31. —
М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 448 с., илл.

УДК 882
ББК 84(2 Рос-Рус)6-7

ISBN 5-699-05466-9 (т. 31)
ISBN 5-04-003950-6

© Смолин Е. М., 2004
© Кушак Ю. Н., составление, 2004
© ООО «Издательство «Эксмо», 2004

ОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К... ПРЕДИСЛОВИЮ	8
------------------------------------	---

ГЛАВА ПЕРВАЯ. МУЖСКИЕ СТРАДАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ № 1	11
МУЖСКИЕ СТРАДАНИЯ... ..	12
«ЦЕНУС ПОВЫШЕНИУС»	15
ЭСПЕРАНТО... ..	19
ПО КАВКАЗСКИМ ЗАКОНАМ... ..	20
У, ТЫ КАКАЯ!.. ..	23
МАНИ-МАНИ... ..	26
НОЧНОЙ КОШМАР	30
ЗА СОЛЬЮ... ..	32
МУТАНТ	36
СЕКС ПО ТЕЛЕФОНУ — 1	42
СЕКС ПО ТЕЛЕФОНУ — 2	46
ОПТИМИСТ... ..	50
ПИСЬМО ДЕДУШКЕ	53
ЧУВСТВО МЕРЫ	56
КОГДА СПОКОЙНЫ ПАВИАНЫ	59
МУСТАНГ	64
«ОХОТА НА ЛИС»	68

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА

ПРЕДИСЛОВИЕ № 2	73
ПИСЬМО ГЕНЕРАЛУ	74
ДЕНЬ ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ	76
ДЕЛОВАЯ ЖЕНЩИНА	79
ОБАЯШКА	82
ТРЕХЗВЕЗДОЧНЫЙ ОТЕЛЬ	84
ЗАМОЧНАЯ СКВАЖИНА	89
КАРЛСОН	94
КЛУБ ЗНАКОМСТВ	100

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. «ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ!..»

ПРЕДИСЛОВИЕ № 3	105
МОНОЛОГ СТАРУШКИ В ПОЛИКЛИНИКЕ	106
ПЛАТНАЯ МЕДИЦИНА	109
АНТИПОХМЕЛИН	113
АМНЕЗИЯ	118
КРИШНАИТЫ	123
«СКОРАЯ ПОМОЩЬ»	126
УЗКИЙ ПРОФИЛЬ	129
«ЧЕЛОВЕК — ЭТО ТО, ЧТО ОН ЕСТ»	134
«АПТЕКА»	137
«АЛКАШ ПОД ГИПНОЗОМ»	140

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. У ГОЛУБОГО ЭКРАНА

ПРЕДИСЛОВИЕ № 4	145
КИСЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ	146
О-О-О, СЧАСТЛИВЧИКИ!	149
ТЕЛЕКОЛДУНЬЯ	153
УРМАС И ГРУЗИН	156
СЛУЖБА СПАСЕНИЯ	162
У ГОЛУБОГО ЭКРАНА	167
МОЙ МУЖ — ТЕЛЕЗВЕЗДА	171
ПАРОДИЯ НА РЕПОРТАЖ-1	174
ПАРОДИЯ НА РЕПОРТАЖ-2	175
МИР ЖИВОТНЫХ	176

ГЛАВА ПЯТАЯ. ЧУЖИЕ ЮБИЛЕИ

ПРЕДИСЛОВИЕ № 5	181
«ХОДОКИ»	182
ПЕРЕПИСКА СЛАВЫ И САНИ... ..	187
В ЭЛЕКТРИЧКЕ	192
ИСПОВЕДЬ	196
100 ЛЕТ В ОБЕД	201
«ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ»	205
К ЮБИЛЕЮ АРКАДИЯ АРКАНОВА	208

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПРОСТО ФАНТАСТИКА!

ПРЕДИСЛОВИЕ № 6	213
ПЕРВЫЙ КОНТАКТ	214
ФЕНОМЕН	217

ТЕЛЕПАТЫ	222
СВЕТЛОЕ НАСТОЯЩЕЕ.....	225
КУСОК ТАЛАНТА	230
«КОСМИЧЕСКИЙ ПОЛЕТ».....	237
МУЗА И НЬЮТОН	241

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. САМОЕ МАССОВОЕ ИЗ ИСКУССТВ...

ПРЕДИСЛОВИЕ № 7	247
ДНЕВНИК РЕЖИССЕРА, УЧАСТНИКА КИНОФЕСТИВАЛЯ	248
ЭРОТИКА	251
«СЕНЯ ИСЧЕЗАЕТ В ПОЛДЕНЬ...»	255
САН САНЫЧ	258
УЛИЦА ПОДБИТЫХ ФОНАРЕЙ	335

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. «ВСЕ ЛУЧШЕЕ — ДЕТЯМ»

ПРЕДИСЛОВИЕ № 8	355
«ОТЦЫ И ДЕТИ»	356
«РАДИОНЯНЯ»	360
«ВОВОЧКА»	380

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. «НЕХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ...»

ПРЕДИСЛОВИЕ № 9	401
В МИРНЫХ ЦЕЛЯХ	402
В РАЗЛИВЕ... ..	406
НЕШТАТНАЯ СИТУАЦИЯ	413
ТОЛКУЧКА	416
«КУДА МЫ ЛЕТИМ?»	418
ПЕРЕДНИЙ КРАЙ	421
СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ	423
ВНЕШНИЙ РЫНОК	425
ПРЕДВЫБОРНАЯ ПРОГРАММА	427
НАЛЕГКЕ... ..	429
ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР	432
КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ	434
БЫКА ЗА РОГА... ..	436
ПОСЛЕ УКАЗА... ..	441
В КОСМОС ПО-РУССКИ... ..	444

ПРЕДИСЛОВИЕ К...

ПРЕДИСЛОВИЮ

Раньше меня предисловия очень раздражали. Они мне напоминали Мишку Рыбальтова... Был у меня такой школьный дружок. Приходим на какое-нибудь кино. Я в первый раз, а он — в двадцатый. И вот начинает сюжет пересказывать. На экране погоня какая-нибудь, сидишь, волнуешься: догонят, не догонят... А Мишка: «Не дрейфь, не догонят...» Или парень девчонке в любви признается, сидишь переживаешь, как у них там все сложится... А Мишка: «Она с ним не будет встречаться...» Тьфу... Все удовольствие испортит...

Вот так и предисловия эти. Человек еще рассказ не прочел, а какой-нибудь критик в предисловии заранее ему уже все расскажет-перескажет и объяснит, что автор хотел сказать... Да откуда он знает, чего я хотел?..

Но с годами я изменил свое отношение. Научился ценить и свое время, и чужое. Действительно, зачем тратить дни и часы на чтение повестей и романов, когда за пару минут из предисловия становится ясно, о чем там речь?

И ты теперь берешь в руки книжку, как банку консервов в магазине, и сразу видишь, из чего сделано и насколько это полезно для твоего организма... И так же как с банкой консервов: не очень понимаешь срок годности и на всякий случай не берешь...

Нет-нет, они мне нравятся все больше, эти предисловия. И, искупая свою вину за прежнюю не любовь к ним, я решил дать не одно, а целых девять предисловий, по штуке к каждой главе.

От прежних убеждений осталось только недоверие к критике, поэтому пишу их сам...

Мужские
страдания

ПРЕДИСЛОВИЕ № 1

Жанр эстрадной драматургии, наверное, самый неблагодарный в литературе. Уже хотя бы потому, что и литературой-то его мало кто считает...

И еще потому, что монолог или скетч, написанные «на злобу дня», часто устаревают уже к концу этого дня.

И еще потому, что написанные «для ушей», для концертной публики, они не очень-то воспринимаются в чтении, «глазами».

Но есть в этом жанре что-то такое, из-за чего вот уже 30 лет мы не можем расстаться друг с другом.

Это «что-то» — зрительский смех и аплодисменты артистам, читающим твои номера. Конечно, такое бывает не всегда. Но когда это случается, приходит ощущение, которого не испытывают писатели, общающиеся со своей аудиторией заочно, через книги, и никогда не знающие до конца, интересен ты этой аудитории или книга отправилась в помойку...

Эстрадный автор, получающий от зала подтверждение своей нужности, бывает по-настоящему счастлив.

И в эти минуты он уже думает, что не так и плох этот жанр... Да, конечно, многие темы стареют, но ведь не все. Есть монологи, которые живут десятилетиями...

В основном это те, в которых рассказывается о наших «мужских страданиях».

Удивительный мы народ, мужики. Вечно мы ищем приключений на свою голову и другие органы. И ничто нас не учит. И вечно мы наступаем на одни и те же грабли. Эта «вечная» тема всегда актуальна, всегда вызывает злорадную улыбку у лучшей половины человечества...

Мужские страдания

Меня как-то сынок спросил:

— Пап, а почему восьмое марта помечено в календаре красным цветом?

Я говорю:

— Сынок, это цвет нашей мужской крови...

Говорят, что подарки не обязательно, главное — внимание оказать... Мол, можно что-нибудь своими руками сделать: картошку почистить, суп сварить... Но как? Эта поваренная книга... Вспоминать не хочется... Во-первых, пока до нужного места доберешься, пока все картинки рассмотришь — слюной изойдешь!.. А потом — как написано?! «Приготовьте фарш» — приготовил. «Все обвалить» — обвалял... Дальше читаю: «в муке»... Ну, не будешь же уже с пола поднимать...

Так что подарком вроде легче отделаться. Но, во-первых, где деньги?.. Ведь так же просто у жены ей на подарок деньги не возьмешь — это ж сюрприз... Значит, опять лгать? Опять говорить, что на веночек начальнику? А если его опять, как в прошлый раз, внезапно живого по телевизору покажут?.. Жена в обморок, теща забила под диван, креститься начала...

Но предположим, деньги есть. Что купить? Этих женщин никогда не поймешь! Вот они готовы душу продать за импортную туалетную воду, хотя своей дома — полный бачок!.. Как говорится: пей не хочу..

И потом, как назло, все флаконы на иностранных языках! Ну, я в том году по картинке выбрал: там кудрявая красавица была нарисована... Приношу домой, говорю:

— Катя! Это тебе!

Она намазалась, вышла к гостям... В общем, оказалось, что «кудрявая красавица» — Людовик Четырнадцатый, а во флаконе — стимулятор роста усов. При чем, действует мгновенно и на шесть месяцев!.. Хорошо еще, что мы между собой, мужиками, советуемся.

Я тут как-то только к чулочному отделу иду, парень мне навстречу, весь в слезах:

— Не бери, старик, тут все бракованное! Представляешь, дали мне два чулка, а они вверху — вместе склеенные!..

Я парню:

— Не плачь, пойдем со мной!..

Тащу его к прилавку, швыряю сверток продавщице:

— Вы что же — брак подсовываете?

А она наглая такая:

— Это не брак, это колготки!

Я говорю:

— Неважно как называется! Немедленно разделите!..

Да. А кому-то и сам посоветуешь. Как-то один подходит, спрашивает:

— Вы не знаете, как крем для лица покупать?

— Смотря для какого лица, — отвечаю.

Он говорит:

— Ну, лицо-то я с собой взял...

И фото мне протягивает. Посмотрел я на фото, спрашиваю:

— А вы это лицо вообще... хоть иногда целуете?

— Ну а как же! — говорит.

— Так вы, — говорю, — по вкусу определите. Как на знакомый вкус наткнетесь, значит, то что нужно...

Купил он несколько баночек, стал облизывать... На шестой остановился, на весь магазин закричал:

— Нашел! Это самое! Знакомый вкус...

Ну, я его через год встретил. Он уже развелся... Оказалось — в той, шестой, баночке был любимый крем секретарши директора. Почему ему этот вкус знакомым показался?..

Но это все ладно, а что с размерами делать? Мы же их не знаем, а у жены не спросишь — это ж сюрприз должен быть! Решил как-то ночью, во сне, своей Кате голову обмерить. Чтоб шляпку купить... Обмерил в темноте, она даже не пикнула...

Купил эту шляпку, приношу домой... И вот что интересно: она в ней тонет, а на ночнике в самый раз!..

Думаю: черт с этой шляпкой, платье куплю! Но опять

же надо размер знать! Утром, когда Катя на работу ушла, я в ее шкаф, взял платице, на себя напялил, чтоб прикинуть...

Не знаю, что она в то утро забыла... В общем, вернулась — я в платье...

Она в слезы:

— Я тебя двадцать лет мужиком считала...

Вызвала «Скорую», и меня, как был в этом платье, в психдиспансер... Врач смотрит на меня в этом платье:

— И давно вы решили, что вы Керенский и бежите от большевиков?

Ну, я от обиды, конечно, наговорил лишнего, стал вырываться... Они мне укол, я заснул...

И приснилось мне, что по просьбе трудящихся мужчин Восьмое марта больше не празднуется, а просто присоединяется к отпуску..

«ЦЕНУС ПОВЫШЕНИУС»

Это случилось в тот день, когда объявили о повышении цен. Я очень машину купить хотел, а как цены подняли, смотрю — мне теперь только на руль хватает... Ну, я его и взял... И бегал с ним по улицам: «Бип-бип!» — пока бензин не кончился. Ну, до колонки на Садовом кольце дотянул, подрулил к очереди. Большая! Все и в бак, и в канистры берут. И разговор один: «Будет на бензин повышение?..»

Когда моя очередь подошла, спрашиваю заправщицу:

— Я недавно на машине, мне куда вставлять?..

А она грубая такая! Говорит:

— Вставь его себе знаешь куда?..

Ну, я и вставил... Из очереди обступили меня, смотрят...

— Чего смотрите, — говорю. — Бензина никогда не видели?

А они меж собой толкуют:

— Гляди, как мужик заправляется!.. Точно повышение будет...

Ну, черт с ними, заправился, домой рулю. Приезжаю — а дома несчастье: тесть с ума сошел...

Люська, жена моя, плачет.

— Папе, — говорит, — утром открытка на телевизор пришла, он пошел — а там такие цены! Вернулся, вырезал экран из обувной коробки, голову вставил и вот теперь...

Гляжу — тесть головку так набок, глазки выпучил и говорит:

— Добрый день! Начинаем «Очевидное-невероятное»!..

Я, конечно, сразу в психушку позвонил.

— Немедленно приезжайте, — говорю, — у нас тесть телевизором прикидывается...

— А, — отвечают, — мы знаем, это новая болезнь.

По латыни — «ценус повышениус».

— Мне плевать, как называется, — говорю. — Вы когда приедете?

— Завтра...

— Как — «завтра»? Вы с ума сошли!

— Очень много работы, — объясняют. — Мы сейчас в первую очередь берем тех, кто до повышения о финских унитазах мечтал. Это вам не телевизор! Вы представляете, что они там изображают?.. Прямо на полу..

— А наш папа, — кричу, — вон бежит по квартире со шнуром, хочет себя в сеть включить!..

— А вы ему внушите, что он на батарееках...

— Как же я внушу? — спрашиваю. — Я ж знаю: в телевизор шесть штук входит от «китайского» фонаря! Куда я ему столько вставлю? В крайнем случае могу одну «Крону» вставить... Но — предупреждаю — звук будет не тот...

Они помолчали, потом вкрадчиво так спрашивают:

— А... сами-то вы как?

— Я-то отлично, — говорю. — У меня вообще праздник сегодня: машину купил, заправился...

— Не на Садовом кольце? — спрашивают.

— На Садовом...

— Тогда, — говорят, — не волнуйтесь! Мы сейчас приедем...

— А я и не волнуюсь, — говорю, — что с папой-то делать?

— Его тоже не волнуйте, — говорят, — делайте вид, что все нормально: телевизор как телевизор... Сидите смотрите на него. А жена ваша дома?

— Дома...

— Она с вами бензином не заправлялась?

— Не-ет...

— И телевизор не изображала?

— Не изображала...

— Слава богу, — говорят, — дайте ей трубочку...

Жена послушала их и говорит:

— Значит, так. Папу, оказывается, надо отвлечь каким-нибудь его любимым блюдом. Он у нас бифштекс с тушеной капустой любит, пойду мяса куплю...

И пошла. А я с тестем остался. Сажу смотрю на него.

Страшновато, конечно.

Тем более, он вдруг как заорет:

— Все кругом говно, а температура в Петербурге нормальная!..

Я и не врубился сразу, что это он «600 секунд» с Невзоровым изображает.

Выпил маленько для храбрости. Так все хорошо, но что-то фокус расплываться начал. Ну, я ему на голову комнатную антенну поставил, штекер в ухо завел — вроде попримечнее стало...

И тут из магазина «Мясо» жена влетает с криком:

— Му-Му! Хау ду ю ду!..

Я понял, что она вслед за папой мозгами поехала...

— Люся, — говорю, — что ж ты сразу за мясом пошла, сразу себе шоковую терапию устроила? Ты должна плавно входить в рыночную экономику — сходи за капустой сначала...

Она и пошла. Я опять сижу, на тестя смотрю. Не волную. Пуговицы ему на пиджаке кручу — вроде программы переключаю... Тут санитары и прибыли.

— Так, — говорят, — это и есть ваш тесть?

— Тихо, — говорю, — он сейчас «Рекорд» с японской трубкой...

Санитары говорят:

— А нормальные в доме есть?

И тут как раз жена с морозца приходит. Но без капусты... Мне-то это сразу не понравилось. А санитары:

— Наконец-то! Хоть один нормальный человек! Женщина, идите сюда...

Люся говорит:

— Сейчас, разденусь только...

И со словами «сорок одежек — все без застежек...» — как пошла с себя все снимать! Шубу, платье, колготки...

Я как наброшусь на санитаров:

— А вы чего глазами лупаете?

— Ждем, — говорят, — когда она до кочерыжки дойдет...

А старший добавил:

— Будем брать всех...

Ну, вышли к «Скорой помощи». Я с Люськой, тесть с «телевизором»... И тут — хотите верьте, хотите нет —

останавливается рядом длинная черная машина, из нее вылезает — я его сразу узнал — сам премьер-министр и говорит, улыбаясь:

— Ребята, будете смеяться, у нас бензин кончился... Не отольете?

Ну, санитары — известные жлобы! Сразу:

— Нет! Сами на нуле...

А я говорю:

— Я могу отлить... Я сегодня только машину купил — по уши заправился...

Премьер оживился:

— Машину купили? Так вы новичок? Вы хоть знаете, куда вставлять?..

— А как же, — говорю, — меня заправщица научила...

И пристраиваюсь к премьер-министру.

Тут санитары ко мне бросились:

— Ты что делаешь, гад? Дома не мог?!

— Вы что, ребята, он же сам просил заправить его...

Санитары приняхались. Сначала один, потом другой:

— А ведь бензин, Федя...

— Точно! И с водкой! Я с ума схожу!

— Я тоже! Давай я тебя свяжу, потом ты меня...

Я связал их, потом тестя, потом Люську... Хотел еще прихватить стоявшего в шоке премьер-министра, но он сказал, что на своей поедет — я ж его заправил...

СПЕРАНТО...

— Синьор! Как же это по-вашему... Ну, это... у... а...
ы... показати! Ну, тефлон! Сковородоси... Понял
наконец, дубина итальянская... Ну, и сколько ты хо-
чешь? Цифры напиши! Смотри, это понимает, курва
капиталистическая... Сколько-сколько? В лирах? Она
что, сковорода эта, вместе с яичницей уже?

Я говорю, у меня от твоей цены... эти ... глазунио на
лоб лезут, вот! Челентано отвисло... Ага, шесть тыщ,
как же... А фиато с маслом не хочешь?

Ты пойми: я... я... туристо! Россини! С корабля «Пет-
ручио Первый»!.. У нас вообще этих лир нет! Ну откуда?
У нас даже поэт знаешь чего сказал? Я, говорит, лиру
посвятил народу своему... Да, одна у него была — и ту
посвятил. И знаешь почему? Потому что в гробу он их
видел, эти твои лиры вместе с твоей сковородкой... Г-
робано видато!..

Подожди! Куда ты уходишь? Что ты сразу от ворот...-
Поворотти делаешь?.. Обидчивый какой. Я тебе предла-
гаю такой ченч: ты мне эту сковородосси, да, а я тебе —
сейчас Санек поднесет — матрешку... Ну, матрешка... Ты
инглиш знаешь вообще? Это такая вумен. Но не одна, а
несколько! Малмала меньше! Представляешь, ты мне
всего одну, одну-единственную сковородку, а я тебе — ван
вумен, ту вумен, сри вумен... Что ты мне на публичный
дом показываешь? При чем тут это? При чем тут груп-
пенсекс? Что ты озабоченный такой?

О, Санек! Наконец-то! Где ты пропадал? Знакомь-
тесь, ребята! Это Санек, мой, так сказать, другано...
А это синьор Баранио, ни хрена по-английски не по-
нимает...

Вот, синьор, это и есть матрешка! Понимаешь? Как
это — «не есть похожа»? На кого? «Ельцин»? При чем тут
Ельцин? Ну это же разные вещи! Ельцин — это...
это мужской матрешк... Ну, мужской! Самец! Кобели-
но! Фу, дошло наконец... А это — вумен! Ну, как тебе
объяснить... Ну... Наина Иосифовна...

Берешь? Ох, еле уломал, твою мазер...

ПО КАВКАЗСКИМ ЗАКОНАМ...

Меня часто спрашивают:

— Ёги, ты такой здоровый, наверное, спортом занимаешься?

— Занимаюсь, — говорю, — мы вместе с Вахтангом, моим другом-соперником, занимаемся.

— Что делаете? Кто больше прыгнет?

— Не-ет...

— Кто больше поднимет?

— Не-ет, дорогой, — говорю, — кто больше купит...

Я тут Вахтанга в гости позвал. Приходит — у него сразу настроение испортилось: японский телевизор увидел... Посидел чуть-чуть, быстро встал:

— Завтра к нам в гости приходите...

Приходим — перед ним большой японский телевизор, перед его женой большой японский телевизор, перед его бабушкой большой японский телевизор и еще маленький такой, как «Юность», перед кошкой стоит...

Вахтанг подбоченился, спрашивает так ядовито:

— Ёги, почему такой грустный, за меня, за друга, не радуешься?

Я говорю:

— Я не грустный, просто мне тебя жалко: посмотри на этот телевизор — где такие ненатуральные краски видел? У диктора нос синий, как баклажан...

Вахтанг:

— Где? Это? Нет, это не диктор! Это мой брат чинит, с той стороны голову в экран сунул...

Я говорю:

— Хорошо! Завтра к нам, пожалуйста...

Назавтра они с женой приходят, а у нас на столе итальянское кушанье очень модное, спагетти называется, длинные такие макароны...

Они обалдели, конечно, но виду не показывают.

Жена Вахтанга говорит так ядовито:

— Ва! Эти спагетти-шмагетти... Жую-жую, по вкусу резину напоминает...

И моя Сулико тут ей вставила:

— Дорогая, ты же так увлеклась, не заметила, как телефонный шнур на вилку накрутила...

Вахтанг вскочил:

— Завтра к нам, пожалуйста!

Приходим — у них японские блюда...

И Вахтанг в кимоно, жена его в кимоно и даже, как японка, ребеночка себе на спину повесила...

Мы принципиально не замечаем. Сидим — ничему не удивляемся.

Вахтанг терпел-терпел, потом не выдержал этой войны нервов и как крикнет:

— Слушай, почему не замечаешь? Думаешь, ей легко ребенка на спине таскать? Ему все-таки восемнадцать лет!.. И вообще — посмотри кругом: у меня все старинное! В этом кресле сидел сам Шота Руставели! Из этого кубка пил сам царь Давид! На этой кушетке лежала сама Тамара! Вы вообще хоть знаете, кто это такая?..

Моя жена, большая умница, говорит:

— Конечно, знаем: Тамара, буфетчица... Все знают, что она к тебе ходит...

И мы не стали дожидаться, чем у них там вечер кончится, встали... Я на прощанье говорю:

— Приезжайте к нам на дачу, дорогие...

Они приезжают, а я стою во дворе, как бы между прочим свой новенький «Вольво» протираю. И так невинно спрашиваю:

— Вы, конечно, на электричке приехали?

— Да, — говорят, — на электричке...

И Вахтанг тут добавляет так, ядовито:

— Машину сегодня любой дурак купить может... Я — электричку купил, вон, за домом стоит...

Посидели часа два, потом говорят:

— Ну, теперь вы к нам! Приходите, посмотрите — у нас теперь говорящий попугай, дрессированный...

Приходим... Я в таком новом кашемировом пиджаке... И тут этот говорящий, дрессированный попугай по счету «раз» взлетел, по счету «два»... на пиджак мне нагадил!..

Вахтанг говорит:

— Ну извини, что расстраиваешься? Это ж все-таки не слон...

Я говорю:

— Вахтанг, спасибо за идею! Очень прошу, приходи завтра... Не придешь — зарежу!..

Ну, пошел в зоопарк, договорился — привел слона... Мы его с соседом по площадке на две квартиры поставили. Причем у соседа та часть слона, которая кушает, у меня остальное...

Вахтанг приходит... А сосед как раз перед этим свою часть накормил... и тут моя половина слона оживать стала!..

Честно скажу, никто не знал, что в этот вечер Вахтанг придет новой дубленкой хвастать. Никто не знал! Ни я, ни сосед, ни тем более сам слон... Это все вышло, ну, как импровизация!

И то, что после этой импровизации Вахтанг ко мне не ходит, я еще могу понять — ему теперь не в чем... Но почему он нас не зовет?

Честно скажу: скучаю без друга... Я что — для себя это все покупал? Картины, люстры, дачи, книги? Для друга покупал: если другу от всего этого плохо станет, значит, и мне будет хорошо...

Вахтанг, приходи-и-и! Я очень скучаю!..

У, ТЫ КАКАЯ!..

Девушка, а девушка! Ну погодите, я уже километр за вами по пляжу иду... «Что-что»... Сколько времени, не скажете, вот что... «Полшестого?» Спасибо, меня Владик зовут, дай поцелую... Как это — «не знакомы совсем»? У, ты какая!..

«Не знакомы»... Если ты культурная, должна меня знать. «Откуда»... Я ж писатель, ты что, моих книг не читала? «Муму», «Дядя Степа»... Ну, дай поцелую!..

Почему «нет»? Ах, ты не любишь писателей!.. А режиссеров? Да? Тогда я режиссер. Тебе мои фильмы нравятся? Ну там «Броненосец «Потемкин», «Ирония судьбы...» Да? Ну дай поцелую... Ты чего пихаешься? У, ты какая!..

А мы ведь, режиссеры, знаешь как? Раз поцелуем, сразу женимся. Ага. На фестиваль поедешь со мной?

Кто руками лезет? Я? А, забыл: ты не в курсе... Ну, я ж слепой, знакомлюсь так, на ощупь... Ну что — «извините, извините»... Ты ж не знала... Да, это после одной аварии... Я ж танкист, горел в танке... Наученья со мной поехали? Поехали, найдем тебе дело! Ты танк водить умеешь? Нет? А стрелять-целиться? Тоже... О! Я придумал! Мишенью тебя поставим!.. Как приедем в нашу танковую... эту... как ее... а, вспомнил — эскадрилью! Как приедем — сразу свадьбу! Да, мы танкисты — только так! Ой, ты обязательно напомни мне на свадьбу позвать маршала бронетанковых... Да, а то он и так обижается на меня... Да, понимаешь, он просил на танке покататься, а я не дал... Не, а чего смеешься-то? Чего не веришь? Кто женатый? Я? Да с чего ты взяла? «Кольцо на пальце»? Гм... Действительно, кольцо... Откуда? А! Все! Вспомнил! Вспомнил. Это ж... это ж... не мой палец-то... Да, авария, свой сломал... Ну — «как, как...». Я ж вообще летчик... Ну вот, упал с самолета — палец сломал. Пересадили другой — попался с кольцом... Теперь поняла? Ну дай поцелую! Почему? У, ты какая!..

Да что ты все — «женатый, женатый...». Тебе в нашем санатории еще не такое про меня наговорят! Просто они нашему счастью завидуют!.. Еще бы! За моряка-то каждая хочет выйти... Да, я вообще моряк... Моряки, они, знаешь, какие влюбчивые? Вот как увидел тебя — не сплю с тех пор!.. Почему не веришь? «Только сегодня утром приехала»? Ну, вот с тех пор не сплю... «Еще ни одной ночи не было»? А-а, ты не поняла! Я днем не сплю, как ты приехала! Да! В «тихий час»...

А по ночам-то... Что — «ты в курсе»? Ну-ка, ну-ка! И кто тебе сказал, что я ночью не сплю? Наташка? Это она тебе... Я к ней ночью в окно на третий этаж лез?.. Ты подумай! Значит, опять у меня эта штука началась... «Какая»... Все тебе скажи... Ну, последствия контузии. Да, я ж вообще шахтер... Ну, обвал в шахте... Теперь по ночам кажется, что засыпало, все время хочется куда-нибудь наверх полезть... Вот я к Наташке, на третий этаж... Что? Ага... То есть ты спрашиваешь, почему я ее при этом хватал? Так... она ж худенькая, я ее за отбойный молоток принял... А люблю только тебя! Дай поцелую... У, ты какая!..

Ой! Ой!.. «Как тебе верить, то летчик, то шахтер...» Ладно: скажу. Но только между нами! Я физик секретный... Закон Кулона слышала? Вот, моя работа. Видишь, как я тебе доверяю? А ты? Ну дай поцелую... У, ты какая...

Вот недоверием оскорбляешь, да? Расстраиваешь? А мне ведь волноваться нельзя! Перед чемпионатом мира... Я ж вообще-то пловец... Что ты видала? Ну что, что «у берега»... Кто «барахтается»? Кто «только до коленок»... Да, я купаюсь у берега! Правильно! Я ж не имею права свой способ раскрывать! А вдруг где-нибудь японцы с кинокамерой? И потом все мои движения... Они, японцы, знаешь какие дошлые? Да! Ну, они-то, в отличие от тебя, прекрасно знают, что я как рыба плаваю! Потому что у меня мозг легче воды...

Ой, я тебе уже столько своих секретов, а ты... У, ты какая... даже поцеловать не даешь! А ведь для меня ты... Ты знаешь, что ты для меня? Знаешь? Ну скажи тогда, если знаешь... «Курортный роман»?..

«Курортный роман»... Как же тебе не совестно... Мы, десантники, люди серьезные! На, читай татуировку! Читай, что у меня на груди написано! «Люблю до гроба!» Поняла? До гроба! Люблю! Осталось только приписать кого...

И знаешь, я тебе так скажу: я люблю, чтоб все по-серьезному! И прямо тебе скажу, ты не обижайся: пока свой телефон не дашь — не буду с тобой целоваться! Что? Мой телефон тебе записать? А... А чего его записывать, он простой, его и писать не надо, любой запомнит. Телефон у меня — ноль один, спросишь Владика... Да, ноль один, у нас на всех пожарников один телефон, я ж вообще пожарник...

Я тебе и адрес дам! Если ты и после этого скажешь, что я не по-серьезному! Пиши адрес: «Узбекистан, Новгородская область, Рига, Владику до востребования...»

Ну что, что тебе все-таки кажется? Что женатый? Ну что тебе — документы показать? «Показать»... У, ты какая! Хорошо! Смотри! Пожалуйста, вот документ, с печатью, читай: «Действительно на сентябрь для проезда в трамвае и метро»... Ну, и где тут написано, что женатый?..

Куда ж ты? Подожди! Дай по-целую!.. Ушла... Вот женщины... Не поймешь, что им надо...

М АНИ-МАНИ...

Первый — гнилой интеллигент в очках, одолживший деньги Второму, теперь мучается, не знает, как сказать, чтобы тот вернул долг. И вот он пытается намекнуть... Сидят, пьют чай...

Второй (дуя на блюде). Фу... Фу...

Первый (апарт). Ты смотри — пришел в гости, пьет чай как ни в чем не бывало. Не пойму, он собирается триста долларов отдавать?..

Второй. Фу... Ох, хорош чаек!

Первый (апарт). Да нет, я его просто спрошу про эти триста! В конце концов... (Второму, решительно.) Скажите, вы вообще собираетесь...

Второй. В отпуск, что ли? Собираюсь, конечно...

Первый. Нет, прежде чем ехать в отпуск, вы вообще собираетесь...

Второй. Да чего там собираться-то? У меня один чемодан, это пять минут шмотки побросать...

Первый. Нет, прежде чем бросать шмотки в чемодан и собираться в отпуск, вы вообще собираетесь... собираетесь... (нерешительно)... еще чай пить?..

Второй. Не-ет, спасибо!

Первый (апарт). Нет, не могу я в лоб: «Отдавай мои триста долларов!» Надо ему просто про эти триста мягко намекнуть... (Второму.) Э... Мэ... В этом году сколько дней?

Второй. Триста шестьдесят пять.

Первый. А если отнять шестьдесят пять, сколько получится? Триста шестьдесят пять дней минут шестьдесят пять, ну?

Второй. Получится... Получится август... Ох, хорош чаек!

Первый. А я знаете, как завариваю? Беру триста грамм чаю, триста грамм кипятку.. Именно триста... Это у вас не вызывает никаких ассоциаций?

Второй (хлопает себя по лбу). Ой, ну конечно! Мне

даже, честно говоря, неприятно, что вы напомнили...
Первый (смущенно посмеиваясь). Хо-хо! Ну, что делать... Приходится...

Второй (расшнуровывает ботинок)... Сейчас-сейчас.

Первый. О, вот где у вас...

Второй (снимая носок). Да. Вот здесь... Как только вы про триста грамм кипятку сказали, это сразу мне напомнило... (Показывая голую ступню.) Вот здесь, смотрите, в детстве кипятком ошпарился...

Первый закатывает глаза к потолку.

Первый. Да... А мы тут с женой хотели телевизор купить, симпатичный такой, «Тошиба». Но — триста долларов. Для нас большая сумма... Триста... большая...

Второй. Если для вас большая — не покупайте. Все равно смотреть нечего. Вот вчера показывают — «Анна Каренина». Ерунда какая-то... Чего она под поезд бросилась? Так и не понял...

Первый. Ну, может, у нее безвыходное положение было: заняла долларов триста, а отдавать нечем...

Второй. Хорошо, а утром, «Маугли»? Вот что он по джунглям голый бегаёт?

Первый. Ну, может, одолжил кому-нибудь долларов триста, не отдали, теперь одеть нечего, бомжует... Я вот тоже... хотел пиджак купить, от Версаче. Триста долларов. Ну, откуда?..

Второй (хлопает себя по лбу). Слушайте! А я все думаю, что я вам такое должен...

Первый (фальшиво). Вы? Должны? Мне? Ой, а я и не помню...

Второй лезет во внутренний карман пиджака.

Второй. Куда ж я сунул...

Первый. А я уж хотел занимать на пиджак...

Второй. Ни в коем случае! Ну зачем...

Первый, привстав со стула, пытается рассмотреть, что там второй вынимает из кармана.

Второй достает из кармана журнал «Мод».

Второй. Вот! Прямо пишут: костюмы от Версаче уже не модно! Хорошо, что вы не купили...

Первый без сил плюхается на стул... Говорит в пространство, разглядывая потолок.

Первый. Ой, потолок какой! Ремонт бы сделать — так денег нет. Жена запилила прямо: «Как нет?» И каждую ночь мне: «Ну? Где триста долларов?»

Второй (удивленно). Каждую ночь? Извиняюсь.. вы что, ей платите?

Первый (апарт). О господи! Как же ему намекнуть? (Громко напевает.) «Мани-мани-мани»

Второй. Мани? Мани! (Хлопает себя по лбу.) Слушайте! Вот склероз! Ну как же я...

Первый. Да ну, ерунда. .

Второй. Ничего себе ерунда! Человек ждет, а я... Мани! Ну конечно!..

Лезет в правый карман, но тут же вынимает пустую руку, пожимает руку Первого.

Спасибо! Спасибо, что напомнили...

Опять правая рука Второго исчезает в кармане...

Первый, как замороженный, смотрит на эту руку.

Даже неудобно.

Первый. Это мне неудобно...

Второй опять вынимает пустую руку...

Второй. Вам-то что неудобно? Это мне неудобно!

(Опять руку в карман.) Видите, карманы какие узкие... Руку не засунешь... (Снова сует руку в карман...)

Нет, ну хорошо, что вы пропели это «мани-мани»...

(Вынимает из кармана... записную книжку. Листая книжку:) Мани-мани... Я ж Мане... обещал позвонить... Ой, Маня! Вот такая грудь...

Первый застывает с открытым ртом.

Второй (продолжая листать). Где ж она тут?

Первый (апарт). Провал в памяти! А я на человека... Он давно бы отдал! Просто не помнит! (Второму.) Вы главное спокойно, не волнуйтесь...

Второй (с беспокойством). А что происходит?

Первый. Да что вы нервничаете? Все еще, может, вернется...

Второй (нервно). Что вернется? Кто вернется?!

Первый. Посмотрите на меня внимательно. Только не напрягайтесь. Можете вспомнить, как меня зовут?

Второй (неуверенно). Виктор... Виктор Петрович?

Первый. Ну, допустим...

Второй (с беспокойством). Нет, что допустим? Я что — стал плохо видеть? Я ослеп?! (Ощупывает лицо Первого, как слепец.) Вы — кто? Не Виктор Петрович?

Первый. Попробуйте вспомнить все... Давайте попробуем восстановить тот день... Прошлый год, июль, Турция... Стамбул...

Второй (радостно). Да-да! Отпуск!

Первый. Да, мы в одной тургруппе...

Второй (радостно). Да-да! Вот мы идем мимо минаретов... Кричит мулла с мечети...

Первый. Аллах акба-ар!

Второй. Мы сворачиваем к рынку, торговцы...

Первый. Кожа! Джинсы! Кожа!..

Второй. Вот я вижу шикарную куртку, мне не хватает денег, я поворачиваюсь к вам, протягиваю руку, говорю: «Слушайте...»

Первый (радостно). Да-да! Вы говорите: «Слушайте, не одолжите мне триста долларов...» Ну?

Второй. Нет, не помню... Поворачиваюсь к вам... Дальше провал...

Первый. Я вынимаю триста долларов, одалживаю...

С этими словами протягивает Второму деньги.

Второй. Так-так-так... Вы даете мне (пересчитывает)... Триста долларов... Да?

Первый. Ну конечно!

Второй (кладет себе в карман). Ну, спасибо... Я вам обязательно отдам...

Первый ошарашенно смотрит на Второго...

Ночной кошмар

Хррр! Хррр! А? Что? Фу... Это ж надо, чтоб такое приснилось... Сколько там времени? Двенадцать ночи... Теперь не засну...

Как тут заснешь? Еще четверо в комнате!.. А на одного номер в отеле снять — это ж какие цены! Вот и приходится в складчину, кооперироваться. Так что мы вчетвером... Причем, каждый как десантник — один десятерых стоит! И вся жизнь у них ночью начинается! Этот Пугачеву по ночам крутит, этот, как хищник, ночью еду добывает — на холодильник охотится... Потом в полной темноте жарит, парит... Он, видишь ли, «сова» — ему ночью есть хочется... Ну лопай, пожалуйста! Но если ты «сова», ты же ночью, как днем, должен видеть, верно? Так что ж ты в темноте раскаленную сковородку вместо стола на живот мне ставишь?.. Сегодня на пляже мальчик на меня показывает и кричит: «Пацаны! Глядите — мишень из тира сбежала!..»

Да, ну и отдых!.. А что делать? В одиночку разве тут в сезон купишь комнату? Но впятером — это чересчур...

Один этот, книголюб, чего стоит! Ему читать — дня мало... Да, как он меня вчера... Просыпаюсь — какое-то предчувствие... Глаза открываю — он рядом, в темноте стоит... Это сдвинуться можно! «В чем дело?» — спрашиваю. «Как удачно, — говорит, — что вы тоже не спите. Не знаете, настольная лампа, она не работает?» — «Работает, — говорю как можно спокойнее, — только вилку надо в розетку включать, а вы ее мне в ноздри всунули!..»

Нет, так я еще не отдыхал!.. А четвертый, старичок этот?.. Ну, хозяйка! Вот жлобьяра! Надо же было додуматься — дедульку ко мне валетом положить: все время мне ногами в рот попадает!..

Еще это комарье проклятое! Дз-з! Дз-з! Так и пикируют...

Так и провертишься всю ночь: тут дедуля-каратист, Чак Норрис недоделанный, там Пугачева кричит, буд-то ее режут, слева обжора, справа книголюб..

Ну все! Закрывать глаза... Господи, неужели засыпаю? Хррр! Ммм... Попробуйте, попробуйте, палачи! Хррр! Я вам ничего не скажу, гестапо проклятое! Хррр! Ну жги... жги меня, гад, своей сковородкой!.. Ироды! Какую певицу замучили!.. Хррр! Она с ума сошла... поет по ночам... Паразиты! Я плюю вам в лицо — тьфу!

А? Что?.. Я? Оплевал? Ой, простите, дедуля, помешалось...

Все! Спать! Спать! Хррр!.. Ну что разлеглась тут, всю койку заняла... Ну перестань... ну что ты мне ногами в рот... Ну что — «улетай, туча, улетай»... Сама с койки улетай... Хррр! Сама туча... Ой, а ноги холодные!.. Алк, ты чего — замерзла, что ли? Ну, иди под бочок, я тебя согрею... Хррр! Алка, ты что, не брилась сегодня? Ой, борода какая... Хррр!..

Хррр! Это ты тут сковородкой гремишь? Ой, какая ты хозяйственная, я думал, ты только поешь... Хррр! Алк, а чего ты одна чавкаешь? А мне кусочек? Ну положи мне в ротик, вот я раскрыл... Хррр! У-у, цыплячья ножка... Импортная, что ли. Пять пальцев на лапке... Хррр! И в носках... А жесткая — не укусишь!..

А? Что? Кто? Ой, простите, дедуля! А вы не суйте ноги — вам не будут кусать!

Все-все, спать, спать! Хррр! Дзз! Дзз! Я «Орел»!.. Пикирую... Хррр! Второй пилот, кажется, убит.. Хррр! Точно, убит, у него уже... ноги холодные... Хррр! Разрешите покинуть самолет... Прыгаю! Дергаю кольцо, парашют не раскрылся... Хррр! Пробую открыть запасной, дергаю! Еще дергаю! Еще! Земля рядом! Чувствую сильный удар!..

А, что? Ты чего дерешься, дед, отдай парашют... Фу... Да на, заberi свои трусы — ни один сон досмотреть не дают!..

ЗА СОЛЬЮ...

Сейчас страшно что делается — один разврат на уме! Причем бывает, знаете, внешне не подумаешь даже...

У меня тут жена во вторую смену работала, а я дома никак соль найти не могу.

Захожу к соседке, оперная певица, ну казалось бы!

Спрашиваю:

— У вас соли нет?

А у нее, видимо, одно на уме. Она мне:

— Мне это кажется странным: прийти за солью в час ночи...

Я говорю:

— Как раз ничего странного: где я еще в час ночи соль возьму? Конечно, если я вас разбудил...

Она говорит:

— Нет, я не спала, я с Рабиндранатом Тагором валялась...

Представляете? Вот тебе и певица! Прямо так и сказала! Ничего не стесняется! Мне потом мужики во дворе объяснили: Тагор этот — писатель индийский! Конечно, чего ей с нашими-то?

А тут у меня жена в первую работала, ну, я с утречка к соседке...за солью. Я уже руку к звонку протянул, слышу — мужик какой-то за дверью: «Отдохнули? Теперь ложимся на коврик, на счет «раз» подняли ножки, на счет «два» развели...

Ну, я все-таки позвонил. Певица открывает как ни в чем не бывало...

— Извиняюсь, — говорю. — Как интересно получается: индиец, а говорит без акцента...

— В каком смысле? Какой индиец?

«Какой»! То есть у нее их, видно, несколько, просит номер уточнить...

Я говорю:

— Ну тот, с кем вы в прошлый раз, извините, валялись — Рабинтранат Тагор...

— Рабиндранат Тагор? Он же умер...

И я смотрю кругом — действительно, нет его нигде...

— Вы, — говорит, — меня, наверное, в прошлый раз не так поняли...

Чего уж тут не понять — насмерть замучила... Индийцы, видно, хиляки против наших-то баб...

А она говорит:

— Извините, что вам нужно? Я устала, всю ночь не спала...

— Да? А что так? — спрашиваю.

— Да всю ночь Жоржик мешал! Он на диван лез, а я его все сгоняла, сгоняла...

— А чего это вы его сгоняли, Жоржика этого?

— От него шерсти много...

— Грузин, что ли? — спрашиваю.

— Нет, — говорит, — сибиряк...

Ну, мне-то что? Взял соль и пошел.

Целую пачку дала. Чтоб я подольше не приходил. Ну, мне этой пачки все равно только на три дня хватило — тут как раз жена в отпуск уехала, я опять за солью...

Открывает дверь... Я даже поздороваться не успел — у певицы прямо в передней для меня уже целый мешок приготовлен...

— Вот ваша соль, и до свиданья. Извините я очень занята...

И слышу я: где-то в ванной вода льется...

— Стираете? — спрашиваю.

— Нет, — говорит, — это водопроводчик...

— Водопроводчик? А почему он у вас... моется?

Певица покраснела вся:

— Он не моется! Он кран меняет! Что у вас за мысли такие!.. Как вам не стыдно!..

Я говорю:

— А мне-то почему стыдно должно быть? Я у себя водопроводчиков не купаю...

Только дверь за мной закрыла, слышу ее голос: «Вам белье не мешает? Может, снять?» Вот такая певица...

Ну, мне-то что? Взял мешок соли и пошел... Ну, на

сколько здоровому мужику мешка соли хватит? Я утром опять к ней... И слышу за дверью мужской голос: «Раздевайтесь, сейчас я вас послушаю...»

Звоню — она мне прямо с порога:

— Мне сейчас некогда, меня профессор слушает.

Я говорю:

— Профессор? Из консерватории? Хотя, конечно, сейчас главное не песня, а фигура. Ну, не буду мешать, идите раздевайтесь...

Она:

— Да что у вас такие грязные мысли?! Это профессор медицины! Он мне бронхит лечит! Сейчас укол будет делать!..

Я говорю:

— Это, конечно, не мое дело — я за солью пришел, но если вы порядочная женщина, пусть колет через пальто. Или из другой комнаты. Он оттуда руку протянет, вы отсюда — на кушетке подъедете...

А она мне:

— Все сказали?

Я говорю:

— Пока все...

— Тогда, — говорит, — вот ваши три мешка!..

Ну, я с этими тремя мешками еле до утра дотянул. Звоню в дверь, открывает, улыбается:

— Ну что, опять соли? Признайтесь, что для вас это только повод! Ладно, проходите, раздевайтесь, я сейчас...

И пошла куда-то в сторону спальни. Я себе раздеваюсь... Откуда я знал, что она только пальто имела в виду? Разделся так основательно... Чем, думаю, я хуже Рабиндраната Тагора?.. Повесил аккуратно так брюки на стул..

Тут она из спальни выходит... с дробовиком:

— Соли тебе? Получай, чтоб надолго хватило!

Как дала из двух стволов... Я еле выскочил, тут уж не до брюк, сами понимаете! Подбегаю к своей двери...

Ну, кто знал, что жена как раз в эту минуту вернется?

Я ей честно говорю:

— Маш, ты там не подумай чего — я просто к соседке за солью ходил...

Но эти женщины разве поймут? Сейчас такое время — у них один разврат на уме!..

— Сэр, — сказал помощник Президента, — газета из одной шестой части света. Обратите внимание на эту заметку, сэр...

Президент удивленно поднял глаза. Одна шестая часть света уже давно никого не интересовала: после очередной короткой оттепели там снова наступил застойно-ледниковый период... Пожав плечами, Президент углубился в газету. Там под рубрикой «Это интересно» какой-то врач «неотложки» рассказывал об интересном случае из своей практики: неделю назад он по ошибке вкатил некоему Гудкову укол, совершенно забыв, что перед этим колот тем же самым шприцем больного СПИДом. Какого же было удивление врача, когда выяснилось, что Гудков остался абсолютно здоров...

Президент в сильнейшем волнении отбросил газету. СПИД... Ничто так не беспокоило его народ. Миллионы долларов, десятилетия исследовательской работы, а вакцины все не было. А эти тихушники ее там, видимо, нашли. У их людей иммунитет. «Этот, как его, Гудков должен быть у нас, — подумал Президент. — Женим его на американке: пусть плодятся, как кролики. Мы выведем новое поколение американцев — устойчивых к СПИДу!»

Он потянулся к красному телефону — «горячей линии», соединяющей Белый дом с одной шестой частью света.

— Но, сэр, эта линия не работает, — развел руками помощник. — В ЦРУ считают, что у них там голод...

— При чем тут голод? — раздраженно спросил Президент. — Какое отношение голод имеет к телефону?

— В ЦРУ считают, что они там съели свою часть кабеля...

— Судя по этой заметке, у нас в ЦРУ работают идиоты! — вспыхнул Президент.

Он еще помнил, как полвека назад ЦРУ также талдычило, что в одной шестой части света разруха, все в лаптях, и вдруг — как гром среди ясного неба — спутник...

— Готовьте самолет! — приказал Президент.

В Домовнуково он прилетел глубокой ночью, его самолет еле сел: на аэродроме была полная тьма, даже сигнальные огни не горели...

— О, сколько лет, сколько зим! — услышал он голос Руководителя одной шестой части света. — Кого я вижу!..

Сам Президент никого не видел. О чем тут же и сказал:

— А я вижу одну шестую часть света во тьме...

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Руководитель. — Вы видите ее во тьме? А я — в огнях электростанций!

«Какие огни? Какие электростанции? — подумал Президент. — Он сумасшедший, у него галлюцинации...»

— Приезжайте к нам через десять, нет, через двадцать лет, — добавил Руководитель, — и вы не узнаете одну шестую часть света!

На ощупь они сели в автомобиль, куда-то долго ехали. В пути Руководитель жаловался, что у них плохо с бензином, приходится ездить черт знает на чем.

«Говори-говори, — думал Президент. — Даже дети знают, что у вас крупнейшие запасы нефти...» Он прислушался. Мотора даже не было слышно, что говорило о высокой марке бензина. «Девяносто пятый или даже «экстра», — подумал Президент, — а все приbedняются...»

Но пока ехали — рассвело. И Президент вдруг увидел прямо перед машиной спины чекистов из охраны Руководителя — они тащили лимузин на нейлоновом тросе...

«Не соврал, действительно, чер-те на чем ездят», — улыбнулся про себя Президент.

— Ну, — спросил наконец Руководитель, — так с чем пожаловали?

— У нас просьба, — заискивающе улыбнулся Президент, — не могли бы вы одолжить нам своего Гудкова?

— Какого Гудкова? — не понял Руководитель.

Президент показал газету.

— А-а, — сказал Руководитель, — этого, что ли? А я думаю: «Какого Гудкова?» У нас же таких Гудковых — море...

— Значит, я был прав: вы создали вакцину..

— Да ничего мы не создали, просто... Вот вы ругаете коммунистов, а при их власти вывелось целое поколение, устойчивое к любой дряни...

— К любой дряни? — в замешательстве переспросил Президент.

— Ну, конечно! Люди десятки лет ели хрен знает что, лечились кое-как, дышали всяким дерьмом, и вот в результате эволюции выжили те, кого никакая зараза не берет...

— Никакая зараза?! — Президент схватил Руководителя за руку. — Господин Руководитель, умоляю! Дайте нам Гудкова...

— Да что вы с ним делать-то будете?

Потупясь, Президент рассказал о своих планах.

Руководитель рассмеялся:

— Это вроде быка-производителя, что ли? Ладно, берите.

...Вскоре Гудков уже летел над океаном к своему новому месту работы. В его жизни, как, наверное, в жизни любого мужчины, было несколько романов. Но все это было так, любительство... Теперь ему предстояла жизнь профессионала.

И он летел, чувствуя себя русским хоккеистом экстра-класса, согласившимся играть за канадскую команду. Таких хоккеистов на родине не забывали и всегда ревниво интересовались друг у друга: «Ну, как там наш Паша? Сколько забросил? Один или с партнерами?»

Вот так и Гудков, подремывая в самолете, представлял себе, как под рев трибун, под вспышки блицев выходит в шлеме и щитках на встречу с очередной американской красоткой, а в это время на родине, в одной шестой части света, прильнув к радиоприемникам, болельщики переспрашивают друг друга: «Ну, как там Гудков? Сколько забросил? Один или с партнерами?»

...Увы, в жизни часто получается немножко не так, как рассчитываешь...

Его поселили в шикарном доме, познакомили с шикарной женщиной. И в первый момент все пошло как будто по плану. Гудков бросился на нее, сорвал платье, поднял на руки, понес к кровати и... на этом все кончилось...

Увидев великолепную кровать, дорогие напитки на столике рядом, картины в золоченых рамах по стенам, Гудков растерялся, увял, забился в угол...

Президент, подглядывавший в замочную скважину, с досадой топнул ногой:

— Вызовите к нему психоаналитика...

После часа вкрадчивой беседы с Гудковым все стало ясно: непривычная обстановка.

— Понимаете, я всю жизнь в коммуналке, стены тонкие, к тишине не привык, у меня там всегда унитаз шумит, вода из крана капает, за стеной или дерутся, или пьют, или советы дают...

— Советы дают? Соседи? — удивился психоаналитик. — Они что, вас видят?

— Ну да. Я же говорю — стены тонкие... А у вас — кровать не скрипит, картины в золоте... Чужое все... Я привык, чтоб надо мной вот это висело. — Гудков вынул из сумки фотографию какого-то матроса в рамке...

— Кто это?

— Матрос первой статьи Гудков...

Помощник Президента, дежуривший вместе с ним у замочной скважины, шепнул:

— Мы проверяли: это его прадед, служил на броненосце «Потемкин», получив на обед борщ с червями, не стал возмущаться, как другие, а молча съел и сказал: «Большое спасибо». Поэтому в отличие от тех, кто поднял восстание, остался жив и положил начало роду Гудковых...

— Борщ с червями! — прошептал Президент. — Значит, этот Гудков действительно мутант... Сделайте все, как он просит!..

Сутки ушли на то, чтобы найти в Америке скрипучую железную кровать. Наконец ее купили у какого-то эмигранта за сумасшедшие деньги...

Еще сутки приглашенные из одной шестой части света маляры и сантехники делали ремонт в апартаментах.

Четыре дня отлаживали специальную компьютерную программу...

Наконец, через неделю эксперимент по выведению породы, устойчивых к СПИДу американцев возобновился.

В восемь сорок пять утра Гудков сорвал пуговицы с одетой в телогрейку американки и потащил ее в спальню на железную кровать.

От первого же скрипа сработал звуковой датчик, дал команду на ножку кровати, она подломилась точно так же, как в родной гудковской коммуналке, и он вместе с дамой сердца оказался на полу.

Датчик давления, установленный под кроватью, послал сигнал на магнитофон. Тотчас послышались записанные на пленку голоса артистов:

- Вася, давай выпьем!
- Давай! Если ты меня уважайт.
- Я тебя ноу уважайт...

Эта фраза была сигналом для двух боксеров-профессионалов, ожидавших за стенкой: они тотчас стали лупить друг друга, один швырнул другого головой в стену...

Датчик, смонтированный в стене, сработал, послал импульс в специально совмещенный санузел: тотчас зашумел унитаз, закапала вода из крана...

Другой боксер полетел головой в стену, проломил дыру и с интересом уставился на барахтавшихся в панцирной сетке, как циркачи на батуте, Гудкова и его американскую подругу...

От всего этого Гудков почувствовал привычное возбуждение...

Но в этот самый момент один из боксеров снова полетел головой в стену, матрос с «Потемкина» слетел с крючка и тяжелая рама упала на партнершу Гудкова...

Она вскочила с громким воплем, в чем была выскочила на улицу...

Президент понял, что американок, желающих вступить с Гудковым в интимные отношения, больше не найдется...

Он снова потянулся к телефону «горячей линии». На сей раз она работала...

— Да? Так вам в придачу к нашему голубю еще и голубку? — удивился на том конце провода Руководитель одной шестой части света. — Что вы за народ такой, американцы! Палец вам дашь — вы всю руку.. Ну ладно уж, пришлю.

...Вскоре гудковским семенем, можно сказать, засеяли всю Америку. Расчет оказался верным: подросло поколение, устойчивое к СПИДу.

Но вот какая странная вещь: с приходом этих ребят на заводы и фермы почему-то стала падать производительность труда, продуктов стало меньше, а воровать стали больше. Люди стали роптать — сначала тихо, потом все громче, стали искать причину происходящего, где угодно, только не в самих себе. И вот в октябре две тысячи семнадцатого вспыхнуло восстание, и броненосец с революционными матросами вошел в Гудзонов залив...

СЕКС ПО ТЕЛЕФОНУ — 1

(Монолог выпускника «калинарного» техникума)

Сейчас повар, как минер: ошибается один раз... То есть он, может быть, и второй раз бы ошибся, но у него нет такой возможности... Потому что в нашем деле, чтобы ошибиться второй раз, нужно иметь продукты, кастрюлю, соль, перец... А где это все на кладбище?..

Раньше ведь, если ошибешься, ну, напишут тебе в жалобную книгу. А теперь в ресторанах книги эти пропали, зато появились малиновые пиджаки. И они чуть что — просто стреляют. Нет, ну не то что они такие злые, они, может быть, тоже бы в книгу жалоб писали. Если бы умели писать. А так... Они просто никак по-другому свой протест выразить не могут..

И вот я, чтобы не рисковать, решил не варить больше, а только калинарные советы по телефону давать...

Ну, мне быстро телефон поставили. Я на телефонный узел всего два раза ходил. Первый раз пришел, смотрю — им там все чего-то носят. Ну, вроде гуманитарной помощи: кто деньги, кто вещи...

В общем, помогают работникам бюджетной сферы.

И я, когда второй раз пошел, тоже помочь решил — сварил борщ, принес... Они, как борщ нюхнули, говорят:

— Вот и доигрались, вот и к нам киллера прислали... Проси чего хочешь, только душу не губи...

Я говорю:

— Да мне бы только телефон поставить...

И они тут же у кого-то сняли, мне поставили... Только, говорят, это не новый номер, он раньше одной организации принадлежал... И мнутя так, и подмигивают... Я сразу подумал: «Наверное, что-то с разведкой связано». И точно, они говорят: «По этому номеру раньше «секс по телефону» был...

Тоже мне... Конспираторы... Нашли от кого скрывать. Можно подумать, я не знаю, что такое секс. Это цифра шесть на каком-то языке. Это они так, наверное, свои коды и шифровки по телефону передают. Ну там — ван по телефону, ту по телефону... секс, севен...

Только дали мне этот номер, как эти разведчики пошли звонить!

И вот что интересно, я раньше думал, что они в штатском ходят. Нет. Первый же, кто позвонил, стал расспрашивать: какая у меня грудь, талия, длинные у меня ноги или нет. Видимо, для формы мерку снимать...

Причем, форма такая, необычная. После него другой позвонил, видимо, не знал, что мне еще форму не сшили, и приказывает:

— Надень пояс!

Ну, у меня еще с армии остался такой пояс, знаете, со звездой. Надел.

А он мне:

— Теперь к нему чулки в сеточку и лифчик...

Ну, приказ есть приказ. Одолжил у соседки, надел... Ну, я вам скажу, если это летняя форма, то еще куда ни шло, но ведь зимой в такой холодно. Конечно, может, на зиму им другие лифчики выдают, на каракуле, как папахи...

Но ведь ясно, что такая форма в глаза бросается, что враги посмотрят на меня в колготках и сразу поймут, что я сотрудник ФСБ...

Я тому, кто звонил, это хотел сказать, а потом подумал: «Может, я не прав? Ведь вот я ходил до этого в поварском колпаке, но никому же не приходило в голову, что я готовить умею...»

Теперь жалею, что не сказал, может, у них всех этих последних провалов бы не было — вон их сколько в Америке разоблачили, небось все в лифчиках по ЦРУ и Пентагону ходили...

Конечно, дураки в любом деле есть. Ну вот скажите: зачем разведчику строевая подготовка? Так ведь звонят, говорят:

— Надень высокие сапоги на каблуках, походи, а мы

послушаем... Только, когда ходишь, обязательно так попкой покрути...

Я даже не стал спрашивать зачем, и так ясно: тренировка, чтоб в тебя не попали, если сзади стрелять будут. Ну, не глупость?

Если силовые структуры такими вещами занимаются, могут они с преступностью справиться?

Бандюги вон совсем обнаглели — уже по телефону грабят...

Мне тут позвонили.

— Раздевайся, — говорят, — снимай все!..

То есть они, видимо, чтоб время не тратить, сначала всех обзванивают, раздевают, а потом просто объезжают, вещи собирают...

Я часа три голый просидел — никто не приехал. Или совесть заговорила, или испугались, узнали, что я из разведки...

Хотя чего им бояться? Они по телефону грабят, а милиция их тоже, похоже, по телефону ловит. Тут один позвонил.

— Ух, — говорит, — я б на тебя сейчас наручники и хлыстом или дубинкой...

Я говорю:

— Это вы номером ошиблись, если дубинкой, это вам не ко мне, это вам в Белоруссию на демонстрацию надо...

В общем, за все время из разведки по делу только один позвонил. Видимо, связник.

Он так и сказал:

— Мечтаю с тобой в связь вступить, но никак не могу дозвониться...

— Конечно, — говорю, — все время ваши с глупостями...

Ну, этот связник тоже хорош! Помешан на конспирации!

— Ты, — говорит, — спиной повернись, это моя любимая позиция...

Ну, это чтоб лица моего не видеть, чтобы, я так понимаю, если его захватят, под пытками меня не выдать.

И еще:

— Я, — говорит, — буду звать тебя Зиной. Это мое

любимое имя...

В общем, дал мне кличку и успел сказать, что, если его жена в комнату войдет, он трубку повесит. И повесил. Видно, она как раз вошла, а он ей не доверяет, подозревает, что она на врага работает...

Я даже не успел сказать, чтобы он не волновался в связи с обрывом связи, потому что у меня телефон с определителем номера...

Звоню ему — она подходит. Я говорю:

— Мужа позовите, пожалуйста.

Она:

— А кто его спрашивает?

Ну, я ж не буду говорить, что коллега по разведке, раз он ее подозревает...

И я условным языком, чтоб она не догадалась:

— Это Зина в колготках и лифчике... Скажите, что я повернулась спиной, стою в его любимой позиции и жду звонка...

В общем, заморочил ей голову! Пусть думает, что это просто женщина звонит.

И вдруг слышу, она ему: «Получай, изменник!»

Интересный подход, да? Он работает на любимую Родину, она — на Запад, и он еще — изменник!

И тут слышу в трубке — какой-то удар! Я как кулинарный профессионал сразу определил: сковородкой, тефлоновой, фирмы «Цептер»...

Эта «цептер» действительно как в рекламе: ее попробуешь — и ничего больше не захочешь. Одного удара достаточно...

В общем была у меня одна опасная профессия — сменил на такую же...

СЛЕСА ПО ТЕЛЕФОНУ — 2

Старик (бросаясь к телефону, набирая номер). Опять этот кран! Опять в диспетчерскую! Але-але-але?

Она. Але-е-у... Все, что только пожелаешь, будет в нашем сексуальном разговоре...

Старик. Але, это ДЭЗ?

Она. Да, это Дээ, это твоя маленькая Дэзи... (В сторону.) Вот козел, наши его уже не волнуют, иностранку подавай...

Старик (с подозрением). ДЭЗ?.. Какой у вас номер? Шестой?

Она. Да, у меня шестой номер. Сегодня сбудутся все твои самые сокровенные желания...

Старик. У меня одно сокровенное желание: построить вас там сразу всех...

Она. Сразу всех?! Ах ты маленький проказник!

Старик. Да! Построить всех, снять штаны... И плеткой по голой...

Она. О, так ты садист! Тебе нравится причинять боль! Ну, я готова, какие проблемы...

Старик. Какие проблемы? У меня с моим краном проблема!

Она. С твоим краном? Расскажи, какой он у тебя?

Старик. Он у меня такой, который только в ванной стоит...

Она. Только в ванной стоит? А в спальне? Уже нет?

Старик. А зачем мне, чтоб он в спальне стоял? Ты видела, чтоб у кого-нибудь кран стоял в спальне?

Она. Ты прав. В последнее время мало у кого в спальне. ...Честно говоря, да и в ванной тоже давно не видела, чтоб у кого-нибудь кран стоял. Я про это только в книжках и кино...

Старик. В книжках. ... Ты что, новенькая? Студентка? На практике? Ты вообще кран когда-нибудь видела?

Она. Да, я новенькая! Ты у меня первый... Я никогда не видела кран! Расскажи, какой он из себя?

Старик. Да обыкновенный, так, сантиметров сорок, чтоб мог от ванны до раковины дотянуться...

Она. От ванны до раковины?! Ничего себе обыкновенный...

Старик (с подозрением). А что это ты удивляешься, если никогда не видела? Голову мне морочишь? Это точно ДЭЗ? А то я с этим чертовым краном всегда не туда попадаю...

Она. Не волнуйся, я помогу твоему крану попасть в нужное место...

Старик. Да его место на помойке давно!..

Она. Такой кран и на помойку?.. Я уверена, мы сейчас его покрутим, оживим...

Старик. Вот! Вы всегда так! Только резинки на нем поменяете, и все...

Она. Ты хочешь, ну... чтоб мы без резинки?

Старик. Я новый хочу! А этот старый! Он у меня уже три года стоит!

Она. Ничего себе старый — три года стоит! Неужели у тебя так давно никого не было?..

Старик. Да в том-то и дело! Ну сколько раз я вашим говорил: «Ну зайдите, хоть посмотреть на него!»

Она. О, ты любишь, когда на него смотрят?.. Как бы я хотела на него посмотреть...

Старик. Вот ты одна, кто заинтересовалась! А я сколько звонил по телефону — ни одна зараза от вас ко мне не пришла!..

Она. Не бойся: ну как от нас к тебе может прийти зараза?.. Тем более по телефону...

Старик. Что-то я не пойму... Или у нее что-то с головой или у меня... *(В трубку.)* Ты не больная, случайно?

Она. Да нет же, глупенький, не больная... Ой, какие вы все-таки, мужчины: сам боится, а хочет без резинки. Не бойся, иди ко мне...

Старик. Что-о?! Идти к тебе? Я из-за крана в диспетчерскую топать должен?! Ты смотри! Новенькая, а уже наглая!

Она. Груби мне, груби! О, как я люблю сильных и грубых! Говори мне грязные слова... О, как ты меня возбуждаешь...

Старик. Это ты меня возбуждаешь! У меня тут, понимаешь, кран прямо раскаленный! Дотронуться нельзя, а она...!

Она. О, он раскаленный! Я схожу с ума!

Старик. Это я схожу! Из него брызжет во все стороны! Я уже весь мокрый!..

Она. Я тоже уже вся мокрая...

Старик. Не знаю, как ты, а у меня уже ботинки промокли! Я носки снял!..

Она. О, ты уже раздеваешься. Что еще ты снял? Говори, говори...

Старик. Да что там говорить — тут делать надо! С разговорами пора кончать!

Она. Я уже... От одного твоего голоса...

Старик. Вот! Давно пора с этим заканчивать! А то небось, думаешь, на вас управы нет? Я ветеран! Участник Отечественной!.. Да у меня такой конец есть на самом верху — даже не представляешь!.. И не один!

Она. Конец? На самом верху? И не один?! Действительно, даже не представляю... *(В сторону.)* Вот урод... Как же он шапку носит? Это ж даже летом в ушанке надо ходить... *(В трубку.)* О, как бы я хотела быть сейчас рядом с тобой...

Старик. Да ты-то мне на хрена? Лучше пару мужиков пришли...

Она. Пару мужиков?

Старик. Да! Я только мужикам доверяю свой кран крутить...

Она. Я не пойму — какая у тебя ориентация?...

Старик. Никакой у меня ориентации — здесь все в пару, ничего не видно! Все стены залило — мужиков давай...

Она. Но у нас тут нет мужиков, здесь только я и Люся, моя напарница.

Старик. Ну и что мне теперь делать с обоями...

Она. А ты хочешь с обоими? Со мной и с Люсей?

Старик. Ну, если нет мужиков — хоть вы приезжайте!

Она. О, как мы хотим! Но мы не можем — это только секс по телефону...

Старик. Зекс? Какой зекс? *(Хлопает себя по лбу.)* Айн, цвай... Зекс! Немцы! В диспетчерской!.. Конечно, наши б сразу приехали кран поменять. А эти, видать,

за Курскую дугу мне мстят... Але! Фройлен! Фройлен Дэзи!

Она. Я здесь!

Старик. Вот там и оставайся! Я сейчас сам к тебе...
(*В сторону.*) Где-то у меня тут с фронта «лимонка» оставалась...

Мир, как известно, делится на пессимистов и оптимистов. Как понять, к какому виду относится тот или другой человек? Очень просто — с ним надо выпить. Это известно: если человек смотрит на бутылку и говорит, что она еще наполовину полная — оптимист, если говорит, что уже наполовину пустая — пессимист. А если вообще пить отказывается, значит, он не пессимист, не оптимист — он просто в завязке...

И вот представьте: зима, холодно, рано темнеет, в комнате — муж и жена. Он пессимист, а она такая жизнерадостная... сами понимаете кто...

Жена. Вить, ну что ты такой мрачный? Ну будь оптимистом!

Муж. А чо радоваться? На продукты цены жуткие...

Жена. Зато все есть...

Муж. Все есть кому? Тем, кто эти цены установил?

Жена. Да ты радуйся! Много есть тоже вредно! Вон Долина — видел, как мучается? И велосипед крутит, и из одной комнаты в другую ходит, и голову полотенцем завязала, чтоб хоть голова не толстела. А толку?

Муж. Еще телевизор этот сломался... А по телику сейчас эротику показывают...

Жена. Да я тебе сейчас лучше любого телика эротику покажу. Смотри, показываю... Ну и чем я от телика отличаюсь?

Муж. Тем, что тебя переключить нельзя. Я же эротику хотел смотреть, а не фильм ужасов...

Жена. Хорошо, давай просто посидим, сейчас откроем бутылочку, выпьем. Вить, мне чуть-чуть налей, только пригубить... Ну? Почему ты не радуешься?

Муж. А чо радоваться? Бутылка ...

Жена. Ну! Еще наполовину полная!

Муж. Нет, Люся, уже наполовину пустая, а сказала: «Только пригубить...» Ну и губищи у тебя!..

Жена. Вить, ну почему так мрачно! Будь оптимистом!

Думай о хорошем! Бутылка наполовину пустая — значит, скоро ее сдадим в пункт стеклотары, получим деньги...

Муж. Ага. Там очередь небось сдавать.

Жена. Опять хорошо! Постоишь на свежем воздухе, аппетит нагуляешь...

Муж. Интересно, кого ты опять нагуляешь... пока я аппетит нагуливать буду... О, господи... Черт, еще эта зима, холодрыга...

Жена. Выше голову, Вить! Каких-то три месяца — и лето, поедem на дачу..

Муж. Ага, комары будут жрать. Для тебя дача, для меня Институт переливания крови...

Жена. А ты представь: теплый южный ветерок...

Муж. А-а, то есть я еще и от жары сдохну...

Жена. Южный ветерок, я на огороде, в купальнике-бикини... Наклоняюсь над сорняком, а мимо едет сосед на «Мерседесе», со своей Зинкой...

Муж. Загляделся на тебя и — ба-бам в столб! Все в куски, два трупа, и деньги, которые мы у них занимали, отдавать не надо! А? Вообще в этом оптимизме что-то есть...

Жена. Ну зачем так жестоко? «Два трупа...» Только один, Зинкин... Или даже пусть она жива, но у нее от удара что-то с головой, и ее в больницу..

Муж. Да-да-да.... И он говорит тебе: «Люсь, я теперь один, переезжай в мой дворец!»

Жена (кокетливо). Ой, ну Вить, скажешь тоже. Ну почему ты решил, что этот миллионер мной заинтересуется...

Муж. Потому что у него от удара тоже что-то с головой... Да, летом легко оптимистом быть. А сейчас, зимой...

Жена. Вить, и в зиме можно найти что-то хорошее... Вот зима, да? А мы идем к моей маме...

Муж. Ага, к теще на блины...

Жена. Трескучий мороз, пурга, а нам весело! Потому что мы знаем, что нас ждет в конце пути! Приходим, а там такое, о чем ты даже не мечтаешь! На столе лежит...

Муж (радостно). Теща!

Жена. Почему она на столе?

Муж. Она замерзла! Лопнули трубы! Не грусти, Люсь, во всем можно найти что-то хорошее!

Жена. Что ж тут хорошего?

Муж. А то, что перед тем как замерзнуть, блины она успела испечь! Выше голову, Люсь! Будь оптимисткой!

ПИСЬМО ДЕДУШКЕ

Дорогой дедушка Бен Ладен, аллах акбар! Пишу тебе из далекой России, куда ты нас направил отомстить Путину за дружбу с Бушем.

Устроились мы хорошо. Купили себе кепки-аэродромы и жили под легендой кавказских торговцев фруктами. Связь держали с посольством Южного Йемена.

Сначала мы хотели втроем угнать самолет, но здесь такие цены на билеты, что мы просто не потянули! Сбросились, еле-еле хватило на билет одному. Но он так и не добрался до самолета. Рейс отложили, его загнули в накопитель, где он и умер от голода и удушья...

Ты, конечно, спросишь, куда мы дели твои миллионы. Все деньги ушли на милицию. Нас каждый день останавливали и говорили: «Плати бабки, чурка кавказская...»

Мы трижды закладывали взрывчатку под автомобили. Но здесь такая преступность! Трижды их угоняли вместе с заложенной взрывчаткой! А потом еще продавали — отдельно машины, отдельно мины.

Мы стали действовать по-другому. Шесть самоубийц-взрывников погибли напрасно. Шесть арабских богатырей, поставив таймеры на 9 утра, поджидали шестерых русских начальников у их кабинетов. Ни одна падла вовремя на работу не пришла...

Тогда мы перешли к биологической войне. Мы взяли бациллы брюшного тифа, чумы и холеры, посыпали ими фрукты и продали в столовую. Мы знали, что тут их мыть не будут. Что здесь, в России, моют только деньги. Но мы снова просчитались. Кто знал, что эти грозные бактерии погибнут в неравной схватке с неуязвимыми русскими тараканами?

Тогда, как ты нам советовал, мы заготовили четыре письма с сибирской язвой.

В первый же вечер трое из нас взяли три письма со смертоносным порошком, написали: «Кремль. Президенту лично в руки» — и отправились на почту. Он был обречен. Ты же знаешь, Бен, сибирская язва погибает, только если конверт прогладить горячим утюгом, а русские почтальоны, как только им раздали утюги «Мулинекс», сразу их унесли домой...

Я положил свой конверт за пазуху и уже закрывал свою фруктовую лавочку, чтоб пойти на почту и совершить свой подвиг во имя Аллаха, но тут подошел какой-то неверный в кожаной куртке, посмотрел на яблоки и спросил, какая у нас крыша.

Я сказал: «Южный Йемен». Но парень сказал, что это не крыша, а говно, что он вообще не знает такой группировки — южнoйеменской... Из Южного Бутова ребят знает, а из Южного Йемена нет. И стал жечь мне живот раскаленным утюгом и приговаривать: «Солнцевским надо платить, солнцевским...»

Я выжил, но бактерии, конечно, сдохли...

Наш второй человек благополучно доставил свой конверт на почту, но Чубайс как раз выключил свет на почтамте за неуплату, и письмо пришло к нам обратно с пометкой: «Не можем прочесть адрес». Наш человек, взявший письмо у почтальона, погиб на месте...

Тогда мы, просто чтоб вызвать панику, послали третье письмо по первому попавшемуся адресу, выбрав дом рядом с почтой, но язва, как известно, живет в конверте тринадцать дней, а письма к простым россиянам тут идут год...

Дорогой Бен, ты, конечно, спросишь, где четвертое письмо? Оно у тебя в руках, идиот! Это тебе за то, кретин, что ты послал нас в эту дикую непобедимую страну!

Посылаю тебе свою фотографию, чтоб ты знал, как выглядит твоя страшная смерть. Посмотри на это фото. То, что у меня на голове — не тюрбан и не чалма. Это полотенце, потому что у меня башка болит от этой России!

А может, ты и не умрешь в страшных муках, может, к моменту, когда ты получишь это письмо, уже не будет

в живых ни тебя, ни меня — мы просто умрем от старости.

И на всей планете останутся в живых только русские почтальоны, которые никуда не спешат.

Прости. Извини, что сорвался — нервы... Только забери ты меня отсюда, милый дедушка Бен Ладенович.

ЧУВСТВО МЕРЫ

Говорят, в Питере, на здании бывшего горкома записка: «Комитет закрыт. Все ушли... в Москву».

Я вам хочу сказать, все-таки должно быть ну хоть какое-то чувство меры! Ну элементарное! Ну так же нельзя!

Нет, ну один чиновник перевелся в столицу, ну два, ну десять. Но сейчас же в Петербурге книжка Радищева на каждом столе как учебное пособие. Из начальников остался только Медный всадник! То ли никак не отцепится от постамента, то ли караулит его, чтобы с цветными металлами в Эстонию не толкнули...

Ни в чем меры... Ну хорошо, по закону бывший осужденный может избираться и быть избранным... И вот в Думе чего-то там голосуют: «Кто «за» — поднимите руки...» Половина зала по привычке — обе руки кверху, лицом к стене, мордой на пол... А другая половина с криком: «Братва, атас — мусора!» — отстреливаться и в окно...

Во всем крайность! Как мы умеем из одного в другое шарахаться! Раньше в ресторан зайдешь — официанта не дозовешься. Теперь наоборот — стоит, не уходит. Каждую секунду пепельницы меняет. Мы с приятелем сидели. Он прикурил, затянулся, положил, на секунду отвернулся — пепельница пустая. Думает: я курил или только хотел? Достает новую, курнул — пусто... За три минуты пачки нет, жуткая головная боль, и по «Скорой» в психушку с подозрением на резкую потерю памяти...

Ну надо ж все-таки какие-то пределы! В Москве японских ресторанов уже больше, чем в Японии... японцев.

И теперь даже в бывшей общепитовской столовой номер три — ресторан «Фудзияма»... Что это такое — Фудзияма, никто не знает, но на всякий случай яму перед входом вырыли. Если кто-то, не расплатившись, из ресторана выскочил — далеко не уйдет..

И все так стилизовано под Японию. Официантки в кимоно, ты перед входом за дверью обувь оставляешь...

Но надо ж понимать, что у нас другой менталитет! Обувь перед входом... Через минуту остались только сильно ношенные... Половина людей босиком домой ушла...

Значит, как сходил — считай, новые ботинки нужны. А там и так страшно дорого получается. Потому что сам ешь и еще гейшу кормишь... Какую? А их на- сильно к тебе приводят! Для антуража...

Ой, а страшные, господа! Маленькие, ноги кривые, на голове какой-то вшивый домик...

Метрдотель говорит: в гейше красота не главное. Она должна улаживать слух мужчины интересной беседой и пением.

Ну как вы думаете, можно нормально есть, когда она рядом с тобой все время на какой-то лютне блякает, воет и веером машет? В твой черепаховый суп за 30 долларов этим веером мух нагоняет?..

Его и так-то есть противно, этот черепаховый суп. Такое ощущение, что его варили из оправы для очков...

Зато антураж, гейши с разговорами. За соседним столиком новый русский сидел. Ему тоже гейшу всучили. Тоже страшной войны. И вот он только кусок себе в рот, она: «Кстати, как вам Азazel?» Он: «Не знаю, еще не распробовал...»

И чтобы эту уродину не видеть и не слышать, себе и гейше два стакана sake наливает. Это вроде водки, только теплая. А время — июль... Он еще как-то держится, к официанту повернулся, разговаривает. Тот ему предлагает экзотическое блюдо — мозг живой обезьяны. А гейша от стакана поплыла, головой в тарелку. Парень к ней поворачивается, смотрит: «Вот это обслуживание! Не успел заказать — обезьяна уже тут!..»

Ну потому что sake надо же крохотными чашечками, кто ж стаканами? Только мы, мы ж ни в чем меры...

И это при том, что докторов за сутки вылечивающих от запоев у нас уже больше, чем алкашей. Я подсчитал: с учетом населения страны, включая грудных детей, им работы на месяц осталось. Больше людских резервов нет. А дальше всем этим докторам Май-

оровым и Бутенко или закрываться, или самим на-
чать пить и лечить друг друга...

Ну ни в чем не можем остановиться! Где-нибудь еще
столько рекламы показывают? За один фильм — во-
семь раз. И не всегда понимаешь, где кончается одно и
начинается другое...

Два года назад, сынок еще маленький был, смотрел
«Чапаева». Там Анка из пулемета строчит, и вдруг — негр
с кетчупом. И голос: «Анкл Бенс». Сынок как заплачет!
Я говорю: «Сынок, ты чего?» А он: «Анка! Бенц негру
сделала! Из пулемета убила!» Я: «Да ты что, ты не так
понял...» И тут на экране очень похожая на Анку по-
является, губы красные, в кетчупе, облизывается...
Сынок опять в рев: «Убила и съела-а!»

И потом, ну какая-то логика в этой рекламе должна
быть? Ну если вы каждую минуту показываете рекла-
му «виагры» и «золотого конька», как будто у нас стра-
на импотентов, что вы тогда рекламируете заодно пре-
зервативы? Кому тогда их тут носить и на чем? Только
на голове от дождя...

Ладно, у меня все. Я мог бы еще много чего, но надо
же иметь чувство меры...

КОГДА СПОКОЙНЫ ПАВИАНЫ

Раньше, при большевиках, когда Дубов был директором совхоза, на работе у него все было плохо: горел план, вместе с планом горел и Дубов... Но жизнь — весы: зато дома все было в порядке. В том смысле, что всегда можно было вечером надеть лучший костюм, надуться...

— Ты куда? — спрашивала жена.

— В свинарник, куда же еще! — отвечал благоухающий Дубов и пропадал до зари...

Алиби было стопроцентным: о совхозном свинарнике ехидно писали газеты, и, конечно, жена понимала — свиньи требуют директорского глаза днем и ночью...

Неизвестно, конечно, как бы все обернулось, если бы Дубов действительно ходил по ночам в свинарник, а не к Верочке... Может, свинское дело под его руководством достигло бы невиданных высот... Но что теперь гадать? В свинарнике Дубов не бывал, свиньи дохли, в живых оставался один-единственный поросенок Хрюша, да и тот не совсем в свинарнике, а в пристройке, в телевизоре у сторожа... И Дубова перевели на работу в зоопарк. Тоже, конечно, директором — номенклатура все-таки...

Теперь на работе у Дубова все было хорошо, весело, но жизнь — весы: дома стало не очень, потому что в зоопарке не было свинарника, не было ночных авралов, и, под каким предлогом пойти к Верочке, было непонятно...

И Дубов сидел вечерами дома, общался с родственниками жены или читал специальную литературу для повышения своего зоологического кругозора.

Между тем наступила весна, в зоопарке призывно закричали гамадрилы, кокетливо завертели хвостами крокодилихи, закружились в брачном танце журавли. Самые захудалые птицы, и те вили гнезда.

Только Дубов ничего такого не ви́л, ни с кем не

танцевал, а его призывные крики к Верочке умирали, так и не родившись. Иногда ему казалось, что это он, Дубов, сидит в клетке, а все эти макаки и зебры резвятся на свободе...

В один из таких весенних вечеров Дубов читал интересную специальную книгу из жизни обезьян. «Для павианов, — читал он, — характерна полигамия, многобрачие. Даже в неволе павиан окружает себя несколькими самками...»

Дубов отложил книгу. «Да, — подумал он, — мы прошли большой путь от обезьяны, но кое-что на этом пути подрастеряли...»

Пришли гости. Дальняя родственница жены Клавдия Васильевна, отпетая вегетарианка, принялась подробно рассказывать Дубову про необыкновенные котлеты, которые она научилась готовить из листьев крыжовника.

— Вы себе не представляете, — кричала Клавдия Васильевна, — как этот крыжовник гонит соль из организма!..

Но Дубов совсем не собирался гнать соль, она ему ничего плохого не сделала. Гораздо охотнее он погнал бы саму Клавдию Васильевну.. Он почему-то вспомнил другие котлеты, которые готовила Верочка, и ему стало совсем невмоготу. Жалкая надежда на чудо забрезжила в его воспаленном мозгу, и он набрал номер зоопарка.

...В зоопарке укладывались спать медведи, тигры, львы, укладывался спать дежурный зоотехник Савушкин. Он взбил подушку, натянул одеяло и закрыл глаза.

Холостому Савушкину приснилась девушка. Она шла к нему навстречу в каком-то совершенно прозрачном платье. Все ближе, ближе — пять метров, три, два...

Дзи-ины! Дзи-ины!..

— М-мм! — застонал Савушкин и схватил трубку.

— Ну что, Савушкин, значит, говоришь, с павианами плохо? Надо приехать? — с намеком кричал в трубку Дубов.

— Какие павианы? С чего вы взяли? — пробормотал не способный со сна к телепатии Савушкин. —

У павианов все спокойно...

— Вот как? Беснуются, значит? — проклиная ту-
пость Савушкина, продолжал Дубов. — Сейчас при-
еду!..

— У павианов все хорошо! — заорал в трубку Савуш-
кин, решив, что Дубов его не слышит. — Хо-ро-шо!..

Дубов положил трубку, посмотрел на жену,
прислушивающуюся к разговору, и включился в инте-
ресную беседу о бифштексах из алоэ.

...На другом конце города Савушкин закрыл глаза.
Девушка появилась снова. Теперь она уже не шла, а
мчалась навстречу Савушкину в карете, запряженной
тройкой рысаков, мчалась, словно боясь, что их снова
разлучат, и кучер нахлестывал коней, и звенел коло-
кольчик под дугой у сыпавшего ключьями пены корен-
ника: «Дзинь-дзинь-дзины!»

Дзинь-дзинь-дзины!..

Савушкин снял трубку и сжал ее, как сжимают гор-
ло врага.

— Это хорошо, что у павианов все спокойно, — услы-
шал он молящий голос Дубова, — но меня больше беге-
мот волнует. Как он там? Это самое... не отелился?

Савушкин не понимал, почему должен был отелить-
ся самец-бегемот, к тому же тридцати двух лет от роду.
Но начальство есть начальство. И, в душе матеря Дубо-
ва, Савушкин ответил ровным голосом:

— Нет, не отелился. Вы не волнуйтесь, если что — я
позвоню...

Он закрыл глаза и тотчас увидел девушку. Она была
совсем рядом, он уже чувствовал горячее дыхание
ее губ. Вдруг девушка нажала на кончик его носа и,
смеясь, сказала: «Дзи-и-нь!»

Упрямо не открывая глаза, Савушкин нашарил
трубку:

— Что с тобой, милая?

— Это ты мне, Савушкин? — спросила девушка го-
лосом Дубова. — Спишь, что ли, дежурный?

— Как можно, что вы!..

— Слушай, — тоскливо спросил Дубов. — А как там
эти... коалы? Я вот сейчас в литературе прочел, что
они жутко капризные. Может, мне приехать, а?

— Да вы что? Нет у нас никаких коал и сроду не было! Не приживаются они...

— Это почему же? — Голос Дубова посуровел.

— Жители Австралии. Им наши условия не нравятся...

— Ах, условия им не нравятся! — В эту минуту Дубов просто ненавидел тупицу Савушкина, свою подозрительную жену, но больше всех он сейчас ненавидел этих выпендривающихся коал. — А я тебе говорю, Савушкин, что живут в нашем зоопарке коалы! Понял? Жи-вут! И им у нас очень нравится! Просто они про это не говорят, потому что очень стеснительные...

— Так точно, — устало сказал Савушкин. — Коалы у нас живут...

— Вот, — обрадовался Дубов. — И мне сейчас придется приехать, потому что я очень опасаюсь за их будущих птенцов. Сможет ли коала-мать сколько надо усидеть на яйцах?..

— Во-первых, яйцами они не размножаются, — неожиданно для самого себя мрачно сказал Савушкин, — они живородящие, я против науки не пойду... А во-вторых, не будут они в неволе детенышей заводить, даже если вы меня уволите!..

Дубов устало положил трубку. Похоже, никуда ему сегодня не выбраться.

...Во сне у Савушкина тоже все складывалось не совсем удачно. Девушка появилась снова, но теперь она никуда не бежала, а, обиженно отвернувшись, одевалась. Савушкин просил прощения, вставал на колени, обещал выброситься из окна или войти в клетку к тигру.

Наконец она повернулась к Савушкину...

Дзи-инь! Дзи-инь!..

— Да! — рванул трубку Савушкин. — У коалы родился мальчик! Три пятьсот! Вы папа? Поздравляю...

— Шутишь? Нет, ты мне скажи, Савушкин, — задумчиво произнес Дубов. — Вот коалы эти... Почему же они не размножаются в этой самой неволе? Кто им мешает? По параллельной трубке их никто не подслушивает, договаривайся с кем хочешь, приводи к себе в клетку и... Почему, Савушкин?

— Потому что им все время звонят! — закричал Са-

вушкин, перегрызая провод.

Шатаясь, он побрел по ночному зоопарку, нашел свободную клетку, вывел на табличке: «Коала — сумчатый медведь» — и забрался внутрь. Обнюхав все углы, Савушкин наконец нашел местечко, лег, свернулся калачиком и, поскуливая, заснул.

...Ему снилась несущаяся навстречу самка коалы...

Еще не вставало солнце над прериями, еще посыпали жеребцы в корале, еще не седлал старший ковбой свою любимицу кобылу Долли, когда за тысячи миль от Дикого Запада, в Гбрпроекте, пронесся с быстротой летящего лассо слух о смене начальства...

Степан Гудков стоял, чуть побледневший, широко расставив ноги в потертых джинсах, и курил. Он не замечал устремленных на него взглядов. Как всегда, когда предстояло крутое дельце, он весь уходил в себя, вспоминая прошлое...

А ему было что вспомнить. О его умении укрощать начальство ходили легенды. Их было восемь на памяти Гудкова, восемь директоров, восемь необъезженных «темных лошадок». И каждый новый, едва войдя в директорское стойло, еще не подходя к кормушке, первым делом норовил сбросить Гудкова с должности, затоптать своими копытами...

Что происходило там, за дверьми директорских кабинетов, в точности известно не было, поговаривали, что это было похоже на какое-то родео... Твердо известно было только одно: директора, словно замороженные Гудковым, быстро теряли свой дикий нрав, мирно пощипывали зеленых сослуживцев Гудкова, тех, что помоложе... А он, не выпустивший за десять лет работы ни одного проекта, так и оставался в своем старом добром седле инженера-проектанта.

Мистика? Колдовство? О нет! Человек в джинсах не верил ни в черта, ни в амулеты! Только расчет! Первый начальник Гудкова сбросил трех отчаянных молодцов с обветренными от бесконечных прогулов лицами. Гудков удержался: стал болеть за любимое начальником «Динамо». Со вторым он болел за «Спартак», а когда этот второй покинул высшую лигу номенклатуры, стал болеть с третьим...

Гудков умел многое такое, что не снилось даже огрубевшим в прериях ковбоям. Кто из них, способных по ржанию пегой кобылы определить, насколько разбавлено пиво в таверне «Лошадиный зуб», мог, так же, как Гудков, вдруг, с ровного места, превратиться в страстного филателиста или любителя бега трусцой, в зависимости от вкусов начальства?

Кто из ковбоев мог так, как Гудков, примчать директору ящик пива жарким днем, ловить с ним холодной зимой рыбу или осенью женихов для перезрелой директорской дочки?

Кто еще был таким же метким и мог, прицелься иголкой в игольное ушко, вышивать крестом вместе с женой директора?

Кто еще был таким же сильным и мог закатывать по сто банок в день вместе с директорской тещей?

Но схватка, что предстояла ему сейчас, была ни на что не похожа. У новенького, кажется, не было решительно никаких побочных интересов! Даже место молоденькой грудастой секретарши заняла старушка, работавшая еще с Лениным! Было больно смотреть, как она поднимала телефонную трубку двумя сухонькими дрожащими ручками.

Вот почему был бледен сейчас Степан Гудков. Вот почему, когда настал час родео, десятки злорадных сослуживцев устремились к замочной скважине в двери директорского кабинета. И топот их ног напоминал гон дикого табуна...

...Директор посмотрел на Гудкова бешеным взглядом мустанга, потянул ноздрями воздух и поднялся из кресла на ноги. Мышцы Степана напряглись.

— Где проект? — спросил мустанг, нетерпеливо перебирая бумаги.

Осторожно, следя за каждым движением противника, стараясь не вспугнуть, Гудков, словно дуло винчестера, протянул вперед рулон.

Мустанг дернул шеей:

— И это жилой дом? Ни окон, ни дверей! Не дом, а огурец!

Гудков напружинился, готовый отпрыгнуть в любую секунду:

— Ваши ассоциации мне понятны. Вы, видимо, тоже консервированием огурчиков увлек...

Мустанг взвился на дыбы:

— Еще раз спрашиваю: где окна?!

Вот она, смертельная секунда! Ошибись — и затопчет! Затопчет! Уже чувствуя разгоряченное дыхание мустанга у себя над ухом, Гудков произнес:

— Ну, забыл... Такое горе ведь — «Спартачок»-то наш...

И снова ошибка! Мустанг пошел кругами вокруг стола, выплясывая какой-то дьявольский танец смерти:

— Прекратите делать из меня папуаса! Я в последний раз...

Но Гудков не дрогнул. Восемь лет езды на директорских шеях — о, это что-нибудь да значит!

— Вы о каком папуасе? С марки Новой Гвинеи? С бубном в зубах? Я ведь, знаете, тоже увлекаюсь филат...

На губах мустанга появилась бешеная пена:

— Довольно! Вот ручка, бумага, пишите заявление!

Прыжок — и Гудков почувствовал себя на коне:

— Понял! Будем играть в слова? Пишу: «за-яв-ле-ни-е». Посмотрим, кто больше составит... Так, «вал», «зал»...

Грудь мустанга заходила часто-часто... Он иноходью побежал вокруг стола, а человек не давал ему опомниться, он словно слился с иноходцем, шел за ним след в след модной трусцой...

— Так, хорошо, следим за дыханием...

Обессиленный мустанг рухнул в кресло, удары стреноженного сердца гулко отдавались в тишине...

— Сердечко-то болит? — участливо поинтересовался Гудков.

Мустанг устало кивнул седеющей гривой.

«Значит, проходит вариант «Здоровье», — подумал Гудков.

— Да-а, у меня ведь тоже... У вас под левую лопатку отдает?

Мустанг снова кивнул.

— И у меня отдает...

Мустанг совершенно человеческим взглядом с интересом посмотрел на Гудкова:

— А вы что принимаете?

— А вы?

— Я...

— Да что вы! А я...

Спустя час качающейся походкой ковбоя Гудков вышел из кабинета. Он был без хлыста, крупные капли пота блестели на лбу. Десятки пар глаз смотрели на него...

Гудков с отвращением выплюнул таблетку валидола.

— Ну как? Как он? — обступили его сослуживцы.

Гудков показал большой палец.

— Вот такой жеребец! Будем дружить! — коротко бросил Гудков и пошел к своему коралю на третьем этаже Горпроекта...

ОХОТА НА ЛИС»

«Охота на лис, охота на лис»... Ну, кто знал, что это радиоигра?

Иду — смотрю объявление: «Записывайтесь в секцию охоты на лис...» А у меня как раз мехового ничего нет... «Дай, — думаю, — запишусь!»

В указанном месте сидел маленький длинноносый человек и всех записывал. Подхожу, говорю:

— Записывайте! Семенов Николай Петрович, сорок восьмой, второй рост, голова пятьдесят шестая...

Этот, который пишет, посмотрел на меня:

— А при чем тут ваша голова?

— Так мерзнет же!

— А я при чем, что она у вас мерзнет, я что, дую на нее?

Я говорю:

— Ну, ладно, темнить-то не надо — шапчонку лисью сделаешь?..

Он смеется:

— Вы не так поняли! «Охота на лис» — это такая игра...

Я говорю:

— Это для вас игра! Для меня шапка — дело серьезное... Так, без шапки, и менингит на голову получить можно...

— По-моему, вы его уже получили, — говорит. — Последний раз объясняю: в лесу — человек с передатчиком, это и есть «лиса»! Ясно?

— Ясно, кличка «Лиса», сидел, значит...

Длинноносый даже отвечать не стал, только вздохнул и опять забубнил:

— В лесу — «лиса» с передатчиком, а вы со своим приемником идете в лес...

— Ага, — говорю, — со своим приемником! Будто бы я его в ремонт несу... Все ясно! А то действительно, скажу, что за шапкой иду, столько народу увяжется, я представляю!.. А так, мол, просто пошел в лес, починить

приемник... Скажите, уважаемый, значит, мне нужно этого типа найти и сказать, что я от вас пришел?

— Зачем?!

— Ну что же он — так, первому встречному, шапку и даст?..

Носатый стал весь красный, схватил себя за нос, покрутил... Видимо, он так приходил в себя. Потом сказал сквозь зубы:

— Ну.. Ну вы экземпляр! Двести человек записалось, но такого — первый раз вижу!..

А я про себя думаю: «Двести человек! Не за просто ж так они по лесу бегут, этого придурка с передатчиком ищут! Да вообще — что его искать? Жрать захочет — сам домой прибежит... Не-ет, видно, тут, кроме шапки, еще какой-то приз — может, полушубок, может, сапоги...»

В общем, я понял, что стою на верном пути, не зря сюда пришел...

На следующее утро выдали мне наушники, антенну, потом этот носатый подходит:

— Как в наушниках услышите «пи-пи-пи» — значит, засекли «лису», бегите в том направлении... Ясно?

— Ясно...

— Тогда снимайте брюки — и вперед...

Мне так обидно стало:

— Брюки? Это что, в залог? За наушники?.. Не доверяете?

— Какой залог? Просто у нас форма такая — все бегут в трусах! И вы бегите! Уже старт дали!..

Ну, бегу... Народ у нас еще дикий, конечно... Собрались, смотрят... Один показывает на меня, говорит:

— Да это, кажись, из Красновки, алкаш... Видишь — штаны пропил, телевизор, теперь антенну из дома понес!..

Вбегаю в какую-то деревеньку, орут:

— Почта приехала! Почта приехала! «Комсомолку» давай! Давай «Гудок»!..

Ну, я и дал:

— У-у-у!..

— Ты чего? Чего гудишь? Всех кур разбудил!..

— А что вы меня обзываете? То гудком, то почтой какой-то... А я вам не почта! Я — радио!.. Я сверху сиг-

налы принимаю...

Какая-то бабка спрашивает:

— С самого верху? Ой, сынок, прими сигнал, узнай там наверху: продукты дорожать будут?

— А машины?

— А как с облигациями будет?

В общем, достали меня, я уж хотел от них назад в лес поворачивать. И вдруг слышу в наушниках:

Пи-пи-пи...

Засек! Причем где-то рядом!

Поворачиваю налево:

Пи-пи-пи...

Бегу, в наушниках еще громче:

Пи-пи-пи...

Подбегаю к какому-то дому, в ушах прямо как будто громкоговоритель:

Пи-пи-пи!..

Вбегаю в дом — мамаша годовалого сынка на горшок сажает:

— Пи-пи-пи! Ну, ты писать будешь или издеваться надо мной?..

Стою посреди комнаты, в трусах, ничего не понимаю...

Тут какой-то мужик здоровый заходит, с вилами, и тоже в трусах. Покосился на меня и сразу к женщине:

— Ну, милая, вот я тебя и засек!..

Я говорю:

— Что значит — «засек»? Простите, но я первый прибежал! Так что, мой дорогой, за мной будете...

Мужик заревел, как разъяренный бык:

— Что-что? Да я — муж!..

Я говорю:

— В спорте все равны! Так что — за мной вставайте...

Мужик так и сел, вместе с вилами.

— Поздравляю, — говорит, — Аня... К тебе уже в очередь записываются...

— Да, — говорю, — нас двести человек записалось.

Ну, тут такое началось — неудобно было насчет лисьей шапки спросить — им не до этого было...

Женская
логика

ПРЕДИСЛОВИЕ № 2

Ну, чтобы после чтения первой главы женщины особо не радовались, теперь, для восстановления справедливости, поговорим о них.

Собственно, мы мало что о них знаем, повадки их изучены плохо. Одно ясно: это совершенно особые существа...

Это не юмор, действительно, ученые пришли к выводу, что у женщин совершенно по-особому устроены глаза. Поле зрения женщины гораздо шире, чем у мужчин, она видит примерно на 45 градусов во всех направлениях. И вот представьте: идут по улице муж с женой, а мимо них навстречу — интересная дама. Жене с ее сорока пятью градусами обзора достаточно бросить на даму беглый взгляд, и она уже знает, в чем та одета, как подкрасила глаза, какие сапоги... А бедный муж весь извертится, изоглядывается, будет вертеть головой во все стороны, чтобы разглядеть фигуру, ноги... За что, конечно, тотчас схлопочет от своей спутницы...

По утверждению тех же ученых, у женщин гораздо тоньше слух. Поэтому, кстати, они часто слышат то, что им слышать совсем не обязательно...

О женском языке и говорить нечего... Серьезные исследования показали, что мужчина произносит в день около 4000 слов. А женщина, если не выговорится, не протараторит за день 12 000 слов, просто плохо себя чувствует...

Ну и, конечно, мозг. О загадочной женской логике слагают легенды. Позвольте и мне внести свою скромную лепту в эту тему.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛУ

Совершенно секретно! Товарищ генерал государственной безопасности! Мой муж, Куликов Федор, явился домой после недельного отсутствия и с какой-то женщиной...

На мой вопрос: «Где ты был, ирод проклятый?» — он сказал: «Газеты читать надо! Я был в космосе!»

Я взяла газету, но там было написано про одного только космонавта Кукушкина. Я спросила мужа: «Где ж тут твоя фамилия?» Он сказал: «Не пришло еще время ее назвать: не все еще спокойно в мире, Маша...» Сказал, что надо уметь читать между строк. Между строк было написано, что в космосе также побывали некоторые микроорганизмы... Муж сказал, что это он и есть...

Я не поверила и сказала: «Бугай здоровый! У тебя только зарплата, как у микроорганизма!..» И еще поинтересовалась: «А это что за красавица с тобой?» Он сказал: «Это не красавица, это и есть космонавт Кукушкин, вот что с ним проклятая перегрузка сделала. Он теперь не знает, как домой, к жене, идти... Можно, он у нас заночует?»

Ну, тут я швабру взяла, говорю: «Последний раз спрашиваю — где ты был?» Он сначала: «Пытай, пытай Мюллер...», а потом признался, что он не космонавт, что он теперь на секретной работе у вас, товарищ генерал государственной безопасности, что он, мол, «боец невидимого фронта»...

Оказалось, что женщина, которую он привел, — это не женщина, а радистка Кэт... Муж сказал, чтобы им постелили рядом, так как она знает шифр и с нее нельзя спускать глаз...

Мне другое непонятно, товарищ генерал. Мой муж, Куликов Федор, вскоре опять исчез на неделю, потом откуда-то позвонил, сказал, что заброшен со спецзаданием в одну из западных стран, и просил выслать тридцать долларов, так как у него кончились патроны...

Причем деньги выслать на наш почтамт, до востребования, мол, чекисты ему передадут...

Конечно, тридцать долларов само по себе немного и я бы вам не писала, если бы это было в первый раз. Но я уже посылала ему: десять долларов на марки, чтобы он писал донесения в Центр, пятерку, чтоб сделал ключи от сейфов ЦРУ, и три доллара на подкуп ихнего Президента!..

А вчера вечером мой муж, Куликов Федор, подсел к радиотрансляционной точке и сказал, что сейчас специально для него передадут важное сообщение... Радио сказало: «Московское время двадцать часов...» Муж сказал: «Слушаюсь!..» — и исчез до утра.

Товарищ генерал, да фиг с ним, с мужем, но если вы для связи с ним используете нашу радиоточку, давайте за нее пополам платить!

Остаюсь искренне ваша, Мария Куликова, жена бойца невидимого фронта...

ДЕНЬ ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ

Она поняла, что ей не поспеть... Ветер бил прямо в лицо, тяжелые сумки с продуктами оттягивали руки, а до троллейбуса было еще метров восемь, не меньше...

Маша представила, как в этот момент следит за каждым ее шагом водитель: припав, как к прицелу, к своему зеркальцу, держа ногу на гашетке, готовый захлопнуть двери прямо перед носом, насладиться молящим взглядом и рвануть с места, победно урча мотором...

Но Маша тоже не вчера родилась на свет. Стараясь не смотреть в соблазнительно распахнутые двери троллейбуса и сдерживая шаг, она всем своим видом показала, что вовсе не спешит и ехать никуда не собирается, а просто прогуливается с двумя тяжеленными сумками...

Двери оставались открытыми.

Уже поравнявшись с ними, Маша не сделала последнего возможного просчета, не повернулась к дверям лицом, а, никак не раскрывая своих намерений, как шла, так, боком, и вскочила на подножку!..

Только удобно устроившись на сиденье, она позволила себе с мстительной улыбкой взглянуть в водительское зеркальце, ожидая увидеть растерянное лицо побежденного.

В зеркале отражались грустные глаза молодого человека.

«Что, съел? — мысленно сказала ему Маша. — Не грусти! Ишь, расстроился, что дверью не прищемил...»

Троллейбус лязгнул дверьми, как голодный волк пастью, и затрусил к следующей остановке.

Двери открылись, и двое за Машиной спиной заспорили: с какой скоростью должен был бы бежать едва видневшийся на горизонте дедушка, чтобы успеть коснуться уходящего троллейбуса.

И тут произошло настоящее чудо: двери оставались

открытыми до тех пор, пока растерянный старичок, нервно крестясь на репродуктор, не вошел в салон.

Двое за Машиной спиной решили, что водитель просто пьян. Здоровенный парень, повернувшись с сиденья «для детей и инвалидов», предположил, что дед — водительский знакомый, родственник или сосед. Кто-то заспорил, утверждая, что их троллейбус, наверное, снимают скрытой камерой для выпуска новостей, а водила про это узнал...

Тут человек за рулем сделал что-то такое, отчего стоячие пассажиры посыпались горохом к двери его кабины.

«Надо же, доброты своей стесняется, грубость напускает», — тепло подумала Маша и снова, теперь уже с интересом, посмотрела в зеркало водителя. Его глаза были по-прежнему грустны. Со своего места Маша видела руки водителя и почему-то решила, что руками он похож на Алена Делона...

Она давно уже пропустила свою остановку и сидела, прислушиваясь к ударам своего сердца, в которое, шурша троллейбусными шинами, вкатывала любовь...

На очередной остановке двери снова помедлили, впуская запыхавшуюся блондинку. «Красивая», — недобро подумала Маша. Так вместе с любовью пришла к ней и ревность.

Но водитель, к Машиной радости, похоже, никак не реагировал на блондинку. Глаза его были по-прежнему грустны.

— Имеются абонементные книжечки, — сказал он в микрофон.

«По-моему, он со мной заигрывает», — подумала Маша.

В этот момент блондинка, протягивая деньги, рванула к кабине:

— Мне, пожалуйста, три...

— А мне четыре, — с вызовом сказала Маша и тоже протянула деньги водителю. На секунду их руки встретились.

— У меня для вас только две книжечки осталось, — виновато сказал Маше водитель, — но если вам очень надо, мы можем встретиться вечером, я еще две принесу...

— Соглашайтесь, девушка, — криво усмехнулась блондинка, — это ведь такой дефицит...

Видимо, поняв, что ей тут ничего не светит, блондинка сошла на следующей остановке.

А Маша поехала до конечной, и троллейбус, послушный водителю с грустными глазами, еще долго кружил по улицам и двери его не спешили захлопнуться перед запыхавшимися людьми.

...Они встретились вечером и долго ходили, и даже целовались два раза, но глаза его были по-прежнему грустны.

— Почему ты такой грустный? — наконец спросила Маша.

— Да на работе не ладится, — ответил он. — Что-то двери барахлить стали, плохо закрываются...

ДЕЛОВАЯ ЖЕНЩИНА

(Моносцена)

(В трубку.) Да, я Синицына, але? Два самолета на Кубу за сигарами, два — в Бердичев за свеклой...

(Кладет трубку, смотрит на вошедшего.) Так, а вы с чем? Вижу, что с цветами. Цветами мы не торгуем... Что у вас еще? Предложение? Мне? Ну делайте, делайте свое предложение. Ну быстро, быстро — что вы мне предлагаете? Сердце? Сердце чье? Франция, Голландия, Бельгия? Ах, свое, то есть вы без посредников, прямая поставка, это меня интересует... Сердце какое — говяжье, куриное, сколько тонн? Одно? Нет, мы мелкие партии не берем...

(В трубку.) Але, Синицына! Да, гайки пришли, но без болтов. Не знаю, ищите... (Кладет трубку.)

(К стоящему перед ней.) Вы еще здесь? Еще что-нибудь? Колбасу, печенку, окорочка — что еще к сердцу можете предложить? Руку? Какую руку? Протез? Или механическая, для атомных станций? Япония, Англия, чья рука? Своя? Не-ет, отечественную, я сомневаюсь... Почему... А то вы не знаете, как наши делают... Такой рукой захочешь у себя что-нибудь почесать, а она там так и застрянет. Да и придется в таком виде по улице идти.... Ну, хорошо, и сколько штук? Тоже одна?.. А где вторая рука? Почему некомплект? Секунду, я должна посоветоваться с нашим коммерческим...

(Набирает номер, потом в трубку, тихо.) Василий Мартыныч, тут один тип руку и сердце предлагает. Но что подозрительно — у него все в одном экземпляре. Да. Либо опытные образцы, либо украл где-то. А может... Вы думаете? Убил, а теперь органами торгует?.. Да не похож, так-то он симпатичный. Да, я тоже так думаю, на всякий случай...

(Кладет трубку и к стоящему перед ней.) К сожалению, мы вынуждены отказаться от вашей поставки... Что-о? Как это я не могу отказаться? Какой контракт у нас с вами, что вы мне голову... Дайте я сама прочту.

(Читает с удивлением.) «Семенов, с одной стороны, и Синицына с другой стороны, договорились... Семенов предлагает, а Синицына принимает... руку и сердце...» (Отрывается от бумаги, смотрит на Семенова, вспоминает.) Семенов! Я вспомнила! Вы позавчера на этой презентации ко мне подошли! Да? Сказали, что у вас ко мне предложение! И я попросила скинуть по факсу... Вижу, что скинули... Неужели я подписала... (Смотрит бумагу, пауза.) Та-ак... (В сторону.) Люсенька, срочно ко мне Алексея Ивановича... (Семенову.) К сожалению, должна вас огорчить...

(В сторону, подошедшему Алексею Ивановичу.) О, познакомьтесь: это Алексей Иванович, мой зам по общим вопросам, а это Семенов... Скажите, Алексей Иванович, вы подписывали этот договор? Замечательно! Вот вы с этим Семеновым и живите! Прошу, как говорится, в буквальном смысле любить и жаловать... Не забудьте позвать на свадьбу, всего доброго...

(В трубку.) Да? Синицына! Как — нет сигар? Их и не должно быть в Бердичеве, они там не растут! Как и свекла на Кубе! Вы все перепутали...

(Оборачивается.) Как? Молодые еще здесь? Вам же надо кольца покупать... Почему ничего не получится? Вы вместе так смотрите, чудесная пара. ... Ах, вы от моего имени договор подписали... Спасибо большое...

(В трубку.) Але, Синицына! Не нашли болты? У меня тут целых два, можете забрать... (Кладет трубку.)

И что мне теперь с этим договором? Как — отказаться? Я не могу, все знают — Синицына слово держит. А нет там какого-нибудь пункта... Вот! «Может быть расторгнут при форс-мажорных обстоятельствах — в случае наводнения, пожара или другого стихийного бедствия...» Что — «вот видите»? Что — «напрасно волновались...» Я должна быть с ним в одной койке и ждать наводнения? Ну зачем вы это подписали, Алексей Иванович? Да что вам тут показалось соблазнительным, вы только посмотрите на него! Экономическая целесообразность? Какая... Хотя подождите...

Значит, если мы в одной кровати, мою, вторую, можно продать. Она испанская, это долларов шестьсот...

Скажите, Семенов, и сколько мы в ней будем находиться, в кровати этой? Что — «когда как»? Нет, так дела не делаются, мне надо точно знать — я ж хочу на это время охрану отпускать, они у меня по пять долларов в час получают... Часов по шесть... В день... Это уже ответ. Так, шесть в день, в месяц — сто восемьдесят часов на пять долларов... Немного, нет смысла возиться, — ладно, пусть охранники с нами медовый месяц проведут...

Минуту. Сколько вы сказали? Шесть часов в день? В кровати? Да нет, я столько не могу, у меня ж дела, это мне надо офис в койку переносить... Кстати, хорошая мысль — сэкономим на аренде помещения. Надо только рядом с нашей кроватью маленькую поставить — для секретарши Люси. А что, Семенов, вас смущает? Ей девяносто два года. Я ее Люсей зову, потому что она уже отчества не помнит...

Кстати... *(В сторону.)* Люся, принесите «Плейбой»!.. *(Семенову.)* Сейчас картинки будем смотреть: нам, Семенов, надо такую позу выбрать, чтоб у меня руки свободны были — вдруг позвонить, бумаги подписать или поздороваться с кем-нибудь...

(Подошедшей Люсе.) Спасибо, Люся. *(Берет журнал, поворачивается к Семенову, листает.)* О! Вот хорошая! На стуле!.. Слушайте, так кровать вообще не нужна! Можно и вашу продать... А, нет, так на стуле не годится, так я буду спиной к посетителям...

А, вот самая лучшая. Мужик в наручниках... Надо попробовать... Попросите охранников принести...

Что с вами, Семенов? Чего вы так испугались? Решили расторгнуть договор? Смотри-ка, не стал дожидаться наводнения — со страху сам его сделал...

Девки, выручайте: задание дали — из начальника ДЭЗа трубы выбить. На каком-то женском обаянии... А какая я обаяшка? Я мужиков вообще терпеть не могу. В общем, девки, вы все замужем, рассказывайте, как своих козлов обольщаете. *(Достает блокнот, записывает за воображаемыми подругами и повторяет за ними.)* Погоди, не так быстро, я записываю. Так, так... Ага, это я так заигрываю. Ну поняла-поняла. Когда, говоришь, у них просить лучше? В получку, чтоб потратить не успел? И после обеда? Любимым блюдом сначала покормить? Ага, задобрить, значит. Умно. Чего еще? Брюки ему погладить? Поняла. Он в какой комнате сидит? В шестнадцатой? Все ясно, девки, я пошла. Ну к черту, к черту...

(Стучит.) Можно? «Слушает он...» Погоди, где это я тут записала... *(Ищет в блокноте.)* А, вот... *(Ему.)* Сейчас я с тобой заигрывать буду... *(Читает.)* «Пошли ему воздушный поцелуй». *(Про себя.)* Я ему пошлю... *(Читает.)* И с криком «Ку-ку!» куда нибудь спрячешься... *(Во весь голос.)* Ку-ку!!! Ты смотри — он сам спрятался! Сам заигрывает, бабник! *(Ему.)* А ну, бабник, вылезай из холодильника!..

Проголодался, что ли? *(Глянув в блокнот.)* Сейчас я тебя любимым блюдом кормить буду... Давай, лопай сосиски! Еще чего — «целлофан снимать»... Так, с веревочкой сожрешь, не подавишься...

(Читает.) «Мягко, как бы невзначай, спроси про получку»... *(Сама с собой.)* Ага, невзначай, значит... *(Ему.)* Хлеб дать? Сейчас отрежу...

(Режет хлеб и вдруг, внезапно нож в его сторону.) Получка была? *(Сама с собой.)* Получилось как бы невзначай... *(Ему.)* Ну че, че ты глазом задергал? Подмигиваешь, бабник? Чего ты мне бумажник суешь? Смотри — и часы снимает! Уже раздевается, бабник!..

(В блокнот.) Чего там дальше-то? (Читает.) «Са-дишь-ся к не-му на ко-ле-ни...» (Ему, резко.) Садись давай! Что у тебя колени-то дрожат — ту-ту-ту, ту-ту-ту? Сидишь тут с ним как на отбойном молотке... А ну — ноги вместе, носки врозь! Ну что, что «слушаюсь»? Носки врозь — это не значит, что их снять надо и по комнате расшвыривать! Ох, бабник, только б снять с себя что-нибудь...

Что? Почему это я должна слезть? Что — неудобно? Кто идет? (Смотрит в сторону двери.) Так, вам что, мадам? Ну и что, что жена? А я тут по работе... Закройте дверь!..

Так... (В блокнот, читает.) «Правую руку кладешь ему на плечо, левой ерошишь ему...» (Переворачивая страницу блокнота, бормочет про себя.) Что ж там ему ерошишь... (Перевернув, читает в блокноте.) «Волосы!»...

(Критически смотрит на него.) Да-а, все-таки в жизни всего не предусмотреть — ерошить-то нечего... (Про себя.) Ладно, пора про трубы намекать... (Ему.) Что, дружок, труба твое дело!.. (Роемся в своей сумке.) Где-то у меня тут в сумочке утюг был... (Ему.) Ну чего ты дергаешься? А ну — брюки! Я тебе поглажу, милый! Ты чего их снимаешь, бабник? Я так поглажу...

Чего говоришь? «Проси чего хочешь»? Трубы давай! Пляди — дает... Конечно, женское обаяние — большая сила...

ТРЕХЗВЕЗДОЧНЫЙ ОТЕЛЬ

Муж с Женой с чемоданами в руках заходят в номер отеля. Жена недоуменно оглядывается.

Муж. Фу! Ну, Мань, вот мы и в Париже! Все! Спать! Спать! Завтра эти дурацкие экскурсии... *(Бухается в кровать, закрывает глаза.)*

Жена *(оглядывая номер)*. И сколько с нас содрали за этот номер?

Муж *(не открывая глаз)*. Тридцать долларов...

Жена *(ужасаясь)*. За одну ночь?!

Муж. Мань, это три звезды.

Жена. Три звезды? *(Принюхиваясь.)* Здесь что — раньше склад коньяка был?..

Муж. Ну почему сразу склад!.. Три звезды... Может, тут раньше только полковники останавливались...

Жена. Ага! Или старшие прапорщики... Вот въехали! В бывшую казарму! За тридцать долларов... Грабеж!

Муж. Мань, ну какой грабеж, у них же тоже накладные расходы...

Жена. Какие? Два полотенца, туалетная бумага и кусочек мыла...

Муж. А свет, а вода... Между прочим, за воду во Франции платят...

Жена. Включить ее, что ли, на всю ночь? Может, в эти тридцать долларов еще какие-нибудь услуги входят?

Муж в это время уже храпит. Жена берет памятку отеля.

(Читает.) «Вы можете пользоваться холодильником...» Так это совсем другое дело! *(Подбегает к холодильнику, открывает. Возмущенно.)* Да он пустой! Это что — я за тридцать долларов могу всю ночь бесплатно дверцей хлопать?.. «Мы бесплатно почистим ваш костюм...» Слава богу! Хоть что-то! *(Сдирает пиджак со спящего Мужа, бросает на пол, топчет, потом снова смотрит*

в памятку.) «И ваша чистка будет готова через три дня»... Как — через три?! Мы же завтра уезжаем... «В нашем отеле заказ ужина входит в стоимость...» *(Расталкивает мужа.)*

Муж. А? Что?

Жена. Звони! Значит, так: икра, лобстеры, ананасы...

Муж *(рассматривая памятку).* Мань, это заказ бесплатно, а сам ужин за деньги... *(Снова валится и засыпает.)*

Жена. «Бесплатный заказ такси, бесплатно заказать девушку в номер...»

Муж резко перестает храпеть, открывает один глаз, садится на кровати.

Муж. Что там про девушку?... Нет, мне не надо, но может быть, просто, чтобы оправдать...

Жена. Да? А лекарства, чтобы лечиться после нее, потвоему, ничего не стоят?

Муж. Хотел как лучше... *(Снова бухается в кровать, засыпает.)*

Жена. «Только в нашем отеле прекрасный синеватый свет торшера придаст уют вашему интерьеру и не помешает спать другому обитателю номера...» *(Щелкает воображаемым выключателем.)*

Муж. А? Что? Почему все синее? Где я? Уже в морге?!

Жена. Если бы... Там хоть бесплатно лежишь, а тут за тридцать долларов...

Муж. Мань, выключай! Ночь!

Жена. Не-ет, хоть свету им пожечь за эти деньги...

Муж. Я так не засну!

Жена. «Тем, кто страдает бессонницей, администрация предлагает бесплатно...» Ага! Ну, что там бесплатно...

(Читает дальше.) «...Бесплатно насладиться древнекитайской поэзией. Томик лежит на вашей тумбочке...» *(Впихивает книжку в руки мужу.)* Бери! Наслаждайся давай! За такие деньги...

Муж *(смотрит в книжку).* Мань! Но она ж на китайском, с иероглифами... Лучше я выплюсь на все тридцать долларов... *(Снова ложится, закрывает глаза.)*

Жена *(в сторону).* Да-а... Вот муженек... А ведь я могла выйти за Саню, полиглота... Сейчас бы хоть что-то от-

били... А этот, деревня — даже китайского не знает...
(Оглядывается, что-то замечает.) О! Кондиционер!
Пусть пожужжит за те же деньги...

Муж (дрожа). Ды-ды-ды-ды... Мань, но... зима же, холодно...

Жена. Господи, как Саня легко переносил морозы...

Муж. Мне тепло, мне очень тепло, у меня всего за тридцать долларов прекрасный номер — свет, вода, все удобства...

Жена (хлопнув себя по лбу). Ой, про удобства-то я забыла! (Тормошит спящего мужа.)

Муж. А? Что? Война?

Жена. Война-война... Иди сходи в туалет перед боем...
(Выпроваживает.) И используй его на всю катушку! И бумагу всю! Тоже на всю катушку! И мыло тоже! Воду уж ладно, раз они за нее платят, спускать не обязательно! Мы не звери, чтоб их разорять. Нам только свое оккупить... (Замечает телевизор.)

Жена. О! Хоть телевизором попользоваться... (Включает, тупо смотрит в экран.) Ты смотри — в номере за тридцать долларов, телевизор ОРТ не принимает! Все на французском...

Из-за кулис появляется Муж.

Ну, что?

Муж (виновато разводит руками). Мань, ну, у нас же ужина не было...

Жена. Да-а, Саня бы сейчас... Без всякого ужина... И не один раз...

Муж. А я все думаю: кто такой полиглот... Это, оказывается, кто каждую минуту в туалет...

Жена. Э, э... (Показывает на телевизор.) Вот он бы, между прочим, сейчас все перевел... Господи, какая я дура! Ведь говорила мне мама...

Муж (показывая на телевизор). Так тут и без него все понятно. Видишь — двое девчонку мучают, цепями к кровати... Ой, смотри — раздели, глаза завязывают... Видимо, расстреливать будут...

Жена. А что это они и сами разделись?..

Муж. А наверное, чтоб кровью пиджак не запахнуть... У них же там чистки нет бесплатной...

Жена. Ага — «расстреливать», как же!.. Выключай давай!.. «Расстреливать»... Меня бы так кто-нибудь... расстрелял... Между прочим, за такие деньги мы совершенно не используем эту огромную кровать.

Муж *(радостно)*. Конечно! Да я тебе давно говорю — спать пора!

Жена *(игриво)*. Я не в том смысле...

Муж *(испуганно отступая)*. Мань, а в том смысле, про который ты говоришь, я не могу: ты мне при этом сияем свете отечественных кур напоминаешь...

Жена. Да, Саня бы сейчас...

Муж. Я смотрю, он не только полиглот, но и этот, зоофил...

Жена. Кто?

Муж. Ну, это который с животными любовь крутит, с курами...

Жена. Черт с тобой! Выключай свет! Сейчас нам главное — кровать оправдать! *(Пытается обнять мужа.)*

Муж *(вырываясь)*. Мань-Мань, давай лучше полюбуемся ночным Парижем... *(Показывает на памятку отеля.)* Тут написано, что из окна открывается прекрасный вид...

Жена внезапно отпускает его, осененная какой-то идеей.

Жена. Слушай! Я придумала, как нам все окупить! Куда у нас завтра экскурсия за десять долларов?

Муж. На Эйфелеву башню...

Жена *(показывает в окно)*. Да отсюда не хуже видно — смотри!

Муж *(таращась в окно)*. Ну?

Жена. Считай, десятку оправдали...

Муж. У нас завтра еще собор какой-то Богоматери за 20 долларов.

Жена. Это уже тридцать! Давай гляди на него!..

Муж. Ой, мамочки... *(Зажмурив глаза, отходит от окна.)*

Жена. Ты чего?

Муж. Да я случайно, там рядом с собором, на Елисейские Поля глянул, нам их завтра за десять долларов смотреть...

Жена. Отлично!..

Муж. Что — отлично? Это уже — сорок! А номер — тридцать стоит. Перебор получается... Как бы завтра у портье доплачивать не пришлось...

Жена. Сейчас им! Ложись, закрой глаза! (*Муж ложится, закрывает глаза.*) Если спросят завтра: мол, как вам вид из окна, скажем: ничего не видели, спали всю ночь... Ты похрапи, похрапи для убедительности...

Муж. Слава богу, кажется, отстала... Хрррр! Хррррр!

ЗАМОЧНАЯ СКВАЖИНА

Актриса, изображая любопытную старушку, согнувшись, стоит, приложив ухо к воображаемой замочной скважине.

— Что ж там у них в шестнадцатой происходит?..
(Замечает идущую мимо нее соседку.)

Нет, ну надо же этой Зинке в этот момент мимо идти. (Ей.) Здорово, Зин, здорово. Да ничего, Зин, нормально у меня все, ты иди-иди... Да кто подслушивает, это меня радикулит скрутил... И шею, вишь, так вывернуло, что ухо к двери припало... Зин, ты этого нового соседа видала из шестнадцатой? Ага, «профессор, в очках...», как же...

Это он на улице профессор, а дверь за собой закроешь, ты бы послушала, что там внутри делается! Я как-то мимо его квартиры с сумками шла. А у меня ж давление. Чего-то меня так качнуло головой к его двери, ухом к замочной скважине... а там такое!..

Слышу, он говорит: «Эту дубленку Ольга купила в магазине «Мир кожи» в Сокольниках», «Эту шубу Ирина купила себе на Войковской в «Снежной королеве»... Ну вот скажи, Зин: если эти Ирина с Ольгой себе шмоток накупили, почему это все не у них, а у него в квартире лежит? Не поняла? Да склад краденого тут! Барыга он!

(Ухо к двери, одновременно говорит Зине.)

О! Его какой-то тип подбивает, похоже, банк грабнуть! Причем где-то рядом! В нашем районе! Вы, говорит, уже в шести шагах от миллиона.. Наш говорит: «Я могу позвонить другу?» Там, Зин, похоже, целая банда собирается. Ой, да у них пулемет! Ну я же слышу: «С вами Максим Галкин...» У какой-то Галки «максим» взяли, он у нее небось с Гражданской под кроватью стоял... О, наш-то профессор, похоже, в штаны наложил.

Этот, подельник, его спрашивает: «Вы готовы отвечать?» Ну как за что, Зин? За базар, наверное... Мол, если что — в тюрьму пойдете? А наш, ну хитер! Говорит: «Нет, хочу взять деньги, а отвечать не хочу».

Да деньги ему на наркоту нужны! Чего? Да колется он, сто процентов! Только, видно, руки дрожат. Для него главная проблема — это шприцем в вену попасть... А это у них у всех беда, кто со стажем. Так, оказывается, представляешь, Зин, есть даже целые фирмы, под видом туристских, по домам к таким, как он, ходят, колоться помогают. Да я сама слышала. В другой раз мимо его квартиры иду и чего-то поскользнулась и ухом к двери. А там слышу: «Наша фирма «Австрия-тур поможет вам попасть в Вену, перенестись в рай альпийских лугов...» Ага, мол, уколем — и ты в раю... Но цены у них, я вам скажу, в этом бандитском мире! Помочь в вену попасть — 300 долларов! Ну, не знаю — может, они со своим героином ходят...

Я тебе скажу, с такими ценами, воруй не воруй — никаких денег не хватит. Это на всем экономить надо и есть черт знает что.

(Снова — ухом к двери, прислушивается.)

Вон, опять кому-то на еду жалуются... Каждый раз, говорит, после еды у меня во рту, говорит, нарушается кислотно-щелочной баланс... Вот так, Зин... Конечно, если вместо водки кислоту пить, для сохранения баланса щелочью закусывать приходится.

Я вообще удивляюсь, как его с таким питанием еще на девок хватает! Ой, да они к нему косяком бегают, и он им всем, паскуда, разными именами представляется. Ну, я же слышу, как он там по телефону: «Але, дорогая, это Сиси...» А в другой раз слышу у него там женский голос: «Прости меня, Луис Альбертыч...»

И девки у него — строго по графику. Он его каждый день ближе к ночи вслух составляет. Я как-то мимо иду — слышу: «Завтра в 19 часов — просто Мария... в 21 — три сестры... Ага, сразу три, одной ему мало, группенсекс называется. Другой бы, Зин, сдох уже, а у этого в 22 часа еще «Куклы». Ну какие — надувные, наверное...

А с утра, Зин, он чтоб в форме быть — похоже, один,

без девок тренируется. Не поняла? Ну дай на ухо тебе скажу... Поняла? Только у него это знаешь как называется? «В 10.40 — Сам себе режиссер»...

А может, это у него от прошлой жизни привычка осталась, когда он никаким девкам не нужен был... А вот знаю! Случайно тут со своим давлением села у него под дверью передохнуть, слышу, он кому-то рассказывает: «Раньше я лысый был, под мышками сильно воняло, и сильно пил, пока не услышал о клинике доктора Майорова. А теперь купил дезодорант «Олд спайс», бросил пить и в клинике пересадил волосы... Не, наверное, в другой клинике, Зин. А может, с доктора Майорова волосы снял и себе...

Да! Еще, говорит, его диарея долго мучила. Ну, а куда, Зин, ему с поносом за девками?.. Не захочешь, а станешь сам себе... режиссером...

А теперь, конечно, не пьет, не воняет и с запорными таблетками — это ж для любой мечта. Да плюс еще бредится «жилетом» с двойным лезвием: первое снимает волосы, второе — кожу...

Конечно, эта просто Мария за ним бежит. Каждый вечер, как часы...

(Ухо к двери, прислушивается.)

О! Она и сейчас у него, Зин!

Ой, а грубит ей как! Мне ж слышно. Она ему: «Тю-тю-тю, тю-тю-тю», а он ей: «Иногда лучше жевать, чем говорить...» Ага, хам такой, это он в папашу...

Не, папашу я тоже только слышала. Ну, не специально, конечно, ты же, Зин, меня знаешь. Просто проходила мимо их двери. А сейчас ты же знаешь, как эти бракоделы строить стали! Не захочешь, а услышишь! Потому что замочная скважина — прямо напротив уха! Если на карачки встать...

Так вот, папаша у него, похоже, из бывших военных. Командир батальона, что ли... Потому что этот, сынок-то, кричит часто: «Комбат батяня, батяня комбат...» Не-е, ну что ты, Зин? Какая песня?! Песней это назвать нельзя...

(Зине, в ужасе, поворачиваясь от двери к ней.)

Зинка, а батяня то у него — киллер! Да только что сынок кому-то грозил: «Наш комбат, — говорит, — убивает наповал!.. Смерть тараканам!»

Кому-то грозил — Марии, наверное... Она для него — что таракан. Хлопнет — и нет...

(Ухо к двери, потом докладывает Зине.) Да она, видишь, сегодня с ребеночком к нему пришла. Да, больной мальчик, я же слышу, с зубами у него что-то...

(Ухо к двери, одновременно сообщает Зине.) Спрашивает, что мне делать с ребеночком? Вот мерзавец! Отказывается от пацана! Сразу на «вы с ней» официально, это, говорит, у вас, мамаша, от Кариеса... Мол, я-то тут при чем?... От Кариеса, мол, ребеночек. Гуляете, мол, с какими-то иностранцами, а потом ко мне...

Ой, а ревну-ет! Вот мужики, а, Зин! Сам с девками гуляет — ему можно, а она разочек с этим Кариесом — сразу скандал...

(Прислушивается и Зине.)

Ну, эта Мария тоже хороша, сразу дружка сдала: помогите, говорит, нам с ребеночком избавиться от этого Кариеса.

(Пауза. С тревогой прислушивается, потом Зине.)

Зинка! Она этого Сиси с папашкой Кариеса замочить подбивает! И знаешь как? В стиральном порошке «Тайд»! Ага, чтоб подольше мучился. А Комбат что-то про зубную щетку говорит. Она, говорит, поможет избавиться от Кариеса. Не знаю как — наверное, в глотку ему пропихнут...

(В панике.)

Зинка! Да они прямо сейчас собираются! Он там, похоже! Комбат говорит: «Попробуйте эту зубную щетку немедленно и уже через несколько минут забудете о Кариесе...» Беги за участковым, Зинка!.. Беги! Ну мало ли что ты дослушать хочешь! Ну и что, что на самом интересном месте.

(Снова ухом к стенке.)

Может, успеешь: Сиси, видать, колеблется... А папашка ему: «Не тормози! Снихерсним!» Мол, бей, не жалей!

Зин, можешь не спешить. Поздно. Они уже следы заметаю. О, Мария кричит: «Попробуйте «Комэт»! После него не остается пятен!» Ну, видно, чтоб кровь замыть...

Милицонеру скажи, чтоб, когда придет, поосторожнее был. Они ничего не боятся, уже готовы его встретить.

(Прислушавшись.)

О, слышь чего говорят: «С пылесосом «Бош» нам не страшен никакой мусор... Мол, дадут мусору по бошке пылесосом, и всех делов. Пойдем, Зин, пока и нам не досталось...

Мы с Люськой, соседкой моей с верхнего этажа, как-то по-бабьи так разговорились. Она говорит: «Я вообще не понимаю тебя, Зинка! Тебе ж с твоей внешностью мужики, наверное, проходу не дают, а ты каждый вечер одна!» Я говорю: «При чем тут вечер? Они ж мне только по утрам проходу не дают, когда я в троллейбус пытаюсь сесть, а вечером, когда в транспорте свободно, никто как-то...»

«Дурочка, — Люська говорит. — С тобой заигрывают, а ты не понимаешь... Вот я тебе Фрейда дам почитать — там все эти мужские хитрости как на ладони!»

Я почитала — и у меня, знаете, девчонки, сразу такая уверенность в себе! Потому что мужики, оказывается, только про это дело и думают! Но это у них очень глубоко в подкорке, и на лице так внешне никак не проявляется, поэтому-то я и не замечала, но Фрейд говорит, что мужиков руки выдают: они отдельно от головы такие жесты делают...

Особенно это ночью заметно, во время сна, когда мужик находится на бессознательном уровне, и, если мужикам в это время в руки вложить карандаш и бумагу, они такое нарисуют!.. «Плейбой» отдыхает!..

Вот ученых возьмите. Сколько раз они про свои открытия важно так говорили: «Если напряженно размышлять над какой-то проблемой, решение часто приходит ночью, во сне, остается только проснуться и на чертить...»

И я вот думаю: над чем, к примеру, напряженно размышлял во сне Циолковский? Если он проснулся и ракету нарисовал? Глухой, старик, да? А туда же, бесовестный... Даже не буду говорить, что эта ракета по форме напоминает...

А этот, архитектор итальянский 12-го века, со сна Пизанскую башню изобразил... Падающую... Что-то

у него там во сне, видно, не сложилось... В Пизе...

Немец, который с утра монокль придумал. Что уж он там во сне у себя рассмотреть не мог?..

Ну, Мичурин-то просто маньяк — судя по тому, над чем он трудился, у него во сне все со всеми, просто овощная групповуха какая-то — огурцы с дынями, кабачок на грушу лезет...

А этот, мясник из Польши? Не тот, который ливерную колбасу длиной в метр придумал. Это просто мечтатель-фантаст... А другой мясник, из Кракова... Просто извращенец какой-то! Я все думаю, что он такого съел на ночь, чтобы ему такой кошмар привиделся — колбаса в виде круга, где конец упирается в начало...

Вообще, я вам скажу, из этих ученых самые приличные сны были у Менделеева, который во сне таблицу элементов увидел. Ну там уран-238, магний-12. Хотя Люська считает, что это он во сне придумал, как женские телефоны шифровать: 238-12-51, Сурьма... пойдй догадайся, что за Сурьма...

В общем, Фрейд всех этих охальников на чистую воду вывел и все мне про мужиков объяснил. Первое — следить за жестами рук. Второе — внимательно слушать: потому что как бы глубоко мужик ни прятал в подкорке свою кобелиную сущность, может отвлечься, потерять на секунду контроль и что-то такое эротическое болтануть...

Ну, я сразу, как прочла, на следующее утро все свои знания на практике применила... В троллейбусе сзади меня сантехник из нашего дома ехал. Если б не Фрейд, я б даже не подумала никогда, что я ему нравлюсь. А тут слышу, он мне: «Вы сейчас выходите?» Ой, представляете? Причем сам голос абсолютно бесстрастный — видно, что все у него очень глубоко в подкорке, ну очень глубоко... А я так краем глаза глянула — как раз то, что доктор Фрейд прописал: руки-то выдают! Не, в левой ничего особенного, кошелка какая-то, а вот в правой здоровенный такой вантус для прочистки раковин, и эта правая, видно, вышла из-под контроля подкорки: он этим вантусом так помахивает, помахивает... Ну, кто Фрейда читал, понимает, о чем я...

Он опять: «Вы сейчас сходите?» Ой, представляете, девчонки? Я молчу... Потому что Фрейд строго-настро-го приказал: «На шею сразу не вешаться!..»

Что я дура, чтоб сразу: «Да, я выхожу! А зовут меня Зина, телефон сто тридцать два пятнадцать сорок...» Не, я молчу. Думаю: «Сейчас из-под контроля выйдет, обязательно оговорится, болтанет что-нибудь эротическое...» И точно. Он сначала официально так: «Как бы мне мимо вас протиснуться...» А потом, видно, язык из-под контроля подкормки вышел, он и болтанул: «Бо-юсь, говорит, так вы мне все яйца раздавите». А сам смущается, глаза опустил... на кошелку.

Раздавлю я ему... Размечтался... Я молчу. Фрейд ведь, он что говорит: «Мужик — он как зверь дикий. И чем ему труднее добыча достанется, тем он потом больше ее ценит». Он вас, говорит Фрейд, потом на ру-ках носить будет...

И этот действительно на руки меня подхватил, вынес из троллейбуса, поставил и побежал... Видно, смелости не хватило знакомство продолжить. А ведь хотел! Еще как хотел — его опять руки выдали. Он на прощанье остановился на бегу, обернулся, смотрит на меня так грустно и пальцем у виска крутит: мол, дурак я, дурак, ну почему я такой стеснительный...

Ну, мы с Люськой обсудили этот случай, она гово-рит: «Все правильно, но в следующий раз, как намек почувствуешь — кокетничай, бери инициативу на себя, а то опять упустишь». И постарайся, говорит, чтоб на-роду вокруг поменьше было, чтоб мужик не стеснялся.

Ну, я прямо в тот же вечер, все по инструкции, звоню «ноль два», говорю: «Пришлите кого-нибудь, меня гра-бят...» Приходит милиционер, все по Фрейду: он в бес-сознательном состоянии, причем, похоже, давно, с дет-ства... И руки его выдают даже больше, чем того, в трол-лейбусе — этот уже не вантусом, а здоровой такой ду-бинкой помахивает. И стесняться ему некого — мы одни. Он говорит: «Ну, кого тут грабят?» А я сразу беру инициативу, говорю кокетливо так: «Это ложный вы-зов, вам привет от Фрейда...»

Тут он так возбудился! У него эта рука с дубинкой вообще вышла из-под контроля подкормки!... В сексу-

альном смысле садист оказался. Как пошел этой дубинкой махать! Все-таки малограмотная у нас еще милиция, Фрейда практически не знают. Я много об этом думала потом... в травмопункте...

Вышла я оттуда перед самым Новым годом. Так и получилось, что соседка Люська праздник встречала у себя наверху со своим новым хахалем вдвоем, а я у себя — вдвоем с Фрейдом.

Но вот знаете, девчонки, правильно говорят: в Новый год — любое желание сбывается!.. И я только так чего-то себе загадала: хочу, чтоб вот сейчас настоящий мужик явился — смотрю — летит мимо моего пятнадцатого этажа! Нет, сначала бутылка летит! А потом он за ней! В одних трусах! Он бутылку поймал, а я его... за что-то там ухватить успела!..

Одной рукой держу, другой — Люськин телефон набираю, похвастаться.

— Люська, — говорю, я тут мужика подцепила... И, по-моему, он в меня влюблен по уши...

— Откуда ты знаешь? — Люська спрашивает. — Он тебе сказал?

— Нет, он ничего не говорит, он слова сказать не может, видимо, смущается, но жесты выдают его чувства: он весь дрожит, наверное, от страсти...

— Откуда же он взялся? — Люська спрашивает.

— Не знаю... С неба упал. Может, это Карлсон, как ты думаешь?...

— Карлсон? У него что, пропеллер имеется?

— Да у моего, — говорю, — еще почище пропеллера! Он, по-моему, как ракета летает, на реактивной тяге... И я тебе скажу, Люська, если то, что я вижу, это оставшаяся третья ступень, даже страшно представить, какой он был на старте!..

Тут Люська замолчала, слышу чего-то там потопала по комнате, потом тихо так в трубку говорит:

— Зинка, а у этого Карлсона трусы в горошек?

— Ну да, в синий с красным, — говорю. — Тебе что, там видно сверху?

Люська говорит:

— Зинка! Это мой выпал! Отдай сейчас же...

— А с чего ты взяла, что это твой? Да таких трусов

миллион! В них каждый второй ходит!

— Ну да! И все в них мимо тебя пачками летают... Говорю тебе — это мой...

— Да ты, Люсь, не волнуйся, — говорю. — Сейчас выясним. Твоего как зовут?..

— Ну... Ну не знаю я, как его зовут, — Люська говорит. — Мы еще не успели познакомиться... Он только что пришел.

— Ничего себе, — говорю. — Не успели познакомиться, а он уже в трусах...

— Я ему, — Люська говорит, — только успела сказать: «С Новым годом, проходите, раздевайтесь...» А он... Ну ты же знаешь, как у нас зимой топят, ему просто жарко стало...

— Ну ты хоть скажи, как он выглядит...

— Ну, — Люська говорит, — он загорелый такой...

— Нет, Люсь, — говорю, — я сразу сказала тебе — это другой! Никакой он не загорелый, а синий, лиловый даже...

— Да ты бы, дура, еще дольше его на морозе держала! — Люська кричит. И как заплачет...

— Ой, да пожалуйста! — говорю. — Мне чужого не надо! — И ему: — Мужчина, я вас не держу... Идите, куда шли...

И разжала руки...

Ой, ну вот вы знаете, девчонки, как все-таки Фрейд точно про этих поганых мужиков все сказал — только об этом деле и думают! Вот летит с шестнадцатого этажа, орет благим матом, по пути руками, как за соломинку, все подряд бельевые веревки хватает, ему бы о Боге подумать — нет, только одно в голове: пролетая мимо восьмого, задержался, схватился, как думаете, за что? Ну конечно, за Светкин лифчик на веревке. Светка Мокрухина из 52-й квартиры повесила. Рядом кальсоны висели почти новые, полотенца махровые — не-ет, именно лифчик его заинтересовал! Схватил и на нем как на парашюте...

Ну, конечно, инвалидом остался. Не, опустил-то он плавно — ну у Светки десятый номер, ни у кого в доме такого нет, на нем танки можно десантировать... Но он только приземлился, Светкин муж как раз до-

мой шел... Видит — мужик в трусах, в руках Светкин лифчик...

В общем, Светка его подобрала, ухаживает, но так они пока и не познакомились. Не, он называл себя, но разобрать нельзя, поскольку зубов нет.

Ну, и кому такой нужен? Не, девчонки, я вам так скажу: лучше Фрейд в руках, чем алкаш в облаках!..

КЛУБ ЗНАКОМСТВ

Я вас слушаю... да, это клуб знакомств имени Гоголя.

С кем хотите связать жизнь? Нет, непьющих у нас вообще не бывает. Не знаю почему — база не присылает. А чтобы, как вы хотите, «непьющий и блондин» — это вообще... У нас и пьющие-то блондины — только по предварительной записи...

Что есть? Сейчас посмотрим... Лысого брать будете? «Надо подумать»... Быстрее думайте — кончаются! Да, остались вторые роста. Ну что делать! Как говорится, чем богаты. Вы к нам в конце месяца загляните...

Ну, а с вами, дама, что будем делать? Выбрали что-нибудь? Что значит «прямо не знаю» — вы уже тут всех перещупали!.. Что говорите? «Все какие-то мелкие»... А этот чем плох? Мужчина, встаньте, пусть она на вас посмотрит!.. А-а, это вы уже стоите... Гм...

«Мелкие»! Возьмите несколько, на вес! Сами не знают, что хотят...

А вы, женщина? С кем хотите связать?.. С инженером? Принесите справку, что можете его содержать...

Господи, а вам кого, дедуля? Невесту? А возраст у вас... «Подходящий» — так вы считаете... Что написано в нашем объявлении? Ну, написано, что лица не моложе двадцати... Нет-нет, я верю, что вам не меньше, не надо мне паспорт в лицо совать... Но, дедуля, двадцать, а не двести двадцать! Это же любовь, а не напряжение в сети... Ну что — «буду крайне обязан»... А что вы можете предложить? Билеты? Бесплатно? Куда-куда? «В музей Бородинской панорамы...» А вы кто — директор? «У-част-ник сра-же-ния»?! Знаешь что, дед... Вон картотека — сам невесту ищи!..

Гражданочка, ну я же вам сказала: блондинов нет... Что, что вы там видели? Куда я блондина спрятала? Под какой прилавок? Да это не жених — подсобный рабочий! Напился, вот и лежит... Нет, его взять нельзя — кто мне товар носить будет?

Так, граждане, кто кого выбрал — будем знакомить! А стесняться не надо: знакомим деликатно, как будто чисто случайно...

Вы, милочка, познакомьтесь на улице. Идите-идите, гуляйте вокруг — к вам подойдет семнадцатая квитанция...

Женщина, вы кого выбрали? Вот этого? Гражданин, идите сюда. Да не волнуйтесь, женщина, конечно, как будто случайно... Гражданин, хотела вас спросить, какая погода сегодня? «Минус два»? Кстати, вы не знакомы? Ну так познакомьтесь, познакомьтесь с моей лучшей подругой, ее зовут... ее зовут квитанция восемьдесят два...

Кто хотел познакомиться, как Ромео и Джульетта? Повторяю, кто хотел, как Ромео и Джульетта?.. Вы, гражданочка? Господи, ну идите, балкон освободился...

Гражданин, за романтику доплачивали? Будете свою избранницу от хулиганов спасать. Да. И между делом познакомьтесь. Согласны? Тогда еще пятьдесят в кассу... «За что»? Нет, вы подумайте, он еще спрашивает! Вы невесту видели? Ну, а что тогда... Знаете ведь, что страшной войны. Полтинник хулиганам, чтоб они к ней пристать согласились...

А вам, голубушка, придется подождать: негде пока знакомить. Нет, на улице нельзя — там уже гуляет гражданин с семнадцатой квитанцией. Как — ну и что? А если ошибется и к вам подойдет? «Буду только рада»... Как женщина, я вас понимаю, но нам-то зачем неприятности, накладки такие? У него уже есть одна невеста, нам скандалы не нужны...

Нет, не ерунда! У нас уже был случай... Вот такая же гражданочка должна была случайно в зоопарке встретиться, у клетки с павианом... Она еще, помню, спрашивает: «А какие у жениха приметы, как я его узнаю?..» Ну, какие у него приметы? Квитанция в руке — вот и все приметы...

Пошла. Потом звонит нам: «Спасибо большое, я нашла свое счастье, я в него сразу влюбилась, но почему вы сразу не сказали, что он осужденный? Это, конечно, ничего не изменит, я буду его ждать, говорят, скоро

амнистия...» Ну кто знал, что павиан у жениха кви-танцию отнимет?..

Дедуля, ну, может, хватит в картотеке рыться? Ну что вы фотографии слюните? Выбрали? Что? С какой витрины вам дать? Какую старушку с длинными волосами? Господи, да это портрет Гоголя!..

Вот работка, а? Соседка в магазине работает, так там или что домой вынесешь, или на месте что-то съешь бесплатно, а тут... Что тут вынесешь?

Может, вот этого, кучерявого прихватить? А если мой благоверный меня с ним увидит?.. А, двум смертям не бывать! Увидит — скажу, мол, работу на дом взяла!..

«Ваше
здоровье!..»

ПРЕДИСЛОВИЕ № 3

Буду краток. Казалось бы, что общего между футболом, экономикой и медициной? А то, что каждый из нас считает, что в этих вещах разбирается лучше профессионалов. Мы лучше тренеров знаем, кого надо было ставить на игру, лучше министров знаем, что надо сделать для процветания страны, и лучше врачей знаем, как надо лечить...

Несчастливым медикам посвящаю я эту главу.

М ОНОЛОГ СТАРУШКИ

В ПОЛИКЛИНИКЕ

Дама! Дама в юбке! К терапевту за мной будете. А я вон за той красной кофточкой... Тут еще желтая шапка занимала, но она отошла... Нет, совсем отошла... в мир иной...

Да не волнуйтесь, тут быстро принимают! Чего им долго-то — они ж не знают ничего...

Вот у меня было — насморк ни с того ни с сего... Наверное, съела что-нибудь... Так она мне капель на три копейки выписала! Вот такой пызырек, я клянусь!.. Ну что туда налить, можно, кроме чистой воды? Это по цене все равно что трамвайный билет в нос сунуть! И с тем же успехом! Вот так они лечат...

А вы сами, дама, извиняюсь, с чем пришли? «Голова болит»... Это вы съели что-нибудь... Да-а, с головой шутить нельзя: там же, внутри, мозг находится! И что вам назначили? Уколы? В какое ж место? «В то самое»... Ну вы подумайте, какая связь?! Где голова и где... это самое... куда колют!.. Вот так они лечат, вы понимаете!..

И это институт кончают! Выходят с него и не знают, где голова, где что!.. Так они учатся!..

А я тут как-то к главному пришла... Чего-то глаз заболел — наверное, съела что-нибудь... Так этот, глазной, вообще неграмотный! Читать не умеет! Меня стал спрашивать: «Это какая буква? А эта?» Так мало что неграмотный, вообще бандит какой-то! Говорит: «С вашим зрением вам минус один надо!..» А? Как вам это нравится — «минус один»? А у меня всего два глаза — что тут вычитать?.. Уй, что вы! С ними моргнуть не успеешь — тебе глаз вынут... Ну, медицина!..

А вон этот, гляди, по коридору идет... Не знаете? Ну, что вы! На-хальный такой!.. Между прочим, в трех местах работает! В трех: ухо, горло, нос... Конечно, где ж

у него время возьмется, чтоб к каждому внимательно?..

Я ж тут к нему с ухом пришла... Да, наверное, съела что-нибудь... Так он мне живот даже щупать не стал... Я ему: «Доктор, у меня болезнь сложная — у меня в одном ухе Пугачева кричит, а в другом Киркоров...» А он: «Бабушка, вы здоровы! Просто у вас в доме слышимость такая — уши затыкайте!..» Ну? Вы что-нибудь такое слышали? Вместо того чтобы уши лечить, он их заткнуть предлагает... «Вы здоровы»... Я что — сорок минут в очереди просидела, чтоб домой без всякой болезни уйти?..

Что говорите? К вам внимательно? «Щупал»? Ну, ничего удивительного: вы, женщина, вон на сколько меня моложе... А хоть бы и щупал, толку-то? Они ж нас за людей не считают: пощупают, а потом после нас руки моют, как после кошки... Да, наверное, глистов боятся...

А вы у этого, у психопата, никогда не были? Ну, что вы! Я как-то пришла с нервами... Да, наверное, съела что-нибудь... Так он мне по ногам молотком лупить стал!.. Это, конечно, чтоб я к нему второй раз прийти не смогла... А вы говорите...

А чем красная кофточка болеет, случайно, не знаете?

Дама, я извиняюсь, вы чем болеете? Ногами? Это вы съели что-нибудь... Рентген? Не-ет, рентген ничего не покажет! У нас же как рентген делают? В полной темноте! Что они там разглядеть могут? Вот так! Им же для нас даже жалко лампочку вкрутить...

Я же тоже как-то с ногой пришла. Но у меня знаете какая история? Туфельки тридцать шестой надеваю — чего-то жмут, и все!.. Наверное, съела что-нибудь... И никто ничего в ноге найти не может — жмут и жмут!.. Что? Нет, вообще-то я тридцать девятый ношу... Но у меня денег было только на тридцать шестой, вот я и взяла... Так я этим врачам говорю: «Дайте таблетки, чтоб нога на три номера похудела...» — «Что вы? Откуда у нас...»

Ну, за границей-то наверняка есть такие таблетки для похудения ноги! А у нас откуда? У нас вообще знаете, как лекарства делают? То-то, что не знаете... А мне шурин рассказывал — он сам по врачебной час-

ти — в поликлинике польты выдает... Так он мне говорил: придумают у нас новую таблетку — и на мышках проверяют! Если не сдохнет, значит, и для нас хорошо!.. Но вот вы мне скажите, к примеру, если мыши дать пирамидон от головы, как вы узнаете, прошла у нее голова или нет? Она вам скажет, что ли? То-то и оно...

Так что, дамы, удивляться не приходится! Кроликам сено подкладывают и на этом основании выводят, что и нам зелень полезна... И вот ты эту зелень жуешь, пока у тебя уши, как у зайца, не вырастут...

Да... А я-то сейчас с радикулитом пришла. Наверное, съела что-нибудь... Нет, мне сказали один народный рецепт: надо, чтоб на заре ребенок ножками по пояснице потопал... Не, ну у меня ребенок — Танюшка, ей сорок два, она с мужем в Хабаровске... И потом в ней шесть пудов — она ж раздавить может...

Только поэтому сюда и пришла. О! Наша терапевт идет! Здравствуйте, Галина Степановна!.. Видали? Со мной не здороваются! Злая... Наверное, съела что-нибудь!..

ПЛАТНАЯ МЕДИЦИНА...

Пациент. Здравствуйте, доктор! Я умираю? Да? Умираю?!

Доктор. Спокойно, спокойно, вы же не в какой-нибудь бесплатной больничке. У нас не умрете... Пока не заплатите...

Пациент. За что?

Доктор. Ну, во-первых, за каталку...

Пациент. За какую каталку? Я сюда своим ходом пришел!

Доктор. Это сюда. Обратного вас повезут. И неизвестно в каком виде. Поэтому на всякий случай у нас предоплата... 15 долларов.

Пациент. 15 долларов! Она что у вас, эта каталка, на 95-м бензине? Чего тут ехать-то? Откуда до выхода — 10 метров.

Доктор. Это если по прямой. Но санитар, который ее катит, раньше таксистом был. Вот он к каталке счетчик приделал и возит всех по кругу.

Пациент. А! А! Апчхи!

Доктор. Будьте здоровы.

Пациент. Спасибо.

Доктор. Пожалуйста. С вас шесть долларов.

Пациент. За что?

Доктор. Мы здесь, в платной, за каждый чих берем. Садитесь на стул. И хочу вас предупредить: или лечимся серьезно...

Пациент. Что значит — серьезно?

Доктор. Долларов на триста... Или я умываю эти... как их...

Пациент. Руки, что ли? Лечить он собрался! Даже не знает, как части тела называются...

Доктор. А мне и знать не надо! Вот у меня плакат, человек в разрезе, и на каждом органе своя цена за лечение. И эти ваши, как вы их называли?..

Пациент. Руки.

Доктор. Да, вот они у меня тут... По двадцать долларов. Так что или лечимся серьезно, или я эти по двадцать долларов умываю.

Пациент. Ну, вообще, я смотрю, вам помыть их в любом случае не мешало бы.

Доктор. Так, помыли... С вас 40 долларов.

Пациент. Как? Вы моете, а плачу я!

Доктор. А вы хотите, чтоб за 40 долларов я вас помыл? Вы что вообще сюда, мыться пришли? Здесь вам не баня! Или вы хотите, чтоб я грязными руками к вам в рот полез? Пожалуйста! Начнется сепсис... У меня до вас, кажется, кто-то был с бубонной чумой...

Пациент. Все-все, молчу.

Доктор. Да не бойтесь, мы вас быстро поставим на эти... по 30 долларов.

Пациент. На ноги? Спасибо за скидку. Я смотрю, на плакате они у вас по сорок...

Доктор. Так там они прямые, а у вас... Ну сколько может стоять пара колес, да еще бэу... Тридцатка, не больше. Что ж у нас, совсем совести нет? Ну вставайте-вставайте, оторвите уже свою эту за 60 долларов от стула.

Пациент. Кого?

Доктор. Ну эту, на чем сидите... Подойдите сюда, ложитесь на кушетку.

Пациент. Сразу говорите, сколько это мне будет стоить.

Доктор. Использование кушетки? Двадцать пять. Зиночка, запишите на его счет.

Пациент. Двадцать пять?... Почему так дорого? Может, за эти деньги я хоть вместе с вашей Зиной на ней полежу?

Доктор. При чем тут Зина? Она здорова.

Пациент. Надеюсь. Не хватало мне еще за двадцать пять долларов подцепить тут что-нибудь...

Доктор. Что-то мне ваши нервишки не нравятся. А ну-ка, сядьте на шестьдесят. Одну за тридцать на другую положите. Сейчас мы молоточком... О, как отскакивает... Закройте оба по пять долларов, вытяните вперед эти... все время забываю... по двадцать.. У, как дрожат. А эта, за 7 долларов, не кружится?

Пациент. Кто?

Доктор. Ну, наверху которая.

Пациент. Голова?

Доктор. Ну да.

Пациент. Фантастика! Нет, мне просто интересно! То, на чем я сижу, вы оценили в 60, а голову — в семь! Из каких соображений?

Доктор. По степени важности для данного организма.. А это, в груди, за 90 долларов, не покальывает?

Пациент. Покальывает. Стоит немножко пробежаться на этих, по тридцать, и сразу приходится садиться на шестьдесят... И еще вот здесь в боку, за двадцать девять, екает... Особенно если перед этим по восемьдесят...

Доктор. Не понял, где вы здесь на плакате видите что-то по восемьдесят?

Пациент. Это не на плакате. По восемьдесят — это «Гжелка», в рублях...

Доктор. Что-то у вас с этой по 7 долларов... Осложнение. Да, похоже, вы перенесли грипп на этих, по тридцать... Ну-ка подышите. Этот, по двадцать четыре, не заложен?

Пациент. Кто? Нет такого на плакате.

Доктор. Да вот.

Пациент. Нос? Он здесь за шесть.

Доктор. Ну ваш рубильник в четыре раза больше. Плотать не больно? Откройте за 18, высуňte 10 долларов, я посмотрю. Зина, дайте ложечку. Скажите: «А-а-а».

Пациент. А-а-а....

Доктор. У вас за 12 долларов все красное.

Пациент. Не буду платить. За что? Сунул мне в рот маленькую ложечку — 12 долларов ему... Перетрудился!

Доктор. Хорошо! Сейчас я вам за те же деньги в глотку половник засуну!

Пациент. Хорошо-хорошо, пусть двенадцать, только без угроз...

Доктор. Так, придется сдать анализ.

Пациент. Из какого места? Из того, за 60 долларов?..

Доктор. Нет, из другого, за 90 центов.

Пациент. За 90 центов? Чего-то я не вижу такого на плакате...

Доктор. Да вот оно.

Пациент. Это? Так тут за 90 долларов.

Доктор. А вы посмотрите на плакате, а потом у себя — масштаб сто к одному..

Пациент. Чего это такой дешевый анализ, даже обидно. Посуда для него дороже стоит... Я вчера виски дорогой пил, сейчас это все сюда войдет, и все за 90 центов?

Доктор. Ну хоть что-то у нас должно быть дешево!

Пациент. Да, платная медицина, не платная — все равно тебе нахамят, оскорбят..

Доктор. Чем я вас оскорбил?

Пациент. Посмотрел бы я на вас, если бы вам это оценили в 90 центов! Нам не о чем разговаривать! Все, я уезжаю! Каталку мне, каталку!

Антипохмелин

Мне просто интересно, есть тут женщины, у которых мужья пьяные домой приходят? Поднимите руки... Так, так... А у остальных что? Напиваются, но не доходят? Ну, третьего ж не дано... В общем, сестры по разуму, к вам ко всем обращаюсь я! Скажу на собственном опыте — средство есть! Жалко только, что это открытие скромно прошло, можно сказать, незамеченным. Обидно...

Нет, ну действительно! День радио, когда Попов первую телеграмму без проводов послал, — отмечают.

День космонавтики, когда Гагарин впервые из космоса привет всем жителям Земли послал, — отмечают.

А третье июня? Когда впервые в истории нашей супружеской жизни Федя меня послал? Да, впервые пришел домой пьяный и послал...

Ой, ну вообще никакой явился!.. Я как раз, помню, только из ванны вышла, губку в руках держу. Он ее взял, помял так, говорит: «Ой, какие булочки мягкие!..» И стал маслом намазывать. Потом откусил и послал... Ну, я в слезы, конечно.

И он тогда говорит: «Ладно, не хотел тебе раньше времени... но придется...»

Пошел в коридор, приходит в шлеме, как у летчика-истребителя... «Я, Маш, — говорит, — работаю испытателем. У нас международный экипаж...»

«Ой, — спрашиваю, — что ж ты еще испытываешь, кроме моего терпения?»

«Я, — говорит, — Маша, испытываю на себе влияние водки на организм человека...»

«А шлем-то зачем?» — спрашиваю.

«А у нас, — говорит, — ребята как нажрут, базарить начинают, могут кирпичом по кумполу захватить...»

Конечно, я ему не поверила. Утром потихонечку за ним пошла.

Смотрю — написано: «Лаболатория». И табличка так криво висит, и буквы на ней сначала нормальные, а потом все меньше, меньше и ниже, ниже... Видно, тот, кто писал, тоже влияние водки на себе испытывал...

В дверь заглядываю — мама моя! Лабораторию сделали в виде подъезда, где обычно алкаши собираются, видимо, чтоб обстановка на них не давила, чтоб все естественно было. Думаю, им какой-нибудь психолог посоветовал.

И все так натурально в этом подъезде! Не скажешь, что искусственный! Надписи на стенах, окурки на полу, даже запах... видимо, это тоже психолог... Не хотел от эксперимента отрываться и тут прямо...

И на ступеньках искусственной лестницы, перед искусственным лифтом трое сидят. Федька мой и еще двое. Все в шлемах, датчики к ним прилеплены, провода к приборам тянутся, в руках стаканы, водки море перед ними, колбаска порезана.

Думаю: «Что же это за международный экипаж? Двое русских и третий, лицо кавказской национальности...» Но с ними, видать, четвертый был. Его как раз мимо пронесли на носилках в черном мешке люди в белых халатах. И один из них, видимо, Главный конструктор, говорит: «Спи спокойно, наш товарищ... Мы никогда не забудем, что только благодаря тебе смогли доказать — что для русского хорошо, для немца — смерть! Прощай, Ганс!»

А потом хватает микрофон и кричит: «Но это нас не остановит! Внимание! Проверяем степень готовности! Первый!»

И мой Федька стакан выпивает и говорит: «Первый готов!..»

«Второй?»

«Второй готов!»

И видно, причем невооруженным глазом, без всяких приборов, что оба готовы, и первый и второй: лыка не вяжут. А третий, грузин этот, выпил столько же — и ни в одном глазу...

Я сначала особо внимания не обратила, ну, думаю, просто кавказец, они там с детства вино хлещут, тренированный просто.

Тут Федька и второй уже базарить начали, приставать к третьему: а, мол, чернопопый, понаехало вас тут!..

Я думала, что этот третий сейчас за нож схватится, а он только таблетку какую-то в рот бросил и говорит им абсолютно трезвым голосом: «Что гаваришь, слушай! Дальтоник, да?» Потом встает, снимает штаны, поворачивается к ним задом и говорит: «Какой черный? Сматри какой попка — белый-белый...»

Вечером, когда Федьку домой принесли и аккуратно положили в прихожей, я говорю: «Ты бы хоть мне этих нервных таблеток для спокойствия с работы принес, которыми грузин закусывал, с тобой же никакой психики не хватит».

Он говорит: «Да это не от нервов, это ж «Антипохмелин», мы его и испытываем. Мы со вторым парнем в контрольной группе, только пьем, а третий — еще «Антипохmeliном» закусывает. Ой, ну таблетки! И снимают агрессию во время выпивки, глупости не болтаешь, и еще он много чего делает. Вот, к примеру, если выпить с «Антипохмелином», а потом ребенка зачать, родится не даун, а самый нормальный малыш...»

Я говорю: «Да, жалко, что твой папа с тобой поспешил, не дождался «Антипохмелина», может, и у него бы нормальный родился! Потому что только сыночек-даун мог добровольно записаться в контрольную группу! Завтра же иди к своим алкашам и скажи, что будешь третьим!..»

И со следующего дня Федю как подменили! Другой человек! Экономия страшная! Вот он с «Антипохмелином» рюмку выпьет и неделю балдеет. И больше ему не надо. Даже если из принципа нальет себе вторую, ему внутри из организма «Антипохмелин» говорит: «Все, Федя, хорош...»

Соленых огурцов мне теперь до весны хватает — никто по ночам в холодильник не лезет, рассол не выпивает. Ему вообще похмеляться не хочется.

В гости теперь зовут — ходить не успеваем. Ну раз мы такие культурные, каждому хочется на нас посмотреть...

Да я сама на него другими глазами смотрю! Тут где-то в гостях мы с ним выпили, по таблетке — хлоп-хлоп! Смотрю на него — ну как подменили! Узнать моего Федьку нельзя! Как-то выше ростом, лысина заросла, красавец! Я его целую и говорю: «Федь, да ты просто теперь другой человек!» А он тоже меня целует и говорит: «Я и есть другой, меня Колей зовут...»

Это я, видать, с дуру таблетки перепутала, вместо «Антипохмелина» анальгин проглотила, ну и после водки все как в тумане, конечно...

Вижу только — Федя подскакивает со сжатыми кулаками — я от ужаса глаза закрыла, — а он еще таблетку «Антипохмелина» хлоп... Пляжу — улыбается, кулак разжимает, там ключ на ладони. «Это, Коля, от квартиры, — говорит. — Возьмите, вам там с Таней удобней будет...» Вот как одной таблеткой агрессию снимает!

Только не подумайте, что Федя на Колю свои супружеские обязанности решил переложить. Ему это не надо. Он после «Антипохмелина» свои не знает, куда девать. Ну, я ж не железная. А он как на ночь таблетку примет, я от него прячусь прямо, честное слово. Ну выше крыши потому что. Виагра отдыхает... Просто в дикого быка превращается, готов, как говорится, все, что движется... Я тут от него в очередной раз спряталась, сначала искал меня, под кровать заглядывал, потом слышу — затих. Выглядываю — а это он на полу самку таракана заметил и давай к ней приставать... Подмигивает ей, крошки сыплет, самца ее лично дустом заморил, приревновал, видимо... А потом ей: «Ну, и куда ты теперь без мужа...»

Только не думайте, что этот «Антипохмелин» как-то вредно на мозг действует. Ерунда! Наоборот! Такие скрытые резервы открывает! Ну Федька вдруг по-английски заговорил! Никогда не учил, а тут...

Прихожу как-то, смотрю — в комнате намусорено. Я говорю: «Ну, кто насорил?» А Федька вдруг на английском: «Ай эм сорри...»

Нет, хорошо с «Антипохмелином», хорошо. Единственное, что огорчает — судьба первопроходца, грузина этого, который вместо Феди в контрольную группу

пошел. Ну что-что, без таблеток спился так, что его даже из алкашей выгнали. Еле на работу устроился. Его за мохнатые ноги в рекламу взяли. Да вы видели: «это моя спина, это моя нога» — вот это его ноги...

Ну что делать — в науке без жертв не бывает...

А она вообще все дальше идет. На основе тех же молекул. По просьбе женщин к 8-му Марту готовят для мужиков! «Антиналевоходин». Добровольцев испытывать не нашлось, я по просьбе Главного конструктора его Феде хитростью впихнула. Из его любимой любительской колбасы кусочки жира выковыряла и вместо них таблетки этого антилевоходина навставляла. Результат! Мало того, что налево не ходит, его при ходьбе даже вправо забрасывает! Да, видимо, передозировала я. Никого не видит, кроме меня! Особенно если его очки спрятать...

Главный благодарил меня и по секрету шепнул государственную тайну: сейчас для чиновников «Антивзяктоберин» разрабатывают. Чтоб, если им деньги дают, их тошнило, наизнанку выворачивало... Сделают такие черные шарики, будут им незаметно в икру добавлять... Уже есть результаты. Пока их тошнит, если объедятся икрой, но наука продолжает работать...

АМНЕЗИЯ

Илья прибегает к Юре.

Илья. Катастрофа! Просто катастрофа!

Юра. Что случилось?

Илья (*ходит нервно туда-сюда*). Как она догадалась? У этой женщины просто какая-то звериная интуиция!

Юра. Да в чем дело-то?

Илья. Люська полезла вчера в мою записную книжку, там Танькин телефон...

Юра. Боже мой!.. Так ты что — не зашифровал?

Илья. Ну как это — «не зашифровал»? Я что, по-твоему, похож на идиота?

Юра. Нет, не похож... Но знаешь — внешность обманчива. Вот Люська-то, видно, на всякий случай и полезла в твою книжку: а вдруг он все-таки идиот, вдруг не шифрует телефончики...

Илья. Еще как зашифровал... Мужским именем... Вот, смотри: «290 15 40 — Татьян Петрович»... Ну вот как догадалась? Ну фантастика...

Юра. Не, ну кто ж так шифрует? Мужским именем... Это давно пройденный этап. Я ж тоже этим методом пользовался. После одного случая отказался. У меня помнишь Серафима была? Я ее по телефону Сергеем звал... Как-то звоню — ее нет. Я ей на автоответчик: мол, Сергей, это Юра, хочу с тобой встретиться, позвони мне 912 38 72. Ну и звонок. ... (*Изображает гонимика*.) «Але, Юрочка? Это Сергей, вы хотели со мной встретиться? Я га-атов...» (*Обычным голосом.*) Видно, я не туда попал. Он меня вот так месяц преследовал, и я вынужден был...

Илья. Встретиться с ним?!

Юра. Нет, вынужден был номер поменять... С тех пор все — мужскими именами не шифрую...

Илья. А что ж ты, для памяти узелки на платке завязываешь? Я пробовал, это ерунда, это до первой стирки.

Моя, ты не представляешь, такая интуиция! Платок берет стирать, только посмотрит на узелок, сразу: «Опять с этой курвой встречаешься?..»

Юра. Да ладно — интуиция! Ты уж прямо Люське своей какие-то сверхъестественные способности приписываешь! Я тебя уверяю: мнемотехника — никакой интуиции не по зубам...

Илья. Мне-мо-техника?

Юра. А-а, так ты даже не знаешь, что такое мнемотехника? Совсем деревня? Нет, я просто поражаюсь, как ты, не зная мнемотехники, вообще рискуешь с девушками встречаться...

Илья. Чего это я не знаю? Прекрасно знаю эту... как ее... мнимо... технику. Это когда в сексе мужик только пыхтит как паровоз и ни с места, все в гудок... Одна видимость!

Юра. Чего-чего?

Илья. Я говорю, когда вроде и техника у мужика хорошая, и позы он вроде принимает правильные, а... все мнимое.

Юра. Какие еще позы?

Илья. Да неважно какие — когда женщина сверху или когда мужчина...

Юра. Ага! Когда оба сверху... Знаешь ты, как же! Мнемотехника — это запоминание по ассоциациям!

Илья. А я про что говорю? То есть он еще помнит как, но...

Юра. Да нет, вот смотри... Предположим, я хочу записать телефон этой твоей Тани...

Илья. А зачем тебе ее телефон?

Юра. Да это я к примеру!

Илья. Хороший пример! Записать телефон чужой девушки! И чему ты учишь таким примером? Отбивать у товарища?

Юра. О господи! Да это я так сказал! Да ты, ты ее телефон записать хочешь...

Илья. А мне не надо! У меня он и так записан!

Юра. И чудесно! Телефон как записан, так записан! А вот рядом вместо имени «Таня» пишешь, с чем она у тебя ассоциируется, ну что у тебя сразу в памяти возникает, когда ты ее вспоминаешь...

Илья. А-а! Понял-понял!

Юра. Фу! Слава богу, наконец-то!..

Илья (*черкает в своей записной книжке*). Здорово! Так вот что такое мнемотехника...

Юра. Ну, что у тебя получилось? (*Заглядывает в его книжку, читает.*) «290-15-40. Вот такая зад...»

(*Осекается, смотрит на Илью.*)

Илья (*мечтательно*). Не представляешь себе... Я как только подумаю «Танька» — сразу она перед глазами стоит... (*Разводит руки в стороны, показывает, какая задница.*) Вот такая... ассоциация!

Юра. Нет, ну это не годится! Ну это ж Люська твоя сразу догадается... То, что ты пишешь, не должно наводить на эти... на эти задние мысли.... (*Достает свою записную книжку.*) Вот, смотри у меня... «Доски... Шпингалет, «Умелые руки»... СМУ-18». Моя, даже если увидит, только заплачет от умиления: вот, мол, я какой у нее деловой и хозяйственный, все своими руками...

Илья. А на самом деле?

Юра. А на самом деле... «Доски» — две сестрички! Худые! Обе плоские как доска. «Шпингалет» — малолетка одна, еще в школу ходит. А эта — умелые руки — ну, сам понимаешь...

Илья. А вот это — СМУ-18?

Юра. Эта с мужем живет. СМУ! Он в восемнадцать домой приходит...

Илья. Тебе хорошо: у тебя хобби — все своими руками, ремонт делать... Конечно, с твоими досками кто тебя заподозрит...

Юра. А у тебя что, никакого хобби нет?

Илья (*показывая на свою записную книжку*). Кроме этого — никакого... Куда мне? Я же весь больной, все время по врачам...

Юра. Вот и пиши, будто это врачи! Вместо этой (*показывает руками большую задницу*)... пиши — геморрой! Сразу вспомнишь...

Илья. Точно! У меня еще Тамарка одна — вот такие глазищи — пишу «глаза», да? «Окулист»?.. (*Черкает в своей книжке, Юра заглядывает в нее.*)

Юра. А это кто — «238 45 51»?

Илья. Это Альбина...

Юра. У нее что, полипы в носу?

Илья. С чего ты взял?

Юра. А что ж ты рядом пишешь — «ухо, горло, нос»?

Илья. А у нее ноги потрясающие, от ушей...

Юра (опять заглядывает в книжку). А это — «215 16 10» — грудь?

Илья. Ой, это Нинка, не представляешь — седьмой номер! Седь-мой!..

Юра. Я понимаю, но где ты видел, чтоб мужик в свою записную книжку писал врачей, специалистов по груди? Ты бы еще гинеколога сюда записал...

Илья. А как же такую грудь зашифровать? Седьмой номер — не спрячешь!

Юра. Пиши: телефон такой-то, добавочный — седьмой...

Илья (черкая). А! Вроде как с коммутатором! Ты — генний... Ну все! Все имена вычеркнул! Одни ассоциации остались...

Юра. Теперь попробуй для тренировки позвонить кому-нибудь...

Илья. Я вот сейчас этой. (Пауза.) Как же ее зовут?..

Юра. А что написано?

Илья. Написано: «240 12 13, зубы...» Слушай! Зубы! Да это Валька! Ну, конечно, «зубы»! Потрясающая девица! Зубы, знаешь, просто жемчуг...

Илья (набрав номер, в трубку). Але, Валюха! (Пауза.) Нет таких? Извините... (Хлопает себя по лбу, опять набирает.) Е-мое! Это же Тереза! Ну конечно! Зубы! Юрка, не представляешь себе! Вот она целуется, и зубами так все время прихватывает... (В трубку.) Але, Терезочка? Нет, а кто со мной? Анфиса?.. (Испуганно.) Нет-нет, это не Илюша. (Бросает трубку.)

Юра. В чем дело?

Илья. Ну конечно! Анфиса! Как я мог забыть!.. У нее все зубы железные... Все ты со своими ассоциациями! Ну и что теперь делать — я все имена вычеркнул...

Юра. Ну хочешь, моим позвоним? Я-то помню... (Листает свою книжку.) Вот! Доски! Это две сестрички...

Илья. Худые, худые, это я уже слышал, звони...

Юра (набрав номер). Але? Привет! Это... Это... Это доски?..

Илья. Тоже забыл? Ни одного имени не помнишь?

Юра. Только этого... Серегу.

Илья (со вздохом). Ну, хоть ему звони: все равно вечер пропадает...

КРИШНАИТЫ

Женский монолог

Я вам скажу, женщины: если у вас со своими мужиками что-то не так... ну, в интимной жизни... сразу, как я, тащите их в секту кришнаитов!

Ну, потому что они ведь буддизм исповедуют. А буддизм, он ведь что говорит? Что человек проживает много жизней. Даже если этот человек — мужик. Так что он, выходит, не только в этой жизни кому-то кровь портил, но и в других...

Но есть и преимущества, буддизм говорит. Если у парня, как у мужика, в этой жизни ничего не получается, он может это... Слово забыла... Что-то такое с медью связано... А! Медитировать!... В общем, покопается в своем прошлом, вспомнит, как у него все хорошо было, когда он был, скажем, бабочкой или орлом, и с этим пылким чувством летит к жене как на крыльях...

Не, ну, конечно, это не просто. Это надо стать настоящим кришнаитом, самовнушением владеть. А то у нас в секте многие знаете как? Пострижется под ноль и думает, что он уже кришнаит. А не получается с ходу, он сразу орать: «Отдайте назад мои 600 рупий!» Да, у нас там все в рупиях. Ну мы же индийцы, блин... И Петров, и Федорчук, и Мишка мой — все индийцы теперь... А я вам скажу так, по-бабьи, да хоть китайцы, лишь бы у них... ну вы меня поняли...

Но еще раз говорю — не сразу. На это даже не напраивайтесь... Во-первых, надо много читать. Про животных, про птиц и зверей. Чтоб не так, мне Мишка рассказывал, как Федорчук... Услышал в телевизор от Дроздова, что черепахи-самцы обладают большой сексуальной силой — все, даже досматривать не стал. Забрался в ванну, представил себя черепахой... В одиннадцать вечера из ванны выполз, пока до спальни дополз... жена уже на работу ушла...

Не, ну, и у моего, если честно, поначалу такая же осечка была. Смотрю как-то — ползет ко мне по полу... Честно говоря, подумала, что это он надрался, на ногах не стоит. А это он, оказывается, вспомнил, что в одной из прошлых жизней был дождевым червем... Ну и ничего не получилось... Черви-то, оказывается, двухполые, они сами с собой, им для счастья никто больше не нужен...

Потом еще как-то он паучком себя представил... Только все мне там паутиной заплел и больше ничего...

Ой, я, помню, так орала тогда... А он: «Зина, ты должна запастись терпением, я же пока только начинающий кришнаит...»

Я говорю: «Кришнаит ты начинающий, а идиот законченный! Люська своего в один день с тобой привела, а он уже себя петухом представил и ее затоптал просто!»

А он: «Да пусть она от этого петуха хоть яйца несет! Что ты сравниваешь? Ну если я в прошлых жизнях не был петухом, как же я могу себя им представить?»

«Хорошо, — говорю, — пусть не петухом. Представь себя бегемотом, я согласная. Только не говори, что ты в той жизни и бегемотом не был! Посмотри на свою будку в зеркало — ну одно ж лицо!»

«А ты знаешь, милая, — он говорит, — что бегемоты только раз в году, весной, во время гона и только при полной луне проявляют интерес к самкам... Ты Брема почитай, деревня...»

«Господи, да хоть бы разочек! — говорю. — Весной, как подарок к Восьмому марта. И свет от луны меня не пугает: пусть смотрят... если будет на что...»

А он: «Ну не был, не был я бегемотом!..»

Я говорю: «Что ты за человек такой! Все люди как люди! А у тебя в роду одни насекомые!..»

Тут он как закричит: «Ты наших насекомых не трожь! Вон Хабибулин — в секте со мной за одной партой сидит — он в прошлой жизни вообще бактерией был, теперь размножается и размножается делением, жена не нарадуется, между прочим, каждый день ему новые блюда... не то, что ты!»

Я говорю: «А тебе-то новые блюда за что, паучок мой несчастный! Могу тебе только дохлых мух в тарелку напустить! Может, тогда начнешь размножаться. Пусть не делением, пусть хоть умножением!..»

И назло ему одну зелень на обед, вообще никакого мяса — щавель, петрушка, салат... А он то ли с голодухи, то ли ему действительно понравилось — вцепился в эту зелень, жует, жует...

Я смотрю и так, знаете, девчонки, без всякой надежды говорю: «Может, ты кроликом в той жизни был?» Тут он жевать перестал, глаза закрыл, за уши себя подергал, тихо так говорит: «Люська! Ты гений!..» И в кровать поскакал.

Ну, подробности я опускаю, девчонки, но кролики, вы же знаете, ужас какие плодовые... Так что у нас уже шесть маленьких кришнаитиков, причем это все за один помет...

Ну, все гладко не бывает, есть, как говорится, и побочные явления: он в кровать с капустой лезет, жует, по всей постели разбрасывает и гадит все время... Но это все такая ерунда по сравнению со счастьем материнства!

Господи Есусе!! Спасибо тебе, Кришна! Аллах акбар!

КОРАЯ ПОМОЩЬ»

Доктор, доктор! Стойте! Это пятнадцатая больница? Я сестра со «Скорой». Скорее, у нас тяжелый... Стойте! Куда вы бежать сразу? Очень тяжелый, еле доперли его...

Ну? Представляете, мы его с пятого этажа без лифта? Это хорошо еще, он на четвертом с носилок в пролет упал...

Да нет, вроде внешне все цело, ничего не повредили — ни перила, ни ступеньки.

А, кости? Нет, руки-ноги все нормально... Он, слава богу, головой вниз летел. Она немножко самортизировала...

Чего — «белый как смерть»? Да нет, это известка! Мы, когда выносили, его лицом по стене провезли...

Да не, глаза закрыты — ерунда. Это он когда меня видит — замуривается...

Что нужен? «Узи»? Так безнадежно? Ну, «узи», автомат израильский, пристрелить, чтоб не мучился, да? Я на это дело не пойду, доктор. Энцефалограмму? Ну это еще куда ни шло...

Сейчас повезем, где каталка? Черт! Верхний свет выключили! Опять, наверное, за неуплату. Где же она? А, вот, нащупала... Кастрюли какие-то... На ней, похоже, обед в столовую везли...

Да некогда, некогда разгружать... Кладем его. Вот сюда, головой ко вторым блюдам, а ногами между овощами и кастрюлями.

Быстрее! Доктор, кажется, мы его теряем!.. Да что вы шапку снимаете? Не больного, колесо от каталки... Вечно на соплях сделают...

У нас проблема! Больной весь в поту, у него жар. Спичкой посветите... Температура тридцать девять. Вкалываю жаропонижающее... Нет, растет... Уже сорок... Пятьдесят... Девяносто... Что такое... Еще спичку... А, это у него ноги в кастрюлю с борщом попали...

Доктор, ну выньте их из кастрюли, мы ж все-таки не холодец варим...

Черт, упала до сорока, дальше никак... Сипит... Кислорода не хватает? Что ему? Подушку? К лицу? Приложила! Сипит. Что вы спрашиваете? В коме он или нет? Да, похоже, в коме. Глаза закрыты, ругается матом, но в коме, весь в коме... перьев из подушки. Так надо было сказать, что кислородную... Доктор, больной все время как будто что-то сказать хочет: «О-о!» Может, у него аппендицит, доктор? Что странно? Да сестра я, сестра. Я сестра шофера. Мы мебель мне на дачу везли, когда этот вызов пришел...

Температура тридцать девять. Стоит. Доктор, снимите с него шубу, июль все-таки. Ну мы ж его с января везем. Вот такие пробки в Москве, доктор...

Это ж не от нас зависит. На вызов-то мы пулей помчались. Как только позвонили: «Приезжайте, у нас грузин-жилец, ему плохо». Мы тут же с сиреной...

Влетаем в квартиру, видим — этому грузину действительно плохо, себя не помнит: ест сало и говорит: «Хлопцы, шо цэ так?» Диагноз ясен, мания величия у грузина: думает, что он украинец...

Мы его на носилки, нам из квартиры кричат: «Да не спешите, он не жилец...» Доктор, нам и в голову не пришло, что не жилец в том смысле, что, пока мы на дачу заезжали, они уже другому жильцу комнату сдали...

Что, доктор, что вы нащупали? Энцефалограф? И куда эти проводочки? Ему к голове?

Ну и как тут нашарить в потемках на этой каталке, где голова? Так, это не голова, это, извиняюсь, совсем другое... Ты смотри — больной-больной, а туда же, кобелина... А, это морковка для столовой... И голова где-то тут должна быть, между овощами... Нашла-нашла. подключаю... Ну что там на экране, доктор? Прямая линия? Боже мой! И лоб ледяной! А, это я к кочану капусты подключила...

Щас-щас... Куда-то уже проводочки дела, а, вот они, сейчас мы их к голове... Что вы, доктор? Дергаетесь, прямо как Майкл Джексон... И лицом похожи — почти черный стали... Что вы поете — ток, ток... Да вижу, что

ток дали... Ой, это я к вашей голове подключила? Ну извините, что ж так орать. Это ж только энцефаллограмма. А, это другие проводочки... От сети, на двести двадцать... Ай эм сори, Майкл...

Куда же вы? Куда вы от меня в тумбочку прячетесь? Не от меня? От этого? А кто это? Ваш лечащий врач? А вы? Больной? А белый халат? Маскировка? Ну прячьтесь, прячьтесь — жить-то всем хочется...

УЗКИЙ ПРОФИЛЬ

Правильно говорят: наше здоровье — в наших руках. Не надо на врачей сваливать. Лечат у нас хорошо, надо только нам самим правильно прицелиться, к какому специалисту идти.

Сейчас же узкая специализация! Это раньше один врач все знал и от всего лечил. Но ведь это невозможно, все знать нельзя! Бывает даже, тебе кажется, что ты что-то знаешь, а на самом деле — ни хрена! Иллюзия это!..

Ну вот, простой пример. Заходишь в столовую, в меню написано: «курица». Тебе кажется, что уж курицу-то ты знаешь, да? А на деле? Тебе приносят крылышко... Ты грызешь крылышко, сосед грызет крылышко, соседка грызет крылышко... За какой стол ни посмотришь — у всех одни крылышки! Теперь скажи: если все эти крылышки сложить — получится курица?.. С двумя ногами, гребешком, головой с клювом — получится?.. Нет! Вот и выходит: ты всю жизнь считаешь, что ел курицу, а на самом деле это были многокрылые вертолеты...

А уж в медицине тем более все знать нельзя! Вот они твое тело на участки и поделили! И за это на докторов нельзя обижаться! Главное, повторяю, верно прицелиться! Другое дело, что это не всегда получается...

Мне тут жена говорит:

— Что-то, Федя, ты мне не нравишься. Сходи в поликлинику, пусть тебя там послушают.

Пошел. Говорю в регистратуре:

— Одышка у меня, еле ногами двигаю...

— Ногами? Это вам к специалисту по ноге...

Прихожу к этому ножному специалисту, он по-научному «ортопед» называется. Посмотрел он:

— Значит, говорите, еле ногами двигаете? Не знаю, в чем дело — у вас нормальные ноги. Кривые только, но это уж — как Бог послал... А так кости, суставы — все нормально.

— Ну как же «нормально»? Я ими еле двигаю, а вы — «нормально»...

— Да вы поймите — я узкий специалист! По моей части — все нормально! А то, что вы ими еле двигаете, это может быть тысяча причин!

— Ну, например?

— Например, может, у вас ботинки тяжелые! Что же, прикажете мне и в сапожном деле разбираться?

Я говорю:

— Конечно, приказать я вам ничего не могу, а если бы мог, приказал бы вам только одно: быть к людям более внимательным!

— По-вашему, я невнимательный, да?

— Вы еще спрашиваете? Да вы меня даже не послушали!..

— Я? Я?... Слушайте, ну вы наглец! Я его не послушал, как вам это нравится! Да я уже полчаса вас слушаю!..

— Я не про это! А чтобы со стетоскопом, с трубочками в ушах...

— Ну, хорошо, если вы настаиваете...

Он взял стетоскоп, воткнул трубки себе в уши и отрывисто скомандовал:

— Хорошо, я вас послушаю... Давайте ноги...

— Да не ноги! Ноги-то — что их слушать... Вы весь мой организм прослушайте...

— Зачем? Зачем я буду слушать то, в чем я совершенно не разбираюсь? Ноги — другое дело. Ноги — моя стихия. По ногам я все книги прочел, я ноги знаю, как пять пальцев. А все остальное... — Он оглянулся на дверь и добавил шепотом: — Скажу вам честно: я, кроме ног, никаких других органов не знаю, даже затрудняюсь, как их зовут... Зачем я буду чужими названиями загружать свою... эту... забыл, как она называется... ну эта... она у людей в самом верху расположена, из нее еще к старости волосы лезут...

— Шапка, что ли?

— Возможно... Зачем я буду эту свою шапку всякими глупостями загружать...

А я свое гну:

— Значит, даже не слушаете? Я такую очередь

к вам отстоял, и даже дома рассказать нечего будет... Спросят меня: «Ну, тебя хоть послушали?» А я...

Он сдался:

— Ну ладно! Что-то я такое вспоминаю, нам на первом курсе говорили — есть такая штука у человека... забыл как зовут... Ну, еще когда в любви объясняются, про нее говорят: мол, предлагаю тебе руку и... и... и вот эту штуку...

— Не понимаю, о чем вы...

— Ну, неважно, — ортопед говорит, — неважно, как ее зовут, главное — что именно ее у больных слушают... Давайте я попробую...

— А где она у человека находится? — спрашиваю.

— Это я помню: она находится у человека с левой стороны — там, где обычно бумажник. Ну раздевайтесь, вставайте быстренько, я с вами час тут уже...

Ну, я разделся, встал так, чтоб ему удобней было слушать...

Он как заорет:

— Как вы стоите? Что вы мне подставили? И это я должен слушать?! Хулиган чертов!..

Я говорю:

— Вы мне сами сказали: «Эта штука с той стороны, где бумажник...» Никто вам, доктор, не виноват, что я деньги в брюках, в левом заднем кармане ношу! Я только выполнял ваши указания... Не хотите слушать — не надо, а кричать нечего...

Он как заорет:

— Во-он!..

Я думал, судьба больше никогда не сведет меня с этим страшным человеком. Но вышло по-другому...

Как-то заболели у меня глаза... Прихожу в поликлинику, иду в регистратуру — меня опять к ножному посылают. Думаю: «Какая связь? Где глаза — где ноги?» Но оказалось, связь есть...

Он меня узнал сразу. А узнав, так дернул за ногу — глаза на лоб полезли! Вот вам и связь...

Год я после этого в поликлинике не был. И дальше б не ходил, если б не особый случай...

Как-то наелся я огурцов, запил молоком и стал после этого, ну.. все время бегать... Какое-то время терпел.

очень не хотелось к врачам, но чувствую — все, сил осталось на один забег... И побежал в поликлинику.

Та же регистраторша отправила меня с моим острым кишечным заболеванием к тому же ортопеду...

Казалось, он больше не помнил зла. Посмотрел на меня, сочувственно покачал головой и сказал:

— Есть один способ, сразу бегать перестанете...

— Какой, какой способ, доктор?

— Предлагаю ампутацию...

Я бежал от него так быстро, как только мог, без шапки, без ботинок... Через день я уже лежал с сильнейшей простудой, я бредил, мне снился жуткий сон, всегда один и тот же...

Во сне я вызывал врача из поликлиники. И приходил, конечно, он, ортопед...

И каждый раз я метался по кровати и в отчаянии кричал:

— Ну почему, почему всегда вы?!

— Ну, а кто же? — спокойно отвечал он. — Ведь у вас грипп, а я как раз специалист по ногам...

— Да при чем, при чем тут ноги-то?!

— Как это «при чем ноги»? — говорил в моем страшном сне терапевт, заботливо поправляя мое одеяло. — При гриппе что нужно парить в горячей воде? Но-о-ги...

— Мне некогда тут с вами парить ноги! — кричал я. — Я завтра же выхожу на работу.

— Пожалуйста, можете выходить, — отвечал он. — Сейчас наука достигла таких высот, что мы можем вам ноги парить отдельно...

— Это каким же образом?

— Предлагаю ампутацию.

... И я каждый раз в этом месте просыпался в холодном поту и еще долго дрожал, пока не убеждался, что это сон, что он не стоит рядом...

Но как-то раз я проснулся... Он продолжал стоять надо мной... Я протер глаза — он не исчезал...

Рядом стояла моя жена и говорила ему:

— Понимаете, доктор, он стал такой раздражительный, просто бросается на людей! Вот я и позвонила в поликлинику, попросила прислать специалиста, сказала, что он каждый день встает с левой ноги...

И она заплакала...

— Ну, успокойтесь, — сказал ортопед. — Обещаю: больше он с левой ноги вставать не будет...

С этими словами он достал огромную пилу...

Он взял мою ногу, как полено, примерился пилой, поплевал на ладони...

Спаси меня могло только чудо... И оно произошло! Я сунул ему ногу в носке прямо под нос...

— А! А! Невозможно работать! Носки... надо чаще менять!.. — пробормотал доктор, хватая ртом воздух, и рухнул на пол.

...С тех пор я практически не болею. И не хожу к врачам. Не имею права — мне еще столько предстоит сделать: посадить дерево, вырастить сына...

Нет, никак нельзя нам к врачам.

ЧЕЛОВЕК — ЭТО ТО, ЧТО ОН ЕСТ»

Оказывается, человек — это то, что он ест... Ну, Ов смысле, что съел — из этого его организм и формируется. Это вообще многое объясняет! Вот у меня Федька, знакомый, вегетарианец и действительно парень такой — ни рыба ни мясо.

А я тут охотничьи колбаски поел — и чего-то сразу волосы на груди расти стали и все время хочется ногой голову почесать... Видимо, в собаку на охоте попали...

Да, а сейчас ради денег из чего хочешь еду сделают... Вы эти комиссаровские пельмени видели, «Моя семья»? А семью его кто-нибудь видел? Ну? Еще вопросы будут?

Не, это открытие многое объясняет! А я смотрю, чего-то Люська со мной такая ласковая! Каждый день обеды, причем все с говядиной, с говядиной... Я только не пойму: это чтоб потом доить меня, как корову, или чтоб рога наставлять?..

Ну, я вообще, конечно, сам виноват. Не, раньше все нормально было. Но тут как-то вечером дома романтический ужин устроили. При свечах, с шампанским, раков заказали из дорогого ресторана. Поел я этих раков и от Люськи стал пятиться...

Не, я потом пробовал себя реабилитировать, вырасти в ее глазах. Даже рагу из кролика ел. Кролики же ужас какие плодовые. Но, к сожалению, выросли только уши...

Думаю, она теперь с кем-то из моих корешей крутит. Только вот с кем? Серега для этого дела никакой. У него только выпить на уме. Мы как-то выпивали сидели. Я говорю: «Ты знаешь, что человек — это то, что он ест?» А он мне руку протягивает, говорит: «Да? Очень приятно познакомиться! Гжелка...»

Колька-геолог? Не, у него теперь вообще другая ориентация. После того как он в экспедиции с голодухи компас съел... Да еще закусил голубикой...

Погоди... Если действительно человек — это то, что он ест... Неужели она с Васькой? То-то он вчера один целую палку сервелата сожрал...

У, как эта теория все ставит на свои места!

И то, что Степан не умел, не умел плавать, а на пляже пирожок съел непонятно с чем — и теперь не тонет вообще!

Да не, если человек — это то, что он ест, это ж можно всю жизнь с помощью еды изменить в нужном направлении...

Ну, конечно, если распорядиться с умом. А то я Петьке рассказал, тот жене, и она ему каждый день шашлык из баранины. Мы с ним через неделю по улице идем, он вдруг остановился, уставился на что-то и спрашивает: «Это что, новые ворота, что ли?» Я говорю: «Она тебя действительно одной бараниной кормит?» А он: «Ага. Кормит и плачет». — «Плачет? Может, ей денег жалко?» — «Не знаю, — говорит. — Только она теперь все время с ножом ходит, плачет, вздыхает и говорит: «Прости, милый, но мне так новая дубленка нужна...»

Ну это ж надо знать, кому говоришь. А то Витька своей болтанул. «Знаешь, человек — это то, что он ест...» Уж где она достала мясо енота-полоскуна, не знаю, только Витька теперь каждый день сам носки стирает...

Не, ну конечно, это открытие только в мирных целях использовать надо. А то этот парень по телевизору, наркоман, видимо, вместо героина «Тайд» лизнул, теперь по квартирам ходит, грозитя прийти к тем, кто еще кипятит.

Но самое страшное... Я вообще не хотел говорить, но просто чтоб вы поняли, как это может быть опасно... Ванька свою из роддома забирает, ну там гово-

рит ей, человек, мол, это то, что он ест... А она ему: «Ты мне будешь рассказывать! Тоже мне новость! Я девять месяцев черный кофе пила, и вот результат...» Конверт приоткрыла — а там негритенок!..

«АПТЕКА»

Первый. Черт... Вот закон придумали! И матом нельзя, и иностранные слова нельзя! Нет, эти в Думе просто му... мудрые люди! Ну, и как мне теперь без вывески найти ап... ап... То место, где для лечения снадобья продают? Так, она была тут между быстро и бутиком... Если быстро теперь называется «Обжираловка», а бутик «Версачи и Армани» — «Лабаз для Веры и Мани», значит, она теперь — вот это вот, под вывеской «Для вас, доходяги»... Ну, что, зайдем... Здравствуйте, скажите, вы ап...

Второй. Вы с ума сошли! Вы что, меня под срок хотите подвести? Никаких ап! Я теперь знахарь... Что вы хотите?

Первый. У вас есть... ну, это иностранное слово, вы же знаете, сейчас по закону нельзя их употреблять... У вас есть... ну, чтоб детей не было?..

Второй. Не понял...

Первый. Ну, на букву пэ...

Второй. На букву пэ... Чтоб детей не было... Палка, что ли?

Первый. При чем тут палка?

Второй. Если ей врезать, никаких детей не будет, все из дома разбегутся... на улице орать будут...

Первый. А мне не надо, чтоб и на улице орал! Я не могу слышать эти крики... Ну в пакетиках, средство такое...

Второй. А! Так бы и сказали! Вот...

Первый. Что это?

Второй. Вкладываете в уши — и забудете про детей...

Первый. В уши? Я такой позы не знаю... А обычный, на букву «пэ», чтоб детей не было...

Второй. А, на букву пэ, чтоб детей не было... Есть у нас одна, искусственная, вот, только ее надуть надо...

Первый. По-моему, вы меня надуть хотите! Не нужна мне эта резиновая баба! Я вам русским языком говорю: на букву п, надевается...

Второй. Перчатка?

Первый. Да нет, перчатка на пять пальцев надевается, а когда один...

Второй. Инвалид, что ли?

Первый. Нет, ну вот ночь. Вы с чем к жене идете?

Второй. У меня нет жены.

Первый. Ну хорошо, не жена. Просто к женщине вы с чем идете?

Второй. С деньгами...

Первый. Послушайте, случайные связи очень опасны... Сейчас свирепствуют жуткие болезни... Надо предохраняться от заразы...

Второй. О, наконец-то я понял, чего вы боитесь! Держите!

Первый. Что это?

Второй. Повязка на рот.

Первый. Ну, это предохраняет от поцелуев, уже теплее, но еще не горячо.

Второй. Сейчас будет горячо! Вот! Держите!

Первый. Зачем мне кальсоны?

Второй. В них вам горячо будет, чистошерстяные, и не простудитесь, никаких болезней...

Первый. Да что ж такое! Да мать вашу...

Второй. Только ругнитесь...

Первый. А кто ругается? Я просто спросить хотел: мать вашу... вы давно не видели?

Второй. Давно.

Первый. Когда увидите, спросите, почему у нее сын такой тупой! Давайте еще раз, последний, с самого начала. Я не люблю эти крики и плач, у меня от них башка болит! И мне нужно... ну, средство такое, на букву пэ... Сами догадаетесь или сделаете звонок другу?

Второй. А! Понял!

Первый. Ну наконец-то!

Второй. Действительно, с этим законом, когда не можешь даже название произнести... Не сразу поймешь!

Первый. Вот именно! Что это вы пишете?

Второй. Пишу, как пользоваться...

Первый. Хо-хо! Да ну что вы! Слава богу! Как говорится, не первый год замужем...

Второй. Многие так думают, а на самом деле не умеют. Значит, будете три раза в день...

Первый. Три раза в день? Да нет, это вы преувеличиваете мои возможности... И потом, даже если б я мог, мы ж не сидим целый день дома.

Второй. А это не обязательно дома, это можно и в машине, и в магазине, и на улице...

Первый. На улице?

Второй. Да где угодно. Остановились на минуту и... Только они очень большие, будете по половинке...

Первый. Как по половинке?

Второй. Так. По половинке, кладете в рот и сосете...

Первый. Кто — я?

Второй. Ну не я же, это у вас от детей голова болит. Вот держите, чтоб не болела, на букву пэ... В красивой жестяной коробочке...

Первый. Но это пирамидон!..

Второй. Тихо-тихо, не произносите вслух...

Первый. Знаете что? Напрасно ваши родители не пользовались этим средством на букву п... А эти таблетки засуньте себе в же... жестяную коробочку обратно! До свиданья!

«АЛКАШ ПОД ГИПНОЗОМ»

Гипнотизер. Закройте глаза... Сейчас под гипнозом я вызову у вас стойкое, на долгие годы отвращение к водке... Ваши веки тяжелеют...

Алкаш. Тяжелеют...

Гипнотизер. Вам хочется спать...

Алкаш. Мне хочется спать...

Гипнотизер. Вам снится, будто вы сидите за столом, буквально на расстоянии вытянутой руки стоит полный до краев стакан холодной, ледяной водки, но вы абсолютно равнодушны...

Алкаш. Я равнодушен...

Гипнотизер. Вы даже не смотрите в сторону стакана...

Алкаш. Даже не смотрю...

Гипнотизер. Вы не тянетесь к нему...

Алкаш. Не тянусь...

Гипнотизер. Отлично!

Алкаш. Чего мне тянуться, у меня тут прямо под рукой такой же стакан...

Гипнотизер. Откуда? Я вам про второй ничего не говорил...

Алкаш. Ну что же я, в собственный сон стакан не пронесу?

Гипнотизер. И напрасно несли. Потому что вам и на него не хочется смотреть....

Алкаш. Не хочется. Не смотрю...

Гипнотизер. Отлично!

Алкаш. Чего смотреть? Я его на ощупь беру, не глядя...

Гипнотизер. А напрасно не смотрите! Потому что в стакан влетела огромная отвратительная муха. Она будит в вас всякие ассоциации...

Алкаш. Будит.

Гипнотизер. Что вы вспоминаете? Выгребные ямы, помойки?..

Алкаш. Нет, «Хевен Шолдрес»...

Гипнотизер. При чем тут муха и «Хевен Шолдрес»?

Алкаш. Два в одном! Водка и закуска в одном флаконе... Вот я беру стакан с водочкой, открываю рот...

Гипнотизер. А рот не открывается! Страшная судорога свела челюсти!

Алкаш. А я беру трубочку для коктейлей и в нос...

Гипнотизер. У вас грипп! Нос заложен!

Алкаш. Тогда в ухо... Трубочку в стакан, подношу к уху...

Гипнотизер. А рука трясется, вы не можете попасть!

Алкаш. А мы берем тогда трубочку большего диаметра, от водопровода, подносим...

Гипнотизер. Ваша рука вдруг наливается свинцом, она становится тяжелая-тяжелая и не может удержать стакан. Он выскакивает и летит вниз...

Алкаш. Но его подхватывает левая рука...

Гипнотизер. Не подхватывает, она такая же тяжелая...

Алкаш. Не, не такая же, я с нее часы снял... И она подхватывает стакан.

Гипнотизер. Но вам становится жарко, очень жарко, и стакан выскальзывает из липкой руки, летит на пол и разбивается! Вся водка разливается по полу...

Алкаш. И мы ее слизываем с пола, слизываем...

Гипнотизер. А пол грязный, кругом инфекция, микробы.

Алкаш. Да! Хорошо, что водка все дезинфицирует...

Гипнотизер. Слизываем и не знаем, что это левая водка.

Алкаш. Нет, не знаем. И это наше счастье, что не знаем, это не портит нам кайфа.

Гипнотизер. Мы не знаем, что она сделана на метиловом спирте... от которого в 99 случаях из 100 люди слепнут.

Алкаш. И вот он, этот единственный счастливый случай. Человек лижет — ему хоть бы что!

Гипнотизер. И в этот момент в язык попадает заноза, начинается нагноение, человек лежит — таблетки, микстуры, — ничего не помогает, и вот уже к нему подходит старуха с косой...

Алкаш. Подходит и уходит...

Гипнотизер. Не-ет. Старуха с косой, если уж подойдет — не уйдет...

Алкаш. Да нет, она сколько раз приходила, глянет — и сразу назад...

Гипнотизер. Кто?

Алкаш. Старуха с косой, Роза Соломоновна, наша врачиха участковая. Старая, а все как девочка, с косой ходит. Такая невнимательная! Посмотрит секунду, и дальше бежать...

Гипнотизер. Да, Роза Соломоновна очень невнимательная, она путает пирамидон с цианистым калием, секунда — и вы на небесах...

Алкаш. Да, я на небесах, я летчик... У нас тут запасы спирта против обледенения плоскостей.

Гипнотизер. И вы весь выпиваете, и обледенелый самолет разбивается к чертовой матери! Ба-бам! И вот уже приближается он...

Алкаш. Кто?

Гипнотизер. Догадайтесь с двух раз — с рогами, хвостом и копытами, с огромной сковородкой...

Алкаш. Серега! Мясник? Он всегда из гастронома на холодец хвосты с копытами таскает.

Гипнотизер. А рога-то у него откуда?

Алкаш. А это вы, доктор, у его жены спросите...

Гипнотизер. Так, все, медицина бессильна. На счет «раз» просыпаетесь, на счет «два» — открываете глаза... Раз...

Алкаш. Подождите, тут же где-то во сне второй стакан был...

Гипнотизер. Не трогайте его! Это мне! С вашим бра- том на трезвую голову просто невозможно...

У голубого экрана

ПРЕДИСЛОВИЕ № 4

Так сложилось, что я лет двадцать довольно тесно связан с телевидением. Снимался в программе «Вокруг смеха», писал для телепередач «Артлото» и «Утренняя почта», потом придумал «Колесо истории», вместе с Леней Якубовичем сделал программу «Анализы недели», до сих пор пишу сценарии телевизионных комедий...

В общем, мне случилось заглянуть на телевизионную кухню, увидеть, как готовятся блюда, которыми каждый день потчуют телезрителей...

И эти блюда, и способы их готовки, и сами «повара» — все это достаточно забавно. Иногда руки просто чешутся спародировать телепрограммы и их ведущих. Все, что вы здесь прочтете, — результат этого «рукочесания»...

К ИСЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

К нам часто обращаются с просьбой продолжить, несмотря ни на что, а может быть, как это ни покажется на первый взгляд странным, как раз по противоположным причинам, продолжить, так сказать, рассказ о малоизвестных или, может быть, почти неизвестных, а для кого-то, я бы сказал, и совсем неизвестных, так сказать, страницах нашей, я бы сказал, истории.

Трудно сказать, чего в этих просьбах больше — интереса к самой теме или интереса ко мне, к ведущему, умеющему, я бы сказал, четко, коротко и, как мне кажется, без лишних слов изложить самую суть так, чтобы зритель не сошел с ума, дослушав фразу до конца.

Так или иначе, мы продолжаем. Продолжаем рассказывать о том, как подчас роковая случайность переворачивает весь ход истории. Зададимся, к примеру, вопросом: почему именно ночь с 25 на 26 октября по старому стилю была выбрана Лениным для Октябрьского переворота? Конечно, для всех было бы лучше назначить днем восстания 29 февраля, которого в том году вообще не было. Но почему именно 25 октября, понедельник? Почему было не устроить восстание по просьбе трудящихся в ночь на пятницу, чтобы победивший пролетариат мог потом гулять три дня подряд?.. И почему именно эти дни Ленин называл критическими?..

Тайна открылась совершенно неожиданно...

Мы с вами — в Петрограде! Вот здесь Петр прорубал окно в Европу, строил кофейню на паях... Мог ли подумать самодержец, что именно с этого города начнется и штурм самодержавия?

Здесь, в Петрограде, всегда бережно относились к памятником истории, многое и сегодня сохранено тут в том виде, как это было в семнадцатом году: все так же стоит «Аврора» на Неве, так же, как в 17-м, не работают многие заводы и фабрики, все так же Смольный

захвачен большевиками, и все так же, как в октябре 17-го, в городе постреливают по ночам. За все это питерцы прежде всего должны благодарить своего мэра с его буквально трепетным отношением к истории...

А вот и последняя питерская нелегальная квартира Ленина, ставшая теперь музеем. Здесь все, как тогда: лампа, книги, чучело Крупской... Даже приготовленные ею котлеты в тарелке те самые. Видно, что Ленин до них в тот вечер даже не дотронулся. То ли спешил, то ли, как все, что готовила Надежда Константиновна, их в рот было взять нельзя...

А возможно, как раз кулинарное искусство Надежды Константиновны сослужило год спустя Владимиру Ленину хорошую службу. Когда Фанни Каплан стреляла в него отравленными пулями, яд не подействовал. Видимо, за долгие годы организм просто привык ко всякой гадости...

По-человечески Ленин ел, только когда уходил в подполье и находил там соленья, варенье, маринованные грибы... Или когда, отправив Крупскую куда-нибудь с чемоданом «Искры», приходил к Инессе Арманд, где мог заодно и перекусить...

А вот и тот самый календарь на стене, где ленинской рукой красным карандашом обведены эти два дня — двадцать пятое и двадцать шестое.

Попробуем восстановить картину того рокового вечера. Ленин и не думает ни о каком восстании, он думает о Инессе, подходит к календарю, обводит кружочками эти два дня — и думает, вздыхая: «Да, пару дней придется поголодать...» Он не замечает, как в комнату входит Крупская. «Что это ты отмечаешь, Володя?» — спрашивает она. И Ленин машинально отвечает: «Что-то, критические дни, вот что...» — «Критические дни?» — удивленно переспрашивает Надежда Константиновна, которая к тому моменту давно забыла, что это такое... И Ленин понимает, что проболтался. Не может же он сказать, что отмечает критические дни Инессы Арманд. Он начинает выкручиваться, говорить, что это критические дни вооруженного восстания, нахлобучивает кепку, уходит в Смольный и собирает расширенный ЦК...

Он говорит товарищам, что Крупская видела, как он обвел кружочками 25-е и 26-е, ставит вопрос о немедленном вооруженном восстании и говорит, что промедление для него смерти подобно... Действительно, возможно, уже в эти минуты Крупская готовит для него какой-нибудь борщ... Все члены ЦК понимающе кивают и поддерживают Ленина, против — только Зиновьев и Каменев. «Мы не поняли, — говорят они. — К чему такая спешка? Почему именно эти два дня?» Видимо, только они из всего ЦК не знали, когда у Инессы Арманд критические дни...

Проголосуй ЦК против — и Крупская поймет, что никакого восстания нет и в помине, а эти кружочки выдадут интимную связь вождя с головой. И, я бы сказал, не только с головой, но и с кое-чем еще. И ЦК из чувства мужской солидарности голосует за восстание...

Так роковая случайность, в конечном счете нежелание хлебать щи, приготовленные Крупской, привели к тому, что мы потом расхлебывали почти 90 лет...

-О-О, СЧАСТЛИВЧИК!

Дибров. Здравствуйте, дорогие друзья! В эфире программа «О-о-о-о, счастливчик!». Отборочный тур! Прошу расположить в порядке возрастания следующие цифры: один, два, три, четыре!..

Удар гонга.

Дибров. И первым это сделал вот этот человек! (*Показывает рукой за кулисы, из-за которых выходит Илья.*) Представьтесь, пожалуйста...

Игрок. Илья...

Дибров. Случайно, не Муромец? Ха-ха-ха. Я почему спросил: судя по скорости вашего ответа, вы человек могучего интеллекта и богатырских знаний. Итак, Илья... Прежде чем мы начнем, хочу напомнить правила нашей игры: получив от нас первую тыщу рублей, вы можете вместе с ней выйти из игры...

Игрок. Хорошая игра! Давайте тыщу, я пойду..

Дибров. Эту тыщу еще надо заработать! Итак, первый вопрос, самый легкий: кто перед вами сидит: А) Дибров, В) Немцов, С) Чубайс, Д) Миткова...

Игрок. Ничего себе — легкий...

Дибров. Вы можете двоих убрать...

Игрок. Ну давайте уберем Чубайса и Немцова...

Дибров. Пожалуйста, если так вам будет легче...

Игрок. Мне! При чем тут я? Всем будет легче, если их уберут...

Дибров. Итак, Миткова или Дибров?..

Игрок. Я могу позвонить-посоветоваться?

Дибров. Конечно.

Игрок (*в телефон*). Але, это Илья говорит! Я звоню с игры «О, счастливчик!». Кто сидит напротив меня — Дибров или Миткова?

Женский голос. Миткова!

Игрок. Значит, Дибров...

Дибров. Но человек же вам сказал: «Миткова»...

Игрок. Это не человек, это теща — она всегда мне поперек говорит...

Дибров. Значит, Дибров? *(Пауза. Ест игрока глазами, тот елозит на стуле от напряжения.)* К сожалению...

Игрок *(горюет)*. Ой... Ай... Уй...

Дибров. Мне очень неприятно это говорить...

Игрок *(хватаясь за сердце)*. Ой, ну как же это я...

Дибров. Мне очень неприятно — но это действительно Дибров! *(Музыкальная фраза.)*

Игрок. Тьфу, дурак, напугал...

Дибров. И у вас уже — сто рублей!

Игрок *(растерянно)*. Как — «уже сто»? Да я из дома с двумя сотнями пришел... *(В сторону.)* Уже спер, пока мозги заправлял... Хорошая игра...

Дибров. Второй вопрос потруднее...

Игрок. Куда уж труднее.

Дибров. Но вы, я уверен, с ним справитесь. Он связан с географией, а вы, насколько я знаю, сотрудник в Институте географии, и не рядовой сотрудник, а доктор... Итак: «Что впадает в Каспийское море: А) Темза, В) Волга, С) Жигули, D) «ГАЗ-69»...

Игрок *(мучается, потом неуверенно)*. Ну... ну... ну пусть будет В) Волга...

Дибров. Значит, Волга? А может быть, Темза?

Игрок. Не-ет, Темзу я знаю — это пятки тереть... Нет — Волга!

Дибров. Правильно — Волга!

Звучит музыка.

Но не очень уверенно! Даже странно... для человека из Института географии... Да еще доктора...

Игрок. Да я там доктор в медпункте...

Дибров. Если честно: сомневались, что Волга может впадать в Каспийское море?

Игрок. Нет! Сомневался, что она до этого моря с автозавода доехать может...

Дибров. Тем не менее у вас — двести рублей!

Игрок *(в сторону)*. Вернул, значит... Совесть заговорила...

Дибров. Третий вопрос! *(Долго смотрит на Игрока.)* Потрясающе! Обычно люди с такими знаниями, как

у вас, выходят из игры после первого вопроса! А вы еще тут! Но думаю, следующий вопрос восстановит справедливость и я с вами заранее прощаюсь. А теперь вопрос! По-настоящему трудный! Когда будете уходить, ничего не забудьте! Привет семье! Итак, третий вопрос: как известно, за то, что Прометей ослушался богов, так сказать, положил на них с прибором, они приковали его к скале и каждый день, много веков подряд прилетал орел клевать его: А) печень, В) почки, С) глаза, D) прибор, который он положил на богов..

Игрок. Печень...

Дибров. Печень?... А может. *(Шепчет Игроку на ухо.)*

Игрок *(шепотом)*. Не-ет! Да что там клевать-то, господи... *(Громко.)* Нет, если уж лететь чего-нибудь поклевать в такую даль... Конечно, печень. .

Дибров. А печень, по-вашему, у него большая... Каждый день много веков клюют, а она по-прежнему..

Игрок. Ну, может, он алкаш был — у них от этого дела печенка вот такая...

Дибров. Значит, печень... Знаете, говорят: поспешишь — людей насмешишь...

Игрок. Ай! Уй! Неужели я...

Дибров. И вы поспешили... *(Пауза.)* Но никого не насмешили! Это действительно печень! И у вас триста рублей!

Звучит победная музыка.

Четвертый вопрос! Боюсь, что даже вам он будет не по зубам!. Итак, вопрос: царь Петр был: А) Первым, В) Вторым, С) Третьим, D) Четвертым...

Игрок. Первым, конечно...

Дибров *(радостно)*. Ха-ха-ха! К сожалению... Нам с вами придется расстаться...

Игрок. Да? Вы что, уходите куда-нибудь?...

Дибров. Нет, это вы уходите! Потому что неправильно! Мы имели в виду — царь Петр был первым, вторым, третьим или четвертым... у Екатерины, которую Шереметьев отбил у немецкого полка, потом передал Голицыну, тот — Меншикову. Так что Петр в этой очереди был только четвертым! Увы...

Игрок. Одну минуточку! Если вы в этом смысле... Тог-

да уж Петр был не четвертым, а девятьсот двадцать девятым! Вы немецкий полк не считали! А это девятьсот двадцать пять человек... Так что, к сожалению...

Дибров. Ай! Ой! Уй!

Игрок. Вынужден с вами расстаться...

Т ЕЛЕКОЛДУНЯ

Бог в помощь, дорогие телезрители! Сегодня я, колдунья первой категории Апраксея, как всегда, предскажу вашу судьбу и болезни, и все это по звуку вашего голоса.

Итак, у нас первый звонок. Але? Здравствуйте, почечная колика... Испугался. Повесил трубку...

Але? Итак, говорите, у вас проблема с мозгами? Я, кстати, это сразу по голосу поняла. И в чем именно проблема? Протухли? Что? Хотите заменить? Да нет, это не мясной магазин... Да, похоже, действительно протухли...

Але, вы в эфире... Здравствуйте, перелом обеих ног. Что — нет? Будет, если еще раз сюда позвоните! Это не магазин!..

Але? Ну, во-первых, у вас критические дни, я угадала? В этот момент все раздражает, хочется кричать на высокой ноте, голос становится тонкий-тонкий, вот как у вас сейчас. Я угадала, женщина? Вас как зовут? Володя? Пресняков? Гм... И что вы от меня хотите? Предсказать, когда деньги получите за «Последнего героя»? А ладонь чешется? Чешется... Но это ничего не значит, это вы просто не мылись давно... А вот еще такая примета: встреча со свиньей — к деньгам... Встретили? И что? Говорит, нет денег? Кто? Свинья? Вы про кого? Про главного бухгалтера... Ну, тогда не знаю.

У нас звонок. Але? От глаза хорошо вбить в дверь с наружной стороны иголку. Ну пожалуйста...

Дорогие телезрители, ваша жизнь должна протекать в полном согласии с природой. Вот почему мы советуем ориентироваться по приметам, по поведению птиц, животных, расположению светил. Но надо быть очень внимательным. Это раньше все наверняка. Сейчас все так смазано. Это раньше, если в мае жарко, значит, в августе будет холодно. А сейчас? Если в

мае жарко... какая примета? Значит, дураки на ТЭЦ топить продолжают...

Или вот у меня лично был случай. Ну, вы знаете, есть такая примета: если у месяца рожки острые и вверх, значит, будет сухо и тепло. Ночью специально вышла из подъезда, смотрю на небо — рожки острые, вверх, все как надо, а утром без зонта пошла, как ливанет, вся промокла! Оказывается, никакой не месяц, это ночью на 10-м этаже мужик курил на балконе, рогами сверкал...

Але, слушаю вас, мужчина... Как не мужчина? С таким басом... Недостойны этого слова... А что такое? А «Виагра»? Бесполезно... Вот вы, видимо, прослушали, я только что говорила, что надо жить в согласии с природой. Человек — ее часть, и ему лучше всего заниматься интимной жизнью в момент, когда, скажем, коза призывно зовет козла, слониха приветствует хоботом слона... Как узнать... Советую сходить в зоопарк...

Але? Вы звонили в прошлый раз, да? Помню-помню, я вам советовала, чтоб всегда были деньги, держать крышку унитаза закрытой. Минуточку-минуточку, что вы меня проклинаете? Что? Менты? Открыли крышку и все забрали... Вот идиот... Нашел, где держать...

Не все такие — большинство благодарят. Але? Вот пожалуйста — говорит большое спасибо. Да-да, помню, вы только что насчет сглаза звонили. Я вам иголку посоветовала. Помогло? Вот — еще как... Соседка глазом наткнулась? О, боже, зачем же вы ее около замочной скважины воткнули...

Але? Хм, Галя, Галя... Вы, кажется, в сочельник звонили, спрашивали, как на суженого погадать, да? Я вам еще тогда посоветовала за окошко сапожок швырнуть, кто из парней подберет — тот и суженый... Да-а? Вы два швырнули для верности? Ну уж наверняка повстречали своего суженого. Только через три дня? На рынке? А как же вы поняли, что это суженый? Сердце екнуло? Нет? А как же вы его узнали? А-а, он вашими сапогами торговал... Гм, извините, у меня другая линия...

Але, вы в эфире. Да, мужчина, я говорила, есть такая примета: наденете наизнанку — будете битым. Как — глупость? Оделись нормально и все равно по морде? Подождите, давайте по порядку. Так, были у любовницы, понимаю. Потом оделись. Не спеша, все правильно. Так. И домой. Дома разделись и жена вам по зубам? Загадка. Говорите, и рубашка и трусы — не наизнанку, нормально? «Нормально, только женские»...

Але? А, это вы! Ну как, сходили в зоопарк? Как там сейчас? Слониха хоботом машет? Значит, самое время. Ну, надеюсь, вас можно поздравить? Опять не получилось? Почему? Она за решеткой была... Ваше счастье...

Але? Ну, конечно, помню! Вы — Дуся! Вы мне звонили, когда были беременны, просили предсказать пол ребенка и на кого будет похож... Мальчик? А я что говорила! Поздравляю! Почему вы плачете? Ну хорошо, дайте трубку мужу... Здравствуйте. Да, Дуся очень хотела, чтоб ребенок был похож на отца, и я ей советовала повесить ваш портрет в комнате и почаще на него смотреть. Есть такая старинная русская приме...

Что вы говорите! Черненький? Боже мой! А... А вы посмотрите внимательно, там рядом с вашим портретом не висит какой-нибудь Майкл Джексон?

Что? С удовольствием бы рядом меня повесили? Хам! Все, на этом мы заканчиваем — с этим народом невозможно работать!

УРМАС И ГРУЗИН

Урмас. Тарагие друзья! Мы с фами опять в ресторане «Прага», где мы всегда встречаемся с очень интересными лицами. Сегодня это лицо... кавказской национальности. Вообще мне не очень нравится, когда так называют. Мне кажется, это не целиком дает представление о человеке.

Грузин. Канечно, не целиком. У меня ведь еще и руки кавказской национальности, ноги кавказской национальности, потом это, сзади...

Урмас (*быстро перебивает*). Я понял. Не надо перечислять все части тела. Давайте лучше представимся. Итак, я — Урмас Отт...

Грузин. Ну, от — кого?.. Что ты остановился?

Урмас. Мне кажется, я не совсем понимаю...

Грузин. Ну ты сказал, что ты от... А от кого, ты не сказал... От директора, от общего знакомого, от кого?

Урмас. А-а, я понял... Отт — это не от кого, это моя фамилия — Отт...

Грузин. Интересный фамилия. Есть фамилия Иванов. Произошел от Ивана, есть фамилия Ггоберидзе — от Гги... А ты?

Урмас. А я просто Отт...

Грузин. Просто от... А от кого, не знаешь, безотцовщина, значит...

Урмас. Итак, я — Урмас, здравствуйте... (*Протягивает руку.*)

Грузин. Урмас — интересное имя... *(Протягивает руку.)* Гамарджоба...

Урмас. Тоже интересное имя — «комар... жопа»...

Грузин. Нет, это не имя...

Урмас. А, это вы просто рассказываете, что он вас укусил?

Грузин. Кто?

Урмас. Ну этот, комар...

Грузин. Куда?

Урмас. Ну, в то место кавказской национальности, которое я вам не дал назвать... Но вернемся к нашей беседе. Вы вообще везучий человек?

Грузин. Да, я везучий, на машине могу подвезти...

Урмас. Нет, я в том смысле, что вам повезло — говорят, вы оказались сотысячным посетителем... Это так?

Грузин. Да. Официант подошел: «С вас сто тыщ...» Так я стал сотысячным посетителем. Это не мне, ему повезло... Другой бы убил его за такой счет... Говорят, в Америке официанты себе такого никогда...

Урмас. Скажите, вам никогда не хотелось уехать?

Грузин. В Америку? Покушать и назад? Никогда!

Урмас. Но почему? Может, вам просто не нравится, что там Пилл Клинтон?

Грузин. Слушай, какое мне дело, что он там пил?.. Вообще это Ельцин про него такой слух распустил, что он пьющий...

Урмас. Ельцин?

Грузин. Да! На пресс-конференции, при всех: «Мой друг пил, мой друг пил...» А сам-то, господи? Молчал бы лучше... И вам тоже не надо про это — пил Клинтон, не пил Клинтон...

Урмас. Нет, я просто так говорю...

Грузин. А просто так не надо говорить про человека...

Урмас. Я просто по-русски не так хорошо, как вы... И мне трудно выговорить, у Клинтона в имени...

Грузин. Нет у него никакого вымени, что он, корова, что ли?

Урмас. Я просто говорю, что его имя начинается не на «пэ», а на «бэ»... Первая — «бэ» у него! Правильно?

Грузин. Неправильно. Первая бэ у него — Моника... Зачем растрепала, слушай?..

Урмас. Я хочу сказать, что он — не Пилл, а... ну, как сказать... Ну как в сказке про курочка-ряба: дед яйцо пил-пил, старуха яйцо пила-пила, никак распить не могут... Понимаете?

Грузин. Вай-вай! Такой большое яйцо, что вдвоем выпить не в состоянии? А при чем тут Клинтон? У него что, тоже такие большие?..

Урмас. Откуда я знаю...

Грузин. А не знаешь, зачем говорить — девушек пугать...

Урмас. Нет, я просто хочу сказать, что его имя произносится так же, так же... Ну вот в боксе, когда один другого метелит... Можно сказать, что он его из... Ну? Из...

Грузин. Изметелил...

Урмас. Метелит, колошматит, лупцует! А как еще можно скакать?

Грузин. А, а! Понял! Бьет, да?!

Урмас (радостно кивая). Та-та! Наконец-то! Так вот, его имя от этого слова! Значит, Клинтона зовут... Что у нас получается?

Грузин. Придурок?

Урмас (в отчаянии). Почему?

Грузин. Ну, если столько бить — что получится?..

Урмас (чуть не плача). Да никто его... И он никого...

Грузин (перебивая). Видишь? Что ты за человек? Он никого пальцем не тронул, а ты про него: «Дрался,пил, ходил с большими...» Что он тебе сделал, слушай?

Урмас. Все-все! Давайте перейдем к другой теме... Вы знаете, я просто наслаждаюсь тем, как мы понимаем друг друга буквально с полуслова.

Грузин. Я тоже наслаждаюсь, и я с полуслова...

Урмас. Вам даже не мешает мой акцент? Вы что, его совсем не замечаете?

Грузин. Не замечаю никакой акцент. Я вообще плохо вижу...

Урмас. Сегодня, знаете, многие говорят неправильно. Сегодня ни один мужчина, ни одна женщина...

Грузин. Вот ты сейчас тоже неправильно сказал. Надо говорить «ни один женщина»...

Урмас. «Ни один»? И так во всех случаях?

Грузин. Во всех. Кроме тот случай, когда женщин два...

Урмас. Откуда вы это все знаете? У вас, конечно, явное призвание к языкам. Когда вы его впервые у себя обнаружили?

Грузин. Призвание к языкам? В восемнадцать лет. Открываю почтовый ящик, а там призвание лежит. Из военкомата...

Урмас. Но это было призвание именно к языкам?

Грузин. К языкам, к языкам! Каждую ночь я должен был брать языка...

Урмас. Это не секрет? Теперь об этом можно говорить?

Грузин. Да, теперь можно...

Урмас. Итак, вы брали языка, что потом?

Грузин. Потом варили его в кипятке...

Урмас. Это чтоб он всех назвал?

Грузин. Кто?

Урмас. Ну, этот, язык.

Грузин. Как он мог назвать, он же неживой...

Урмас. Так вы его до смерти варили?

Грузин. Нет, мы его уже брали такого...

Урмас. Вас, наверное, ругали за такого неживого языка?

Грузин. Наоборот, ругали, если был недоваренный, сырой...

Урмас. Это странно, я слышал, в разведке...

Грузин. Слушай, в какой разведке? Я в столовой служил...

Урмас. И после армии у вас не стоял этот... не знаю, как сказать по-русски...

Грузин. Да я понял, можешь, не мучиться. Конечно, не стоял — они же там специально солдатам в кашу бром подсыпают...

Урмас. Нет, я имел в виду — выбор профессии после армии у вас не стоял?

Грузин. Как не стоял? Я мучительно думал: чем дальше заниматься? Языками?

Урмас. Как Ломоносов, да?

Грузин. Да, как Ломоносов. Или шашлыками, как мой брат? Я выбрал языки.

Урмас. И какими языками вы владеете?

Грузин. Я владею английским, французским, есть немецкий, совсем свежий, вчера привезли к нам на рынок.

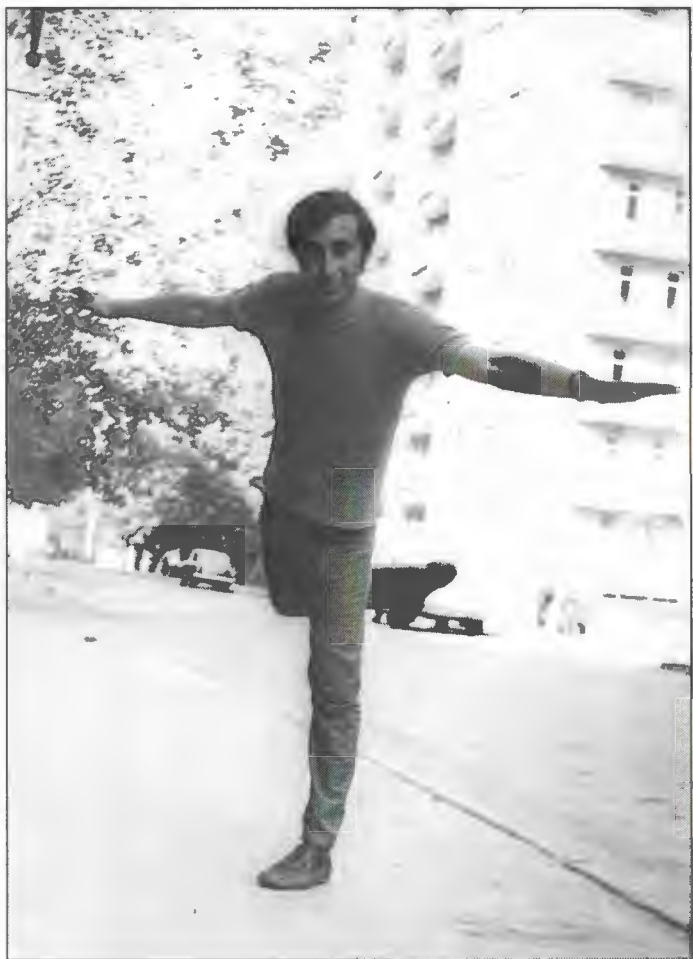
Урмас. Так вы на рынке работаете? У вас так хорошо повешан язык, я решил, что вы какой-нибудь политик...

А начиналось все это так...

В детстве я мечтал стать велосипедистом...

...Или планеристом...

Но скоро понял, что спорт — это не мое...

Знаете, как это бывает? Сначала сигареты...

*Потом непутевые подружки, вроде Вовки Вишневого или
Марика Розовского...*

И только скажешь себе: «Все, хватит! Завтра с утра начинаю новую жизнь!..»

А утром встретишь Юру Роста с Мишей Мишиным, и вот ты уже третий...

И мало что помнишь...

Вспоминаются какие-то полуголые люди....

...И как я взломал замок...

...И полез в какой-то сад за цветами...

И потом бегал с этими цветами за какими-то сильно декольтированными девушками

...А потом обнимался то ли с Кларой Новиковой...

...то ли с Лидой
Шукшиной...

А потом вместе с Аркановым и Вишневым
вцепились и никак не могли поделить одну
девушку, не понимая, что это манекен...

Так что, какой тут спорт при таком образе жизни? В лучшем случае — бильярд...

Впрочем,
и здесь
я умудряюсь...

Верите вы в эту историю? Нет? И правильно делаете,
как говорит мой друг Сережа

На одном из своих концертов я вот так же, с картинками, продемонстрировал зрителям, как легко делается черный пиар...

Грузин. А на рынке язык тоже должен быть хорошо подвешан — высоко, на крючок, чтоб его издали видели... А политикой тоже увлекаюсь, сейчас все увлекаются...

Урмас. Да? И какую партию вы представляете?

Грузин. Знаете, я за многопартийность. Сегодня я представляю партию яблок...

Урмас. О, передайте привет Явлинскому.

Грузин. Спасибо. Завтра груши привезут — я представляю партию груш... Кому привет передать?..

Урмас. Я так чувствую, в своей области вы — мэтр...

Грузин. Слушай, ты все время гадости какие-то! Клинтон у тебя с выменем ходит, я у тебя — мэтр... Да я — мэтр восемьдесят девять! Зачем унижаешь! Не хочу больше с тобой говорить!..

СЛУЖБА СПАСЕНИЯ

Жертва. Я хорошо помню то утро. Накануне мы крепко выпили, и, встав с кровати, я поплелся на кухню, чтобы опохмелиться рассолом из большой банки. Я пил, пил... Рассола оставалось уже на самом доньшке, а я все тянулся к нему и не заметил, как голова оказалась в банке... Я попробовал выдернуть голову, но... видимо, мой огромный мозг оказался слишком велик... Я добрался до телефона и набрал номер Службы спасения...

Спасатель. В то утро на телефоне 911 дежурил я один. Раньше у меня был напарник, но... Когда работаешь в Службе спасения так долго, как я... привыкаешь к потерям... Такая работа. И недавно мы потеряли этого славного парня. Потеряли прямо на улице... он заблудился.

Жертва. Телефон долго не отвечал...

Спасатель. Да, я долго не брал трубку. Знаете, когда работаешь в Службе спасения так долго, как я, уже вырабатывается свой почерк. Я обычно не беру трубку минут пятнадцать. Ведь это может быть и ложный вызов, и ты не берешь трубку, ждешь, пока шутнику не надоест...

Жертва. Телефон все не отвечал! Я уже стал думать, не ошибся ли номером, не попал ли в милицию или «Скорую помощь» — обычно так долго не отвечают только там... Потом я испугался, что просто не слышу — ведь трубку я приложил не к уху, а к банке...

Спасатель. Наконец я снял трубку. Парень что-то бубнил, но я не мог разобрать ни слова.

Жертва. Я решил, что он не понял адрес, и решил ехать за помощью сам.

Спасатель. Для телефона с определителем адрес не проблема. Через минуту я уже мчался к его дому.

Жертва. Я выскочил с головой в банке, сел в свой «Форд»... И тут увидел, что во двор влетает машина с надписью «Служба спасения». Я нажал клаксон, замахал, закричал через банку...

Спасатель. Я услышал этот голос из машины и тотчас узнал! Он бубнил так же, как в телефон! Когда так долго работаешь в Службе спасения, действуешь автоматически, не думая... Я подскочил, разрезал «Форд» газовым резаком и вытащил парня... Слава богу, у него все было цело! Руки, ноги, голова... Она, видимо, была для него особенно дорога: он берег ее, держал в специальной банке, наверное, боялся микробов...

Жертва. Я вырвался от этого сумасшедшего с газовым резаком и побежал к дому!

Спасатель. Похоже, он был в шоке...

Жертва. Да, я был в шоке! А кто не будет в шоке, когда на твоих глазах ни за что ни про что разрезают твою машину? Я бежал от него, проклиная ту минуту, когда позвонил в Службу спасения...

Спасатель. Я не мог его оставить в таком состоянии, безусловно, он был неадекватен: вместо того чтобы поблагодарить за спасение из машины, расцеловать — он убежал и заперся...

Жертва. Я запер дверь на все замки и с этой чертовой банкой на голове бросился в ванную...

Спасатель. Знаете, когда так долго работаешь в Службе спасения с газовым резаком, дверь — не помеха. Я вырезал ее и бросился на шум из ванной...

Жертва. Я как раз включил горячую воду и подставил голову под струю! Я надеялся, что банка разогреется и я смогу ее стащить...

Спасатель. Кажется, я поспел вовремя. У парня ехала крыша. Он мыл банку странным способом — надев на голову и подставив под горячую воду, видимо, собирался сдать ее в пункт стеклотары...

Жертва. Банка к этому моменту уже почти поддалась...

Спасатель. Чтоб хоть как-то привести его в чувство, я включил ледяную воду...

Жертва. Проклятая банка тотчас сжалась и сдавила голову, как обруч! Я бросился от моего спасителя назад в комнату, забился в щель за диваном, сверху навалив на него стол, стул, книжную полку...

Спасатель. Когда столько лет работаешь в Службе спасения, часто приходится иметь дело с завалами в поисках оставшихся в живых людей... Я много раз видел, как это делает наш спаниель Джек. Я встал на четвереньки, поднял ногу, пометил углы, принялся... Но мне мешал какой-то запах гари... Вы ведь знаете, нам, спасателям, когда мы работаем в завалах, требуется минута тишины, чтобы услышать крики о помощи, а мне мешал орущий телевизор «Сони» последней модели!

Жертва. И он разрезал его своим чертовым резакон!.. А теперь удивлялся запаху гари... Увидев вместо одного большого телевизора два маленьких, я заорал...

Спасатель. Теперь, когда ничего не мешало, я услышал крик парня и нашел его!

Жертва. Мне в этой банке уже не хватало воздуха! Лицо стало неестественного цвета!

Спасатель. Насчет неестественного цвета — парень скромничает. Это был абсолютно естественный цвет пурпурного солнца на закате, садящегося в иссиня-черное море... Это было очень красивое зрелище. Парень переплюнул Айвазовского... Я стоял и любовался...

Жертва. Он стоял и любовался! Я мычал! Показывал на банку...

Спасатель. Как раз в самой банке не было ничего особенного. Обычная трехлитровая банка за пять сорок... Что на нее смотреть?

Жертва. Мне уже не хватало воздуха, я подбежал к окну...

Спасатель. Сначала я решил, что, вымыв банку прямо на голове, парень решил посушить ее на окошке. Потом подумал, что он решил покрасоваться в окне в таком виде перед прохожими. И вдруг до меня дошло: этот псих с банкой на голове решил, что он космонавт в шлеме! Когда имеешь дело с сумасшедшими, самое

лучшее — им подыграть, потянуть время до приезда санитаров... Я пошел на кухню, нашел такую же банку, нахлобучил на голову и сказал: «Да-да, успокойся, мы на станции «Мир»!..»

Жертва. Я пришел в ужас: ненормальный с газовым резаком и банкой на голове изображал космонавта! Я рванул к форточке, открыл, чтоб позвать на помощь...

Спасатель. Я решил, что парень собрался в открытый космос, и опять решил подыграть — стал пропихивать его в форточку...

Жертва. Чтобы он отстал, я закрыл глаза и притворился спящим...

Спасатель. Похоже, парень был без сознания, и я хотел сделать искусственное дыхание рот в рот, но на нем была банка!.. Я сбросил с головы свою и стал искать у парня хоть какое-то отверстие, куда я мог бы приложиться ртом...

Жертва. Я почувствовал, что меня переворачивают на живот, снимают штаны...

Спасатель. Знаете, когда так долго работаешь в Службе спасения, учишься находить выход из любого положения...

Жертва. Но мне показалось, что он ищет не выход, а вход... Я почувствовал, что меня надувают, как резиновую игрушку! Конечно, я мог бы покончить с ним, стоило мне только немного поднатужиться... До сих пор не пойму, почему я это не сделал. Я просто открыл глаза, чтобы он не подумал, что я их закрываю от удовольствия...

Спасатель. Да! Он открыл глаза, и это было как какое-то чудо!

Жертва. Я открыл глаза... и увидел, что входит жена... Она посмотрела на разгромленную квартиру, перевела взгляд на меня, лежащего без штанов, потом на этого типа, стоящего сзади меня на четвереньках... Я от ужаса закрыл глаза...

Спасатель. Да, он опять закрыл глаза — надо было снова делать искусственное дыхание...

Жертва. Жена схватила стоящую в углу швабру и рванула к нам...

Спасатель. В эту минуту я как раз пристроился к единственному свободному у парня отверстию...

Жертва. Я вдруг представил себе, что может подумать жена, и со страху я... я... Мне неловко это говорить...

Спасатель. У парня, похоже, сумасшествие прогрессировало — теперь он уже изображал целый космический корабль: я почувствовал, что попал под мощную струю газов из сопла стартующей ракеты, и потерял сознание! Знаете, я давно работаю в Службе спасения, но такого в моей практике еще не было...

Жертва. Жена треснула меня шваброй по голове, банка разлетелась, и я глотнул свежего воздуха!

Спасатель. Да, он глотнул свежего воздуха, чего не могу сказать о себе... Когда я пришел в себя, увидел, что парень целует жену и говорит ей «спасибо». Ей! Можно подумать, это она разрешила «Форд» и вытащила его, сделала искусственное дыхание... Что ж, когда работаешь в Службе спасения так долго, как я, привыкаешь к человеческой неблагодарности...

УГОЛУБОГО ЭКРАНА

Клава, что ты тут смотришь — фильм ужасов? А-а, это новости по НТВ...

А что по ОРТ? О, опять Макаревич! Самый смак! Ты смотри: еще никто не соскучился — он снова... А я тебе объясню почему, слушай сюда: ОРТ же у Березовского, ну, он магнат-магнат, а есть ему нечего — швейцарские счета арестованы. А тут, в «Смаке», ему дают, что после передачи останется!..

Вот такое телевидение — кто их кормит, того они и показывают...

Что по РТР? Клава! А ну, это ты любишь — «Аншлаг»! Винокур и Дубовицкая. Ой, нет, это Хрюша с Каркушей... Слушай, сколько ей лет? Я еще мальчиком был, она уже каркала... Чему она может научить детей — у самой, говорят, ребенок неизвестно от кого. Говорят, что от Фили из соседнего подъезда. Ерунда? А что он тогда летает и гавкает?..

Вообще эти их дети, кто от кого, это всегда такая темнота... Говорят, что Ельцин этого Путина тоже не просто так назначил преемником... Ну, я знаю, говорят, что его сын... Не похож? А если так руку сделает — одно лицо... Кто? Путин? А что он должен про это кричать? Я тебе скажу: признаться, что отец такой пьющий, — тоже не очень приятно...

О, пенсионер, легок на помине. Ты помнишь, как он сказал: если что — лягу на рельсы? Ну и что? Все так ждали...

Им же нельзя верить, кругом вранье и воровство...

Это ж так же, как с прокладками! «Ой, девушки, вам не надоело бояться каких-то пятен?..» Клава, чтоб я так жил, они все эти прокладки-шмокладки еще до съемок пустили налево! А чем они рискуют? Если кто-то спросит, где прокладки, ну так улетели, они же с крыльшками... Что, Клава, что ты спрашиваешь? Как она на экране в белом платье, без прокладок и без пятен?

Так ей девяносто два, какие пятна! Только от борща... Пятна... Она еще сорок лет назад играла без грима Крупскую!.. Клава, это ж телевидение! Намазала лицо клеросилом от прыщей, и ты уже молодая!..

Это ж такие бандиты, они любой фокус могут... А что ты думаешь, эта программа «Куклы» — это куклы? Я тебя уверяю — это сами политики. Да, деньги на кукол поделили и сами снимаются...

О, смотри — опять Макаревич! Теперь он путешествует в Африке на слоне вместо Сенкевича... Ну, видно, Сенкевич ничем таким Березовского не смог заинтересовать. А этот, наверное, сказал — привезу что-нибудь вкусненькое — и уже поехал...

Я тебе больше скажу: мне кажется — это не слон... Ты помнишь, у Макаревича был дружок, огромный такой, тоже якобы певец... Да-да! Сергей Крылов... Клава, за то, чтобы прокатиться в Африку на дармовщинку, можно приделаться себе не только хобот... Тем более тот вообще аферист...

Ты не помнишь, он тут рекламировал чудо-варежку? Да, якобы до чего ни дотронешься — будет чудо, стоит только потереть... Я не стал тебе говорить, Клава, я ж ее купил, хотел тебе сюрприз сделать. Потер одно место... Что тебе сказать... Сюрприз не получился... Такого дурака, как я, еще можно обмануть, но Природу не обманешь... Я думаю, что у него были две обычные варежки, одну потерял по пьянке и стал искать дураков, вторую пристраивать... А что ему еще делать с его комплекцией и его голосом? Только работать гирей в багажном отделении...

Я тебе больше скажу: может, это вообще не Африка: взяли пару негров из института Лумумбы, вышли на пляж... А что касается фауны — пара знакомых певиц без краски — уже обезьяны...

Что тут показывают? О, космос! Боюсь, что та же история: прощай, Земля! Космонавты с этой стороны заходят в ракету, с черного хода выходят, старт — и она летит с одними мышами. А ты целый год свободен, живи, с кем хочешь... А жена думает, что он в космосе!.. Зачем так делают? Чтоб немножко отдохнуть от таких, как ты, Клава. И знаешь, почему они берут для опытов

мышей, а, например, не тебя? Потому что мыши, Клава, в отличие от тебя, все время молчат!

Видишь, ты опять что-то спрашиваешь. Что — «как же по телевизору»? Показывают космонавтов в корабле? Клава, все живые люди. Снимают квартиру, за пару бутылок договариваются с Центром управления, когда на связь выходить, натягивают скафандр, убирают еду с выпивкой со стола и едят перед камерой из тюбика для зубной пасты...

Что — «невесомость»? Почему тогда они летают? От счастья, Клава, немножко вас не видеть...

А ну, что по ОРТ? Ой, как же он надоед... У него же еще передача была, где он под абажуром и рыбки плавают. Слава богу, больше нет. Видимо, Березовский пришел, увидел... Нет, я не думаю, что запретил... Наверное, просто перепутал со «Смаком» и съел весь аквариум...

Вообще я удивляюсь, что этот Макаревич еще погоду не объявляет. Наверно, думает, что он слишком честный для этого.

Ну, они же бандиты в этой погоде, просто бандиты! Вот она тебе скажет, что на Чукотке минус сорок — ты поверишь? Правильно, на таких, как ты, и рассчитано... «А что»... Знаешь, когда там показывает сорок градусов? Когда чукча-метеоролог термометр в бутылку водки опускает...

Как ты думаешь, стал бы наш Абрамович при минус сорок выдвигаться туда в губернаторы? Так я тебя уверяю: с его деньгами там плюс двадцать, двадцать пять. Он просто их может жечь и греться...

Ой, это независимое телевидение... Оно такое независимое, как я от тебя, Клава. Что им скажут, то покажут. Ну, эта пленка с голым прокурором — это ж подделка! Нет, прокурор как раз настоящий, а вот девицу, которая перед ним танцует, заменили... «На кого?»... Она еще спрашивает. Я, конечно, ничего не хочу сказать, но так хорошо танцует у нас только Боря Моисеев...

Что это — я не пойму: это сериал или программа «Здоровье»? Нет, потому что тут тоже все глохнут, слепнут и хромают — ну так я путаю... Все-таки сериал... Смот-

ри, как эта девочка, Морисобель, играет с чучелом пуделя. Клава, ну, конечно, с чучелом — сама подумай: это триста девяносто вторая серия! Ну, значит, его за веревочку снизу тянут... Это телевидение — вранье от начала до конца! Триста девяносто вторая серия — она все еще девочка. А? Нет, это я так, сам с собой...

О, вот где программа «Здоровье»! Смотри, как он улыбается, ему помогли новые таблетки. Что? Ты тоже такие хочешь? Клава, может, он уже умер — это же запись...

О, Клава! Угадай с трех раз, кто это? Опять Макаревич, что-то его давно не было. Вот бандит, посмотрите на него, он споет нам новую песню. Когда ты успел выучить, ты же все время у плиты?.. Не удивлюсь, если это за него Кобзон и поет, и готовит...

Ну, значит, как-то они договорились. Не-ет, деньги Йосе не нужны. Я думаю, тут другое. Ты заметила, Макаревич наголо теперь ходит? Может, Кобзон за него поет, а тот за это дал свою прическу поносить...

Я тебе скажу: если бы Пугачева себя немножко по другому вела, так он бы и за ее дочку спел, чтобы она ни себя, ни других не мучила... Нет, ну это же счастье, что мать ее сейчас пристроила в телевизор «Орбит» жевать — у нее хоть рот занят, можно хоть немножко от нее отдохнуть...

Ой, кругом обман. Посмотришь этот телевизор — и уже ни в чем не уверен. Вчера показали фильм про любовь, так то, что мы с тобой всю жизнь принимали за оргазм, оказывается, грудная жаба...

Кстати о жабе. Очень есть хочется. Клава, девочка моя, мы действительно ужинали или это тоже была вчерашняя запись?..

Мой муж — телезвезда...

Ой, мы с Мишкой, мужем моим, так устаем от его популярности... Ну, вы знаете, он же у меня на телевидении... Ну, вы видели: «Ментос — облегчает понимание...» Да, он у меня несвежее дыхание рекламирует. Ну, на улице так просто проходу не дают. Причем даже в черных очках — узнаю-ют, что вы!.. Вот он еще слова не сказал, только рот открыл — узнают. Да. Видимо, по запаху изо рта...

Конечно, к звездам, вы же знаете... Люди разные... Я по нашему дому смотрю, как отношение изменилось, когда он стал знаменитым! Нет, были те, кто и раньше его уважал, ничего не могу сказать. В лифт его пропускали: «Нет-нет, вы один езжайте, мы потом...» А теперь еще больше стали — вообще лифтом не пользуются...

Но есть и другие, конечно, как эта Люська с седьмого этажа... Мишу только к подъезду подвозят.. Между прочим, несмотря на славу, деньги — ездит в кузове грузовика. Во-первых, скромный, во-вторых, шофера с ним в одной кабине отказываются... Только один, помню, согласился, но, как насморк прошел, тоже уволился...

Так вот, Мишу только еще подвозят, а Люська уже кричит: «Окна, окна закрывайте: несвежее дыхание идет!..» Ну, это она просто завидует, конечно.

Мне говорили, она своего мужа чем только не кормила — и чеснок ему на ночь, и сивуху, — только б его тоже по телевидению показали...

Нет, моя милочка, такое несвежее дыхание, как у Миши, — это природный дар! Им и Мишкин дед владел, и прадед... В деревне, где они жили, им даже даром новый дом построили! Лишь бы на окраине жили... Между прочим, немцы в войну так и не решились в деревню зайти...

Так что это талант. Другое дело, что его развивать

надо. Я вам скажу, вот такое несвежее дыхание, чтобы им телевидение заинтересовалось — это ежедневный тяжкий труд. Ну что вы! Мишка ж каждый день тренируется: бывает, поймает таракана и дышит на него, дышит... Проверяет себя... Пока насмерть не заморит — не успокоится. Вот такой человек, цельный, с самодисциплиной...

Это у него от армии. Ну, Мишка ж был в спецгруппе «Бета», по борьбе с терроризмом. Ну вот если кто самолет захватит, он себя предлагает в обмен на заложников. Смотрите, говорит, у меня ни оружия, ничего... А в самолет пустят, он ка-ак дыхнет на террористов — только трупы выноси...

Работа опасная, конечно. У них из всей спецгруппы в живых один Мишка остался. А остальные... С кем он в одной казарме ночевал... Да кто-то забыл на ночь форточку открыть... Ну, об этом мало кто знает: он же в ФСБ подписку давал — рот не открывать...

Так что Люська напрасно думает, что это так просто... Это надо для себя четко уяснить: если ты решил заняться несвежим дыханием — во многом себе придется отказать! Мы с Мишкой и спим в разных комнатах, и с сынком он только в противогазе играет...

Ну и потом, знаете, нервы ни к черту! Все время боится, что несвежее дыхание пропадет...

Ну, у него ж как-то действительно так было: просыпается, а от него какими-то фиалками пахнет — кошма-ар!.. Ну, потому что он же не щадил себя, не экономил — дышал вовсю. Потом с его добротой... Кто-нибудь попросит: «Подыши немножко на тещу...» Мишка бежит сразу... А это ж, несвежее дыхание, это ж как голос у певца, его беречь надо... В общем, пропало...

И знаете, как это у нас, от него сразу все отвернулись — и режиссеры, и продюсеры, и те, кто тоже в рекламах снимается. Девушка, которая перхоть рекламирует, узнавать перестала, и вторая, в прыщах от клеросила, — то же самое...

Только вот эта симпатичная девчонка с мохнатыми ногами она эпиляторы для ног рекламирует... Та помогала, ничего не могу сказать. Но она как раз, как на зло, ноги побрила, замерзла и простудилась... И еще

этот, Анкл Бенс, чем мог, помогал. Да, мы от него даже прятаться стали. Достал прямо нас со своим длинным рисом... И вроде и обидеть его не хочется, и уже обратно этот рис лезет...

Но все это время я в Мишку продолжала верить! И поддерживала! И говорила: «К тебе обязательно придет твое несвежее дыхание! Придет, и будет еще на твоей улице праздник, такой праздник, что никто, кроме тебя, по этой улице ходить не будет...»

А он вот... ну, потерял человек веру в себя. И если б не этот случай, когда его гаишник дыхнуть попросил, царство ему небесное...

Вот тогда и закрутилось, тогда и стали разрабатывать это противоядие от такого дыхания, для милиционеров, стоящих на посту. Его почему «Ментос»-то называли? Да потому, что в первую очередь они для ментов...

Это потом уж их в мирных целях для остальных пустили...

И мне, конечно, очень приятно, что Мишка стоял у истоков этого открытия.

Вообще хочу вам сказать: в своего мужа надо верить. Даже если все, что у него есть, — это только несвежее дыхание... Верьте — и вам обязательно повезет, может, не так, как мне, но все-таки...

ПАРОДИЯ НА РЕПОРТАЖ-1

До сих пор было принято считать, что Международный женский день придумала революционерка Клара Цеткин. Увы, сегодня мы должны разочаровать господ коммунистов: раскопки в монгольской степи, на месте стоянки первобытного человека, доказывают: что традиция раз в году делать подарок любимой женщине зародилась еще на заре человечества... А коммунисты, как всегда, лишь использовали в своих целях это доброе начинание.

Я стою здесь, на сопках Маньчжурии, смотрю вниз и думаю о любви... О любви, породившей желание первобытного мужчины сделать первый в мире подарок первобытной женщине. О любви, превратившей обезьяну в человека...

Конечно, и самец-шимпанзе мог подарить своей подруге банан, но это не требовало от него никакого труда, никакого умственного усилия — бананы были повсюду. А вот сделать что-то своими руками и подарить жене — мог только человек...

И вот я держу в руках этот милый и трогательный подарок женщине — дубинку... приспособление для мытья посуды, по сути — первую в мире посудомоечную машину. Ее не надо было включать в сеть, тянуть провода... Она работала с голоса. Мужчина подходил с дубинкой к жене и говорил: «Ну, ты собираешься мыть посуду?» — и через минуту все сверкало чистотой...

ПАРОДИЯ НА РЕПОРТАЖ-2

Добрый вечер! Здесь, в Париже, стоя у Эйфелевой башни, рядом с Музеем науки и техники, так и хочется крикнуть во весь голос по-французски — шерше ля фам! Да, многими своими достижениями современная цивилизация так или иначе обязана женщинам. Пусть не все их имена нам известны. Но как знать, построил бы Эйфель свою высоченную башню, забрался б на нее, если б жена не крикнула ему: «Уйди куда-нибудь, чтоб я тебя не видела!» Взлетел бы самолет Можайского, забрались бы американцы на Луну, если б дома их не послали куда-нибудь подальше...

А Эдисон? Он просто вынужден был сделать свой собственный телефон, потому что по другому все время болтала жена и никто не мог дозвониться...

Но не случайно именно здесь, во Франции, где мужчины славятся своей галантностью, многие изобретения родились как подарки — подарки любимым...

И вот одно из них, одно из самых значительных. Два брата в прошлом веке изобрели в подарок своим женам первую в мире мясорубку.. К сожалению, после Парижской коммуны начались трудности с мясом, и эти братья, братья Люмьер, чтоб не пропадало добро, приспособили ее под кинокамеру...

Мир животных

Письмо ведущему передачи

Дорогой господин Дроздов! Хотя я и мужчина, но я вас люблю... В конце концов, у каждого могут быть свои кумиры. Есть же у нас «пугачевки», «леонтьевки», ну, а я — «дроздовец»...

Да будь моя воля, я бы все вокруг вашим именем назвал — от мушки дроздофилы до туманности Дроздомеды...

И мысленно все так и называю. И когда я иду по дроздулице, или еду в дроздобусе, или дома что-нибудь приколачиваю дроздочками, я только о вас и думаю...

Вы не волнуйтесь: ориентация у меня нормальная, просто вы мне глаза на жизнь открыли, вот я вас так сильно и люблю...

Я вот раньше, бывало, думаю: «Ну почему у нас все прикидываются?» Баран — умным, в начальниках сидит... Умный — дураком, делает вид, что ничего не понимает... Здоровый — больным, чтоб в санаторий попасть... Холостой — женатым, чтоб не жениться... Женатый — холостым, чтобы... ну, вы знаете зачем...

Ну, вот не понимал — и все! А как посмотрел вашу передачу про мимирию — сразу все понял!

Мимирия — это, если вы, господин Дроздов, сами уже подзабыли, все-таки два месяца с той передачи прошло — это когда живность всякая, чтобы побольше себе кусок отхватить или чтоб ее саму не съели ненароком, окраску или форму меняет, с фоном сливается, каким-нибудь там сучком прикидывается... Зимой, скажем, белая окраска, летом зеленая... Вспомнили?

Я-то, дурачок, давно это явление наблюдал, только не знал, что это мимирия! К примеру, любой водитель знает: летом гаишник на тебя охотится, поймал вроде, а ты сунешь зеленый доллар в права — и он

тебя уже в упор не видит, ты для него как будто с зеленой травой слился...

И после того, как вы, господин Дроздов, нам объяснили, что такая мимикрия — явление природное, я стараюсь больше не переживать, в природу не вмешиваюсь, а только, как вы учили, пылливо всматриваюсь в нее и наблюдаю...

Недавно наблюдал у нас в Зюзино, на прилавке в гастрономе отечественных сизых кур... И больше не возмущался, как раньше. Потому что теперь понимаю: мимикрия... И даже где-то приятно, что ни венгерские, ни румынские, ни французские куры не могут так, как наши, русские, даже после смерти с помощью защитной окраски бороться, чтобы их никто не тронул...

Вы-то сами не бывали у нас в Зюзино? Не бывали, конечно, — все по миру мотаетесь... Ой, не бережете вы себя совсем, господин Дроздов... Худой, одеты плохо, все время в какой-то кепочке с козырьком, как будто с убитого фрица сняли... И вот в этой рвани шастаете по всему свету. Так нельзя — вы ведь у нас один...

Ну, вот что вы за какой-то травоядной ящеркой в Сахару полезли? Ну и что, что у нее пятьдесят зубов? Нет, как ученый ученого — а я думаю, что теперь мы ровня, — так вот, как ученый ученого я вас понимаю... Пятьдесят зубов — интересная мимикрия, она страшной пастью врагов пугает. Понимаю. И экземпляр редкий, крупный, двадцать кило — понимаю. Но зачем же так далеко ездить?

У нас, в Зюзино, со мной работает Галя Морозова, так у нее не пятьдесят, а, наверное, все триста пятьдесят зубов!.. Я, конечно, не считал: просто так, без повода к ней в пасть руку не сунешь... Эта Галя — абсолютно дикая! И сколько я ей ни объяснял, что я ваш ученик, исследователь, что я все равно, что врач, меня стесняться не надо — она мне не дала... Не дала ни взвесить себя, ни зубы ей посчитать...

Но я, дорогой коллега... Ничего, что я вас коллегой называю?.. Но я, дорогой коллега, продолжаю настаивать на этой цифре — триста пятьдесят! Потому что, сами посчитайте: она целый год с работы отпрашивалась зубы вставлять...

Вот так! А вы все по чужбинам за мимикрией гоняетесь! Вы к нам на работу заезжайте: у нас по утрам девчонки по два часа в туалете и окраску и форму меняют...

Вот вы в Африке каких-то землероек ищете. Вам, видите ли, любопытно, как землеройка казанской сиротой прикидывается: мол, снаружи у нее маленький домик, а под землей лабиринтов на километр...

Да вы к нашему директору на дачу загляните — вот это мимикрия: снаружи маленький домик, а под землей и гараж, и подвал, и сауна... И он в эту сауну таких крашенных землероек возит — передать не могу!..

Я когда увидел, как вы в Австралии сквозь жуткую чащобу подбирались к какому-то ленивцу, у меня прямо сердце кровью... Ну вот зачем? Зачем, когда у нас в стране таких ленивцев больше, чем неленивцев!..

Нет-нет, вы меня не убедите, коллега, на все, что вы там отыщете, я вам наше назову и не хуже...

Мексиканская ящерица? Наверху, на деревьях живет? И пока ей старый хвост не прищепишь, новый не вырастет? Ой, удивили! А у нас наверху такие ящерицы! Им если хвост прищепить, они даже зарплату за прошлый год могут тебе выдать — вот какие ящерицы!..

Так что кончайте вы мотаться, приезжайте лучше ко мне, в Зюзино, посидим, Дарвина почитаем...

Правда, не уезжайте, как говорите вы, на телевидении — оставайтесь с нами... Ну, желаю вам, любимый мой телеведущий, крепкого здоровья...

Чужие юбилеи

ПРЕДИСЛОВИЕ № 5

Мои монологи, скетчи, сценки исполняли многие эстрадные артисты. Прежде чем взять новый текст, они всегда спрашивали: «Сам проверял?» Да, проверял. Выходил на сцену, читал с листа, отмечал потом реакцию публики на самые смешные места, остальное вымарывал... Актеры, выходя потом на эстраду, практически ничего от себя не привносили в эти тексты. Исключением стала работа только с одним артистом. С Геннадием Хазановым. Он всегда становился полноправным соавтором. Он умел, без всякой проверки, только глянув на текст, увидеть в нем комическое зерно, и домысливал, и фантазировал... Работать с ним было интересно.

К чему я вспоминаю об этом? А к тому, что ни с одним другим исполнителем я не стал бы работать над проектом, часть которого представлена в этой главе. «Чужие юбилеи» — это штучная работа. Потому что, как известно, «день рождения только раз в году». И создание такого юбилейного поздравления — это работа на один раз, на один зал, где соберутся люди, хорошо знающие юбиляра. А чтобы написать такую разовую вещицу, требуется разузнать массу, что называется, «интимных подробностей» про человека, разных тонкостей и нюансов...

Но с этим предложением обратился именно Хазанов, и это решило все. Как всегда, с ним было интересно. Я так разогнался, что уже не мог остановиться, даже когда наш совместный с Хазановым проект закончился. И продолжал поздравлять юбиляров уже в одиночку...

К юбилею Михаила Ульянова

Товарищ Ульянов? Здравствуйте. Ходоки мы. От театров. Не догадались по одежке-то? Сейчас все артисты так ходят, трудно нам. А те, что в зале во фраках, так это они так оделись, чтоб вас не расстраивать — это ж все из реквизита... Вон парень из Большого сидит во фраке — небось с Ленского снял, с еще теплого, дырку от пули платочком закрыл... Кто вам, кроме нас правду-то скажет, товарищ Ульянов!..

Так вот вы какой!.. А нам сказали, что семьдесят... Мы и ходим, дураки, старичка с палочкой ищем!.. Это зачем же вы возраст в документах прибавили? А-а, понял, товарищ Ульянов! Скрывались! Финляндия! Разлив! Да, было время — в разлив только с шестнадцати лет продавали... пришлось добавить, понимаем... Это сейчас с любого возраста продают... И «Финляндию», и нашу...

А мы думали, вы высокий и рыжий... Сейчас встретили одного такого, идет так стремительно и говорит: «Берите телеграф и почту!» Думаю — точно! Ульянов! А он: «Берите — и приватизируйте!..» Чубайс ему фамилия...

Так вас же все, кто видел, по-разному описывают. Кто сказал, что на Наполеона похож, кто — на Жукова. Один говорит: он из наших, из казахов, на верблюде ездит. Другой, что это не верблюд, а конь и будто вы с Буденным в Конармии... Третий — что этого не может быть, что вы в Гражданскую за белых были и теперь ходите в кальсонах и в карты играете...

А четвертый подошел, говорит: «Они мне будут рассказывать! Слушайте, где вы видели еврея в одних кальсонах? Я его хорошо помню — это же Тевье-молочник...»

Нас вообще-то двое ходоков было. Со мной еще один парень был, Ковалев фамилия. Нет, не гоголевский коллежский асессор, выше подымай, министр юстиции. Нет, он не нос потерял, совесть... Но тоже вроде меня — ходок. Ох, какой ходок! Но он ходок по другой части... Не насчет театра. Его сейчас больше кино беспокоит, оно для него теперь, как вы сказали, — важнейшее из искусств, товарищ Ульянов. Ну, засняли его... И он в другую сторону пошел. Куда его президент послал.

Ну что вам про нашу жизнь рассказать, товарищ Ульянов? Живем трудно, конечно. Кулаки замучили... А чешутся все время, кулаки-то, товарищ Ульянов. Все время хочется кому-нибудь заехать, вот такое настроение...

Театр же сегодня, можно сказать, полностью сам на себе. Сами поставили — сами посмотрели...

Ну, а кто сейчас в театр пойдет? Обстановка — сами знаете... На Дону — казаки, на Украине — бендеровцы, в городах монархисты, графья с князьями, и на все это бесплатно поглазеть можно и на свежем воздухе. Зачем в театр ходить?

Да еще Дума зрителей отымает! В тот год, когда там Марычев заседал с женскими грудями, не только мы, цирк чуть не разорился! Куклачев чуть кошек не съел!

Очень просим, товарищ Ульянов, пришлите вы в Думу того матроса... Фамилию забыл.

И вот с Врангелем что делать, товарищ Ульянов? Сколько народу разорил, проклятый? И не один — «Врангель», «Леви страус», «Супер райфл» — это все по тридцать долларов, товарищ Ульянов. Откуда же еще на билеты в театр?.. Кто пойдет?

Эти нэпманы новые? В красных телогрейках? Что вы, товарищ Ульянов. Они один раз пришли на «Трех сестер», через пять минут встали и на выход: «Три сестры, три сестры... Мы думали, группенсекс...» Их только одна пьеса интересует: в театре Моссовета, «Школа неплательщиков»... Тут они действительно приходят с тетрадками, записывают, опыт перенимают...

Ну, вот еще только если бандиты заглянут, но об этом можно только мечтать. И потом им по мозгу понятен только детский репертуар, а там у нас по закону биле-

ты дешевые. Да и на детском быстро утомляются, начинают капризничать... Они тут в Кремлевский дворец на балет «Золушка» пришли — базарить начали! Почему, мол, она молчит за такие бабки... А-а, мол, ей запаadlo с братвой поговорить... А в конце вообще стали требовать, чтоб ее сожгли... Это они Золушку с Жанной Де Арк перепутали...

В общем, зрителей мало, и артисты, товарищ Ульянов, прямо скажу, постятся от презентации до презентации, от фестиваля до фестиваля. На святого Оскара оскоромишься, и дальше опять пост. До Ники-разлучницы... Почему разлучницы? А после нее половина друг с другом не разговаривают.

Ну, и конечно, голод! Голод репертуарный, товарищ Ульянов! Мы уж классику обгладываем до последней косточки! Уж так мы ее, извините за грубое слово, интрипер... ретируем, чтобы осовременить и народ привлечь! Уж с такими намеками! В «Борисе Годунове» убиенный царевич маленький, а уже лысый, с пятном на лбу, комбайнером успел поработать... Намек на Горбачева. А юродивый — сын стряпчего и моет лапти в Индийском океане... Это, мол, Жирик...

А что делать, товарищ Ульянов? Драматурги, мироеды проклятые, пьесы прячут кто под пол, кто в поленницу... Вот такие единоличники, не хотят бесплатно давать. А нам чем платить-то?

Просим по-хорошему — не дают, врут в глаза. Тут к одному супостату идем, из-за двери слышно, как на машинке стучит, а заходим... «Ну, что вы, откуда, в прошлый раз ваши подчистую все выгребли, до последней точки, сам бы у кого новенькое почитал, вот, старье одно... Сидит, листает «Кремлевские куранты»...

Хорошо, тут сынок его как закричит: «Зачем ты врешь, папка! У тебя же есть новая пьеса!» А он: «Замолчи, Павлик!..»

Вот мы и подумали, товарищ Ульянов, может, вы с товарищем Калягиным к ним своих комиссаров отправите, чтобы, значит, излишки изъять? Ну хоть по пять страниц с пьесы?

Но только, товарищ Ульянов, нам не всякие пьесы нужны, а такие, чтоб там ели по ходу действия.

Комсомольцы товарища Захарова себе такие достают. И так глубоко входят в роль! Товарищ Чурикова говорит: «У меня после «Зерро» ни одно платье не сходится...

А МХАТ?... Там вообще... Они же наследники Станиславского, за реализм на сцене борются! И продукты как реквизит выписывают. У них репертуар прямо меню напоминает. У них там пьеса одна так и называется — «Ужин». И какой, товарищ Ульянов! Два часа! Спонсоры за сердце хватаются! Вот такой ужин! Там товарищ Любшин слугу играет, каждый раз, говорят, домой сумки носит... И я слышал, им все мало — уже работают над продолжением, над обедом и завтраком...

Не, они там, во МХАТе, вообще умеют устраиваться! Вы, товарищ Ульянов, видели лицо товарища Невинного? Нет, по телевизору? Видели? А у вас какой? А, «Панасоник», это большой такой. Ну, может быть. А у меня маленький, «Джи-ви-си» — так это лицо туда не входит! Потому что у него супа этого, с позеленевшей курицей, — море! Когда рекламу снимают, там же после каждой съемки ведро остается!

И скажу вам честно, товарищ Ульянов, иногда хочется к этой зеленой курице красного петуха подпустить... Что останавливает?... Не, красный петух-то есть: он в Думе красную фракцию возглавляет. Но, понимаете, товарищ Ульянов, он насчет кого-нибудь заклевать — не очень боевой. Ну, у него клюв такой, знаете, не острый, а картошкой... Он в основном в чужом дерьме роется. Да, все думает там жемчужное зерно найти... Ну, петух, что с него взять...

И я не удивлюсь, товарищ Ульянов, если вы как-нибудь зайдете во МХАТ, а там на занавесе вместо чайки эта курица «Кнорре» пришпилена!

Вы только не думайте, что это зависть, товарищ Ульянов! Но ведь мог же этот Невинный и друзей в эту рекламу позвать! Так нет! Никого не подпускает, одиночник такой! Товарищ Райкин с товарищем Полищук только сунулись, а им нет! Кофе — пожалуйста, а бульон — ни-ни! Кому пожалел? Косте! Райкину! Он же нищий! У него в театре опера — и та трехгрошовая, товарищ Ульянов...

Ну, оно, конечно, другим и кофе не доверяют рекламировать. Зная их зверский аппетит, только что-нибудь несъедобное, стиральный порошок какой-нибудь...

А это ведь трагически может кончиться... Вот случай был... Одна артистка другой все «Ариэль» подсовывала: «Попробуйте «Ариэль», Эмма Петровна! «Ну, та попробовала... Говорят, ей хватило и половины дозы...

Не надо смеяться, товарищ Ульянов, все это очень серьезно! Артисты, чтоб прожить, уже смежные профессии осваивают. Хорошо, если как тот, который тень отца Гамлета играл. Он теперь у одного буржуя подрабатывает. Тот особняк в чистом поле отгрохал, и этот заслуженный республики у него на участке тень изображает!..

Но есть же и другие примеры. Один Отелло из Костромы уже интересовался, сколько киллер получает! А Ромео из Перьми по балконам лазит, квартиры чистит!

И я не удивлюсь, если начнется саботаж на сцене. И какая-нибудь Анна Каренина, вместо того чтоб спокойно сигануть под поезд, вместе с Вронским прекроет движение и выйдет перед паровозом с плакатом: «Заплатите за февраль, правительство в отставку...»

Так что, товарищ Ульянов, очень вас просим: сегодня уж погуляйте, а завтра давайте опять, вставляйте на защиту наших театральных интересов. Вы нам очень нужны.

И еще, товарищ Ульянов. Можно с вами сняться на карточку? Очень просил художник Серов, для своей картины...

ПЕРЕПИСКА СЛАВЫ И САНИ...

К юбилею Мстислава Растроповича

Саня. Дорогой Слава!

Пишет тебе Саня Солженицын. Тебя, наверное, удивит это письмо, ведь пишу я с твоей же дачи, из соседней камеры. Жалко, ты никогда не сидел — мы могли бы перестукиваться, а так вот, видишь, приходится писать. Письмо передаю с оказией, с одной вольняшкой, не бойтесь, она верный человек. Да вы ее знаете, это Глаша, ваша домработница, а мне она баланду носит... Я что пишу-то? Вот вы вчера с Галей ко мне стучали, а я не откликнулся. Вы за это на меня сердце не держите. Я ведь сейчас над «Архипелагом» работаю, который еще в зоне начал. И мне очень важно снова ощутить ту атмосферу лагерного барака, чтобы единый стиль был. Ну, атмосферу-то я создал — вы, наверное, ее почувствовали, когда к двери подходили — это я мокрые портянки над лампой сушил...

Я сижу, пишу, можно сказать, в образе ээка, и тут вы стучите — а мне открывать никак нельзя, мне ж по образу свидания запрещены...

Будь здоров, привет всем там, на воле, извини, что коротко — в лагере с бумагой плохо — пишу на том, что под руку подвернется...

Слава. Саня!

Под руку тебе подвернулась Первая часть уникальной симфонии Шостаковича, она в единственном экземпляре, собственно, за ней мы с Галкой и заходили. Странно, нам казалось, мы тебе положили целую кипу чистой бумаги... Прости нас. Видимо, мы забыли. Я стал ужасно рассеян. Вот и виолончель свою третий день найти не могу. Что ты называешь баландой? Тех раков с пивом, которых мы послали? Ты только скажи,

что ты хочешь, и мы тут же... Ну, не буду мешать. Желаю успехов. Твой Слава.

Сая. Слава! Вот ты желаешь мне успехов! А возможны ли они? Вы же, когда звали к себе на дачу, говорили, что будут все условия для работы... И где же они? Как мне сосредоточиться, войти в образ политзаключенного? Что я в окно вижу? Пейзаж, твою мать... Где решетка, где колючка? Где толпы эков на утренней поверке? Вертухаев нет, собак тоже... Где плакат над воротами дачи «Вошел преступником — вышел честным человеком»?

Не волнуйся, положить кипу чистой белой бумаги вы положили. Но разве на такой я в лагере писал?.. На этой чистенькой у меня не идет ничего... Я привык на клочках, на обрывках, чтоб всегда можно было, если шмон, в матрац спрятать...

Но я не обижаюсь, тем более ты сам говоришь, что стал рассеянный, ничего не помнишь, не можешь найти какую-то виолончель... Ты, кстати, и про парашу ничего не сказал. Я нашел ее, можно сказать, в последний момент. Ну и чудачки вы, музыканты! Надо же — даже парашу сделать в виде большой скрипки. Оригинально, только струны мешают. Да и отверстие можно было бы побольше... Я когда к ней подхожу, все время думаю: «Какая же Сталин сволочь! И до иностранцев добрался! Там, на параше, тот, кто раньше на ней сидел, видно, перед расстрелом свое имя выбил: «Гварнери». Наверное, из итальянской Голубой дивизии...

О еде не беспокойся, мне нравится, просто я все баландой называю. А за раков — отдельное спасибо. Вам, простым музыкантам, наверное, это непонятно, но у нас, у настоящих творцов, знаешь как бывает? Мелочь какая-нибудь — а вдруг подтолкнет к чему-нибудь грандиозному. И вот я смотрю на рака, трогаю его панцирь и думаю: «Написать, что ли, «Раковый корпус»?»

Ну, всего хорошего, если будешь писать, заложи письмо в хлебный мякиш. Заключенный 18-53, статья 58-я...

Слава. Саня, спасибо за длинное письмо! Практически здесь вся вторая часть симфонии! Читали твоё письмо все вместе — Галя, Глаша, сторож, шофер и два сотрудника КГБ, которых к нам приставили. Глаша за раков немножко обиделась — говорит, что они не мелочь, она их на рынке у спекулянтов покупала... Все твои замечания мы учли, плакат «Войдешь преступником — выйдешь честным человеком» уже повесили. Наш сосед, министр торговли, почему-то перестал к нам заходить... А так у нас все нормально, колючку натянули, вышку построили, Галя купила тулуп и каждое утро будет в нем лазить на вышку с собакой. Ничего, что это болонка? Думаю, ты, со своим гениальным воображением, легко примешь ее за овчарку. Я имею в виду болонку. Вот она сидит рядом, глаза умные, только что не говорит. Я имею в виду Галю. Она не может говорить, она мякиш жуёт, чтоб спрятать это письмо. Сейчас ее очередь. До этого его жевали сторож, шофер и два сотрудника КГБ, которых к нам приставили. Оказались такие хорошие ребята! Сами этот батон купили за тринадцать копеек... Только Глаша не жевала — она на тебя дуется...

Саня, завтра с утра посмотри в окно: у нас в шесть будет утренняя проверка. Мы всем телогрейки купили — сторожу, шоферу, двум сотрудникам КГБ. Может, еще Глаша на проверку выйдет, если тебя простит. Народу немного, но ты со своим воображением всегда можешь представить, что это — после амнистии...

Что же касается параша... э, виолончели, думаю, что это — толчок, фигурально выражаясь, толчок к тому, чтобы мне заняться дирижерством. Это судьба, знак свыше. Дирижеру нечего терять, кроме палочки. А с ней что случится? В крайнем случае, обтер и дальше...

Ну, заканчиваю, а то большое письмо получится, боюсь, батона не хватит... Пиши! Жду от тебя третью часть симфонии, анданте модерато...

Саня. Как же мы, русские, не ценим себя! Слава, ну какой модерато тебе сказал, что ты модерато? Ты — гений!

Так получилось, что я сначала увидел в зарешеченное окно утреннюю поверку и только потом получил письмо.

Видимо, Плаша не спешила, действительно дулась...

Я посмотрел в окно — и у меня прямо мороз по коже: эски в бушлатах, какая-то стерва на вышке с собакой... Я понял, что сейчас будет утренний шмон! Крутанулся по камере, вспорол какой-то старый диван... сунул туда свои писульки...

И только когда увидел тебя со смычком вместо автомата и услышал картавое: «Конвой НКВД применяет оружие без предупреждения» — я перевел дух. Скажу больше... Знаешь, как это бывает у нас, у настоящих мастеров слова? Вот ты закартавил, а у меня вдруг — как будто видение: Ленин! Дай, думаю, напишу «Ленин в Цюрихе»... Пока еще не все себе представляю... Слава, если не трудно, попроси Галю спуститься с вышки, заколоть волосы назад в пучок, надеть очки минус восемь и прокатиться на велосипеде. Как Надежда Константиновна. А я пока открою краны, сделаю разлив... Думаю, меня это подтолкнет. Навсегда с вами, ваш Саня...

Слава. Очень трудно писать в воде... Неужели ты с нами действительно навсегда? Я просто не могу поверить своему счастью... Думаю, и Галя поверить не может, она вот напротив плавает, мычит, кивает головой. Только что не говорит. Она, как ты, наверное, догадался, сейчас мякиш жует. Но не для письма. Она просто ничего другого, кроме мякиша, жевать не может... после того, как в очках Надежды Константиновны с велосипеда упала и выбила зубы...

А что касается дивана, который ты вспорол, не бери в голову, он действительно очень старый, старше не бывает, восемнадцатый век, французское барокко...

Саня, ты даже не представляешь, как все мы тут тебя любим. До такой степени, что готовы, рискуя всем, организовать тебе побег из Разлива. Мы уже плывем к тебе, кто на чем — Галя, сторож, шофер. Даже ребята из КГБ. Говорят, черт с ней, со службой, пусть нас рас-

стреляют, но сделаем все, чтобы он убежал... Лучше смерть, говорят... Обещают украсть броневик. И у Глаши, как у всех русских женщин, доброе сердце. Вот ты думаешь, она сердится, а она уже пишет тебе апрельские тезисы...

Ну, всего тебе доброго, обезумевшие от горя скорой разлуки Галя Ростропович и Слава Вишневский...

В ЭЛЕКТРИЧКЕ

(К юбилею Вячеслава Тихонова)

— Граждане дорогие! Сами мы не здешние... Помогите, кто сколько может... Я потомственный чекист. Родился в Берлине под бомбежками в апреле сорок пятого. Моя мать — радистка, отца не помню...

Я сразу, как родился, хотел приехать его разыскать.

Но Центр попросил меня остаться, внедриться в немецкий детский сад и узнать, почему абвер так нашими детскими садами интересуется?

Наши случайно одного заподозрили, обратили внимание, что какой-то здоровый мужик в детском саду на горшке сидит... Оказался штурмбаннфюрер СС... Нет, записали-то его в наш детсад ребенком, когда он еще в гитлерюгенде был, но у нас же в сады очередь была на несколько лет...

А я, граждане, к ним спокойно внедрился и послал шифровку: «Гиммлер интересуется, что это выносят в тяжелых сумках по ночам из детсада люди в белых халатах?» Немцы думали, что там замаскированный институт...

И Центр сказал мне спасибо, но вернуться не дал и под разными предлогами еще десятки лет держал меня вдали от Родины. И только недавно я узнал из архивов, что это мне через знакомых в столовой КГБ мстили поварики детсадов и воспитательницы...

И мне пришлось, граждане, после войны обосноваться в ФРГ на долгие годы, обзавестись хорошими документами. Аусвайс у меня был подлинный, я взял фамилию матери — «Кэт»... Но для убедительности легенды все эти годы приходилось жрать «Вискас»... с содовой... Вот почему у меня такая хорошая шерсть...

Вы, конечно, спросите, что, кроме «Вискаса», помогало столько лет уходить от провала?.. Конечно, преж-

де всего разведчику нужны хорошие мозги. Они меня один раз просто спасли...

Был такой случай. Немцы как-то узнали, что в двадцать три ноль-ноль я должен выйти на встречу со связником, агенты уже стыли на холоде, ждали в подворотне, хотели с поличным взять... А я дома пошевелил мозгами, перевернул их, чтоб не подгорели, сухарями посыпал и думаю: «Сейчас идти куда-то на холод, с каким-то связником встречаться, когда дома такая вкуснятинка — жареные мозги, с баварским пивом... Да хрен с ними со всеми!» Так и не пошел...

И еще тепло вспоминаю руководителей нашей разведки, придумавших засылать нас под собственными именами, чтоб труднее было разоблачить. Помню, еще в разведшколе со мной один парень был, Николай. Толстый такой! Хотели забросить его под вымышленной фамилией Жиртрест...

Уже самолет был готов, в последнюю минуту что-то генералу не понравилось. У него, конечно, интуиция была!.. Какая интуиция! Она ему все заменяла, даже грамотность... «Отставить!» — говорит. Ходил, ходил вокруг парня, присматривался... «Ох-хо-хо!.. Под какой же фамилией тебя забросить, а, Коль?»

А уже взлетать, летчик нервничает... генерал махнул рукой, говорит: «Ладно, Коль, так и будешь — «Коль»...

Парень до сих пор работает! И на какой должности...

Это редкость, конечно. Другие, кого под своими именами еще в войну засылали, не в таком порядке. Мы так встречаемся иногда — Канарис Сергей Семеныч, Давид Самуилыч Мюллер — плохо живут... А Гудериан Абрам Соломоныч?.. Какие заслуги! В сорок первом послал телеграмму Жукову: «Буду пятнадцатого в Туле, встречайте...» А тут смотрю — посуду сдает...

Подайте, граждане... Не для себя прошу — на оперативные расходы. С этой разрядкой в международных отношениях нам так все урезали!..

Раньше, в холодную войну, нам ничего не жалели! Королями жили! Нас с легендой миллионеров забрасывали! Калугин в шестьдесят восьмом без парашюта прыгал! Ему парашютный мешок наличкой набили, девать было некуда...

Сергеа Казарян, чернявый такой, с семьдесят восьмого под арабского шейха работал. Свой дворец, все в золоте, даже унитаза. Гарем — сорок красавиц из Первого управления, все не ниже капитана...

У него Ванька Сидоров, евнух по легенде, получал пятьсот долларов за звание и еще пятьсот за вредность. Очень вредный парень был... Ему свои платили, чтоб не стучал... Царство ему небесное, на третий месяц сгорел...

Как раз в ту смену, когда в гареме дежурила майор Польшатай. Ну, наш шейх, как положено, нужных гостей позвал — командующего авиацией Кувейта, военные из Саудовской Аравии... Сидит, секреты у них вынюхивает. Польшатай для гостей стала танец живота исполнять. Ванька, как положено по инструкции, должен был с опахалом в руках стоять, обмахивать. Вдруг Серега замечает, что начальник местной контрразведки не на Польшатай, а на евнуха смотрит. А тот, как зачарованный, на Польшатай таращится и все машет, машет! И чем! Опахало-то в трех метрах от него, на полу валяется...

И конечно, когда этот евнух засыпался, от желающих на эту должность в Главке отбоя не было. Несмотря на опасность...

Ну, а сейчас где Серега со своим гаремом? Первое время, когда финансирование срезали, он еще кое-как держался, отпиливал по кусочку от своего золотого унитаза, продавал. А когда унитаза съели...

Центру пришлось на последние деньги организовывать народное восстание, чтоб Серега мог в одном бурнуса и тряпке на голове бежать из страны...

Мало того, что денег вообще не дают! То, что было, отнимают!

Конечно, граждане, в книжках, которые вы про нас читаете, все не так. Мы там сразу в случае провала ампулу с ядом — хрясь! Только где он, яд-то? Нам же теперь и его не присылают... Нет у них денег на приличный яд...

Тут шифровка из Центра: «Двадцатого в Мюнхене будет террорист Карлос. Ликвидировать отравленным кофе. Яд — в тайнике...» Открываем тайник — а там

вместо цианистого калия заменитель: батон просроченной любительской колбасы...

Я все понимаю, граждане. Конечно, такая гнида, как Карлос, не достоин смерти от мгновенного яда. Лучше долгая, мучительная от испорченной колбасы. Но как этот здоровый батон засунуть ему в маленькую чашечку кофе?

Они там в Центре совершенно оторвались от жизни!

Придумали! Я теперь по их легенде — немецкий безработный! Ну, а где экипировка для немецкого безработного? Где смокинг, бабочка? Здесь безработный получает больше, чем в России министр социального обеспечения...

Ведь знают, что на то, что они присылают, я могу только под нищего работать! Нет, шлют телеграмму: «Центр — Юстасу. Пригласите к себе в дом на обед начальника мюнхенской полиции Пюнтера. Сфотографируйте. Нам нужен его снимок в гостях у русского разведчика...»

Ну, приказ есть приказ. Вот идет как-то Пюнтер. Тут я из своего мусорного бака высовываюсь, говорю: «Заходите, герр Пюнтер...»

Не знаю, что в Центре про эту операцию думают. У них теперь и на телеграммы денег нет. Сейчас же за каждое слово сумасшедшие деньги. А на то, что им выделяют ежемесячно, им только хватило сообщить: «Центр — Юстасу»... И все...

Причем и эти два слова открытым текстом — шифровальщикам нечем платить.

И после этого сразу к нашему баку цэрэушники пошли. Вот все-таки есть профессиональная солидарность! Они говорят: «Ребята, ну что ж вы не сказали, что у вас с деньгами так трудно? Вот, возьмите пока на первое время несколько секретов. Отдадите потом когда-нибудь своими...»

Но я решил ничего у них не брать. Лучше у своих попросить...

Граждане, подайте сотруднику Внешней Разведки на оперативную работу!..

ИСПОВЕДЬ

К юбилею Налоговой инспекции

Батюшка, я понимаю: совершенному мною нет прощения в нашем обществе...

Передо мной днем и ночью стоит лицо той девчушки-кассира! Как она на меня смотрела полными ужаса и непонимания глазами! Тянула ко мне руки... И я хочу облегчить душу... Хочу сказать... Я вчера среди бела дня... этой девчушке... заплатил налоги... Боже, как я ее напугал... Она приняла меня за сумасшедшего...

Я был не один... Самое отвратительное, что я заставил участвовать в этом деле жену. Она стояла на шухере и должна была дать знать, если мимо пройдет кто-то из знакомых или подъедет перевозка из Кащенко...

А я вошел... в черной маске... чтоб не узнали... и заплатил...

И я вам хочу сказать: соскользнуть на кривую дорожку честной жизни легко, а сойти с нее трудно. Эта честная жизнь засасывает, как болото...

Я теперь понимаю: конечно, все не случайно. Я не ищу себе оправдания, но корни того, что я совершил, конечно, лежат в моем детстве, в тех, кто меня окружал. Что я видел тогда? Детство жуткое было. Наш подъезд — не приведи бог: кругом одни отличники... из музыкальной школы.

Вечером погулять выйдешь — уже стоят. Кто со скрипкой, кто с виолончелью... Стоя-ат, смычками поигрывают... А что я? Пацан, попал под влияние... В подъезд завалимся и давай Моцарта наяривать, от Шуберта балдеть... А Моцарт, он же душу освещает, после него вообще, как пьяный: легко так становится, добро делать хочется... Ну как воровать после Моцарта? После него можно только с повинной идти, такое чувство, что больше года не дадут... Или Бетховен. После него только захочешь налоги укрыть, а в мозгу сразу:

«Па-па-па-па...» — тема судьбы...

Ну, и где сейчас эти музыканты? Естественно, их общество отторгло. Один профессор в Гнесинском, подбирается, конечно... Другой дирижер в Большом театре. У него тоже, кроме палочки, вообще ничего нет.

Меломаны — это ж те же наркоманы: затынет — не выберешься. От этого же не зашьешься. Сейчас, правда, говорят, пробуют таким, помешанным на классике, как торпеду алкашам, кассету со специальной музыкой в ягодицу зашивать. Эта специальная музыка так и называется — поп-музыка. Я, правда, так и не понял, в честь чего ее так называли: то ли по месту, которым ее слушают, то ли по месту, куда ее зашивают, то ли по месту, которое ее воспроизводит...

Говорят, после такой зашивки какого-нибудь Брамса слушать невозможно: сразу тошнит, наизнанку выворачивает. Но лучше, я вам скажу, с детства к этой классике несчастной не привыкать, чем потом мучиться и лечиться...

Вот ребятам в соседнем подъезде как повезло, как повезло! Они кроме «Мурки» ничего не слышали. Ну, у них и старший наставник был — позавидовать можно! Красавец, весь в татуировке, во рту фикса горит, только что из лагеря...

Конечно, у него ребята выросли — как раз то, что надо сегодня! Уважаемые люди! Они тут к нему недавно в гости приезжали. Ну, у него теперь особняк, швейцар в ливрее. И они подъехали — это ж любо-дорого посмотреть! На таких машинах! Весь двор высыпал. И швейцар так торжественно:

— Домушник из Солнцева с супругой!

— Бригадир Афоня из подольской группировки!

— Братва из Долгопрудной!..

Ну, что тут сделаешь? Повезло с наставником. Я нашего вспоминаю — тоже один лоб крутился, все картинки с девочками показывал: «Девочка с персиками» Серова, «Девочка на шаре» Пикассо... В Третьяковку нас водил... Господи, кому это все теперь надо?

Что обо мне говорить? Я-то с этой своей честностью человек конченный. Меня сынок беспокоит, как бы он по моей дорожке не пошел..

Нет, что мог для его современного воспитания, я все сделал. Там Пушкина с Толстым, Гоголя с Тургеневым — это все я спрятал...

Иногда, если самого потянет стихи почитать, вкладываю их в обложку от «Плейбоя»: сынку в голову не придет, что там Лермонтов спрятался. А уж журналов-то этих сынок насмотрелся побольше папашки... Не подойдет.

С музыкой, батюшка, я тоже все продумал. Кассету с Бахом в плеер вставляю, чтоб не слышно было, на голову наушники... Надо только под Баха дергаться по-современному: пусть мальчик думает, что я слушаю какую-нибудь группу типа «Ногу свело», «Руку оторвало»... Нет, дергаться, батюшка, это как раз не трудно — в руки два голых провода от сети берешь... Действительно, так ногу сводит, так начинаешь дергаться, трястись и извиваться — Майкл Джексон может отдыхать!

Вот с телевизором сложнее. Я тут чуть не попался... Признаться стыдно... У самого уже пацан взрослый, а я все как в юности... Дурак такой... Только все улегутся — я щелк! И «Очевидное-невероятное» смотрю. Его сейчас глубоко за полночь показывают. Ну, кого оно еще интересует, кроме такого козла, как я?

И вот однажды, как назло, только мне Капица сказать успел: «Добрый день! Сегодня мы поговорим о том, что разноименные тела притягиваются! Это очень интересно!.. И тут парень мой со словами: «Ой, я тащусь — папашка Капицу смотрит!..» — дверь открывает!..

Фу! Я еле успел на НТВ, на порнуху, переключить... Что вы говорите, батюшка? «Слава богу»?... Вот именно... Хорошо, там как раз чьи-то разноименные тела притягивались... Сынок посмотрел. Говорит: «Во дает Капица! А ведь не молодой уже... Папа, ты знаешь, а мне эта физика нравится! Я, пожалуй, в ученые пойду...»

Я говорю: «Не дай бог, сынок! Что у нас — нищих не хватает? Ученым... И будешь, как Красная Шапочка, ходить с одной потребительской корзинкой...»

А с этим сексом вообще... Ну, у таких, как я, ведь все не как у людей... Я отношусь к «сексуальному меньшинству»... Ну, это те мужики, батюшка, кто могут только с женщиной и только один на один. Да,

нас таких сегодня меньшинство. Вот такой я извращенец...

Конечно, скрываю — вру, изворачиваюсь... Мы тут с женой в дом отдыха поехали. Ну, у нас два варианта было: или такой номер, куда горничная никогда не заходит, или подороже, такой, куда заходит каждое утро... но без стука. Мы второй выбрали.

И вот она врывается, мы с женой еще в постели. Увидела, что нас там только двое... Вы бы видели, батюшка, с каким презрением она на нас посмотрела! И правильно! Извращенцев никто не любит... Пришлось мне срочно пересматривать свою сексуальную ориентацию...

Ну, ничего, на следующее утро зауважала! Входит — видит, из-под одеяла, кроме наших, еще шесть очаровательных ножек выглядывает. Даже семь...

Горничная на жену смотрит, подмигивает, а та молчит. И так молчит уже неделю! С той минуты, когда наткнулась в кровати на ножки для холодца... Конечно, если спросонья под одеялом копыто нашариваешь... В общем, шок у нее...

Я своей честностью людям только несчастье приношу. Ну что мне стоило тогда трех настоящих девок в кровать положить? Долларов двести, больше бы не стоило...

А когда старушку-соседку из-за меня insult хватил?.. Ну, она, правда, сама немножко виновата. Все жену спрашивала, почему у меня нет малинового пиджака.

— Сегодня, — говорит, — Зина, приличного мужика сразу видать. И на твоем должен быть пинжак малиновый, а в руке — телефон-автомат. Или просто автомат. А твой своим затрапезным видом мене раздражает...

Ну, я свой серый гэдээровский пиджачишко малиновым вареньем помазал, вечером вышел, в соседней будке телефонную трубку срезал — назад с ней иду. Вид нормальный, только пиджак почему-то мухи облепили...

А старушка как раз у подъезда сидела. Думаю: «Пойду, порадую бабушку...»

Она меня как в темноте увидела, всего в мухах, закрестилась, закричала:

— Мертвец идет! Мертвец идет!..

А когда я, как крутой, достал из кармана телефонную трубку, она как закричит:

— Не звони на тот свет, я еще поживу!..

Ну, старушка — черт с ней, а жену жалко. Она ведь мне верила, думала, что я приличный человек — рэкетом занимаюсь...

Каждое утро будила, провожала, напоминала, чтоб я утюг не забыл... А я бессовестно лгал! Брал этот чертов утюг, паяльник, клещи, а сам — на завод вкалывать...

Пока зарплату платили — все нормально было. Один раз даже премию дали. Помню, по дороге в кулинарию зашел, купил куриной печенки, в тот же пакетик премию... Домой приношу, вынимаю деньги — все в крови...

— Вот, — говорю, — не сразу отдал, дурачок попался, пришлось замочить...

Нет, пока зарплату платили — все ничего. Но вот когда стали вместо денег выдавать готовой продукцией... Батюшка, я не говорил, что мы выпускаем? Раньше-то у нас почтовый ящик был, мы боеголовки делали... Ну, а теперь конверсия, мы в мирных целях, мы не боеголовки, мы просто головки делаем. Головки, вибраторы разные, ну, для секс-шопов, в общем, да вы знаете, батюшка...

И когда ими аванс дали... Приношу домой целую коробку, в ней штук пятьдесят этих...

— Сегодня, — говорю, — денег не дали. Пришлось вот...

Жена говорит... Она тогда еще говорила... Жена говорит:

— Господи! У кого это ты отрезал? Ты, Федя, так можешь страну оставить без подрастающего поколения!..

Проклятая честность! Черт меня потащил эти налоги платить готовой продукцией! Господи! Как на меня эта девочка-кассир смотрела, когда я двадцать восемь процентов, двадцать восемь штукovin из этого ящика, перед ней выложил!..

Нет мне прощения, батюшка!

100 ЛЕТ В ОБЕД

(К юбилею МХАТа)

Нас, милиционеров, МХАТ очень даже интересует. Про него говорят: мол, идет в ногу со временем, со страной... И мы у себя в милиции тогда задумались: что же это за театр такой? Страна сегодня насквозь криминальная, а он идет с ней в ногу...

Подняли документы. И поняли: то, что мы имеем сегодня, началось не вчера. Сто лет назад началось. Театру, кстати, действительно сто лет... Причем, если быть совсем точными, сто лет в обед... Поскольку вся эта история началась сто лет назад с обеда в одном из московских ресторанов...

Мы даже точно не знали в каком, знали только, что имел место сговор с корыстной целью (статья 162 УК РСФСР) двух людей: Алексеева, он же Станиславский, 1863-го года рождения, ранее несудимого, и Немировича, он же Данченко, 58-го года рождения...

Точно сказать, о чем они сговаривались, мы, конечно, не можем: техника прослушивания тогда не позволяла, современных «жучков» и «клопов» не было. То есть клопы были, но тогда они только кусались, ничего не записывали...

Мы попробовали реконструировать этот разговор. Из энциклопедии нам было известно только, что Константин Алексеев был из купцов, а Владимир Немирович крупным реформатором. И мы провели следственный эксперимент.

Попросили поговорить между собой хотя бы по телефону двух людей, чем-то похожих на наших фигурантов. Один, тоже купец, играл на бирже, другой — тоже реформатор. Оба увлекаются театром. В общем, попросили созвониться Борового и Жириновского...

Они, конечно, не такие старые русские, помоложе, поновее, но разговор получился интересный... «Але,

Вова, надо встретиться...» — «Конечно, Костян, какой базар?» — «Какой базар? Я думаю, славянский...»

Так нам стало известно название ресторана...

Дальше стало легче. Мы подняли архивы царской охранки. В «Славянском базаре» один из официантов был надежным информатором. Вот строчки из его донесения: «Господин полковник, я слышал не все... Они меня все время отсылали за водкой. Но я слышал, как тот, что с бородой, сказал: «Нам надо все продумать. Осечки быть не должно — если уж выстрелить, так выстрелить...» А безбородый сказал: «Я думаю, режиссер должен умереть в «Актере»... Что он имел в виду, господин полковник, не знаю, меня опять отослали, но полагаю, что речь идет о Доме творчества в Сочи «Актер»... Когда я подошел с новым графином, услышал, как тот, что без бороды, спросил второго: «У вас есть кому заказать?» И бородатый, ответил без всякой жалости: «Да. Закажем Горькому...» Безбородый возразил, сказав, что у Горького нет опыта в таких делах и он, кажется, на подозрении у полиции... «Зато, — сказал бородатый, — он молодой, дорого не возьмет и хорошо знает дно...» Господин полковник, я думаю, что Горький — не настоящая фамилия, а кличка, как это у них, у рецидивистов, принято...»

На этом донесение обрывается, мы не знаем судьбы официанта. Может, этот некий Горький его расколол — не знаем...

Зато мы хорошо знаем судьбу Актера. Очень скоро, прямо во время спектакля, под шумок, где-то за сценой, на дне находят актера в петле. И никакой режиссер при этом не умер, хотя обещал... Наоборот, он внезапно выходит и еще раскланивается... Как будто уже и не действует у нас статья 125-я, доведение до самоубийства...

Поэтому.. что сказать о труппе театра... Этот труп актера был первый, но не последний. Как началось с этого сговора в «Славянском базаре», так и пошло...

Я не хочу сказать, что вы совсем потеряны для общества. И в советский период, когда все было потише и преступность пожиже, и у вас были попытки встать на честный путь... Все помнят, к примеру, как вы пробо-

вали варить сталь. Все помнят, как гражданин Киндинов держал лопату в руке. Правда, недолго. Видно, не понравилось. Конечно, честно зарабатывать — тяжелее.

И сегодня вы действительно, что называется, в ногу со страной... Я лично после «Игроков» в театре не был... по соображениям личной безопасности, но местный участковый постоянно бывает и докладывает.

И я скажу: то, что у вас тут происходит, просто напоминает передачу «Дорожный патруль»! Вот его сообщения только за сентябрь!..

«17 сентября вечером во время грозы некая Катерина, фамилия устанавливается, бросилась с обрыва...»

«Вечером 19 октября А. Киндинов зарубил топором Т. Лаврову...»

«20-го утром во время детского представления А. Мягков оделся волком и съел Б. Добровольскую только за то, что она надела красную шапочку...»

«21-го во время бала-маскарада артист Пупкин оделся неким Арбениным и отравил артистку Тютькину. Причем совершил это с особой жестокостью под музыку и со стихами...»

«22 сентября вечером, сообщает участковый, Д. Кукуев застрелил чайку. При этом использован известный способ, когда жертва прячется на самом видном месте. Ее прикололи к занавесу. Возбуждено дело по статье 45-й о жестоком отношении к животным...»

Вот он докладывает: «23-го давали «Трех сестер», но я в этот вечер дежурил, и, кому этих сестер давали, не знаю, но думаю, что здесь признаки статьи 26-й о сексуальных извращениях...»

«24-го коллективом театра в лице В. Зайкина, Г. Крутикова, З. Чижовой был доведен до сумасшествия Г. Станицын. Есть свидетели, видевшие, как он выскочил с криком: «Карету мне, карету», умоляя вызвать ему карету «Скорой помощи»...»

Этот перечень можно продолжить. Но и так ясно — виноваты все. Ну, почти все... И все-таки я бы не спешил ставить на театре крест. Потому что даже здесь можно, если присмотреться, увидеть ростки светлого. И здесь, я уверен, есть ну хоть один человек, который

с чистой совестью может сказать о себе: я — Невинный!..

А вот другой росток — Олег Николаевич...

Да, я знаю, мне докладывали, что был специально поставлен спектакль «Ужин», куда, прикрываясь лозунгами о реализме, завозились натуральные продукты. Он и сам ел, и, говорят, домой уносил...

Но можно и в этом человеке разглядеть хорошее. Как он сыграл милицейского следователя в «Берегись автомобиля»! Следователя, участвующего в самодеятельной постановке «Гамлета».

Здесь, наверное, не все в курсе этой истории, я напомню.

Отец молодого человека бросает свою тень на жену и брата. И вот — трагедия, блин... Трагедия человека, который превысил меры самообороны (статья 65 УК РСФСР) с применением холодного оружия (ст. 32).

И, я вам скажу, вы в «Гамлете» сыграли неплохо, неплохо для милиционера...

А уж самого милиционера — когда вы ходите буквально рядом с преступником и не берете его, ждете, пока он сам не созреет, каждую ночь ожидая ареста, и потом нервы не выдерживают и он сам падает в руки правосудия... Как это жизненно! Мы взяли ваш метод на вооружение. Многие не понимают, говорят: вон сколько преступников разгуливают на свободе... А они не разгуливают, они зреют.

Но наши органы сегодня сильны, как никогда. Поэтому, учитывая неотвратимость, предлагаю вам сегодня, так и быть, погулять, а завтра — явиться с повинной. А мы, учитывая столетие и все такое, будем ходатайствовать о всеобщей амнистии...

«ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ»

*К юбилею постановки знаменитой
оперетты Иоганна Штрауса*

Ой, бедный я, бедный Иоганн Штраус! Ах, зачем только я родился в 1825 году в семье одноименного композитора, ой, бедный я, бедный создатель пятиста произведений танцевальной музыки. ой, горе мне, классику «венского вальса»!..

Ой, я несчастный основоположник танцевальной оперетты, для которой характерны мелодическое богатство, разнообразие музыкальных форм, заражающий темперамент и экспрессивность! Ой, зачем только я насыщал музыку оптимизмом и юмором, зачем делал устойчивую опору на народные песенно-танцевальные ритмы Австрии и Венгрии?

Зачем это все? Почему я вообще не умер в 1899 году, согласно музыкальной энциклопедии, где я все это про себя вычитал? Зачем? Чтобы дожить до такого позора?

Это что? «Летучая мышь»? Нет, артисты неплохие, музыка — гениальная... Но либретто! Либретто — никуда не годится!..

Не годится для России! Я ведь знаю эту страну, я уже бывал здесь! Первый раз приехал на гастроли еще в 1856-м, я хорошо помню — у меня тогда один поэт сто лир одолжил. Он тогда в Италию собирался... Я, говорит, не фуфло какое-нибудь, я поэт, я отдам... Я и потом приезжал — в 65-м, 69-м, 72-м, все хотел должок получить... Но он мне только говорил: «Что ты! Откуда у меня? Кому сейчас на Руси жить хорошо?.. Нет, если ты у меня последнее забрать хочешь, тогда, конечно. Кажется, где-то оставалась у меня одна лира...» И роется, роется в дырявом кармане, за подкладкой посмотрел, потом снял ботинок, в носке поискал...

Потом говорит: «Нет. Вспомнил. Поздно ты приехал, Иоганчик. Была у меня одна лира, но я ее как раз вчера посвятил народу своему...»

Нет, я давно понял — тут своя специфика... (Тычет пальцем в либретто.) Ну что это? Ну разве может здесь иметь успех оперетта, где фамилия главного героя — Айзенштейн?..

Да, его сажают в тюрьму. Понимаю: Айзенштейн в тюрьме — тут это может понравиться... Но за что? За финансовые нарушения! Ну кто в России сегодня поверит, что человека сажают за какие-то там финансовые нарушения? Тем более что это не человек, а Айзенштейн? Да еще на такой большой, немыслимый для России срок — четыре недели!

И ведь авторы либретто сами чувствуют эту фальшь! Не случайно же появляется адвокат и говорит, что ему удалось скостить срок до восьми дней... Но это не спасает, нет! Во-первых, для этой чудесной страны и восемь дней за финансовые нарушения все равно много! А во-вторых, где вы тут видели так плохо одетых адвокатов — котелок какой-то, обшарпанное пальто... Да не ходят они так! Клянусь Резником! Падвой буду!..

Вот то, что он вместо тюрьмы идет на бал, гуляет и танцует в обнимку с прокурором, — это как раз в России поймут, это нормально, это они интуитивно угадали. Можно было еще вместо тюрьмы уехать в Париж, обследоваться... Но бал тоже неплохо. Только почему все танцуют в масках? Если это День милиции и танцуют омоновцы, то так и скажите! А если это просто светское общество надело маски, потому что боится журналистов, то почему не танцует Минкин?..

И что это за князь Орловский, которого играет женщина? Если это оперетта о трансвеститах, то надо предупредить — тут же и дети есть...

И что это за одежда на русском князе? Черкеска, папаха... Это кто — Масхадов, что ли? Но почему тогда уж не поет его друг Борис Абрамович?

И почему тогда все арии на немецком языке? Что это за князь, который поет по-немецки, а потом танцует лезгинку? Только что не кричит при этом «хальт, хальт, хэндэ хох»... Ну, кто вам сказал, что в России знают

немецкий? Почему не поют переводчики?..

Теперь с этой Розалиндой. Мне даже говорить неловко. Так не знать менталитет местных дам... Чтобы русская женщина, заподозрив, что ее муж гуляет, надела костюм летучей мыши и отправилась в нем за ним подсматривать... Да она даже проверять не будет — сразу сунет ему в щип летучую мышшь, чтоб больше не бегал...

Нет, с таким либретто провала не избежать, и меня тут совсем забудут...

И так-то уже не узнают! Сейчас, у Театра эстрады, меня толкнул молодой человек. О, я не обиделся, тем более что он инвалид — у него пальцы вот так вот (делает пальцами «козу») скрючены, видимо, после полиомиелита...

Я только спросил: «Вы хоть знаете, кого вы толкнули? Я — Штраус...»

Он говорит: «Извини, отец. Но ты тоже пойми: как я могу тебя узнать, если когда вас по телику показывают, вы все время, штраусы, голову в песок прячете... Это вообще еще доказать надо — Штраус ты или не штраус...»

Я говорю: «Чем же вам доказать?»

А он: «Ну, болтают типа того, что у штрауса самые большие яйца...»

«Кто это вам сказал?»

Он говорит: «Дроздов из «Мира животных»...

Боже мой, неужели это все, что будут помнить о Штраусе?

Нет, надо было, надо было, чтобы либретто для России переделал именно русский писатель! И я ведь обращался — к самому крупному! Но он мне говорит: «Не могу, сейчас некогда — работаю над книгой о приватизации...»

И потом он столько запросил! Я говорю: «Вы с ума сошли!» А он: «Так я ж не себе, я 95 процентов перечисляю в фонд помощи оставшимся без работы... мини-страм...»

Да, катастрофа неизбежна! Впрочем...

Впрочем, не рано ли ты отчаиваешься, Иоганн? В этой загадочной стране ничего нельзя знать наперед...

К ЮБИЛЕЮ АРКАДИЯ АРКАНОВА

Выступление обвинителя

Уважаемая публика, уважаемый суд, уважаемый конвой... В общем, все, кроме подсудимого...

Господин судья! Рад видеть именно вас на этом процессе. Нам известно, что подсудимый сделал все, чтобы вас тут не было. Да, он пытался отвести судью, отвести в сторонку и что-то ему предложить. Нет, мой дорогой! Нет таких денег, за которые можно было бы его купить! У вас нет... Сегодня все так дорожает, судьи тоже...

Тогда вы попытались убрать судью другим способом, испытанным сначала на Ковалеве, потом на Скуратове. С помощью девочек. Но в случае Ширвиндта ничего не получилось. Ни у вас, ни у девчонок, ни у самого Ширвиндта. Напрасно вы тратились на девиц, на киноплентку, на «Виагру»...

Нет, по-человечески можно понять, почему вы пытались сорвать процесс. Вам было страшно. Страшно держать ответ за то чудовищное преступление, которое вы совершили! А на что же вы надеялись, когда задумывали его? Неужели вы всерьез полагали, что ваша афера с подделкой паспорта никогда не раскроется и вы, здоровый бугай, и дальше будете всем говорить, что вам семьдесят?

Боже мой, сколько было затрачено усилий! Покупка паспорта у престарелого бомжа, некоего Арканова, смена своей подлинной, чудесной фамилии Штейнбок, что в переводе с идиш означает «камни в печени»... А затем пластическая хирургия, искусственная лысина, пересадка с трупа кожи, пораженной целлюлитом... И все это с единственной целью — получить пенсию по возрасту и спустить ее в казино!..

Да, дьявольская хитрость, которой позавидовал бы Мавроди, и недюжинные актерские способности позволяли этому человеку столько лет водить нас за нос.

Да, он мастерски научился все делать медленно, неторопливо, по-стариковски... Когда он заканчивал завтрак, другие уже садились ужинать. К тому моменту, когда он перед сном выходил из ванны и доходил до спальни, жена уже уходила на работу. Чтобы хоть когда-нибудь дожидаться его, она вынуждена была уволиться. Тогда он вообще перестал выходить из ванны, распустив слух, что он страшный чистюля...

А эта блестящая имитация старческого слабоумия? Даже сейчас! Вы только взгляните — этот бессмысленный взор, слюна в уголке рта... Нет, господин Штейнбок или как вас там, вам не удастся вызвать у нас слезы жалости! И нас не убедят в вашем слабоумии даже ваши песни... даже ваши песни о ти-ти каке, этот гимн старческому недержанию.

Больше того, именно эти песни убеждают нас в обратном — в вашем по-юношески дерзком уме и трезвом расчете. Вы ведь прекрасно понимали, что просто так эти песни слушать не будут и уж во всяком случае за них вам не подадут, а если и подадут, так за то, чтобы вы замолчали. И тогда вы рядитесь в тогу полуслеплого старца, для большей жалости берете с собой в качестве поводыря пожилого лилипута, выдаете его за армянского мальчика, беженца из Карабаха, к тому же страдающего логореей, и вот уже вы готовы идти с песнями по электричкам.

Мы остановили вас буквально в метре от вокзала, и вам не уйти от ответа.

Да, вам не повезло. Не повезло родиться в этой стране. В любой другой вы могли бы еще долго вешать лапшу о своем 70-летию. Но только не здесь. Здесь каждый ребенок понимает, что в этой стране просто невозможно дожить до такого возраста. Вот статистика!

Каждый год у нас на месяц отключают горячую воду. Если вы действительно прожили семьдесят, это значит, почти шесть лет без горячей воды! Как мог человек шесть лет не мыться и не умереть от какой-нибудь заразы?

Теперь о пище. Мы внимательно изучили меню под-

судимого. Каждый день в него входило полкило «Любительской» колбасы. Колбасы, в которой — вот данные санэпидстанции — находят микроэлементы бора, стронция, урана... Да, миллиграммы. Но за 70 лет — плюс то, что все мы получили от Чернобыля, Челябинска, Семипалатинска и Новой Земли, — это получается один килограмм пятьсот шесть граммов радиоактивных веществ! Это больше, чем в атомной бомбе!

Да если бы это было так, американцы давно бы вывезли нашего псевдоаксакала в Ирак и предъявили как оружие массового поражения...

А воздух? Известно ли подсудимому, что человек за минуту выдыхает десять литров углекислого газа? За сутки — это 14 400 литров, а за 70 лет — почти четыре биллиона тонн углекислого газа. Да если бы вы прожили столько, вы бы испортили воздух на всей планете и отравили бы все живое!

И, наконец, последнее. Вот данные Министерства внутренних дел: за день на необъятных просторах нашей Родины происходит 9 тысяч разбойных нападений, 12 тысяч грабежей, 7 тысяч изнасилований! Семь тысяч! Нетрудно подсчитать, что за год это два миллиона пятьсот пятьдесят пять тысяч, а за 70 лет — сто шестьдесят шесть миллионов! Больше населения страны!

И очевидно, если бы подсудимый действительно, прожил бы столько, его бы обязательно кто-нибудь... ну, вы понимаете...а может быть, даже два раза... А между тем — ничего подобного! Вот данные проктологической экспертизы... В определенном смысле он просто девственник. Понимаю, это кажется странным, учитывая личность его подельника-поводыря, но это так!

Мне больше нечего добавить к этим сокрушительным доказательствам, полностью изобличающим подсудимого! Надеюсь, суд воздаст ему по заслугам!

Просто
фантастика!

ПРЕДИСЛОВИЕ № 6

С детства обожаю фантастику. Не ту, где на голову несчастного читателя сначала обрушивают всякие технические термины и, когда он окончательно перестает что-либо соображать, преподносят ему истории о любви роботов, полетах к звездам на супер-пупер кораблях и тому подобное.

Мне нравится фантастика Шекли и Брэдбери. У них фантастика только подручное средство для рассказа об обычных людях, только поставленных в необычные, экстремальные обстоятельства, где человеческие качества раскрываются во всей своей полноте — в своем величии и в своей низости...

Каюсь: в юности, в первых литературных опытах я пытался подражать своим западным кумирам. Но очень скоро понял, что наш Восток — это совсем другое. У нас своя жизнь, свой путь, и для нас фантастическим существом, к примеру, становится гаишник, не берущий взятку...

ПЕРВЫЙ КОНТАКТ

Вы — Антонов? Из Общества дружбы? Здравствуй-те, я ваша переводчица. Ну, вы в курсе? Сейчас сюда придут гуманоиды. Да, первый контакт... Будете приветствовать... «Что делать, что делать»... Ну, как придут, конечно, первым делом поцеловаться...

Э, господин Антонов! Стойте! К кому вы лезете целоваться? Это жена министра культуры приехала! Да, «такая страшная»...

А пришельцы вот, скафандр видите? Господин Антонов, ну, пустой-то скафандр не надо целовать — они ж его нам в подарок принесли... «Кто-кто» — да вот же они, зелененькие... Это и есть пришельцы... Что — «ой, мамочки»? Слушайте, Антонов, вылезайте из-под лавки! Да что вы креститесь?..

Ну, приветствуйте же, приветствуйте... Где ваша речь, доставайте бумажку...

Погодите! Как вы стоите?! Как вы стоите перед ними?! Ну, вы же к ним в спину зашли!.. Да, у них просто глаза на затылке... Вот — теперь другое дело... Подождите, сначала я им пару слов скажу...

Гм! Уважаемые гости! Сейчас с теплыми словами приветствия к вам обратится господин Антонов.

Ну давайте, давайте, Антонов, я буду переводить... «Дорогие монгольские друзья!»... Господи, что вы читаете? Да это не та бумажка — монгольских друзей мы приветствуем в шесть... Не знаю, ищите другую... Не нервничайте, ищите... Должна быть... Нашли? Наконец-то... Ну, давайте сначала...

Гм! Уважаемые гости! Сейчас господин Антонов из Общества дружбы народов скажет вам несколько теплых слов... «Мы заявляем, что против расширения

НАТО на Восток!..» Антонов, господа, что вы мелете? Это опять не то! На Восток мы расширяемся в восемь! Вы что — скандала хотите? Что — «они хлопают»? «Они хлопают»... Это вообще ничего не значит! Потому что у них, у гуманоидов, аплодисменты — призыв к размножению...

Антонов, я вас умоляю: не открывайте больше рот! Просто примите в подарок скафандр... так... теперь вы им что-нибудь подарите... Ну, не знаю — шапку, например. Эй, да не мою — свою дарите!.. Теперь приготовьтесь — будете пожимать им руки...

Гм-гм!.. Уважаемые гости! Господин Антонов хочет пожать ваши руки!.. Пожимайте, пожимайте, Антонов... А материться не надо, Антонов, они же все слышат... Ну вот — доболтались? Они просят перевести ваши слова...

Гм!.. Дорогие гости! Господин Антонов говорит, что ему очень приятно прикоснуться к вашим рукам... Что?! Антонов, они говорят, что им тоже очень приятно, только это у них не рука... Нет, это не рука в перчатке, это у них нога в носке... Не знаю, что-нибудь еще им пожмите... Антонов! Это опять не рука! Вам объяснить, что именно вы только что пожали? Антонов, не будьте ребенком... В трех щупальцах запутался.

Друзья! Господин Антонов хочет, по нашему обычаю, вас расцеловать!.. Стойте, Антонов! Целуйте! А я говорю — надо! Нет, через переводчицу нельзя... Ну, не жмурьтесь, не жмурьтесь — это ж минутное дело... Я же сказала: не жмурьтесь! Куда вы его целуете? Это не щечка, вы опять со спины зашли... Все! Заткнитесь! Они что-то говорят — дайте хоть перевести...

Господин Антонов! С ответным словом к вам хочет обратиться член делегации гуманоидов, слесарь марсианского завода «Знамя Галактики»...член бригады коммунистического труда товарищ Пучеглаз!.. Я перевожу... «Дорогие земляне... думал ли я, простой слесарь Галактики...» Господи, как же они отстали в развитии! Даже у нас уже этого нет... А? Да-да, Антонов, перево-

жу-перевожу... «Что мне выпадет такая высокая честь...» Видите. Антонов, вот они отсталые, а как приветствуют! Учитесь... Господи, да перевожу я, перевожу... «...высокая честь приветствовать... дорогих монгольских друзей!...».

В пятницу, в девять сорок три утра, на шестьдесят пятом километре Минского шоссе лейтенант милиции Гвоздев засек радаром движущийся на большой скорости джип «Чероки» и потребовал остановиться.

Управлявший джипом господин Желудков подчинился, свернул на обочину, вышел из машины и пошел к постовому, на ходу открывая бумажник и привычно протягивая деньги. Казалось, ничто не предвещало трагедии...

И тут... Гаишник отрицательно покачал головой и спокойно сказал:

— Я эти деньги не возьму...

Желудков нервно оглянулся — вокруг не было ни души. А тут прямо перед ним стоял... стоял сумасшедший милиционер с оружием...

Ему стало так страшно, как никогда! И он побежал, побежал что было сил по шоссе, оглашая диким воплем окрестности... Останавливались машины, выглядывали из леса грибки — он ничего не видел, кроме мелькавших километровых столбиков...

Очнулся Желудков на больничной койке. Над ним стояли врачи...

— Где я? Что?..

— Успокойтесь, — сказал врач. — Вы в Минске...

— В Минске...

— Да, вы в сильнейшем шоке пробежали сотни километров! Потом потеря сознания...

— А где... где тот... страшный... он не берет... не берет...

Врачи переглянулись между собой. И самый пожилой из них, но еще вполне толковый заметил:

— Он что-то хочет рассказать. Похоже, память возвращается...

...Звонок Президента Белоруссии раздался в Кремле ровно через час.

Уже спешно ставили на границе между двумя республиками санитарные кордоны: страшно было даже подумать, что произойдет, если болезнь, поразившая лейтенанта, примет характер массовой эпидемии — вся экономика, построенная на принципе «ты мне — я тебе» могла рухнуть в одночасье...

Уже мчались к злополучному посту десятки машин: начальство, врачи и, конечно, вездесущие газетчики и телерепортеры...

Один из них уже пытал командира подразделения, в котором служил несчастный лейтенант Гвоздев.

— Здесь, рядом со мной, — тараторил репортер, — собрались те, кто хорошо знал человека, стоявшего на посту... Честно говоря, после всего случившегося язык не поворачивается назвать его офицером...

— И не называйте...

Командир, пунцовый от стыда, пытался говорить спокойно:

— Не называйте... Только что состоялось офицерское собрание нашего дивизиона. Мы осудили этот серьезный проступок и изгнали офицера, теперь уже бывшего, из наших рядов... Конечно, в чем-то тут и наша вина, не досмотрели... Но твердо заверяем всех, кто нас сейчас смотрит, — больше такого не повторится...

И командир жалко посмотрел на репортера: мол, хватит мучить-то...

Но репортер не знал жалости, он продолжал:

— Что значит «больше не повторится», «не досмотрели»... Как-то очень легко это у вас! Человек из-за него в сильнейшем шоке пробежал тыщу километров, пересек границу ближнего зарубежья, оказался в сумасшедшем доме, а вы — «не досмотрели»...

Командир затравленно смотрел в камеру.

— Ну как можно было предвидеть?.. Вы так говорите, как будто его кто специально учил не брать. Мы ж сами не заинтересованы... Раньше тормознешь кого — он уже несет. Сам дает, мы его не просим. Теперь сам не даст. Придется намекать — а это уже вымогательство, статья. А у нас дети — всем «сникерсов» хочется... Ну кто мог знать? Еще вчера ничто

не предвещало... Этот Гвоздев брал, как все... Даже больше...

— Так что ж случилось?

— Никто не знает, — сказал командир, — может, устал: он вторую смену подряд стоял...

— Вот так у нас всегда! — сказал репортер. — Сначала замучают человека лишней работой, нарядами, потом удивляются...

— Да он сам вторую смену просил ему дать! Говорил, что деньги нужны!..

Но репортер уже не слушал. Он делал глубокомысленное лицо и говорил в камеру:

— Так в чем же причина этого феномена? Мы сейчас попробуем побеседовать с профессором Ковалевым. Узнав о случившемся, он немедленно прибыл сюда, на шестьдесят пятый километр, и теперь пытается оказать первую помощь этому горе-постовому...

С этими словами репортер подошел к склонившимся над чем-то, стоящим к нему спинами людям в относительно белых халатах. Репортер выбрал самую белую спину, постучал по плечу, человек обернулся. Репортер не ошибся: это и был профессор Ковалев.

— В чем причина, — задумчиво повторил профессор Ковалев, — черт его знает, в чем причина... Мы никогда раньше с таким не сталкивались — первый случай и в нашей практике, и в истории ГАИ... Тут кто-то выдвинул версию, что он вообще...

Профессор запнулся, поняв, что сболтнул лишнее. Но репортер, почуяв сенсацию, не отставал:

— Что? Что — «вообще»?

— Ну, это так, пока только гипотеза... Возможно, что это пришелец из других миров, замаскированный под гаишника... Не знаю. Мы сейчас пробуем одну штуку...

— Какую штуку?

Профессор попросил врачей расступиться, и репортер увидел наконец «виновника торжества»: бывший лейтенант Гвоздев сидел на носилках. Взгляд его был абсолютно бессмысленный... А от головы, облепленной какими-то датчиками, тянулись провода к переносному осциллографу. Девушка, по-видимому медсе-

стра, крутила ручки прибора. Но на его экранчике была только ровная зеленая линия...

Профессор вынул из кармана пачку денег, разложил на несколько кучек...

Репортер, чувствуя, что присутствует при каком-то грандиозном научном эксперименте, спросил почти-тельным шепотом:

— Что вы будете делать?

— Искусственное давание, — ответил профессор.

— Рот в рот?

— Нет, рука в руку... А сейчас извините...

Профессор повернулся к медсестре:

— Готовы?

Медсестра утвердительно кивнула и впиалась взглядом в осциллограф.

— Приступаем, — сказал профессор и положил на ладонь гаишнику одну купюру. — Даю десять...

— Десять не взял, линия ровная, — тотчас отозвалась сестра

— Повышаю до сорока...

— Сорок не взял...

— Подхожу к пятидесяти...

— Пятьдесят не взял, линия ровная...

— Сто! Кладу сто!

— Вы ж его убьете, Иван Кузьмич! — закричала сестра. — Сразу такие дозы...

— Если и сто рублей не возьмет, лучше смерть, — решительно сказал Ковалев. — Зачем ему жить таким калекой...

И он положил сотню на безжизненную ладонь милиционера... Ему показалось... неужели показалось? — пальцы Гвоздева дернулись...

— На осциллограмме слабые зубцы! Иван Кузьмич, вы гений!..

— Триста!..

— Амплитуда зубцов растет!..

Профессор медленно, боясь спутнуть удачу, взглянул на Гвоздева. Тот с интересом смотрел на деньги в руке, его пальцы, пока еще робко, но все-таки сжимали, сжимали деньги!..

— Триста взял!

- Пятьсот!
- Пятьсот взял нормально!
- Семьсот!
- Семьсот схватил, не отдает!..
- Тысяча!..
- Амплитуда максимальна, зашкаливает!
- Вдох облегчения прокатился по толпе.
- Профессор вытер пот со лба.
- Тысячу двести!..

— Иван Кузьмич! — закричала сестра. — Тыщу двести взял, просит добавки!..

Репортер несколько разочарованно спросил:

— Значит, это не пришелец?

— Этот водила ваш — пришелец, — сказал профессор. — Откуда только он свалился на голову бедному лейтенанту. Десять рублей предложить! Как можно было не сделать поправку на инфляцию?

Профессор отошел от осциллографа, дрожащими руками взял сигарету, оглянулся. Рядом, не веря еще своему счастью, стояла жена Гвоздева.

— Ну что, что, доктор? Скажите — я выдержу, я сильная...

Профессор затаился, положил ей руку на плечо и улыбнулся:

— Успокойтесь, голубушка, будет брать...

Т ЕЛЕПАТЫ

Вы про телепатов слышали? Сейчас такие типы появились — мысли читают, взглядом графин по столу двигают, ушами шевелят... Ерунда, считаете? И в предчувствия не верите?

А чем тогда объяснить: в четверг утром просыпаюсь такой радостный-радостный, как будто что-то хорошее меня ждет, прихожу на работу — точно, начальник ногу сломал!.. Чем объяснить?

Или спиритизм возьмите... Не верите? Не верите в вызывание духов? Да я же лично на спиритическом сеансе был... Да, залезли в подвал, свет погасили и стали Наполеона звать: «Наполео-он, где ты? Домой!» Ну, я вам скажу, этот Наполеон — фрукт, конечно! Звали-звали, так и не появился! А свет зажгли — смотрю, у меня бумажника нет! Вот вам и император...

У меня после этого случая насчет этой мистики все сомнения отпали! А в гостинице что было? Вечером сижу, думаю: «Вот бы сейчас ко мне Люсенька, дежурная по этажу, зашла... Чего-то так скучно одному...»

Только подумал — она.

— Может, — говорит, — вам скучно одному?..

Я говорю:

— Люсенька, вы прямо телепат! Так скучно! Так скучно!..

Тут она кокетливо так подмигивает и говорит:

— Ну ладно, уговорили! Чтоб вы не скучали, я вам сейчас старичка на раскладушке подселю...

Старичок действительно веселый оказался, с устойчивым маразмом, скучать не дал...

Сначала ботинки почистил моей щеткой... зубной. А потом к холодильнику подбегает, дверцу распахивает и внутрь кричит:

— Безобразие! Молодежь! Второй час туалет занимает!..

— Вы с кем разговариваете? — спрашиваю.

— А вон, мордатенький, сидит — ухмыляется! Сынок ваш, что ли?

— Какой «мордатенький»! — говорю. — Какой «сын»! Это я свиную голову на холодец купил...

Но старичок, между прочим, тоже телепат оказался! Стоило мне только подумать: «Поспать, что ли?» — старикан так захрапел, хоть глушитель на него ставь!..

Это была страшная ночь... Я тащил его вместе с раскладушкой в дальний угол, а он орал во сне:

— Водитель! Почему остановки не объявляете?!

Между прочим, когда я вернулся из командировки и на работе про эту телепатию рассказывал, одна дама поверила мне сразу. И рассказала, что она тоже телепатический контакт установила. Только не с нашими, а с марсианами. И, что интересно, у нее даже доказательства есть: у нее от этого контакта ребенок растет! Причем любопытно: марсиане-паразиты что делают, чтоб среди наших не выделяться: лицо у этого ребенка — копия наш старший бухгалтер!..

Нет, я лично верю в это дело. Да телепатов же даже по глазам видно, у них взгляд особый такой, острый! Вообще говорят, что у наших российских телепатов взгляд самый сильный в мире!

Конечно, за границей тоже телепаты есть. Вот писали: голландец один с двух метров посмотрит на свою машину — мотор сам заводится... Но против наших — это ерунда. Мой сосед метров со ста смотрел, смотрел на свою машину, и что вы думаете? Она сама завелась, сама поехала и еще какой-то тип за рулем оказался! Вот это телепатия!..

Потому что телепаты очень большую энергию внутри себя скапливают. Один знаете сколько скопил? Смог не то что какую-то фигульку взглядом в воздух поднять, а самого себя. Прямо с пляжа на три метра в воздух взлетел, причем с дополнительным грузом: ему перед стартом спящему пацаны краба в плавки подложили...

Ну, насчет того, что телепаты будущее предсказывают, об этом даже говорить нечего, это для них, как чихнуть. Тетка моя угадывает на месяц вперед, с точностью до одного дня! Вот так сядет, глаза закроет, рас-

качивается и говорит: «Ой, чую, Степа мой семнадцатого опять пьяный придет...»

Как в аптеке! За все время — один раз ошиблась: он вообще не пришел... Всю ночь во дворе лужу переплывал...

Ну, как после этого не верить? Наука, конечно, сомневается, но я думаю, на самом деле эти ученые просто боятся, что телепаты у них хлеб отобьют...

Сами-то ученые насчет того, чтоб будущее предсказать, так, на три с минусом...

Они тут знаете как на ткацкой фабрике беременным ткачихам предсказывали? Ну что вы! С помощью генетики, кто родится — мальчик или девочка. Вот один генетик видит: молодая, с животом идет. Подскакивает:

— Готов поспорить, вижу невооруженным глазом, по форме живота у вас будет мальчик...

А она:

— Дурачок ты, свитер у меня будет, это я шерсть с фабрики выношу...

Вот вам и наука! Не-ет, если кому и верить, то только телепатам!..

ВЕТЛОЕ НАСТОЯЩЕЕ...

Говорят, что медикам известны такие случаи, что это какой-то летаргический сон, но, в общем, сержант Степан Гудков, контуженный и потерявший сознание в боях под Москвой осенью сорок первого года, пришел в себя полвека спустя...

Он помнил только бой за эту деревню и как их накрыло тяжелым снарядом...

Гудков встал, отряхнулся, поглядел вокруг. Тихо.

«Часть, конечно, ушла, — решил Гудков. — Интересно, за кем осталась деревня?»

Гудков пополз к ближайшему дому.

Из дома донеслась русская речь, и сержант сначала обрадовался, даже чуть было не вскочил, когда вдруг понял, что это радио. Степан прислушался:

«Под Арзамасом взлетел на воздух склад с взрывчаткой! В районе таджикской границы упорные бои! Потери войск на Северном Кавказе...»

«Немцы мозги пудрят! — решил Гудков. — А говорят как чисто, собаки!»

У них на фронте немцы тоже вот так подтаскивали репродукторы на передовую, предлагали сдаться, трепались, что Москва взята... Ребята тогда стреляли по репродукторам, швыряли гранаты...

И сейчас сержант отцепил с пояса «лимонку», прикинул расстояние до окна, потянулся к чеке. Но передумал: «лимонка» была одна и хотелось разменять ее подороже — может, танк попадетсЯ или немецкий штаб...

Решив все получше разведать, Гудков стал подбираться к дому с тыла. На огороде судачили две старушки.

— И почему сейчас клубника-то на рынке идет? — спросила одна.

— Сто рублей, — ответила другая.

«Сто рублей! — ужаснулся, лежа в кустах, сержант. — Эх, война-война!..»

— Да, — вспоминала первая, — бывало, до войны-то, клубничку с парным молочком...

— «С парным молочком»! — передразнила другая. — Чего вспомнила! Где оно, парное-то? Коров-то, считай, ни у кого не осталось...

«Поотбирали скотину, фрицы поганные! — понял Гудков. — Ну, погодите, сволочи! Нам бы только до Берлина дойти...»

— Ноне, говорят, — сказала первая старушка, — даже в Москве парного молока нет...

«Москва! Москва! — обрадовался сержант. — Да хрен с ним, с молоком! Главное, видно, держится Москва! Не сдали!»

— Сейчас скотину держать — смысла нет, — сказала вторая старушка. — Пока такие, как Федька, дешевый йогурт из Германии возят...

— Это какой Федька? — осведомилась первая.

— Да тот самый, — сказала вторая, кивнув на дом, из которого гремело радио. — Он же с немцами сотрудничает. Или ты не знала?..»

«С немцами сотрудничает, гад! — недобро подумал Гудков. — Полицай небось или староста...»

Степан решил пробираться в Москву, но перед этим — посчитаться с полицаем. Подползая к Федькиному дому, схоронился в дальнем конце сада, за уборной, ожидая удобного момента.

— Хозяин! Комнату не сдадите? — донеслось от дороги. У калитки стояла женщина с маленькой девочкой.

«Беженцы», — решил Гудков.

На крыльце появился здоровенный детина. Видно, это и был Федька.

«Ишь, ряшку наел, когда другие на фронте...» — зло подумал Гудков.

— Комнату? — переспросил Федька. — Шестьсот баксов, можно в немецких марках...

Женщина у калитки, похоже, потеряла дар речи и способность двигаться, а Федька, не дождавшись ответа, безразлично двинул по дорожке прямо к уборной.

«Сейчас тебе будут марки», — обрадовался Гудков.

Похоже, ему улыбнулась редкая удача. Сержант по-

тихоньку, сзади, стал просовывать в щель между досками ствол своего ППШ...

Не берусь описывать чувства человека, сидящего, казалось бы, в самом безопасном в наши дни укромном месте, когда он вдруг чувствует сзади голым телом прикосновение металла и в ту же секунду слышит вкрадчивый шепот: «Кто в деревне — наши или немцы?..»

— На...на... — попытался ответить Федька.

— Наши? А что ж ты, сука, за марки комнату сдаешь?..

Женщина у калитки к этому моменту только-только стала приходить в себя, когда вид человека, вывалившегося из уборной без штанов с криком: «Даром! Даром бери!» — снова поверг ее в столбнячное состояние...

А Гудков решил в Москву идти ночью, полагая, что у полиция или старосты, кем уж там был этот Федька, его искать не будут.

Решив немного соснуть, он очнулся от ощущения страшной опасности. Было уже совсем темно, и все-таки Гудков разглядел там, у дороги, машину с темными крестами на боках...

«Вот, гадина, — мелькнуло у Степана. — Донес!..»

Из машины вышли какие-то люди — почему-то летом в белых масках, двое были с носилками.

«Носилки тащут, — удовлетворенно подумал Гудков. — Убитых своих подбирать, знают, что так просто не дамся...»

Отступив метров на триста, он слышал, как суетился Федька, как уверял людей с носилками: «Да здесь он был, здесь! Кто, говорит, в деревне — наши или немцы? Сам я его, конечно, не видел, он сзади был. Поверьте, товарищи...»

Видимо, этим неосторожно сказанным по привычке — «товарищи» — Федька подписал себе приговор. Люди в белом связали его, бросили на носилки. И один произнес: «Галлюцинациус». Наверное, это означало «расстрелять» или «повесить» — Гудков не знал немецкого...

Воспользовавшись суматохой, он выскользнул из сада и двинул к Москве.

На его счастье, машин на дороге не было, да и не могло быть — вся она была в рытвинах, ямах, воронках. Видно, немцы только что тут бомбили...

Он шел всю ночь, а на рассвете залег в придорожном кювете. Справа и слева тянулись колхозные поля. На поле ковырялись несколько стариков и старух.

«Молодежи-то нет совсем, — отметил Степан, — видно, всех в Германию фриц угнал...»

Старики, как и положено настоящим патриотам, оказавшимся под оккупантом, откровенно саботировали: они еле-еле махали граблями, по часу перекуривали, повсюду стояли поломанные — видно, нарочно — трактора и комбайны.

«Молодцы какие, — тепло подумал о них Степан. — Тут, наверное, крепкая подпольная ячейка».

Ночью Гудков опять двинул к Москве. Уже в самом пригороде увидел яркие огни и пошел на них.

«Если фашистские костры для приема диверсантов — гранату швырну», — решил он.

Но огни оказались загородным рестораном. У дверей стоял человек в форме, с генеральскими лампасами на штанах и кому-то объяснял:

— Наших не пускаем — сегодня у нас немцы гуляют...

«Немцы! У самой Москвы! И генерала в плен взяли! Унизили, у дверей шавкой поставили!» — от всего этого Гудкову хотелось разрыдаться.

Он в эту минуту не думал о себе, одна мысль жгла мозг: спасти генерала!

План его был прост, как проста бывает смерть в бою: незаметно подползти, поменяться с генералом одеждой, встать вместо него, а там будь что будет! И сержант пополз...

Он был уже у самых дверей, когда к генералу подошла девушка. Немка? Наша? Девушка заговорила по-русски:

— Привет, папаша...

«Куда ж ты, милая? — в отчаянии подумал Степан. — Куда ж ты в самое логово?! Там же немцы! Эх, надо предупредить...»

— Что за немцы? — спросила девушка.

— Летчики, — чуть слышно ответил генерал в лам-
пасах.

— Ценные кадры, — сказала девушка, — спасибо
за наводку...

«Разведчица! — понял Гудков. — Ах ты, мать чест-
ная! Ребенок же почти, а какой герой! Не-ет, такой на-
род на колени не поставишь!..»

Девушка что-то сунула в руку генералу — видимо,
шифровку — и смело шагнула внутрь...

Гудков перевел дух. Только что он, решив спасти ге-
нерала, чуть было не завалил, видно, хорошо замаски-
рованную сеть советских чекистов!..

Решив больше ни во что не вмешиваться, сержант
зашагал к Москве. А в том, что Москва — наша, живет
и сражается, он теперь не сомневался.

Было еще не так поздно, двадцать три ноль-ноль, но
Москва, как и положено прифронтовому городу, была
безлюдна и погружена в полную темноту. Фронт, види-
мо, был совсем рядом — чем ближе подходил Гудков к
столице, тем явственнее слышались автоматные оче-
реди, взрывы, крики людей: «Спасите! Милиция!..» Но
милиции нигде не было — наверное, все ушли на
фронт...

Но Гудков теперь точно знал, что столица не сдастся!

Стуча сапогами, с гордо вскинутой головой солдат
сорок первого года вошел в город со стороны Ленин-
градского шоссе, прошел по Тверской и вышел на Крас-
ную площадь.

И тут его зашатало и нечем стало дышать...

На Красную площадь садился маленький немецкий
самолет...

КУСОК ТАЛАНТА

Писатель Ларин летел на своем атомном «Звездорожке» и думал о том, что жизнь не сложилась... Нет, по обычным житейским меркам все у него в норме. Вот они, внизу — два многоэтажных писательских дома с подземными гаражами для вертолетов и ракет. И стоят удобно — до ближайшей булочной всего пятнадцать минут лета... И квартира хорошая, и жена симпатичная, и дети... Но разве только этим живет истинный художник? А вечные мучения, а борьба?

...В доме напротив, окно в окно против ларинской квартиры, жил писатель Фоменко. И не просто жил, а все время что-то писал, писал... На Ларина, которому уже года два ничего нового не лезло в голову, это очень действовало...

Сзади мигнул фарами огромный звездолет, прося уступить дорогу. Ларин не уступил, прибавил ход. Он не любил, когда его обходили, всегда и во всем он должен быть первым...

Писатель Ларин не завидовал писателю Толстому, писателю Чехову — те были далеко, в другом измерении. Он завидовал писателю Фоменко. Этот был рядом, в доме напротив, был, казалось, сделан из того же теста, что и сам Ларин, был, что называется, ему по плечу и все-таки... чуть впереди. Но, казалось, прибавь чуть-чуть, придави педаль, и обойдешь, оставишь сзади, как тот огромный звездолет...

Но не получалось. Когда Ларин выпустил первую книжку, у Фоменко уже было две. Когда Фоменко уже показали по телевизору, да еще крупным планом, Ларин только мелькнул на экране в общей писательской группе и еще стоял с краю, в общем, если по-честному, хорошо видна была только часть уха.

Ларин не мог забыть, как пару лет назад прилетел отдыхать на Марс, в писательский Дом творчества. Путевки не было, летел на авось. И надо же! Перед ним к

окошечку администратора подошел Фоменко, у которого — Ларин знал это точно! — тоже не было путевки. На Фоменко был адидасовский спортивный скафандр, поверх шлема — темные очки...

Администратор, как всякий марсианин, умевший принимать форму любого предмета, увидев приближающегося человека, уже начал было превращаться в табличку «мест нет». Но тут Фоменко чуть-чуть приподнял свои очки, небрежно бросил администратору: «Узнаете?» И тот вдруг поплыл, потек, заискрился всеми цветами радуги и предстал Людмилой Гурченко, от которой Фоменко всегда был без ума...

— Как же, как же! — обворожительно улыбнулась Гурченко и шутливо погрозила пальчиком. — Вы уж нас, марсиан, совсем за провинциалов держите! Что ж мы — телевизор не смотрим. «Люкс» для вас готов, господин Фоменко! Как вы любите — с видом на каналы...

Ларин подошел следом, повернулся к Гурченко тем самым ухом, которое показали по телевизору, и спросил:

— Узнаете?

— Как же! — сказала Гурченко. — Как не узнать? Это ваши уши были в рекламе эпиляторов? Мол, удаляем волоски и совсем не больно?

Ларин почувствовал, как и это ухо, и то, которое не показывали по телевизору, заливает краска стыда.

А администратор, не дожидаясь ответа, уже быстро превращался из Гурченко в картину Репина «Не ждали»...

Сейчас вспоминая все это, Ларин чуть было не пролетел мимо любимого «Астронома», куда жена послала его за сыром. Когда-то это был обычный «Гастроном», но неоновая буква «г» как-то сгорела, и власти, чтобы не ставить новую, решили просто подкинуть в продажу всякие космические штучки. Так бывший «Гастроном» получил свое новое звездно-романтическое название...

И вот сейчас Ларин чуть не пролетел мимо. Он резко снизился, посадил свой «Звездородец» на стоянку, снял и спрятал в салон, чтоб не стащили, крылья и щетки.

Запирая машину, снова подумал о Фоменко: у того был фирменный «Жигулет» с фотонным двигателем...

В «Астрономе» была очередь. Ларин встал, спросил последнего. Последним оказался старый человек в линялом военном френче.

— А за кем держитесь? — спросил Ларин.

Бывший военный держался за немолодой женщиной. Держался плотно, уставясь ей в прическу, какие носили много лет назад — такой венок из одуванчиков, ну, если бы, конечно, одуванчики росли седыми... Было видно, что от скуки или еще почему, но ему очень хочется поговорить с женщиной. Он кашлял, дышал ей в затылок, потом набрался смелости и сказал:

— Извиняюсь, гражданочка, вот смотрю на вашу авоську... Где вы такие свежие метеориты брали?

— Господи, да они тут на каждом шагу. — Женщина с интересом посмотрела на военного, спросившего такую глупость. — Ими очень хорошо плиту чистить...

— Да что вы говорите? — удивился военный, драивший плиту такими же метеоритами каждый божий день. — И как же вы это делаете?..

Ларину стало скучно, он прикрыл глаза, задремал. В последнее время он как-то не высыпался. Вечерами сажал детей себе на колени, рассказывал на ночь самодельные сказки. В них Фоменко-яга летал в ступе, а Фоменко Бессмертный похищал Василису Прекрасную. Дети засыпали. А Ларин, рассказывая эти сказки, так возбуждался, что потом долго-долго ворочался без сна, потом забывался, и всякий раз ему снился Фоменко в гробу... Но сон был всегда какой-то короткометражный, как веселый мультик, часа в три ночи Ларин просыпался окончательно...

Еще с закрытыми глазами он вставал, на цыпочках подходил к окну, осторожно открывал глаза, сначала один, потом другой, словно боялся спугнуть какую-то неясную надежду, но, увы, в окне напротив он всегда заставлял одну и ту же картину — Фоменко работал! В три ночи!

Там, у себя, Фоменко шагал по кабинету и что-то диктовал, диктовал своей резиновой секретарше... У Ларина тоже была такая. Ну, не такая, конечно, подешев-

ле. У Фоменко была самая современная модель — роскошная блондинка. Такая, если ненароком ущипнуть ее за резиновую попку, могла произнести целую сложную фразу: «Ну зачем вы, Степан Петрович, а если жена войдет?» Секретарша Ларина была совершенно лысой, а при нажатии на ее коленку только шамкала беззубым ртом: «Куды лезешь, старый козел?»

...Но Ларин, подремывая сейчас в очереди за сыром, понимал, конечно, что завидует он вовсе не секретарше, а фоменковскому таланту. «А мне вот бог не дал, а в магазине его не купишь», — подумал он.

Сквозь полудрему слышались голоса покупателей.

— Мне, доченька, — просил старческий голос, — полкило сыра «Здоровье» и грамм двести «Костромского антисклерозного».

— Взвесьте мне кило «Антиревности»! — гудел какой-то мужчина. — Положу своей дуре на хлеб вместо «Российского», а то совсем житья не стало...

Кто-то попросил сыр «Мужество».

— Сколько? Грамм двести? Он дорогой...

— Да что вы! «Двести»... Куда мне? Грамм пятьдесят: только пожевать и начальнику разочек в морду двинуть...

Пожилой военный, стоявший перед Лариным, взял сыр «Снайперский» для остроты зрения, женщина с прической из седых одуванчиков глянула на военного и попросила сыр «Привлекательность». Ларин приоткрыл глаза и увидел, как женщина тут же отщипнула от своего куска и теперь быстро жевала...

— Так. Вам? — спросила Ларина продавщица.

— А сыра «Талант» нет у вас? — горько пошутил Ларин.

— Не слыхала даже. «Швейцарский» брать будете?

Тут Ларин почувствовал толчок в бок, оглянулся и увидел какого-то мужичка, знаками выманивавшего его из очереди. От мужичка сильно пахло «Особой галактической»...

— Тебе, что ли, «Талант» нужен? — спросил мужичок. — Есть один малый на Альфа-баране. Он такой сыр гонит. На бутылку дашь — я тебе адресок кину...

Ларин сам не понимал, почему сразу поверил, захо-

тел поверить мужичку, почему помчался в «Звездорожце» на далекую звезду — но все оказалось правдой.

Представитель частного сектора, малый с Альфа-бараны, лицом похожий сразу на обоих братьев Гримм, действительно гнал «Талант» из сбродившего овечьего молока, сбивал его в сырообразную массу, быстро твердевшую в небогатом кислороде воздухе планеты.

...Дальше все было как во сне. Ларин не помнил, как запихивал кружляк сыра в багажник своей ракеты, как добирался до дома...

Пройдя в кабинет, задвинул в угол секретаршу, выпустил из нее воздух, победно посмотрел в окно напротив, лично сел за компьютер и развернул свою добычу.

Запаха никакого. Отщипнув крошку, кинул в рот, пожевал... На вкус «Талант» оказался горьким, похожим... Он так и не успел осознать, на что похож вкусом «Талант»: в голове зашумело, мысли смешались...

Ларин вдруг с удивлением как бы со стороны увидел свои руки, выстукивающие на клавиатуре название рассказа «Очередь». Он ощутил, что думает о том пожилом военном из очереди и его случайной собеседнице с метеоритами в авоське. Неожиданно придумалось, что отставник в старом кителе очень одинок, что, получив в сорок третьем последнее письмо от любимой девушки, остававшейся в Ростове под немцами, он до сих пор ждет чуда. И вдруг здесь, в очереди, он вдруг узнает эту косу, уложенную вокруг, как венок из одуванчиков... Через минуту отставник поймет, что ошибся. Но не будет у него больше сил ждать и переживать вот такие же ошибки. И Ларин поманит его соломинкой надежды, за которую тотчас схватится человек в кителе: а вдруг повторится то прекрасное, что уже было однажды с другой, но очень похожей женщиной? Да! Вдруг повторится? И вот они уже идут вместе по улице, отставник и его новая знакомая...

Военный сейчас был полностью в его, Ларина, власти, во власти его таланта. И можно было помиловать отставника, одарить военного, может быть, последним счастьем в жизни...

Но горчило на языке. И руки отстучали приговор: соломинка надежды на счастье обломится тогда, ког-

да уже ничего нельзя будет поправить. И ларинский отставник, умевший разгадывать хитроумные ходы военных своих врагов, умевший сокрушать их обороны, умевший в отчаянном рывке выводить своих солдат из клещей и котлов, не сможет выскользнуть из своего последнего окружения.

...Рассказ «Очередь» сразу сделал Ларина популярным. Его перевели на языки народов мира, ввели в школьные хрестоматии. Телевидение, радио, пресса...

О Фоменко все вскоре забыли. Забыл о нем и Ларин. Он даже перестал смотреть в окно. С утра до вечера Ларин шагал по кабинету, диктуя своей новой резиновой блондинке. Печатающая, она все время переспрашивала, потому что не все могла расслышать: Ларин диктовал с набитым ртом — он все время жевал свой сыр...

Вскоре появились повесть «Очередь», роман с тем же названием, опера, балет...

Но «Таланта» оставалось все меньше. Ларин снова слетал на Альфу-барану, но оказалось, что там начались экономические реформы, гениального сыровара задушили налогами, он ушел в торговлю и челноничал, летая с планеты на планету. Поймать его было нельзя.

А тот кусок, что еще оставался, как ни заворачивал его Ларин в фольгу, как ни прятал в морозилку — стал припахивать. А это не могло не отразиться на творчестве.

Морщась, зажимая нос, Ларин сделал еще многосерийный фильм «Очередники тоже плачут», но особого успеха уже не было...

Впрочем, по-настоящему беспокоило Ларина не это. Известности и денег у него еще было вдоволь. Но исчезло что-то другое...

Ларин подошел к окну, задумался. До Толстого и Чехова ему было так же бесконечно далеко, как и прежде, а этот... как его? Кажется, Фоменко? Был теперь бесконечно сзади. Да и жив ли?..

Ларин раздвинул шторы и увидел там, в окне напротив, прилипшего к окну человека, с завистью смотревшего прямо на него. То есть отсюда, метров с

пятидесяти, Ларин, конечно, не видел выражения глаз Фоменко. Но точно знал: тот смотрит именно с завистью!

И Ларин вдруг понял, чего ему, Ларину, теперь не хватает. Он вспомнил свою зависть к сопернику и сладкую жалость к себе, вспомнил свои горячечные сны и сказки про летающего на метле Фоменко. Тот был для Ларина пусть крохотным, но маячком в жизни, буйком на море, до которого вполне можно было доплыть. Теперь маячок был сзади, и неизвестно стало, куда плыть, и пусто стало в пространстве.

Смешно сказать, но теперь Ларин завидовал... фоменковской зависти!..

Ларин вынул из морозилки заветный сверток, развернул фольгу, обрезал подсохшие куски, вздохнул: таланта оставалось совсем мало.

Быстро накинув пальто, чтобы не передумать, Ларин вышел из подъезда, вошел в дом напротив, поднялся на третий этаж, нажал кнопку...

Фоменко сам открыл дверь.

«Видимо, секретаршу сдал в комиссионку, совсем плохо с деньгами», — с завистью подумал Ларин.

— Из профкома писателей просили вам передать, — сказал Ларин и протянул сверток.

— Что это?

— Сыр. Просто сыр. Мы помощь оказываем тем, кто сегодня в трудном положении.

...Когда вскоре, после длительного затишья, вышел новый рассказ Фоменко, Ларин впервые за долгое время не спал всю ночь. Он забылся только к утру.

Ему снился Фоменко Горыныч...

«КОСМИЧЕСКИЙ ПОЛЕТ»

Пилот (в микрофон). Борт ноль первый, вызываю центр управления полетом.

Входит Турист.

Турист. Здорово, водило, ну чо летим, братан? Здоровая ракетища! Сколько весит?

Пилот (туристу). Тридцать тонн. Пассажир, сядьте в кресло, пристегните ремни.

Турист. Чего, и в космосе гаишники достают? Ни бэ, отмажемся. Старик, я тридцать «лимонов» отслюнил, могу я за эти бабки без ремней полетать? Кстати, давай программу полета уточним.

Пилот. Потом-потом... (В микрофон.) Я — борт ноль первый, я — борт ноль первый...

Турист. Не, «потом-потом» — это я так уже в Турцию летал. Тут мне пели: «Номер пять звезд, аквапарк, экскурсии, познакомитесь с животным миром...» А прилетел — аквапарк прямо в номере: по полу вода из ванны течет, из животного мира только тараканы, блин. И отель пять звезд, потому что у них выше капитана никто не останавливался... Так что давай по смете пройдемся. Полет на Марс со старым опытным пилотом на новом космическом корабле — 10 «лимонов», правильно?

Пилот. Правильно-правильно... (В микрофон.) Я — борт ноль первый...

Турист. Космический обед с изысканными винами — 10 «лимонов», так?

Пилот. Так-так...

Турист. По пути какая-то стыковка, еще десять, да?

Пилот. Да-да... (В микрофон.) Я — ноль первый, жду указаний. Есть включить первый тумблер. Есть включить второй. Есть правый рычаг на себя...

Турист. Ни хрена себе — опытный пилот... Сам не зна-

ет, где тут что включать... Это они мне за такие бабки новичка втюхали?! Блин, только разбиться с ним не хватало...

Пилот (в микрофон). Двигатели запущены, гироскоп запущен, измеритель крена запущен...

Турист. Блин, как все запущено! Они все перепутали — это пилот должен был старый быть, а не корабль!

Пилот. Докладываю Центру управления полетом! Ракета переведена в режим автоматического старта. Ждем взлета.

Турист. Е-мое, он даже сам взлететь не может!

Пилот. Есть старт! Скорость триста... Четыреста... Восемьсот...

Турист. Чо... Чо ты так гонишь, если новенький?

Пилот. Ушла первая ступень, ушла вторая ступень...

Турист. Блин, вот старье — на куски разваливается!.. На чем же мы долетим?

Пилот. Крен 10 градусов, 40 градусов...

Турист. Это он что — одновременно самогонку варит?

Пилот. 60 градусов крен...

Турист. Ага, с хреном... Это вместо изысканных винк обеду? Вот жулье!..

Пилот. Пробую 90 градусов...

Турист. Не надо пробовать! Ты не так водишь, чтоб еще пить за рулем!..

Пилот. Ничего не слышу! Прохочет!

Турист. А ты еще своей самогонки попробуй, ты и не увидишь ничего!..

Пилот. Предлагаю космический обед! Держите тубу! Вот так выдавливайте!

Турист. Что выдавливать? Вот это обед? Вот аферюги! Какая-то зубная паста за десять «лимонов»?

Пилот. Не знаю, я вот ем, вкусно! Вы тут посидите, ничего не трогайте, я в туалет..

Турист. Давай-давай, сходи! Еще бы, зубной пасты наесться...

Пилот. Ну, вот и я! Сейчас будем входить в состояние невесомости...

Турист. Не понял...

Пилот. Ну ракета весила 30 тонн, а сейчас — ноль...

Турист. Ничего себе, сходил в туалет... Тридцать тонн как не было... Во, прямо летает по кабине...

Пилот. ЦУП. ЦУП, я — Сокол...

Турист (апарт). Какой он, на хрен, сокол, метр с кепкой? погоди, это кликуха, что ли? Погонялово? Так он из братков? В законе?

Пилот. ЦУП! ЦУП!

Турист (апарт). Подожди, это какой Цуп? Колька? Цуперман? Десять лет строгого? Так это что — мало им машин, они ракету угнали? То-то он рванул так... со старта... Кому ж она нужна такая старая?

Пилот. ЦУП, я — Сокол! Отошла третья ступень...

Турист. А, они ее как лом продают. Этот сбрасывает, Цуп внизу ловит и сдает... На чем же они еще бабки делают? (Пилоту.) А это что за банка пустая? Приготовили посуду сдавать?

Пилот. Она не пустая! Там очень маленькие мушки-дрозофилы! Мы за ними наблюдаем и снимаем на видео, как они размножаются!

Турист. А, он, видимо, потом увеличивает и как порнуху продает. Я одну такую видел — «Падшие ангелы»... Там тоже из одежды одни крылышки... Интересно, Цуп с ним в доле или он тут сам химичит?

Пилот. Что вы скафандр снимаете?

Турист. Жарища, блин, я до трусов разденусь.

Пилот. Лучше потом. Сейчас войдем в зону видимости, нас с Земли наблюдать будут!

Турист. Да, видно, Колян ему не доверяет, по телику следит...

Пилот. Вышли из зоны видимости. Но вы напрасно разделись — сейчас у нас стыковка с американцами, вот, видите, к нам всплывает их женщина-астронавт. Билкам плиз...

Турист. Откуда она взялась?

Пилот. Прямо из шлюзовой камеры...

Турист. Прямо из камеры? Да у вас тут одна уголовка, блин...

Пилот. Сейчас мы с ней в открытый космос выйдем.

Турист. Ая?

Пилот. А вы тут...

Турист. Так, я понял. Менты прилетят — вас нет, а меня

и за угон, и за порнуху, и за побег этой курвы из шлюзовой камеры... Все, пацан, я не в деле, не хочу ничего общего, поворачивай назад...

Пилот. Мы же совсем чуть-чуть не долетели до Марса...

Турист. В гробу я его видел! Меня отвезете и летите...

Пилот. Но мы не сможем на Марс без ваших денег. Вы как бы спонсор...

Турист. Каких денег? За что?

Пилот. Космический обед...

Турист. Я не ел.

Пилот. А куда нам теперь эту тубу девать? Пока долетим, она протухнет.

Турист. Зубная паста не протухает...

Пилот. Потом эта, стыковка...

Турист. С этой шваброй в скафандре? За десять «лимонов»? Да она меня совершенно не колышет.

Пилот. Ага, не колышет! А это что у вас?

Турист. Ничего! Невесомость, вот кверху все и тянется... Ладно, держи бабки, только поворачивай назад...

Пилот. Хорошо-хорошо. Мы только на секунду на Марс заскочим и назад. Мы ведь теперь с вашей помощью сможем доказать всем, что на Марсе есть жизнь хотя бы в простейшей примитивной форме...

Турист. С моей помощью? На Марсе? Жизнь в простейшей форме? Вы чо, в натуре? Оставить меня там хотите? Не губи. Вот тебе еще тридцать «лимонов», рули на Багамы.

Пилот. Что мы там будем делать?

Турист. То же самое — исследовать жизнь в простейшей форме. Там щас полно наших пацанов. И что меня, дурака, сюда понесло?

Муза и Ньютон

Ньютон. Черт, уже газеты пишут: «Что-то Исаак Ньютон давно ничего новенького не открывал...» Сейчас бы закон какой-нибудь придумать... Им в глотку бросить... Погоди-ка! «Земля вертится вокруг солнца...» Нет, это уже Галилей придумал... Два заряда... Два заряда! Нет, это Кулон... Засадить бы ему этими двумя зарядами из двустолки... Ничего в голову не лезет... Ну где, где ты, моя Муза!

Появляется Муза с яблоком.

Муза. Я здесь! *(Встает на стул рядом с Ньютоном, держа яблоко в руке.)* Вот смотри. Ты в саду, под яблоней. *(Разжимает руку, яблоко падает на голову Ньютона.)*

Ньютон падает без сознания, потом открывает глаза.

Ньютон. Где я?

Муза *(апарт).* Надо было поменьше яблоко взять, смотри, как память отшибло...

Ньютон. Ты яблоня, да? А кто я?

Муза. Ты...

Ньютон. Нет-нет, я сам вспомню... Я — ель!

Муза. Почему ель?

Ньютон. Потому что на мне шишка растет...

Муза. Да нет, я не яблоня и ты не ель, ты — ученый...

Ньютон *(рассматривая яблоко).* Мичурин?..

Муза. Да какой ты Мичурин...

Ньютон. Откуда же яблоко... Я — Явлинский?

Муза. Да нет, ты Исаак Ньютон...

Ньютон. Исаак? Мы в Израиле?

Муза. Мы — в Англии. Ты физик, я твоя Муза...

Ньютон. Моя Муза... У нас с тобой что-нибудь было?

Муза. Ничего у нас не было. Ты меня вызвал...

Ньютон. Я тебя вызвал? Ну и вкус у меня... А, я понял! Я тебя вызвал, увидел и отказался платить!

Муза. Да нет, ничего ты не отказался...

Ньютон. А за что ж ты мне яблоком по кумполу?

Муза. Да это я чтоб тебя осенило, вызвало в мозгу всякие ассоциации. Мы, музы, просто вдохновляем творцов — ученых, композиторов...

Ньютон. Какое счастье, что я не композитор.

Муза. Почему?

Ньютон. Не хватало, чтоб ты мне на голову рояль сбросила...

Муза. Слушай, Ньютон, я даже не думала, что ты такой тупой! Ну неужели, когда на тебя упало яблоко, в голове не мелькнул какой-нибудь закон?

Ньютон. Мелькнул закон. Статья 121-я, попытка убийства...

Муза. Ну хорошо! Для особо тупых намекаю...

Ньютон. «Для особо тупых! Намекаю!» Что ты прямо не можешь сказать?

Муза. Не могу. Мы, музы, не имеем права. Только намеком. Ученого самого должно осенить.

Ньютон. Ну давай-давай, намекай...

Муза (вертя в руке яблоко). Закон всемирного... ну?

Ньютон. Яблока...

Муза. Ну при чем тут яблоко? Так же падает и металлический шар...

Ньютон. Не дай бог...

Муза. Ну вот я подымаю стул, он падает, это о чем говорит.

Ньютон. Что чужую мебель не жалко...

Муза. Хорошо, забудь про стул. Любые два тела. Вот ты — тело, и я тело. (Обнимает Ньютона.) Они друг к другу взаимно притягиваются.

Ньютон. Подожди, я же физик, а это что-то из анатомии...

Муза. Это универсальный закон... Два тела взаимно притягиваются.

Ньютон. Почему два? Что-то я лично не чувствую желания притянуться.

Муза. Ну ты же ученый, напряги воображение...

Ньютон. Но я чем больше напрягаю воображение, тем меньше желания...

Муза. Не знаю, может, у меня вес недостаточный?

Ньютон. При чем тут вес?

Муза. А по этому закону чем больше масса тел, тем их больше тянет друг к другу..

Ньютон. Да куда уж больше масса-то? Ты вообще худеть не пробовала?

Муза. Значит, между нами расстояние недостаточно. По закону чем два тела ближе, тем больше должно тянуть.

Ньютон. Может, это закон для слепых?! погоди, а чем два тела дальше?

Муза. Не знаю...

Ньютон. Это надо проверить, ну-ка, отходи, отходи... Та-ак. *(Записывает.)* Лямбда, пси, умножить... на гравитационную постоянную... Хм, как интересно... Знаешь какой закон получается? Чем ты дальше, тем настроение лучше... А если за тобой закрыть дверь и никогда не выпускать, вообще будет отличное... Но это в теории.

Муза. Ну да. На практике-то ты теперь хрен куда от меня денешься...

Ньютон. Как интересно! Тянет меньше, а настроение лучше! Знаешь, какой я закон открыл? Чем дальше женщина, тем больше толку!

Муза. Нет, а если яблочко движется? Ну, какие я у тебя вызываю ассоциации? *(Идет, держа яблочко.)*

Ньютон. Стрельба по бегущему кабану!

Муза. Придурковатый, где ты тут видишь кабана? А ну, соберись! Яблоко! Яблоко! Смотри, пока я его не съела. Яблоко! Законы, ну?

Ньютон. Все! Понял! Ну конечно! Яблоко! Организовать такую партию, и можно никакие законы не открывать, только чужие ругай себе... Да нет, ну это же уже Явлинский придумал... Яблоко, яблоко...

Муза *(поднимает руку с яблоком, разжимает, оно падает в другую руку).* Вот, падает...

Ньютон. Рейтинг? У Явлинского?

Муза. Забудь про него! Ну, яблоко, яблоко...

Ньютон. Яблоко... Ассоциации... Адам? Ева? Секс на воздухе...

Муза *(подбрасывает яблоко, оно падает вниз).* Видишь? Немножко поднимется и сразу падает. Почему?

Ньютон. Все! Понял! Падает! Ну конечно! *(Что-то пишет.)*

Муза. Слава богу. Что ты пишешь? Формулу?

Ньютон. Рецепт! Для Адама! Виагра!

Муза. О господи! Да нет, ну как ты не понимаешь?

Ньютон. А что ты все намеками! Не можешь прямо сказать?

Муза. Не могу! Нам, музам, не положено! Мы можем только вдохновлять и намекать! Показываю последний раз. *(Поднимает яблоко вверх.)* Вот я беру за яблочко...

Ньютон *(хватает ее за горло)*. Не-ет, это я тебя беру за яблочко...

Муза. Пошел ты к черту! *(Бросает яблоко ему в лоб.)*

Ньютон *(получив яблоком по голове)*. Ты? Меня? Яблоком по лбу! Вот вызову полицию, что ты скажешь? Будешь отвечать перед законом!

Муза. Скажу, что оно само тебе на голову упало! Вот и весь закон!

Ньютон. Закон! Всемирного тяготения!

Муза. Ну, конечно, идиот! Наконец-то...

Самое массовое
из искусств

ПРЕДИСЛОВИЕ № 7

«Самое массовое из искусств» — это, конечно, про кино. Во всяком случае, таковым его считали еще лет двадцать назад. Но к моменту, когда я попытался написать свой первый киносценарий, оно уже не было ни самым массовым (телевидение задавило, прокат развалился) и ни таким уж искусством...

Но только, кажется, после четвертого подхода к кинематографической «штанге» я понял: этот вес мне не поднять...

Понял умом, но что-то продолжало тянуть к кинематографу. Как сладкоголосые сирены, продолжали зазывать сценаристов режиссеры: «Нам очень нужны комедии! Ой, как же нам нужны комедии...»

Теперь-то я понимаю, для чего они заманивали — чтобы всласть поиздеваться. Теперь-то я понимаю, что если, согласно буддизму, человек проживает несколько жизней, то режиссеры (если, конечно, их считать людьми) в той, предыдущей, жизни были не рыбками, не бабочками, нет — они были киллерами...

И как атавизм осталось в них жгучее желание убить сценариста, но сначала поиздеваться, помучить, распотрошить сценарий, изменить его до неузнаваемости, заставив переписать его множество раз...

Незавидна судьба сценаристов. Кто слышит их стоны? Кто их знает? Кто знает, к примеру, о тех двух моих комедиях, которые вышли-таки на экран?..

И все-таки время от времени, нарушая данное себе тысячу раз слово, я сажусь за сценарий. Наверное, я просто мазохист...

ДНЕВНИК РЕЖИССЕРА, УЧАСТНИКА КИНОФЕСТИВАЛЯ

*Я тут на лавочке нашел дневник
какого-то режиссера... Вы знаете, это невозможно
читать без боли.*

2 июня. Наутро после открытия кинофестиваля. С большого бодуна первый раз в жизни прочел «Красную Шапочку». Потрясен. Одна, через лес, с корзинкой пирожков и горшочком масла! Какая сила духа в этой маленькой девочке! И что приятно — автора нет в живых. Можно делать, что хочешь. Буду снимать — если найду спонсора. Надо потусоваться среди гостей фестиваля.

3 июня. Потусовался. Один миллионер заинтересовался, но выдвинул условие: когда Шапочка дает бабушке горшочек с маслом, та облизывается и говорит: «Спасибо, внученька! Масло «Лукойл» — лучшее в мире!» С возмущением отказался.

5 июня. Ходил в церковь, молился о спонсоре. Выходя, рассказал сюжет пьяному нищему на паперти. Тот заплакал, сказал, что будет спонсором, посчитал свою мелочь — должно хватить на блокбастер...

6 июня. По своему мобильному позвонил пьяный нищий. Ставит условие: волк настоящий, бабушку и внучку играют жена и теща, и, чур, из волчьего живота их не вынимать... Обещал подумать...

7 июня. Посмотрел на его жену. Не знаю, что делать. По сценарию Красная Шапочка — девочка, а этой тридцать пять и страшной войны, любой волк испугается...

8 июня. Думаю... Думаю, что деньги терять не сто-

ит... В конце концов, если несколько изменить сюжет... Да, ей — 35. Но она такая страшная, что до сих пор девочка... И она идет в лес, потому что ей уже все равно — хоть волк, хоть кто...

9 июня. По правительственной связи ВЧ позвонил нищий. Он протрезвел, от всего отказывается. Готов только за шесть рублей купить сценарий: будет с ним ходить по электричкам. Не знаю, что делать... Где, где взять деньги?

10 июня. Деньги будут! Только надо, чтобы переодетый в бабушку волк на вопрос: «Почему у тебя такие зубки?» Сказал: «Потому что я их лечу в Мастер-дент». А потом эта мнимая бабушка должна добавить, что раньше сильно пила, но после клиники доктора Майорова больше не пьет, а только ест! И бросается, бросается на Шапочку.

11 июня. Ознакомившись с этим сценарием, кандидатки на бабушку и внучку заломили такие деньги, что нечем платить волку...

12 июня. На роль волка, которому в конце вспарывают брюхо, веду переговоры с одним японцем. Ему платить не надо, он все равно собирался себе харакири делать. Но — вот ведь садист узкоглазый! — хочет бабушку и внучку есть палочками. Кто ж согласится, чтоб какой-то японец тебя ковырял?

13 июня. Ходил на телевидение к Косте Эрнсту, рассказал сюжет. Предлагает снимать Красную Шапочку как эпизод в «Старые песни о главном». За Шапочку поет Лариса Долина, за Бабушку — Пугачева... Завтра съемки.

14 июня. На съемках — неожиданная проблема. Волк проглатывает Долину, но приход охотников-спасителей не понадобился: он не может ее удержать в животе! После похудения по системе «супер шесть» сразу после проглатывания легко, как спичка, проходит

по волчьим кишкам, выскакивает из организма, раскланивается и начинает петь «Погоду в доме».

Да еще неожиданно взбунтовалась Пугачева: не хочет быть бабушкой, только внучкой. Попробовали. Но волк, расслабившийся на Долиной, тотчас подавился Аллой Борисовной, она не пролезла в горло. Съёмки прекращены.

15 июня. Ходил к Лужкову, рассказал сюжет. Он дает денег, если волка сыграет Доренко, а они с Примаковым охотников и зарядят боевыми... Сказал, что на мокрое не пойду..

16 июня. Опять ходил в церковь. Встретил Михалкова. Он пришел за благословением. Рядом стоял Зюганов. Этот пришел за электоратом. Рассказал им сюжет. Оба потрясены. Обещали финансировать, если я внесу крохотные изменения в сценарий. Красная Шапочка — член КПРФ, идет лесом в полной темноте, потому что рыжий волчара Анатолий Борисович вырубил свет. Но она не падает духом, идет, весело напевая гимн Советского Союза. В руках у нее корзинка. Но не простая, а потребительская... Два пирожка и горшочек масла — вот все, что могут позволить себе трудящиеся на месяц. И несет она эту корзинку не бабушке, а дедушке. Дедушка Ленин сидит в Шушенском и стрижет партийные взносы. А фильм называется — «Симбирский цирюльник»...

Будем снимать!

Господа артисты! Снимаем «Ромео и Джульетту»! Надеюсь, все читали? Хорошо, значит, осталось только мне прочитать... Так... «Городок Верона, Ромео с друзьями входит в убогую гостиницу. Его окружают только голые...» Ясно. Все раздеваются! Голубушка, значит, снимаете трусики, встаете на четвереньки и ме-е-едленно поворачиваетесь попкой к камере. Это ваш протест окружающему жестокому миру, понимаете? Вы в нем одна! Вам страшно! Вам хочется куда-нибудь ускакать, хоть на карачках уползти от этой действительности!.. И вот вы встаете на четвереньки...

И вдруг вы чувствуете сзади руку друга и понимаете, что вы не одна в этом мире! Сейчас мы вам друга найдем.

Сергей Александрович, вам нравится группенсекс? Тогда идите сюда... Вы будете ее другом. Вставляйте сзади. Голубушка, он кладет на вас руку, и это не просто жест, это жест-метафора, он как бы говорит: «Милая, не уползай, я защищу тебя, я прикрою твой тыл!» Сергей Александрович, сюда руку ей кладите, на тыл... Куда вы руку... Нет-нет! Никакой отсебятины! Это Шекспир!..

Да нет, отойдите, показываю. Вот так руку на нее кладете, вот так... Вам что, неприятно, голубушка? А что вы тогда там так кричите? Не вы? А кто? Господи! Кто пустил в павильон мою жену? Маша, Маша, это просто режиссерский показ... Это творчество! Не мешай мне работать!

Приготовиться! Нача... Что, голубушка? Что значит — «не буду»? «Позор на всю жизнь»? Какие знакомые увидят? Да как? Как вас узнают, вы же не лицом к камере... «Тем более узнают?.. Ну и знакомые у вас...

Сергей Александрович, ну, а вы? Смелый человек, всю войну в разведке, а тут раздеться боитесь! Что — «это так неожиданно»? Думали, что про войну? Ну вы же

сказали: вам нравится группенсекс. С чем спутали? С группенфюрером?

Так, снимаем пока «Сцену на балконе». Хоть прочесть, о чем речь...» Ве-чер. Ро-ме-о под-хо-дит к дому Джульетты. Берет первое, что попадется под руку, какую-нибудь длинную хворостину, и легко постукивает по балкону. На балкон выходит кормилица, затем Джульетта, еще совсем девочка, 14 лет».

Балкон сколотили? Ромео, пошел под балкон!.. Стучит... Стоп-стоп-стоп! Не верю! Я не верю! Не верю, что он ее любит!.. Глаза пустые, нет в них чувства... Что значит: «А чем, по-вашему, я по балкону стучу»? Это первое, что попало вам под руку? Ничего себе! По балкону... Вот что значит три месяца в тайге сниматься, где одни оленихи... Гм... Ну и что? Нашел чем хвастаться... Бум-бум-бум! Бум-бум-бум! Как пьяный мужик домой пришел... Вам же сказано — легко, тихонько...

Еще раз. Стучите, стучите по балкону. Чем? Да хоть тем же самым... Что — «ой, мамочки!»? Что вы кричите? Я просил чувства, но не такие... Да хватит кри... Так, кто балкон сколачивал? Почему гвозди не загнули? Ну, Ромео, хватит орать. Отдохните, мы пока с кормилицей порепетируем...

Кормилица, выходите на балкон! Не останавливайтесь, что вы встали? Грудь в дверях застряла? Ничего себе кормилица...

Слава богу, протиснулась... Потом, потом двери починим... Так, кормилица пошла, подходит к краю балкона, всматривается в темноту, наклоняется...

Стоп! Где ассистенты? Балкон нельзя повыше поднять? Ну она же ими по асфальту метет. Ну она все-таки кормилица, а не дворничиха... Выше нельзя? Что же делать? Стоп! Она же кормилица Джульетты! Выходит вместе с ней, та сосет грудь и поддерживает...

Все, мотор! Ромео... пошел под балкон! Стучит! Вот, молодец, чуть слышно — тук-тук, мягко, интеллигентно, как только это у вас... А, это вы шапку на него нахлобучили, гвоздей боитесь...

Кормилица с Джульеттой! Появляйтесь, появляйтесь на балконе... Это Джульетта? Ничего себе «совсем еще девочка»! Да у нее, наверное, внуки... в армии...

Кто она? Жена спонсора?... Гм... Ну хорошо... А чем объяснить, что до сих пор грудь сосет? Задержкой в развитии? Девочка-даун?

Что, Джульетта, что вы мне кулак показываете? Ой, нет, не отпускайте руки! Ромео, Ромео! Отбегайте! Берегись! Ахтунг, воздух! Не успел... Ну кормилица! Боже мой, точно по шапке ему... Она, видимо, в голову целилась... Да тут бы и хоккейный шлем не спас... Это ж как копер для забивания свай... Хорошо, успели снять, как он стучит... Больше ему будет нечем... Ассистенты, отнесите Ромео...

Пока очухается, снимаем общую сцену! Всем раздеться! Ну, что вы стоите?

Вот посмотрите на этого, какой молодец! Шесть секунд — и на нем ничего. Вы у нас кто будете? Тибальд? Монтеки? Капулетти? А кто? Оператор?.. Ну это вы погорячились с раздеванием...

Так, ассистенты, включите все батареи в павильоне на жару! Так, вот мы все и разделись! А теперь быстро отключить, все на холод... Вот мы и задрожали, вот мы и сбились в кучу погреться...

Наташа, ну что вы партнера с себя спихиваете? Ха! Ей противно! А когда Анну Каренину играли, под поезд ложились — приятно было?.. «Лучше под поездом...» Слушайте, партнер, когда ложитесь, делайте «у-у, чух-чух-чух»... Партнер, что вы стоите? Да, нет, ну поезд-поезд, но это уж чересчур: ну, кому это понравится — со всеми остановками... На самом интересном месте... Вы прямо садист какой-то...

Ну и куча, где кто, непонятно. Вот это кто у них в Вероне был в папаче и с усами? Какой Чапаев? Кто пустил артистов из соседних павильонов? Ишь, пристраиваются! Дедушка, с бородой, а вы кто? Сусанин? Ну, старик, сам пришел и поляков с собой привел... Убрать посторонних!

О, прямо клубок какой-то. Чьи это мохнатые ноги? Вы что, девушка, побрить не могли? Боялись замерзнуть? Чего молчите? Вы в «Ромео и Джульетту» пришли сниматься или позировать для картины «Мишки в лесу»? Где ассистенты? Побрейте ей ноги! Хотя бы одну, ту, что в кадре...

Не знают, где крем для бритья... Да вы что — когда покупать? Снимать надо! Брейте без крема, времени нет... Она молодец, терпит. Вон вся нога в кровище, а она молчит. Вообще женщины терпеливые. Вон мужик рядом, только смотрит — уже орет... А, это, кажется, его нога...

Все! Снято! Так, что там дальше? «Ромео с друзьями входит в убогую гостиницу». Это мы сняли... «Его окружают только голые...» Это мы сня... «только голые... стены»..?

Значит, голые у нас только стены... Ну все, продюсер мне голову оторвет. Нет, лучше смерть... Кормилица, на балкон — вот я прямо под вами! Прощай, кино! Вызываю грудь на себя!..

•

«СЕНЯ ИСЧЕЗАЕТ В ПОЛДЕНЬ...»

Известный драматург Николай Ступаков заканчивал сценарий многосерийного приключенческого фильма «Сеня исчезает в полдень...».

Собственно, уложить сценарий можно было и в одну серию, но всякий раз, когда главный герой, работник уголовного розыска Семен, уже героически погибал, появлялась жена драматурга Анна Андреевна с очередной покупочкой, и Ступаков понимал, что оплатить ее покупку денег за сценарий никак не хватит. Он безропотно вставлял в машинку новый лист и писал: «Семен отлежался и снова ринулся в бой!..»

Но, похоже, сегодня Семена уже ничто не могло спасти: Анна Андреевна с утра куда-то ушла и драматург мечтал прикончить наконец надоевшего Семена до ее прихода... Вот главарь банды Федька Кривой с трех сантиметров выстрелил прямо в сердце Семену!..

— Милый! — Анна Андреевна вернулась в прекрасном расположении духа. — Как тебе эти английские сапоги?..

— Ой-ой, — застонал оживший Семен. — Какое счастье, что я был в бронежилете...

Он отлежался и ринулся в бой. Всю новую серию он честно отстреливался от банды Ваньки Глухого, и, только когда Анна Андреевна опять куда-то ушла, у него кончились патроны... Бандиты приближались... Ближе, еще ближе — Семен выхватил гранату и бросил себе под ноги! Бум!..

— Коля, — снова сказала Анна Андреевна, — а эта шубка к сапогам как тебе? Правда, мило?..

...Взрывной волной Семена отбросило к нашим. Он отлежался и снова ринулся в бой! Тридцать пять страниц нового сценария драматург вместе с Семеном за кем-то гонялся, в кого-то стрелял, рубил шашкой, приговаривая: «За сапоги! За шубку! За сапоги! За шуб-

ку!..» Они уже поймали Федьку Кривого и Ваньку Глухого, Леньку Безухого и Степку Безносого, Тольку Безногого и Кольку Безрукого... Кажется, уже не осталось больше органов и частей тела, которые он не отнял бы у бандитов, давая им клички! Казалось, еще секунда — и он назовет очередного из них так, что перед детьми стыдно будет!..

Но тридцать пять страниц — это как раз столько, сколько надо, и на тридцать шестой он решил кончать с Семеном. И споткнулся под Семеном гневной жеребец, и полетел Семен через голову, и занес над ним шашку бандит, и последнее, что увидел Семен, — стремительно летящий на него, отливающий золотом на солнце клинок...

— Да, — сказала в этот момент Анна Андреевна, — все-таки золото — это золото! Посмотри, какие сережки купила.

...Отливающий золотом клинок остановился буквально в миллиметре от головы Семена, и бандит нерешительно спросил: «А правду гутарят, что большевики землю дают?» — «Правду! Ну конечно, правду!» — закричал Семен. Он отлежался и ринулся в бой.

...Еще час пятнадцать экранного времени он гримил «малины» и «хазы», и только в самом конце серии его поймала вдова Федьки Кривого — Дунька, тоже Кривая... И то ли Дунька оказалась такая жестокая, то ли очень уж Семен надоел драматургу, но решили его заживо сварить в кипятке... «А-а-а!» — зашелся в предсмертном крике Семен.

Его бросили в котел в тот момент, когда Анна Андреевна затеяла евроремонт...

«А-а-а!» — снова закричал из котла Семен, уже в начале новой серии. — «А-а-а-пять горячую воду отключили!».. Он отлежался в котле и ринулся в бой.

...Он уже поймал всех «мокрушников», карманников, пиджачников, брючников, накрыл цех по производству подпольной водки, и те, кто там химичил, поймали его и решили растворить в серной кислоте... Семен уже вступал в реакцию окисления, когда... Анна Андреевна подъехала к дому в новеньком автомобиле...

Назло всему преступному миру Семен не растворил-

ся, а выпал в осадок! Он отлежался в осадке и ринулся в бой!..

Работая над сто девяносто второй серией и чувствуя, что сходит с ума, драматург решил-таки покончить со своим героем. Он помог Семену оступиться и провалиться в медвежью берлогу. Огромный косматый зверь поднялся навстречу Семену, оскалил жуткую голодную пасть и пошел на него...

— Все! Все! — радостно закричал драматург.

— Нет, это не все, — услышал он голос Анны Андреевны.

Драматург затравленно оглянулся и увидел у нее за спиной запыхавшихся грузчиков.

— Это не все, — повторила Анна Андреевна. — Это только мягкая мебель, а стенку еще разгружают.

...Семен, нащупав в кармане кусочек сахара, протянул медведю. Медведь взял сахар, встал на четвереньки и сказал:

— Товарищ Семен! Оперуполномоченный Петров прибыл в ваше распоряжение! Фу, прямо задохся в этой шкуре... Вы сейчас отлежитесь, а завтра ринемся в бой...

Сценарий кинокомедии

ПЕРВЫЙ ЭПИЗОД

Фильм начинается с «эротической» сцены. Шалаш на берегу озера, мы вместе с камерой «въезжаем» внутрь шалаша и видим: в кровати голая Девушка с распущенными волосами верхом на ком-то, мы пока не знаем на ком, его лица не видно. Камера вместе с девушкой ходит вверх-вниз, вверх-вниз, захватывая кусок стены, на которой висит и сотрясается портрет Маркса. Но вот Девушка мотнула головой, откинув волосы, и мы видим, что она сидит верхом на Владимире Ильиче Ленине. Акт продолжается, и во время акта идет диалог...

Ленин. Ой, хорошо! Чертовски хорошо! Проси чего хочешь. Хочешь, я тебя после революции на хорошую работу устрою?

Девушка. Да что вы, Владимир Ильич, на какую работу? Я же кроме этого дела не умею ничего...

Ленин. Да? А ты кто по специальности?

Девушка. Кухарка я...

Ленин. Хм... Сейчас что-нибудь придумаем. Значит, не умеешь ничего... Кухарка... Придумал! Будешь управлять государством..

Девушка. Фу, не могу больше! Все!

Голос снаружи (с кавказским акцентом). Как это — не могу? Как — все? Зачем мы в такую даль плыли?..

Ленин вскакивает, выглядывает из шалаша... В кадре — на лодке Сталин и Дзержинский... Сталин показывает на Дзержинского.

Сталин. Феликс тоже не железный...

Изображение гаснет. Это Сан Саныч Жонков выключает телевизор, вынимает кассету из видеоника. И мы оказываемся внутри его домика на садовом участке... Стены из-

нутри оклеены киноафишами, чуть в стороне висит старинная фотография какой-то семейной пары. Жарко топится «буржуйка», перед ней на полу десяток беспорядочно брошенных кассет. И еще сидит в комнате, внимательно слушая Сан Саныча, небольшая собачка-тибет... Перед ней — пустая миска. Рядом валяется пустая банка из-под собачьего корма. Сан Саныч швыряет вынутую кассету в печку. Собачка гавкает.

Жонков. Да, Чарли, провал! Опять я не угадал! Вот такой я продюсер!

Чарли заливается лаем.

Прости, забыл, ты не любишь это слово. Нет, ну ты мне скажи: что еще этому народу надо? Ну почему он не пошел в кино? Тут тебе и секс, и история, и политика! А юмор какой! Ну ведь полный набор! Ну как, как я мог в это не вложить деньги? Тем более чужие... Ой, Чарли, бросить бы к черту все это продюсерство...

Чарли скулит.

Да не могу я... Что-то такое во мне сидит... Это какая-то тайна...

Чарли подходит, встает под портретом семейной пары, смотрит на него снизу вверх, воеет.

Да, правильно, правильно, Чарли! Говорила мне бабушка перед смертью: «Саня, внучек, что хочешь делай, только кино не занимайся — нищим останешься...» *(Пытается что-то выслать в миску Чарли из пустой банки.)* Какая-то тайна. Провал, над тобой смеются, Светка близко не подходит, и ты зарекаешься — все! Никогда больше! А потом... Видишь камеру — и тебя опять снимать тянет! Пьянит! Это как водка — стоит только начать — не остановишься...

Чарли. Гав!..

Жонков. Нет, Чарли, как алкоголизм, это не лечится... Хотя, ты знаешь... *(Достает газету. Читает.)* В газете написали... Какой-то профессор Говард... Психиатр. Лечит от любви к кино. Как от водки. Принудительно. За деньги. *(Присвистывает.)* За большие деньги. Ой,

сколько же аферистов развелось! Представляешь, какая чушь! Лечит от любви! Да еще принудительно! И за деньги! *(Бросает газету в печку.)* Ладно, пойдем в огород... *(Надевает соломенную шляпу, выходит из хибарки в огород.)*

Чарли идет за ним, потом на секунду задерживается, поворачивает назад к печке, вынимает обгоревшую газету. С улицы слышен голос Жонкова.

Чарли!

Чарли вприпрыжку догоняет.

ВТОРОЙ ЭПИЗОД

Жонков копает на огороде. Берет лопату, втыкает в землю. Подбегает Чарли. Жонков вынимает ком земли на лопате, уже разворачивается в сторону домов, чтобы отбросить землю, и как стоял, так и застывает... глядя на что-то. Он смотрит на вышедшую из своего домика красавицу Светку... Светка заходит в какой-то другой дом, выходит из поля зрения, и только после этого Сан Саныч приходит в себя — Светка... Снова копает. Лопата звякает, падая на что-то. Собачка радостно гавкает...

Жонков. Что? Думаешь — клад? Ну, я тогда первым делом тебе... ящик «Чаппи»! *(Чарли гавкает два раза.)* Ну хорошо-хорошо! Два ящика! *(Чарли заливается лаем.)*

Что с тобой?

Чарли с лаем бежит в дом и появляется оттуда с газетой в зубах.

Ага — сейчас тебе! Чтоб я деньги на этого афериста? Да не хочу я лечиться! Не хочу! Кино — это все, что у меня есть! Да я лучше на эти деньги новую картину сниму!.. *(С ожесточением втыкает лопату в землю, выворачивает камень...)* Вот твой клад... *(Берет камень, взвешивает на руке.)* Вот это я бы твоему Говарду с удовольствием... за лечение...

В это время со стороны дороги слышится вой милицеской сирены. Сан Саныч поворачивает голову. На дороге — погоня. Милицеская машина преследует какую-то другую... Жонков поворачивает голову в другую сторону и видит: красавица Светка идет обратно к дому.. Камень выпадает из его рук. Он столбенеет, становясь похожим на чучело...

Кадр-перебивка

В преследуемой машине сидят трое бандитского вида. Шофер, рядом с ним, видимо, Старшой, на заднем сиденье какой-то Белесый...

Старшой. Жми! Ты можешь быстрее?

Шофер. Не могу.. У них же движок форсированный...

Белесый (*посмотрев в заднее стекло, поворачивается к Старшому*). Старшой, они нагоняют...

Старшой. Нельзя, чтоб они нас с деньгами взяли... Прятать надо! Белесый!

Белесый. А?

Старшой вынимает пачку долларов, протягивает Белесому.

Старшой. Прыгай! Спрячешь где-нибудь...

Белесый (*беря деньги*). Ага, они меня одного с деньгами возьмут...

Старшой. Никто тебя не возьмет! Мы их уведем! Спрячешь, часок в лесу отсидишься, заберешь и к нам — будем ждать тебя на сороковом километре...

Белесый. Да я вас не найду.. У меня же этот... идиотизм топографический.

Старшой. Найдешь! И не вздумай потеряться с деньгами! А то мы тебя найдем... вместе с твоим идиотизмом...

Шофер (*глянув в зеркальце*). Нагоняют, Старшой!

Старшой. Прыгай, Белесый!

Белесый открывает дверцу и прыгает на ходу.

ВТОРОЙ ЭПИЗОД (Продолжение)

Белесый выкатывается из машины в кювет, хоронится. Мимо на дикой скорости, с сиреной проносится вслед за машиной Старшего милицейский «газик». Белесый поднимает голову, озирается. Видит стоящего, как чучело, Жонкова.

Белесый. О! Чучело!

Перелезает через ограду, не обращая внимания на заливающегося Чарли, прячет деньги под шляпу Жонкову, перемахивает обратно и бежит. Плянув на дорогу, опять быстро прячется в кювет. По дороге медленно возвращается в одиночестве милицейский «газик». В нем два милиционера. Один за рулем, Сержант, другой, Лейтенант, сидит справа, на пассажирском сиденье. Вот «газик» уже буквально в метре от того места, где спрятался Белесый...

Лейтенант. А ну-ка, остановись...

Кадр-перебивка

У столба с надписью «сороковой километр» стоит машина Старшего. Они с шофером сидят рядом, на травке. Заливаются смехом.

Оба. Ха-ха-ха!

Старшой. А ты молодец! Ловко ты их обставил.

Шофер. А они вышли, ищут...

Старшой. А мы раз — и в кусты съехали!..

Оба. Ха-ха-ха!

ВТОРОЙ ЭПИЗОД (Продолжение)

Теперь мы смотрим на стоящий на дороге «газик» сзади. Кювет и Белесый в нем — по левой стороне машины. Вот правая дверца «газика» открывается. Мы видим со спины осторожно выходящего Лейтенанта. Его правая рука лезет к кобуре на поясе, расстегивает...

Кадр-перебивка

Старшой с шофером продолжают разговор.

Шофер. А этот, лейтенант-то — глазастый! Все что-то смотрел, смотрел в кусты...

Старшой. Не, это не глазастость. Это интуиция...

ВТОРОЙ ЭПИЗОД (Продолжение)

Правая рука Лейтенанта медленно лезет в кобуру... Лицом к нам из кювета — расширенные от ужаса глаза Белесого, следящие за рукой Лейтенанта. Лейтенант достает из кобуры вместо пистолета... жареную «ножку Буша» и принимается ее обглаживать.

Лейтенант (*сержанту*). С этой гонкой — поесть некогда.

Швыряет не глядя обглоданную ножку. Она летит через машину, падает на голову Белесого.

Лейтенант. Все! Поехали!

Белесый в кювете облегченно переводит дух, крестится. Вдруг слышит голос Сержанта.

Сержант. Погодите-ка, товарищ лейтенант...

Белесый поворачивается на голос. Левая дверца «газика» открывается, мы видим открытую дверцу и спину Сержанта. Белесый зажмуривает глаза. И вдруг слышит какое-то журчание. Он открывает глаза и видит прямо перед собой струйку. Сержант одергивает штаны.

Сержант. Можем ехать, товарищ лейтенант.

«Газик» уезжает по дороге...

ТРЕТИЙ ЭПИЗОД

Старшой и шофер на 40-м километре. Теперь тут рядом с машиной два спального, догорающий костер. Старшой нервно ходит туда-сюда. Шофер в машине слушает радио, крутит ручку настройки.

Радио. «На всей территории России стоит сухая погода. Только в Ямало-Ненецком округе прошел небольшой дождь...»

Свист настройки.

Старшой. Ну где, где этот Белесый? Сутки прошли...

Шофер. Он предупреждал — у него идиотизм топографический... Где его искать теперь?..

Радио (*исполняется песня*). «Ты ищи меня, ищи меня, ищи меня на карте...»

Прерывается. Снова свист настройки. Затем голос сказочника Литвинова.

Радио (*голос Литвинова*). И Буратино зарыл свои денежки в Стране Дураков...

Старшой. Выключи! На нервы действует!

Слышится треск сучьев. Оба поворачиваются на этот звук. Появляется абсолютно мокрый Белесый...

Шофер. Наконец-то! Ну ты, блин, даешь! Мы тут...

Старшой (*обрывая*). Где был?

Шофер (*посмеиваясь*). Ясно где! Со своим идиотизмом топографическим в Ямало-Ненецкий округ забрел...

Старшой. С чего ты взял?..

Шофер. Элементарно, Ватсон! Он же мокрый весь, а дождь только там прошел...

Старшой принохивается к Белесому.

Старшой. Это не дождь... (*Белесому*.) Ты где был? Что молчишь? Где деньги?!

Белесый бухается на колени перед Старшим.

Белесый. Батя! Старшой! Их там нет!..

ЧЕТВЕРТЫЙ ЭПИЗОД

Машина Старшого, взвизгив, тормозит у того места, где стояло чучело. Все трое — Старшой, Шофер и Белесый выскакивают и выпучивают глаза... По всему полю, раскинув руки, чучелами стоят жители деревни. Мужики, бабы, все в соломенных шляпах...

Мужик (*жене*). И зачем я, дурак, тебя послушался, отпуск за свой счет взял... Шляпу купил. Уже сутки стою...

«Здесь деньги с неба сваливаются!» Ну, и где эти деньги?..

Жена. Стой и жди! Сан Саныч говорит, сначала ему затмение было, а потом будто ангел появляется и деньги под шляпу кладет...

В это время Старшой косится на Белесого.

Старшой. Ишь, — ангел! Тебе на небо не пора?..

Муж (жене). Да врет он все, Сан Саныч твой!

Жена. Ага, врет! С каких бы денег он так барбоса своего раскормил — в нем же вагон этого самого «Чаппи»!

Белесый с приятелями переводят глаза и еще больше выпучиваются: вместо крохотного тибета — огромный...

Жена. Ладно, ты не отвлекайся давай! На Светку смотри! Он говорил, что на него затмение нашло, когда он Светку увидел... И тут ему Господь под шляпу и положил... А ты, Светочка, походи, походи перед ним. Он специально отпуск взял за свой счет, чтоб на тебя поглядеть...

Светка крутит задом, озорно приподымает подол платья, выставляя напоказ длинные красивые ноги... У мужика пересыхает во рту, он сглатывает слюну, глядя на Светку, но, покосившись на жену...

Муж. Что-то ничего такого, чтоб без сознания остаться...

Светка обиженно фыркает и уходит. В это время к дому Жонкова подкатывает санитарная машина. Старшой толкает локтем Белесого.

Старшой. Смотри — перевозка приехала!

Шофер. Сошел с ума, от бабок, наверное...

Из перевозки Санитар вынимает носилки... Старшой молча показывает Шоферу на Санитара.

Шофер. Понял...

ПЯТЫЙ ЭПИЗОД

В хибарке Сан Саныча.

Жонков сидит на заправленной кровати, на которой поверх одеяла лежит подушка. Напротив него на стуле — профессор Говард. Он в белом халате, похож на Паганини — тощий, безумный взгляд, на голове огромная копна волос, которые он все время причесывает. Еще у него бзик — все время сщелкивает с себя воображаемых чертиков и все время моет руки из воображаемого крана. Говорит с акцентом.

Говард. Я есть профессор Говард...

Жонков. Жонков, Александр Александрович.

Говард (с удивлением). Хм... Вы помнить свой имя?

Жонков. А почему бы мне его не помнить?

Говард (еще больше удивляясь). У вас осмысленная речь!

Жонков. А у вас — бессмысленная! Что вам надо? Я вас не звал...

Говард. Мистер Жонков, я — профессор, я...

Жонков (обрывая). Да знаю я, кто вы! Вы от увлечения кино лечите... В газете читал. Только мне это не надо! Я здоров!

Говард. О, мистер Жонков! Не надо стесняться — я врач! А продюсер — такая же болезнь, как шизофрения... Рисковать деньгами, особенно тудэй, в ваша страна... Рашин продюсер — человек, который вкладывает деньги в ваше отечественное кино, это... я все время забывайт это слово...

Жонков. Патриот!

Говард. Нет, не патриот... Вспомнил — идиот...

Жонков. Да сами вы... В общем, короче — лечиться я не собираюсь, не желаю, не хочу. Всего вам доброго...

Говард. Мистер Жонков, но вас никто не спрашивает, хочет, не хочет! Это есть принудительное лечение! Ваши родственники... Ваш брат...

Жонков заливается смехом.

Жонков. Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Какие родственники! Какой брат! Ха-ха-ха!..

Говард. Мистер Жонков, как говорить вы, русские,

«смех без причин — есть признак... маниакально-депрессивный психоз»...

Жонков. Ой... Фу... Да нет у меня никаких родственников, никакого брата... Сирота я! Это какая-то ошибка... *(Встает с кровати.)*

В хибарку громко, как сапожищами, стуча лапами, входит огромный Чарли.

Говард. Это не есть ошибка. У меня заявление от ваш брат Чарли...

Жонков *(снова плюхается на кровать, как подкошенный).* Чарли? *(Переводит взгляд на собаку.)* Чарли?...

Чарли виновато забирается под лавку...

Говард. Да, Чарли, вот его заявление — тут написано негром по белому, то есть черным по белому. *(Берет заявление, читает.)* Я, Чарли, меньшой брат по разуму Александра Жонкова, прошу его взять на принудительное лечение от кино... и подпись — Чарли Жонков.

Жонков *(тупо смотрит в одну точку).* Он что, сам это написал?

Говард. О, ноу! С его слов записала и принесла одна женщина. Так бывает, это принятая форма, когда речь идет о младший брат...

Жонков *(так же тупо).* Какая женщина?

Говард. О, очень красивая женщина! Сейчас я вспомню ее имя... Свет... Свет-ла-на, да, Светлана...

Жонков. Светлана... Светлана...

Жонков с бессмысленным взглядом сидит на кровати, машинально похлопывая по подушке. Вдруг, видимо, какая-то мысль приходит в голову — рука останавливается на полпути, потом уже четко хлопает по подушке: мол, придумал! Он приотворачивает угол подушки, так, чтобы Говард не видел. Заглядывает... Там, под подушкой — и мы это видим, — толстый пакет. На нем написано большими буквами от руки... «Деньги на новую картину». Жонков с облегчением переводит дух.

Фу...

Жонков спокойно поднимает глаза на Говарда.

Светлана, значит? Вы знаете, мистер Говард, я от этой женщины иногда просто столбенею...

Говард. О, это как раз есть нормально! На меня тоже иногда находить такой столбняк. Да-да! Естеди! Около гостиницы «Метрополь». Тоже с девушкой... И тоже так понравилась, что я себя не помню! Просто какой-то затмений...

Жонков. Правда? И что? Очнулись, а у вас куча денег?

Говард. Нет... Очнулся — у меня ни цента!

Жонков (тихо, улыбаясь). Вот и у меня ни цента, мистер Говард.

Говард. Что вы скажите?

Жонков отвечает спокойно, почти с издевкой, с чувством превосходства над соперником, в предвкушении удара, который он сейчас нанесет...

Жонков. Я говорю, к сожалению, ничего у нас с вами не выйдет, мистер Говард...

Говард. Не выйдет? Вай! Вай!

Жонков (передразнивая). «Вай-вай...» Вы прямо как грузин, мистер Говард...

Встает и гоголем, пританцовывая, у него прекрасное настроение, проходится по комнате.

Жонков. А не выйдет, потому что... У вас ведь платное лечение, мистер Говард?

Говард. Да, платное! И очень дорогое! Хорошее лечение хорошо стоит...

Жонков. Ну вот. А у меня, к сожалению, нет денег! (Торжествуя победу.) Ай хэв ноу мани, мистер Говард!..

В это время Чарли бочком-бочком, поджав хвост, выходит в дверь.

Говард. О, мистер Жонков, итс ноу проблем... Ваш брат, Чарли, уже заплатил...

С Жонкова в один миг слетает все его торжество.

Жонков. Что-о-о?..

Он подлетает к кровати, сбрасывает подушку, хватается пакет, срывает бумагу — там толстая пачка собачьего корма...

Жонков смотрит на дверь, за которой скрылся Чарли, потом медленно идет на Говарда. Говард, в испуге, выставляет вперед обе ладони.

Говард. Мистер Жонков, мистер Жонков! Не есть волноваться!

Жонков. Отдай деньги! Я их на картину держал!..

Говард. Но это не есть возможно! Они уже в банке! Поехать!.. Домой, в США!

Жонков. Ты у меня сейчас сам домой в США поехать! В банке! И знаешь в какой?! В консервной! Из цинка!..

Говард. Но, мистер Жонков, вы же тогда теряйт шанс получайт их назад!

Жонков останавливается.

Жонков. Назад? У меня что — есть такой шанс?

Говард. Уес. Правда, очень небольшой, но есть... По нашему контракт с мистер Чарли...

Жонков, скрежеща зубами, трясет кулаками.

Жонков. «Мистер Чарли...» Подумать только!..

Говард. По наш контракт, если через пять дней после курса нашего лечения вы сделает хоть один шаг к кинокамера — мы возвращайт ваши деньги... И даже больше, много больше!

Жонков. Даже больше?

Говард. Да! Наш лечебный курс — это как игра...

Жонков. Хорошенькая игра — такие деньги взял...

Говард. Но не только у вас! Столько же сдавайт за еще несколько человек, которые будут пройти курс вместе с вами. И все эти деньги мы положили в общую... как это... в общую супницу...

Жонков. Не супница, а общий котел, деревня...

Говард. Уот из ит — «деревня»?..

Жонков. Неважно... Что надо делать?

Говард. Ничего. Продержаться. Продержаться пять дней — и деньги ваши. Но каждый день мы будем проверяйт вас и ваших товарищей. Если кто-то уже завтра не захочет даже близко подойти к камере — он уходит от нас! Все, гуд бай!..

Жонков. Что — «гуд бай»? А денежки?

Говард. Его денежки остаются!

Жонков. В супнице?

Говард. В супнице, уес! Но зато он выходит здоровым! Он вылечится от этой страшной болезни — киномании, когда люди несут из дома последнее и вкладывают в кино, когда...

Жонков *(обрывает)*. Ладно, хватит трепаться... Значит, последний, кто продержится, забирает все?

Говард. Да, но я предупреждайт — это чисто теоретически...

Жонков. А если не продержусь — все остается в твоей супнице? Но я продержусь, старичок...

Говард. О, мистер Жонков, уверяйт, через пять дней вас будет выворачивать наизнанка при одном только слове «кино»! Вас будет тошнота от Шварценеггера...

Жонков. Да меня и сейчас от него тошнит без всякого лечения, и совершенно бесплатно... Я продержусь! Не надейся! На этот раз тебе из этой супницы хлебать не придется! Поехали!

Говард. О, кей! *(Кричит в дверь.)* Санитар! Носилки!

Жонков *(издевательски вежливо)*. Ну что вы, мистер Говард! Я сам...

Говард *(таким же тоном)*. Что вы, мистер Жонков, за такие старушки мы вас отнесем...

Жонков. Какие старушки?

Говард. О, не старушки — бабки! За такие бабки... Санитар! О, этот рашин персонал...

Входит с носилками одетый в халат санитар,
но без шапочки... Белесый.

Жонков *(с некоторой оторопью)*. Вот он! Я узнал его...

Белесый *(еле слышно, в сторону)*. Ну все — хана... Говорил же Старшому — видел он меня, узнает...

Жонков. Это он, он...

Говард. Да кто — «он»?

Жонков *(торжественно, голосом глубоко верующего религиозного фанатика)*. Ангел!.. Он спустился и одалжил меня...

Говард и Белесый укладывают Жонкова на носилки.

Говард. Ангел... И вы еще будете рассказывать, что вы здоровы...

Говард и Белесый выносят носилки, проходят сквозь толпу собравшихся. Жонков с носилок показывает кулак Чарли и кричит ему.

Жонков. Прихвостень американский! Из-за таких, как ты, наши деньги утекают за рубеж!..

Носилки впихивают в перевозку.

ШЕСТОЙ ЭПИЗОД

В перевозке. Белесый садится за руль. Жонков и Говард в салоне. Жонков тотчас садится на своих носилках — ближе к заднему стеклу.

Белесый. Куда ехать-то?

Говард. Как куда? В сумасшедший дом.

Перевозка рвет с места.

Кадр-перебивка

Перед домиком Жонкова.

Перевозка отъезжает, мы видим в толпе Старшого и Шофера, до этого скрытых корпусом санитарной машины. Теперь она отъехала, и мы видим, что Старшой и Шофер удерживают рвущегося из рук голого настоящего Санитара. Из одежды на нем — одна шапочка с красным крестом... Наконец Санитар вырывается и бежит за перевозкой, протягивая к ней руки...

ШЕСТОЙ ЭПИЗОД (Продолжение)

В едущей перевозке. Это должна быть такая машина, в которой салон отделен от кабины стеклом. Оно может открываться и закрываться. Сейчас оно открыто. Белесый испуганно смотрит в зеркальце заднего вида. В зеркальце — бегущий за перевозкой голый настоящий Санитар. Жонков смотрит в заднее стекло, видит этого бегущего Санитара, оборачивается к Говарду.

Жонков. А вы популярны, мистер Говард! Я смотрю — сумасшедшие за вами так и бегают!..

Говард, мельком глянув в заднее стекло, только пожимает плечами.

Говард. Это не наш...

Санитар за окном отстает, становится все меньше.

Жонков (с сарказмом). Конечно! Конечно, не ваш! Что с него взять? Гол как сокол... Вам денежки подавай...

Белесый (услышав, сам с собой). Денежки? Какие денежки?

Говард с подозрением смотрит на Белесого и закрывает отделяющее от кабины стекло.

Белесый с досадой сплевывает...

Говард (Жонкову). Но вы тоже не прочь... денежки.

Жонков. Я-то свои, а вы норовите чужие заграбастать!

Вдруг перевозка резко тормозит.

Говард опускает разделяющее стекло.

Говард. Что?

Белесый. Приехали. Сумасшедший дом, как вы сказали.

Говард взглядывает в окно. В окне — Белый дом на Краснопресненской набережной.

Говард. Это не тот! У вас топографический идиотизм!

Белесый (с восхищением). Ну, доктор! Так быстро поставить диагноз! Уважаю!..

Говард. Езжайт все время прямо...

Перевозка трогается.

Жонков. Акто мои соперники?

Говард. О, как на подбор! Думаю, вам будет трудно! Они очень талантливы...

На фотографиях в его руке лица полных идиотов — откляченные рты, бессмысленные глаза и т. д.

Кадр-перебивка

Настоящий Санитар, по-прежнему голый, еле тащится по загородному шоссе, в окнах изб, стоящих на обочине, крестятся

бабки... Вот он пробегает мимо озера, подбегает из последних сил, и падает на берегу без сил задницей кверху.. На машине подъезжает какая-то пара. Смотрят на санитара.

Мужчина. Ну вот, а ты: «Где нудистский пляж, где нудистский пляж...» Видишь? Тут он, пляж, и есть...

И они раздеваются...

ШЕСТОЙ ЭПИЗОД (Продолжение)

Перевозка подкатывает к мосфильмовской проходной. Под табличкой «МОСФИЛЬМ» — вторая: «КЛИНИКА НЕРВНЫХ БОЛЕЗНЕЙ». Из перевозки вылезают Белесый, Говард и Жонкин. Идут к шлагбауму. У шлагбаума — дежурные в белых халатах. Тут же, встречают перевозку Медсестра и Врач. Внешне Врач — полная противоположность Говарду — маленький и лысый. Но во всем подражает Говарду, своему кумиру. Те же жесты, бзики, даже говорит с акцентом, хотя и русский... Все идут по территории. Говард причесывает пятерней свою копну — Врач повторяет жест, причесывая воображаемые волосы на своей лысине. Говард смахивает чертиков — Врач тоже.

Жонков (оглядываясь вокруг). Ух ты! Да у вас тут с размахом! Техника! Павильоны! Как на настоящей киностудии!..

Врач (с акцентом). Уес! Тут полная имитация съемочный процесс!..

Кивая на Врача, Жонков тихо спрашивает Медсестру.

Жонков. Тоже американец?

Сестра. Да русский он! Просто все как мистер Говард делает..

Врач. И когда у пациента, страдающего киноманией, от этот съемочный процесс наступит шок — он здоров!..

Слева от входа Жонков замечает автосалон.

Жонков (читает вывеску). «Автосалон»... Это какое кино снимают?

Говард. Это не есть кино! Автосалон — это автосалон...

Жонков. А... при чем тут на студии автосалон?

Сестра. Это же не просто студия! Не забывайте — тут все-таки сумасшедшие...

В этот момент они проходят мимо клумбы или полянки, поросшей кустиками земляники. На ней сидит Человек. Рот вымазан красным. В руках полная банка ягод. Он берет одну, кладет в рот, кривится и выплевывает... Замечает Говарда.

Человек. Мистер Говард! Ну тошнит меня уже от этой земляники!..

Жонков. Кто это?

Говард. Это Бергман.

Жонкин. Это — Бергман? Знаменитый Ингмар Бергман? Автор «Земляничной поляны»?

Говард. Да. Вот он на ней сидит...

Врач (подобострастно смеется). Ха-ха-ха! Мания величия!

Говард. Человек, мистер Жонков, страдает не оттого, что считает себя Наполеон. Ноу! Как раз от этого ему хорошо! Он страдает оттого, что не может себя реализовать! Не может двинуть войска под Ватерлоу...

Врач. А мистер Говард дает ему эти войска!..

Говард. Наш метод очень простой, мистер Жонков. У тебя мания величия? Ты думаешь, что ты гений? Ты великий режиссер? Ты бредишь «Земляничной поляной»? О-кей! Получи ее!..

Бергман (с клумбы). Да заберите вы меня с этой поляны! Видеть ее не могу... (Бергман застывает на месте.)

Говард (Медсестре). Можете выписывать...

Врач. Пять дней! Всего пять дней! Нет. это просто фантастика, мистер Говард!..

Говард. О, вы преувеличивает, мой юный друг...

Жонков. Вот именно! Тоже мне — фантастика... Да у нас так лет сто уже алкашей лечат! Только вместо ваших проблем в водку антабус подмешивают. И пей, хоть залейся. Как от этой водки выворачивать начнет — будь здоров...

Врач. Ой, вы его не есть слушать, мистер Говард! Он же сумасшедший!

Говард (обиженно). Гм... У-у, я вспоминайт, нам надо идти...

Белесый с готовностью хватается Жонкова за грудки.

Белесый. Идите-идите! Я его сам... заведу куда надо...

Жонков. Пойдем, мой добрый ангел...

Врач, Сестра и Говард поворачиваются спиной к Белесому и Жонкову, удаляются, и с того места, где они стояли, слышится жуткий крик Жонкова...

Крик Жонкова: — А-а!

Все поворачиваются на этот вопль.

Крик Жонкова: А-а! Ангел! Ангел! Не делай этого!

Не надо-о-о!..

Кадр-перебивка

На берегу лесного озера. Пришедший в себя настоящий Санитар с ужасом видит, что все вокруг усыпано голыми телами. Парочка рядом с ним разрисовывает друг друга татуировками. Санитар крадет баночки с краской, уползает в кусты, принимает себя разрисовывать...

ШЕСТОЙ ЭПИЗОД (Продолжение)

Территория «Мосфильма». На тот же жуткий вопль Жонкова бежит Сестра. Жонков стоит с задранной вверх головой и смотрит на крышу соседнего здания. Рядом спокойно стоит Белесый. На крыше стоит усатый человек с крыльями, машет и кричит: — Буря! Скоро грянет буря!..

Жонков. Ангел, опять ангел... Не надо! Не прыгай!

Медсестра. Господи, напугал-то как! Ну какой же это ангел? Горький это!..

Жонков. Горький? А почему с крыльями?

Медсестра. Решил, что он буревестник революции...

В это время отчаянно размахивая крыльями, с воплем летит вниз, в бассейн, усатый. Плюхается в воду, вылезает, прихрамывая, уходит... На ходу вынимает записную книжку, ручку и записывает, приговаривая с оканьем.

Горький (записывает). Рожденный ползать — летать не может...

СЕДЬМОЙ ЭПИЗОД

Большая палата. В ряд стоят пять коек. Рядом с каждой из четырех коек стоят в больничных пижамах Сумасшедшие Режиссеры. На каждой из этих четырех коек стоит кинокамера. На пятой койке кинокамеры нет. Рядом с пятой койкой стоит Жонков. С удивлением смотрит на Режиссеров. Перед стоящими прохаживается туда-сюда Говард. Чуть поодаль — Врач и Сестра.

Говард (Жонкову). Я вижу — вы удивляетесь. Вы думаете, вы будете один бороться со мной. Ноу! Это ваши друзья-соперники. Их тоже только сегодня сдавайте... Позвольте вам представлять... *(Представляет.)* Мистер Спилберг, вы все знайт его «Звездные войны», Тинто Брасс, итальянец, король эротического кино... Будет снимать «Калигулу»...

Спилберг (Брассу). Желаю успеха!

Брасс (Спилбергу). Мама мия! Вы прекрасно говорите по-итальянски!

Спилберг. Да я знаю двадцать шесть языков! И все так же!..

Говард *(продолжает представлять, подходит к третьему)*. Мистер Эйзенштейн...

Спилберг *(Эйзенштейну)*. Над чем работаешь, старик?

Эйзенштейн. Хочу снять «Броненосца «Потемкина»...

Брасс. Мой тебе совет: «Потемкин» должен быть голый!

Спилберг. Ты слушай, он плохого не посоветует!..

Брасс. Да! Голый «Потемкин» и с вот такой пушкой! Он, когда видит царскую эскадру, у него пушка так поднимается, поднимается...

Говард *(продолжает, показывая на четвертого — типичного чулку в национальном костюме)*: — Акиро Куросава...

Эйзенштейн (Жонкову). Видел ваш последний, про Ленина... Забыл, как называется...

Жонков. «С милым Рая в шалаше»...

Эйзенштейн. Да-да! Потрясающе! Нет слов!

Говард. Итак, мы завтра с утра, в девять часов, приступайте ваше лечение. Условия вы знайт — мы будем лечить вас шоковый терапия, как это...

Врач. Дерево по дереву...

Говард (ему). Клин клином, деревня!.. (Всем.) Да, лечить клин клином — вы будете снимает кино...

Пациенты (кроме Жонкова). Ура!

Куросава (потирая руки). Поснимаем, однако!..

Говард. Каждый из вас получайт своя камера, своя съемочная группа...

Жонков. Из таких же? (Крутит пальцем у виска.)

Говард. Других не держим, мистер Жонков...

Все (кроме Жонкова и Сестры). Ха-ха-ха!

Сестра с интересом смотрит на Жонкова, машинально поправляет свою шапочку. Он чувствует на себе ее взгляд, поднимает на нее глаза, она отводит свои. Снова смотрит — и снова отводит...

Спилберг. А сценарии? Кто будет писать?

Эйзенштейн. Мне не надо — я сам пишу..

Куросава. Счастливый, однако! А я? Куросава писать не умеет...

Говард. Каждый будет иметь свой писател...

Жонков. Надеюсь, Горький не мне достанется...

Врач. Горький не достанется никто...

Спилберг. Как?

Брасс. Мама мия!

Куросава. Горький хочу!

Жонков (с издевкой). Какая жалость! Почему?

Сестра (с улыбкой). Он выписался досрочно, после последнего прыжка...

Говард. Горький не будет, но вообще, мистер Жонков, вы тут не командуйт...

Врач (без акцента). Да! Съемочную группу сам мистер Говард... (смотрит на Говарда, спохватывается и опять с акцентом) назначайт...

Говард. И если кто-то из группы выходить досрочно — замены не бывайт!

Врач. Вот так! Снимайт как хотите... Гм... как хотийт...

Говард. Но снимайт! Каждый день! Снимайт что хотите, как хотите, но каждый день! Если в один прекрасный утро у вас бывайт шок и в девять часов вы не подходить к камера — гуд бай! Если в девять часов вы не показывайт, что сняли естеди — гуд бай!

Жонков (посмотрев на пустую кровать). Но у меня нет камеры! *(Кивает на Режиссеров)*. У них есть, а у меня нет...

Говард *(с ехидной улыбкой)*. Они — режиссеры, им мы давай. А вы — продюсер, должны себе покупать...

Жонков. Купить? На какие шиши? Вы же прекрасно знаете....

Сестра украдкой роется в своей сумочке, считает несколько жалких купюр...

Говард. Заработайте...

Жонков. Как? Как я могу заработать тут, в лечебнице?

Говард. О, у нас есть тут одна хорошая работа!

Говард и врач смеются.

Жонков. Завтра в девять утра съемка! Сейчас пять вечера! Когда ж я успею заработать? Камера — это ж такие деньги!

Говард. О, не скромничать! С вашей квалификацией!.. И потом, мы платить не по часам, а за дело! Как говорится, кончил дело — снимай смело!..

Спилберг. И мы с ребятами поможем...

ВОСЬМОЙ ЭПИЗОД

Жонков стоит со шваброй посреди огромного сверкающего чистотой туалета... Дверь открывается, входит Медсестра, тоже со шваброй. Видит Жонкова, пытается спрятать швабру за спину...

Сестра. Вы уже тут? *(Оглядывается)*. Господи, чистота-то какая! Наверное, жена каждую неделю тренирует? *(Изображает жену)*. «Продюсер, тащи пылесос!»

Жонков. Меня Сан Саныч зовут... И у меня нет пылесоса... А вас как зовут?

Сестра. А меня так зовут... *(Изображает дефективного больного)*. «Медсестра, сделай мне укол...» Вот как меня зовут...

Оба смеются.

А за глаза — ведьмой... Вообще я Наталья Ивановна...

Жонков. Очень приятно...

Сестра вдруг опять смеется.

Что тут смешного? Мне действительно приятно...

Сестра (сквозь смех). Да нет... Извините... Ой, я просто подумала... Первый раз знакомлюсь в мужском туалете...

Жонков. А правда, как вы тут оказались, очаровательная ведьма? (Замечает ее швабру.) Понял. Вы пришли мне помочь, да? Ну честно?

Сестра (сердито). Да прям! Очень много о себе воображаете. Сан Саныч!

Жонков. Да что вы! Я...

Сестра. Думаете, если вы в кино работаете, так уж за вами... Я просто...

Не найдя объяснения, она замолкает и смущенно крутит швабру туда-сюда, не зная, как занять руки...

Жонков (показывая на швабру). Просто мимо пролетала...

Еще секунду она сердито смотрит на него в упор, потом фыркает, и они оба смеются...

Сестра. А правда, как вы так быстро убрались?

Жонков. Да я и не убирался. Захожу — а тут все сверкает...

Сестра. Да что вы! Это вам повезло! Тут, говорят, обычно такая грязь!

Жонков. Seriously?

Сестра. Правда-правда! Ни одна уборщица больше двух дней не работает! Все уходят! (Наклоняется и шепотом.) Эти киношники никогда за собой не спускают...

Жонков улыбается. Она осекается, поняв, что сказала что-то не то, прикрывает ладошкой рот.

Сестра. Ой, извините... Я не вас имела...

Жонков. Ничего-ничего...

Сестра. Да вы и не похожи совсем на киношника...

Жонков. Вот спасибо!.. Вот это комплимент!

Сестра. Ой, да нет! Я этих имела в виду... (Крутит пальцем у виска.) У них в глазах только самодовольство какое-то, а у вас... у вас в глазах... Сан Саныч, а вы... (тычет пальчиком ему в грудь) действительно не женаты?

Кадр-перебивка

Говард и Врач идут по коридору. Оба в прекрасном настроении.

Говард. Интересно, чем он сейчас занимается?

Врач. Известно чем, мистер Говард! Хе-хе! Творчеством! Там есть восемь моноклей!..

Говард. Моноклей?

Врач. Моноклей, ну... Очков по-нашему, унитазов...

Им навстречу проходит мимо них немного растрепанная Сестра. Застегивает пуговики на груди халата. Врач приостанавливается, подозрительно смотрит ей вслед, пожимает плечами и догоняет Говарда.

Говард. Я думаю, он не крепкий орешек! Очень скоро проситься хоум...

Врач. Еще бы! У него уже шок, наверное! Как увидит — мало не покажется!

Говард. Как вы думает? Коллеги ему не помогут?..

ВОСЬМОЙ ЭПИЗОД (Продолжение)

В тот же туалет один за другим заходят все четыре Режиссера. Похлопывают Жонкова по плечу.

Эйзенштейн. О, Сан Саныч! Сейчас мы тебе поможем!

Спилберг. Поможем — чем можем...

Режиссеры, не останавливаясь, проходят в кабинки. Мы видим в кабинке тужащегося Брасса.

Брасс. Ой, мама мия! Что-то...ничем... не могу помочь...

Справа от него — Спилберг.

Голос Спилберга. И у меня тоже что-то... никак... не помогается....

Брасс, тужась, стучит в левую стенку.

Брасс. Эйзик! Серег! У тебя как?..

Голос Эйзенштейна. Я — пас...

Брасс (*тужась*). Неудобно... получается... мы же... мистериу Говарду обещали... что поможем... нашему новому товарищу..

Голос Эйзенштейна. Ну, что делать — дебют! Как говорится, первый блин комом...

Брасс. Чего это он у тебя — первый? Ты и вчера сюда ходил...

Голос Эйзенштейна. В переносном смысле — я много гадил товарищам, но чтобы вот так, в буквальном смысле, — первый раз...

Голос Спилберга. Все, парни, сдаемся...

Все трое выходят.

Жонков, чуть в сторонке, застыв на месте, наблюдает за ними.

Эйзенштейн. А где Куросава?

Брасс дергает ручку четвертой кабинки.

Брасс. Сидит...

Спилберг. Вот наша последняя надежда...

Брасс снова дергает ручку.

Брасс. Эй, у тебя надежда есть?

Голос Куросавы. Здесь нет никакая Надежда! Это мужская туалета...

В это время на пороге туалета появляются Говард и Врач. Жонков сейчас к ним спиной. Врач, увидев его застывшую спину, вопит с порога.

Врач. Шок! Шок! Ну, мистер Говард! Это гениально! Как это вы так здорово придумывайте, чтоб они друг друга убирайт своими руками...

Говард. Я ничего не придумываит... Я просто подсмотрел их повадки на воле, в живая природа...

Врач. Нет, ну настоящий шок! Это гени...

Жонков (*поворачиваясь к ним лицом*). У вас шок?

Врач действительно от неожиданности застывает на месте.

Жонков. Это пройдет!

Говард срывается с места, подбегает к смущенной троице Режиссеров.

Говард. Как же так же?

Те только разводят руками. Говард проносится вдоль ряда кабинок, открывая, заглядывая и хлопая дверцами.

Говард. Все чисто...

Жонков. С вас камера, мистер Говард...

Спилберг показывает ему на кабинку Куросавы.

Спилберг (*напевает*). Еще не вечер, еще не вечер...

В это время Куросава кричит из своей кабинки.

Голос Куросавы. Получилось! Получилось!

Говард дергает ручку, распахивает дверцу.

Куросава, словно застыв, стоит в своей кабинке, как космонавт, в скафандре, широко расставив ноги.

Спилберг и Брасс выносят его оттуда, как огромную куклу. Он так и стоит, в той же позе, застыв...

Говард заглядывает в его кабинку.

Говард. Что — «получилось»?

Говард секунду смотрит в сторону кабинки, потом на Куросаву, потом на Спилберга.

Я же просиль! Он же первый раз в городской условий!

Я же просиль объяснят, что малица надо снимать...

Жонков. Камеру, мистер Говард...

Говард нехотя показывает на Куросаву.

Говард. Возьмете его камера... У него шок. Выписывайт...

Жонков выбегает из туалета.

Говард разводит руками.

Говард. Ну что? Это был честный бизнес. Вычистил — так вычистил...

Эйзенштейн. Да что он чистил-то? Мы ж ничего...

Говард. Три здоровый режиссер...

Брасс. Да с чего? Обед ж сегодня не было...

Говард. Как не быть?

Врач. Как не быть? (*Достает меню из кармана*). Вот меню: «Картофель жареный с...»

Спилберг (прерывает). Да не было никакой картошки! Ваш повар...

Врач. Помешался все-таки!..

ДЕВЯТЫЙ ЭПИЗОД

На кухне.

Говард и Врач открывают дверь кухни. Навстречу им клубы пара. Они ошеломленно смотрят.

Им открывается такая картина: посреди кухни сидит перед перевернутым чугуном Чапаев в колпаке, раскладывает картофелины...

Поварихи и посудомойки сидят вокруг и слушают его, разинув рты.

Чапаев. Теперь! Противник открыл ураганный огонь! Где должен быть командир?

Говард. В палата! В палата должен быть командир! В смирительной рубашка! Сестра! Санитар!..

В кухню вбегают Сестра и Белесый. Одна из поварих с обожанием смотрит на Чапаева. Чапаев смотрит на них.

Чапаев. А! Явились голубчики! Психическая атака?

Повариха. Василий Иванович, а ты армией командовать сможешь?

А Чапаева уже с двух сторон берут Врач и Сестра.

Сестра (успокаивающе). Сможет, сможет... Малость подлечится — сможет и армией...

Чапаев пытается вырваться. Трам-тарарам. Суматоха. Летит на пол посуда. В следующем кадре мы видим плывущего Чапаева.

Чапаев. Врешь — не возьмешь! Беляки прокляты! Мне бы только Урал переплыть...

Камера отъезжает, и мы видим, что он «плывет» в большом кухонном чане...

Воспользовавшись суматохой, Белесый прокрадывается на кухню, крадет огромный нож... Зловеще смеется:

— Ха-ха-ха! Ну Жонков, теперь поговорим! Теперь ты мне скажешь про деньги...

Прихватывает заодно нещипаную курицу и выскальзывает из кухни...

В кадре — на дальнем плане Сестра выволакивает Чапаева. На ближнем плане Говард открывает дверцу большого холодильника.

Говард. А что у вас с продукты? Люди не обедают...

Из холодильника вываливается заиндеветый мужик в наполеоновской треуголке... с крутом краковской колбасы в руках.

Мужик (чавкая). Кто посмел потревожить Наполеона?

Говард (запихивая его обратно). Что это такое?

Врач. Вы же сами его туда сажает! У него сейчас лютая зима восемьсот двенадцатого года!

Говард. Но у Наполеона тогда не было продуктов!

Отнимает колбасу, впихивает обратно и откусывает кусок от колбасы.

ДЕСЯТЫЙ ЭПИЗОД

Белесый на цыпочках идет по коридору, высматривая нужную табличку на дверях палат. «Антониони», «Краммер», «Феллини», «Михалков»... Приоткрывает дверь, заглядывает... Там действительно Михалков...

Белесый. Извините... *(Идет дальше.)*

Кадр-перебивка

«Нудистский пляж». Неожиданно оживает и рвет с места машина, на которой приехала первая парочка. Владельцы вскакивают, кричат ей вслед.

ДЕСЯТЫЙ ЭПИЗОД (Продолжение)

Белесый приближается к общей палате, в которой Жонков. Вдруг — цокот каблучков.

Белесый прижимается к стене.

К двери палаты подходит Сестра. На двери пять полос-фамилий. «Спилберг», «Брасс», «Эйзенштейн», «Жонков» и «Куросава».

Сестра вынимает «Куросаву» и уходит по коридору.

Белесый приближается к двери. Прикладывает ухо.

Прислушивается. Из-за двери мощный хrap. Тихонько входит...

Кадр-перебивка

К шлагбауму у въезда на «Мосфильм» подкатывает угнанная с пляжа машина. Из нее по пояс высовывается сидящий за рулем бравый генерал без фуражки. Мы не сразу понимаем, что это наш Настоящий Санитар. И все его ордена, погоны — все нарисовано на зеленом. Дежурные у входа в белых халатах не понимают тем более, вытягиваются, отдают честь.

Машина мчится по территории...

Тормозит у одного из корпусов. Разрисованный Санитар выскакивает, бежит к двери. Теперь хорошо видны лампы, нарисованные вдоль голых ног. Его замечают несколько человек в белых халатах, бегут за ним.

ДЕСЯТЫЙ ЭПИЗОД (Продолжение)

Белесый у кровати спящего Жонкова. Он спит с улыбкой, обнимая кинокамеру.

В следующем кадре мы видим только лицо Белесого и его руку, заносящую нож...

Кадр-перебивка

«Генерал» уже бежит по коридору. На его пути — маляр в газетной треуголке с ведром белой краски, стоящим на козлах. «Генерал» со всего маха врывается в козлы, хватается за глаз, ведро падает на него...

ДЕСЯТЫЙ ЭПИЗОД (Продолжение)

Белесый в палате Жонкова. Крупно рука опускает нож, потом поднимает его вверх, нож в крови. Второй раз опускается нож, второй раз подымается...

Кадр-перебивка

Теперь Санитар бежит уже как бы в белом мундире, вместо левого глаза сплошной лиловый синяк...

Он уже почти подбегает к концу коридора, когда там появляются, запыхавшись, двое преследовавших его людей в белых халатах.

Первый. Вот он!

Второй. Нет. Тот генерал был. А это адмирал...Нельсон, из седьмой палаты...

«Адмирал» уже пробежал, когда у этих двоих в голове что-то щелкнуло. Они смотрят вслед.

Первый. Эй! Погоди...Ты видел?

И они бросаются в погоню.

ДЕСЯТЫЙ ЭПИЗОД (Продолжение)

Крупно лицо Белесого, несколько секунд смотрящего куда-то вниз, на дело своих рук...

Белесый. Готово...

Рука отбрасывает нож в сторону. И тут мы слышим... храп Жонкова. Камера отъезжает. Теперь мы видим в руках Белесого два отсеченных куриных крылышка. Он прилаживает их к своим плечам и будит Жонкова нежным голосом.

Белесый. Вставай, это я, ангел...

Жонков (спросонья). Ой! Я узнал тебя, добрый ангел! Ты дал деньги...

Белесый. Да, дал, я очень добрый... Но, понимаешь,

какая история, у нас сейчас в небесной канцелярии затруднения... Ты не мог бы пока вернуть деньги? А мы тебе потом...

Жонков. А у меня их нет... Все у мистера Говарда, за лечение...

Белесый (ошеломленно). Как? Так здесь платное? И ты все...

Жонков. Не я! Я сюда не хотел! Это... это родственники...

Белесый. Так тебя сюда на принудительное!.. Да мне же за эти деньги голову оторвут!.. (Он берет Жонкова за отвороты пижамы, трясет.) Возьми назад! Слышишь!

Белесый не замечает, что с него упали крылышки.

Жонков. Ангел, с тебя крылышки упали...

Белесый. Черт с ними, с крылышками! Забери у него!

Жонков. Не отдаст... Только если...

Белесый. Если что? Что?

Жонков. Только если через пять дней я к этой камере подойти не смогу... Тогда, говорит, отдам все до копейки!

Белесый. Да?

Жонков. Может, даже больше. Если остальные четверо досрочно выпишутся...

Белесый. Отлично! Мы им поможем!.. (Хватает за грудки.) И ты у меня как миленький на пятый день к камере подойдешь! Это говорю тебе я, Белесый!..

Выбегает из палаты.

ОДИННАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД.

Белесый выскакивает в коридор. Встречает Медсестру у двери жонковской палаты. У нее припухший нос, покрасневшие глаза — видно, что она только что плакала. В одной руке платочек, в другой какая-то фотография, на которую она то и дело взглядывает и тотчас подносит платочек к глазам.

Белесый. Где у нас телефон?..

Сестра. Вы что — забыли? В лечебном корпусе нет телефона.

Белесый мечется по коридору туда-сюда.

Белесый. Что же делать? Как передать... Связь... Нужна связь....

Сестра. Ну ладно, вы в шестнадцатую зайдите... К Штирлицу..

Белесый бежит к шестнадцатой палате.

А из своей выглядывает Жонков и не сразу замечает Сестру.

Жонков. Ой, это вы... *(Смотрит внимательнее.)* Наташа, вы чем-то расстроены?

Сестра. Он назначил вам режиссера, вот.. *(Протягивает фото.)*

Жонков *(берет фото и еще не видя).* Ну и что, это не повод... *(Наконец смотрит на фото, содрогается от ужаса.)* А-а! Кто это?!

На фото — полный дегенерат.

Сестра. Это— Хичкок...

ДВЕНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД

Белесый входит в шестнадцатую палату и видит человека в гитлеровской фуражке.

Белесый. Извините, группенфюрер, от вас позвонить можно?..

Штирлиц. Связь только по радио. Через «Маяк»... Кэт! Кэт!

Белесый. Это еще кто? Хахальница Говарда? Мне бы без свидетелей.

Штирлиц. Да нет, это моя радистка...

Появляется кошка: «Мяу...»

Давайте вашу шифровку... Быстрее! Пока Мюллера нет...

На самом деле я совершенно другой человек. Вот мы за столом с артистом Юрием Григорьевым и писателем Лионом Измайловым. Обратите внимание — на столе только «Фанта»

Даже в Италии, в Риме,
где вино дешевле
воды, я тратил валюту,
но принципиально
пил воду

Вот такой я человек. В быту скромен. Никогда не любил и не умел
одеваться

Ну потому что
это всегда такая
проблема. Вот,
допустим,
дождь. Какой
зонт выбрать,
чтоб и к белой
куртке подошел,
и черным
ботинкам?

Морально устойчив.
Как мы поженились с Ирой 30 лет назад, так и живем

*Она мне всегда чем-то напоминала Аллу Пугачеву,
а я ей — Киркорова, распеваящего турецкие песни*

*Когда женился, обещал носить на руках. Не довелось.
Но на садовой тачке катал...*

А это — лучшее мое произведение: дочка Лена

У нас семья оптимистов, никогда не хнычем. Посмотрите: вот мы все трое в мрачном пещерном лабиринте и... улыбаемся. Потому что вовремя вспомнили слова М.Горбачева: «Я вижу свет в конце туннеля...»

У меня и друзья оптимисты. Вот мы с певцом Витей Салтыковым в Александрии. Решили покататься на фаятоне. Сели, заплатили деньги и ждем, когда приведут и запрягут лошадь. Ее не случайно нет в кадре — с оптимизмом ждем до сих пор...

Но мы не обиделись. Я вообще редко обижаюсь. Вот вышла в этой серии книжка Альтова раньше моей, а я что? Я ничего...

И редактору серии Юрию Кушаку я тоже ничего такого не сказал. Стоим, улыбаемся. Рядом Александр Ширвиндт. Лицо несколько разочарованное, видимо, ждал скандала...

*Еще я люблю тихими осенними вечерами посидеть за роялем.
Играть не умею, но посидеть люблю*

Люблю путешествовать. Это мы на Ладоге с Леной Якубовичем, его сыном и Володией Вишневым

А это мы с Яном Арлазоровым. Видите сзади пограничный столб? По-моему, мы тогда решили перейти границу...

Хорошо, что этого не сделали.
Вот я с Романом Карцевым и Аркадием Аркановым на гастролях
в Америке. Посмотрите, какая у нас в глазах тоска по Родине!
Особенно у Ромы...

Еще я люблю шутить, иногда это получается. Фотограф запечатлел это редкое мгновение. Посмотрите, с каким немym восторгом смотрят на меня Эммануил Виторган и Елена Воробей

С удачными шутками я выступаю сам, не очень удачными делюсь с артистами эстрады. По-моему, так же поступает и Миша Задорнов. Мы здесь вместе с телевизионным продюсером и режиссером Андреем Пастушным

Это моя муза и соавтор — кот Борис...

*С Виктором Веселовским, отцом-основателем программы
«Вокруг смеха», и писателем Владимиром Колечицким.
Как молоды мы были...*

ТРИНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД

Улица. Поздний вечер. Приятели Белесого едут в машине. Включено радио.

Радио. Говорит «Маяк». Передаем концерт по заявкам. Наш постоянный слушатель Юстас — к сожалению, он не сообщил своей фамилии, — итак, Юстас передает к нам в центр: «У меня есть друг, Сан Саныч Жонков...»

Машина чуть не врезается в столб...

Радио. Сан Саныч сейчас в больнице, ему нелегко — все свои деньги он, оказывается, отдал за лечение...

Снова машина чуть не врезается.

Сидящие в машине. Вот идиот! Мы пропали!..

Радио. Передайте, пожалуйста, для него песню «Когда б имел золотые горы»... Ну, а для себя Юстас просит передать песню «Не брани меня, родная...».

Старшой наклоняется к приемнику.

Старшой. Дорогой «Маяк»! У нас есть друг...

Шофер (*подсказывает*). Юстас...

Старшой. Да, Юстас... Он сейчас в больнице и вряд ли дотянет до утра! Пусть послушает одну из двух песен, какая ему больше нравится, или «Лучше нету того свету»...

Шофер. Или «Мани-мани»...

Из приемника тотчас звучит песня «Мани-мани»...

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД

Снаружи съемочного павильона, под дверью стоит трясущийся от ужаса Хичкок.

Периодически он заглядывает в щелочку и опять обратно, трясась.

Хичкок. А-а-а!..

Дверь павильона распахивается, выходит Жонков, хватается Хичкока за руку, хочет втянуть внутрь. Тот упирается.

Жонков (взбешен). Почему вы здесь? Режиссер должен быть на съемке!

Хичкок. Не могу! Страшно! Я там такого ужаса наворотил! А-а-а!

Жонков все-таки втаскивает его в павильон, и нам открывается такая картина.

Декорация изображает поле битвы, повсюду в картинных позах валяются убитые монстры, чудовища, вурдалаки и т. д. А живые чудовища окружают столб, к которому привязан Тарас Бульба. Под столбом — охапка сена...

Еще в павильоне Ассистентка с хлопушкой, Оператор, Пример, Костюмер — в общем, все как положено.

Жонков бросает Хичкока, нервно ходит по павильону туда-сюда, в зубах незажженная сигарета. Рядом с ним туда-сюда ходит Сценарист, костюмом, прической и носом удивительно похожий на Гоголя.

Жонков (Гоголю). Вы мне обещали сегодня сдать вторую часть сценария! Где она, Николай Васильич?

Гоголь. Работаем-с...

В это время перед Жонковым появляется пожарник.

Пожарник. С вас пятьдесят долларов.

Жонков. За что?

Пожарник. А за сигарету..

Жонков. Но я даже не прикурил!

Пожарник. Я дам! За такие деньги-то... (Щелкает зажигалкой.)

Жонков (в сердцах затаптывая сигарету, дает пожарнику купюру). Все! Репетируем! (Жонков подходит к висящему на столбе Бульбе.)

Задача у вас простая. Произнесите всего четыре слова: «Прощай, Остап! Прощай, сынку!» Ясно?

Бульба. Ясно-ясно...

Жонков. У вас есть сын?

Бульба. Есть...

Жонков. Ну вот представьте — вы больше никогда его не увидите! Ни-ког-да! Представили?

Бульба. Представил...

Жонков. Все! Поехали!

Бульба (со своего столба, абсолютно фальшиво, радостно). Прощай, прощай, сынку! Прощай, Остап! Больше тебя не увижу!

Гоголь (истерически заламывая руки). Нет! Ну это невозможно! Какая фальшь! Я уйду из кино! Уйду!..

Жонков (Бульбе). Чему вы радуетесь? Вы сына представили?

Бульба. Представил. Он, зараза, только пьет, баб водит и нигде не работает. (Радостно.) Господи, неужели я его больше не увижу?

К Бульбе подсакивает Гоголь.

Гоголь. Вы вообще сценарий читали?

Бульба (растерянно). Нет, меня привели — и сразу на костер...

Гоголь. А напрасно не читали! Сценарий замечательный! Бульба приезжает в уездный польский город... Сначала поляки принимают его за ревизора, дают взятки, подарки, его слуга Остап — он ему как сын был — советует брать все, даже веревочку. «Берите, говорит, нам и веревочка на что-нибудь сгодится». И она действительно сгодилась! Когда поляки наконец разобрались что к чему, они потащили Бульбу жечь, и Остап, паскуда, этой веревочкой его и привязал... Его Чичиков подговорил — ему мертвых душ не хватало...

Жонков. Но его потом Бог покарал — он без носа остался...

Бульба. Сифилис, что ли?

Гоголь. Да. После женитьбы...

Бульба (всхлипывая, с неожиданной жалостью). Жалко... Прощай, Остап!

Жонков. Отлично! Так и снимаем! Поджигай!

«Поляки» зажигают костер... Но в это время «мертвые» встают с пола. Только двое остаются лежать.

«Мертвые». У-у, все, у нас обед!..

Жонков. Какой обед! Мы же снимаем!

«Мертвые». Так два уже... Или платите сверхурочные...

Жонков. Какие сверхурочные? На какие шиши? Так нельзя к искусству! Только деньги... (Кивает на Гоголя.) Почему Николай Васильевич остался? (Показывает на Бульбу.) Почему Бульба не уходит?

«Мертвые». Привязали — вот и не уходит...

Пламя в это время разгорается под Бульбой. Он уже орет благим матом... Пытается оторваться от столба.

Бульба. А-а-а! Ну, Остап! Где ж ты такую веревочку нашел...

«Мертвые». Во! Прямо горит на работе...

Жонков (показывает на двоих, которые по-прежнему лежат ничком). Ну посмотрите! Ну ваши же лежат, никуда не уходят!

«Мертвые». Кто? Это не наши, это — ваши. Это же осветители пьяные...

«Мертвые» уходят... Вслед за ними, виновато пожимая плечами, не обращая внимания на вопли Бульбы, выходит съемочная группа. Зато снова приходит Пожарник.

Пожарник. Сан Саныч, за открытый огонь в павильоне...

Жонков (швыряя ему деньги и выскакивая из павильона). К черту ваше кино! Сумасшедший дом! (Толчком открывая дверь павильона.) Да гори оно все синим пламенем!

Пожарник (глядя на вопящего Бульбу на костре). То есть в каком смысле «гори»? Не тушить, что ли?..

ПЯТНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД

«Режиссерская» палата. Утро. Аккуратно застеленная, пустует койка Куросавы. Остальные четверо спят на своих койках, у каждого на тумбочке кинокамера. Тикает будильник, секундная стрелка подходит к 8. 30. Подошла — звонок, и трое, Спилберг, Эйзенштейн и Брасс, тотчас бодро вскакивают. Спилберг, чья кровать рядом с эйзенштейновской, наклоняется за второй тапочкой.

Спилберг. Где ж второй тапочек?

Наклонившись, находит тапочку и уже хочет разогнуть, но тут что-то привлекает его внимание под соседней кроватью.

Под кроватью Эйзенштейна лежит кукла.

Спилберг, покосившись на Эйзенштейна, тотчас хватается куклу и прячет к себе под одеяло...

Занимаются утренним туалетом — один умывается, другой бреется, третий делает гимнастику, приседает...

Эйзенштейн. Как спалось? Совесть не мучила?

Наклоняется, не находит куклы, озирается, ищет по палате.

Спилберг. Спалось отлично! Здравствуй, утро!

Брасс толкает его локтем, показывает на спящего Жонкова.

Брасс. На заре ты его не буди...

Спилберг. Ха-ха! Надеешься, что к девяти не проснется, к камере не встанет?

Эйзенштейн. А что? Одним меньше... *(При этом продолжает искать.)*

Спилберг. Да он, думаю, и так после вчерашнего к камере не подойдет... Молодец Брасс! Здорово с этим пожарником придумал! Он его достал!

Брасс *(Спилбергу)*. Я — что! Пожарник — ерунда! А вот как ты, Спилберг, дотумкал его статистов уговорить в разгар съемок на обед уйти!

Спилберг. Я бы без Сереги их никогда б не уломал. *(Эйзенштейну.)* Серег, что ты им такое шепнул?

Эйзенштейн. Я им говорю: «Ребята, охота вам тут мертвяков изображать, в пыли валяться! Идите лучше ко мне на картину! У меня там на «Броненосце» такой борщ!»

Все трое. Ха-ха-ха!

Эйзенштейн продолжает искать.

Брасс. Да что ты все ищешь?

Эйзенштейн. Понимаешь, у меня тут кукла была...

Брасс. Надувная, что ли? *(Игриво грозит пальчиком.)* Серега! Ай-яй-яй...

Эйзенштейн. Да ладно тебе — король эротики! Все об одном думаешь... Она у меня для съемок была...

Спилберг молниеносно и незаметно отправляет куклу в окно.

Спилберг. Жалко-то как! Действительно, что ты смеешься, Брасс? Помочь надо! Давай вместе поищем...

Тут нет, тут нет... (Спилберг с большим усердием принимается ползать по полу.)

В палату заглядывает Маленький Тщедушный Человечек. Он в космическом костюме, обвешан оружием...

Человечек. Мистер Спилберг, на съемку не опоздаете?

Брасс. Мадонна! Кто это?

Спилберг. Как, вы не узнали?

Человечек протягивает Брассу свою ручку.

Человечек. Рад познакомиться, Шварценеггер...

Эйзенштейн. Ой, некогда уже искать! Ладно, пошли! А то действительно опоздаем!

Все трое берут свои камеры и вместе с Человечком выходят.

Кадр-перебивка

Коридор.

С утренним обходом идет по коридору Говард, Врач, чуть поодаль Сестра и Белесый.

Увидев их, за большой титан прячется Санитар — «Адмирал»...

Увидев проходящего Белесого, сжимает кулаки.

Санитар (шепотом). Это он! Ну, погоди...

Навстречу врачам из режиссерской палаты выходит троица — Эйзенштейн, Брасс и Спилберг.

Троица. Гуд мorning, мистер Говард!

Говард. Гуд мorning, гуд мorning...

Троица проходит мимо.

Врач. Хм... Эти еще держатся...

Говард. Не волнуйтесь, за эти я спокоен — они лопать друг друга, как паук ин... ин...

Врач. Ин банка?

Говард. Уес. Меня волновать мистер Жонков. (И он открывает дверь палаты.)

ПЯТНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД (Продолжение)

В «режиссерской» палате. Говард и остальной персонал входят в палату. Жонков по-прежнему с головой накрыт одеялом. Камера на тумбочке. Сестра смотрит на кровать с тревогой.

Сестра (шепотом). Сан Саныч! Вставайте!..

Белесый смотрит с досадой.

Белесый. Вот черт!

Говард и Врач с радостной улыбкой.

Говард, широко улыбаясь, переводит взгляд на часы-будильник. На часах уже без четверти девять...

Говард. Я думаю, можно готовить к выписки...

В это время слышится шум спускаемой воды, открывается дверь ванной комнаты и выходит... Жонков, с мокрыми волосами, обвязанный полотенцем. Сестра радостно прыскает в кулачок. Белесый смотрит с удивлением. Говард чуть не задыхается от ярости.

Говард. Вы! Вы!.. В девять вы должны взять камера и идти на съемка! Мы зайдем проверять!

Круто поворачивается и выскакивает из палаты. Врач следует за ним... В палате вместе с Жонковым остаются Белесый и Сестра.

Сестра. Ой, я так волновалась...

Белесый. Ну вы даете, Сан Саныч! Время-то! А вы тут душ при...

Жонков. А я никуда не спешу.. (Молча принимается собирать свои вещи. Запихивает в целлофановую сумку, вынимает из-под кровати чемодан, ставит на кровать...)

Белесый (с угрозой). Куда это вы собрались?

Жонков. Домой, куда же еще...

Сестра. Сан Саныч, миленький, не надо...

Белесый. Домой? Как — домой? Да ты ж меня без ножа режешь! Да я... (Хватает Жонкова за грудки.)

Жонков. Что? Что — ты? Я без ножа, а ты — с ножом! Бандюга!...

Сестра. Сан Саныч...

Жонков. Спелись, да? Вы заодно! Ну давай, режь меня! Режь! Киллер несчастный!

Белесый (выпуская Жонкова и оглядываясь на дверь). Тихо! В коридоре услышат!

Кадр-перебивка

Коридор.

С правого конца коридора идет, пошатываясь, весь черный от копоти и сажи Тарас Бульба...

С левого конца коридора ему навстречу бежит Санитар «Адмирал», весь в белом...

ПЯТНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД (Продолжение)

Та же палата.

Сестра (Белесому). Не надо ему угрожать... Так только хуже...

Белесый. Да кто ему угрожает... Кому он нужен... Продюсер хренов...

Тут Жонков взрывается.

Жонков. Да! Вот именно — хренов! Хренов продюсер! Да меня даже статисты, статисты — которые играют мертвых — слышите, мертвых! — и те не слушают! Идет съемка, и вдруг, как только два часа, покойнички встают и идут на обед! Не-ет, все!

С ожесточением продолжает пихать вещи в пакет.

Белесый. Так ты из-за этих статистов поганных? Да я... Да сейчас будет море трупов!.. (Белесый выскакивает в коридор, толчком открывая дверь.)

Кадр-перебивка

В коридоре, около двери палаты.

Бульба и «Адмирал» сходятся около двери палаты.

Но в этот момент дверь резко распаивается, Белесый выбегает из палаты, не замечая «Адмирала», и бежит по коридору.

А «Адмирала» дверью бросает в объятия Бульбы. Бульбу вместе с «Адмиралом» отшатывает на стену, на стене от прокопченной спины Бульбы остается черное пятно...

Когда они наконец расцепляются, мы видим, что Санитар весь теперь черно-белый, с вымазанным черной краской лицом — вылитый спецназовец в камуфляже... Бульба продолжает свой путь, а в проеме коридора снова двое в белых халатах, всматриваются в Санитара.

Первый. Это не «Адмирал»?

Второй. Да нет, я этого знаю. Это Спецназовец, из двадцать первой...

«Спецназовец» между тем, завидев эту парочку, подозрительно круто поворачивает в обратную сторону и спешит.

Второй. Эй! А ну погоди!

И они снова устремляются в погоню...

ПЯТНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД (Продолжение)

В той же палате. Жонков и Сестра. Жонков собирается, щелкает замками чемодана.

Сестра. А как же... как же я?.. *(Она порывисто подходит к окну, теперь она спиной к Жонкову.)*

Жонков в это время откидывает крышку чемодана, заглядывает внутрь... и замирает как вкопанный...

Я никогда не забуду эту осень... желтые листья... и мы с вами... в мужском туалете... *(Оборачиваясь.)* Никогда! *(Поворачивается, замечает, что Жонков в столбняке...)*

Сан Саныч! Что с вами?

Тот в той же позе.

Она подбегает к Жонкову, заглядывает в чемодан. Оказывается, он усталился на фотографию Светки-красавицы, лежащую поверх вещей в чемодане...

Вы... Господи, какая же я дура! *(Выскакивает в дверь.)*

В дверях сталкивается с входящим Белесым. Тот смотрит ей вслед, ничего не понимая, пожимает плечами, затем бросает взгляд на Жонкова, выпучивает глаза.

Белесый подбегает к Жонкову, смотрит на него, опускает глаза на фото в чемодане...

Белесый берет фото, рассматривает, и Жонков тотчас оживает, тянет руки, хочет отнять.

Белесый поворачивает фото к Жонкову, тот опять замирает. Убирает — тот оживает.

Сделав так несколько раз, Белесый начинает понимать...

Белесый. Так-так-так... *(Кладет фотографию Светки в карман своего санитарного халата. Жонков тотчас оживает...)*

Жонков. А? Что? *(Судорожно шарит по чемодану. Потом, после паузы, поднимает глаза на Белесого.)*

Жонков. Отдай фото, бандюга...

Белесый. Только после съемки... Давай! Без пяти девяти!

Жонков. Съемок не будет! Я сказал! Эти статисты!..

Белесый. Успокойся!.. Статисты... больше с пола не встанут... Ни в обед, ни в ужин...

Жонков. Что... что ты с ними сделал?

Белесый. Ну какая разница?.. У меня свои способы... Для меня главное — чтоб ты спокойно снимал! И если что-то нам помешает... получить деньги... Короче, десять мертвецов лежат ждут...

Жонков в растерянности приседает на кровать...

Белесый вынимает из кармана Светкино фото, рассматривает.

А это вечером отдам. Конечно, я в кино не разбираюсь... Может, мало вам десять трупов? Так я добавлю... Вы только скажите...

Жонков. Нет-нет! Десять — выше крыши!

Белесый убирает фото обратно в карман халата. А Жонков подхватывает камеру и выскакивает в дверь.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД

В коридоре.

Говард и Врач идут по коридору. В руках у Говарда букет

цветов. Они приближаются к «режиссерской» палате. Около палаты Белесый трет черное пятно на стене, оставшееся от закопченного Бульбы.

Врач. Как вы есть хорошо придумывайт, мистер Говард! Провожайт на выписка с букет цветов!..

Врач стучит в дверь палаты — никто не отвечает.

Снова стучит — снова никакого ответа.

Удивление на лицах обоих.

И в это время голос по громкой связи.

Громкая связь. «Группа Жонкова — срочно в павильон! Повторяю: группа Жонкова — срочно в павильон!»

Говард и Врач удивленно переглядываются.

Затем Говард рвет на себя дверь палаты. Заглядывают.

В палате — пусто.

Часы показывают без одной минуты девять...

Врач. Без одной девять...

Говард. Он успел!..

Они выходят из палаты, растерянно смотрят на Белесого. Тот на секунду оставляет свое занятие, разводит руки в сторону.

Белесый (*уважительно*). Искусство!

Говад (*с раздражением*). Плохо протирайт!

А по коридору мимо стоящих уже спешат загримированные чудищами актеры, спешит съемочная группа.

Говард (*Врачу*). Как же так? Опять он нам показал маслина в масле...

Врач. Что он нам показал?

Говард. Ну, фига! Фига в масле... Не знаю, что делатъ!

Врач. Давайте вместе думайт, мистер Говард! Один ум гуд, а два вери велл.

Говард (*оглядывается*). А где вы увидайт тут второй ум?

Мимо проходит, вертя попкой, Ассистентка группы Жонкова.

Говард показывает на удаляющуюся попку.

Кажется, я придумайт!

Врач (тоже смотрит вслед). Опять что-нибудь с туалетом?

Говард. Ноу! Я придумаю...

В это время он замолкает, замечая, что Белесый, выставив ухо, все ближе приближается к ним, делая вид, что трет стену...

Говард отводит Врача на несколько шагов дальше от Белесого.

Белесый реагирует мгновенно: сняв с одного из проходящих мимо чудовищ огромное бутафорское ухо, нацепляет на свое и продолжает подслушивать...

Говард. Я придумаю... Как это у вас, у русских, поговорка: вумен с возу, хос легче?..

Врач. Ну, есть такой... поговорка...

Говард. А если вумен наоборот — запрыгивают на этот воз? А не одна, а вери мэни вумен! Ван вумен, ту вумен, сри вумен...

Врач. Сри вумен! Да это никакой хос не выдержит! Если он не мерин, конечно.

Говард. Нет, он не мерин... Будем начинай операция «Вумен»...

Они шушукаются, так что нам уже не слышно.

Белесый бросает тряпку и бежит по коридору. Навстречу ему пара санитаров тащит брыкающегося Гоголя в смирительной рубашке.

Белесый на секунду приостанавливается, глядя на них, и бросается дальше.

Вот он уже у двери в съемочный павильон.

СЕМНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД

В съемочном павильоне. Около обутленного столба, на котором жгли Бульбу. Повсюду валяются «мертвые поляки». Здесь же вся съемочная группа. Разумеется, в больничных пижамах. Готовятся к съемкам. Бульба в полном казацком костюме, с абсолютно черным лицом и руками.

Около него хлопочет ассистентка: приносит ему шашку.

Оператор (Бульбе). Ну-ка, повернись, сынку...

Бульба принимает картинную позу, с шашкой наголо.

Экий ты стал! Картинка классная, слышь, Хичкок!

Хичкок. Только саблю и его всего кровью побрызгайте! Алой кровью! И в другую руку какую-нибудь прелестную женскую головку окровавленную, и чтобы язык так вываливался...

Ассистентка тотчас дает Бульбе в левую руку муляж женской головки, брызгает красной краской из пульверизатора...

Хичкок (с содроганием отворачивается). Ой, какой ужас! Как вы это можете смотреть! (Его тошнит.)

Оператор. Картинка красивая!

В этот момент Жонков стремительно входит в павильон и с ходу, с порога, даже не оглядевшись, не замечая сидящего у двери Гоголя, — хлопает в ладоши.

Жонков. Начинаем! (Жонков в оторопи смотрит на Бульбу, некоторое время еще машинально похлопывает в ладоши, наконец приходит в себя...) А... А... почему Бульба в таком виде?

Ассистентка. Сан Саныч, он после того пожара никак не отмывается...

Оператор. Старик, да так даже лучше! Картинка красивая! Представляешь, весь черный, на этом фоне! Класс! Ну поверь оператору, тебе Роман Кармен говорит...

Жонков (в ярости). Слушай, Кармен! Я тебя сейчас зарежу... Сейчас ты у меня, Кармен, бизе подавишься...

Оператор. Чего ты, чего ты, старик, психованный, что ли? Как сюда только пускают таких...

Жонков. «Картинка красивая!» Бульба же казак! Понимаете? Ка-зак! (Хватает за больничную пижаму Оператора.) Где ты видел черных казаков?!

Оператор. Да ладно! Казак, он и в Африке казак! И вообще, что ты ко мне прицепился? Это все он придумал. (Кивает на Хичкока.)

Хичкок (с ходу начинает орать). Он ненавидит негров! Шовинист! Куклуксклановец!

Жонков (Хичкоку). Вы что — идиот?

Хичкок. Да, а что?

Жонков (сломленно, закрыв лицо руками). Боже мой! Бульба — черный! Черный, как мавр!..

Хичкок (приобняв Жонкова за плечи). Ну наконец-то! Наконец-то до вас дошло! Да! Конечно, мавр! Казацкий мавр! (Вдохновенно, с подъемом, глаза к небу.) Он приезжает из своей Мавританской Сечи, и что же он узнает?

Жонков (с легким сарказмом). Что?

Хичкок. Его прекрасная Дездемонко...

Жонков. Тоже мавританка?

Хичкок. Нет. Она как раз украинка. Кто украинец — тот украинец, врать не буду. Да это же и по фамилии видно — Дездемонко — чисто украинская....

Жонков. А, она свою оставила. Не стала эту мавританскую брать?

Хичкок. Ну конечно! Бульба — ну что это за фамилия? Тьфу...

Жонков. Ну короче...

Хичкок. Короче, видит мавр, что его Дездемонко каким-то странным платком пользуется! Ему так обидно стало!..

Жонков (уже с явным сарказмом). Да? А что это вдруг?

Хичкок. Ну что это такое! Муж так сморкается, пальцами, а жена выпендривается! В платочек!

Жонков. Да за это убить можно!

Хичкок (радостно, с улыбкой). Он и убил! Задушил, а потом вот — ой, смотреть не могу (морщится), голову отрубил...

Жонков. А это еще зачем?

Хичкок (оглянувшись, не подслушивает ли кто, потом шепотом). А чтоб подумали, что это самоубийство...

Жонков (шепотом). Ты сам-то понимаешь, что говоришь?

Хичкок (шепотом). Не-ет...

Жонков (шепотом). Значит, ты сценарий переделал?

Хичкок (шепотом). Ага...

Жонков (шепотом). А сценарист не возражает?

Хичкок (шепотом). Кто-кто?

Жонков (шепотом). Сценарист, Николай Васильич...

Хичкок (шепотом). А, Николай Васильич. Сначала брыкался, а теперь нет, больше не возражает...

Жонков (сначала шепотом). Значит, не возражает... (Неожиданно громко.) Да он из-за тебя в палату к буйным попал!.. Пошел вон отсюда!

Хичкок. Ты! Вы!..

В павильон входит Белесый — в белом халате, со смиренной рубашкой в руках.

Разворачивает ее и обращается к Хичкоку.

Белесый. Сам пойдешь или тебе помочь?..

Хичкок (весь кипя). Хорошо! Хорошо! Я уйду! Но я забираю с собой своих актеров! (Подходит к лежащим в картинных позах на полу, склоняется над одним, берет за плечо.)... Вставайте, товарищи...

Белесый (суровым голосом). Не трогай их! Они — мои...

Хичкок. То есть как это — ваши! Я...

Белесый (обрывает, тем же голосом). Мои! Я иху знакомого санитаря... в морге одолжил.

Хичкок медленно переводит взгляд с Белесого на лежащего, смотрит несколько секунд,

словно до него не сразу доходит сказанное...

Наконец, видимо, доходит.

Он резко отдергивает руку и с диким воплем выскакивает из павильона...

Хичкок. А-а-а!

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД

Жонков энергично шагает по коридору. Рядом Белесый.

Белесый. Да остановись ты! Дай сказать! Они придумали операцию «Вумен»...

Жонков. Потом, потом... Сейчас главное — Николай Васильич...

Открывает дверь какой-то палаты.

В палате на кровати сидит Чапаев. В руках — удочка.

Рядом, на кровати, баночка с червями. Чапаев берет из банки червя, насаживает на крючок, забрасывает вниз... в «судно»...

Жонков. Вы не знаете...

Чапаев (обернувшись к ним). Митька помирает, ухи просит...

Жонков прикрывает дверь. В это время мимо них навстречу идет Сестра.

Жонков. Наташа, вы не знаете, в какой палате Гоголь?

Сестра, проходя мимо, даже не взглянув, показывает на дверь ближайшей палаты.

Белесый. Я смотрю — ты везде успел врагов завести! Сестра не разговаривает, выгнал режиссера. Ну, и чего ты добился? Ты же знаешь — Говард нового не даст...

Жонков заглядывает в дверь ближайшей палаты.

Жонков. Кажется, мы остались и без сценариста.

В палате стоит Гоголь, уже не в пижаме, а так, как его изображают на портретах и памятниках: в крылатке и т. д.

В руке букет цветов, на кровати — собранный саквояж...

Белесый (кивая на цветы). Васильич, у тебя что — день рождения?

Гоголь. Нет, день выписки... Я — здоров... (Берет саквояж.)

Белесый. Оно и видно...

Гоголь направляется к двери.

Жонков. Николай Васильевич, а как же... Как же кино?

Гоголь. Мерси. Сыт по горло-с...

Жонков. Но вы же... Вы забыли... Вы же мне должны...

Гоголь хлопает себя ладонью по лбу.

Гоголь. Забыл! Совсем забыл... (Ставит на кровать саквояж, роется в нем.)

Гоголь. Хочу оставить вам...

Жонков. Фу, слава богу... Хоть будет что снимать...

Гоголь вынимает из саквояжа портрет в рамке.

Жонков. Что это?

Белесый берет портрет в руки. Это — портрет Толстого. Тот босиком, в крестьянской рубахе, разбрасывает по полю семена из большого сита.

Гоголь. Это Толстой, мой любимый писатель. Лучшие мысли к нему во время сева приходили...

Белесый. Любимый? А ничего, что он после вас жил?

Гоголь. Ничего...

Жонков. При чем тут Толстой? А где сценарий? «Мертвые души»? Вторая часть?

Гоголь. Вторая часть? Я ее сжег... *(Показывает куда-то за спину, в сторону рукомойника, подхватывает саквояж и выходит из палаты.)*

Белесый и Жонков бросаются к рукомойнику.

Там, в раковине, догорает какая-то рукопись...

Они стоят ошеломленные.

Жонков *(чуть слышно)*. Сценарий... Наш сценарий...

Как из-под земли у них за спиной вырастает Пожарник.

Пожарник. Ваш сценарий? С вас полтинник. За открытый огонь...

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД

На двери съемочного павильона прикреплена небольшая табличка: «Броненосец «Потемкин». И чуть ниже на ней: «Реж. С. Эйзенштейн». Под дверью стоят Спилберг и Брасс. Заглядывают в щелку, радостно потирают руки...

Брасс. Ну что?

Спилберг. Спекся! Ставлю сто баксов: утром на двери нашей палаты одной фамилией будет меньше!..

Брасс. Хо-хо! За такую новость я готов проиграть!..

Они соединяют руки, Спилберг разбивает, и они вновь

приникают к щели...

Наша камера заглядывает вместе с ними.

Декорация снимаемого Эйзенштейном эпизода представляет собой широкую, огороженную лепным заборчиком мощеную площадку. В одном месте заборчик разорван, и куда-то вниз уходит широкая каменная лестница. Все это должно изображать знаменитую «потемкинскую» лестницу, уходящую к порту... Но в кадре — только самый ее верх, две-три ступеньки. На площадке Оператор у камеры, Ассистентка, несколько статистов, выраженных в форму Царских Солдат. И Дама, одетая по моде начала века, — кринолин, шляпка с вуалью. Все они сейчас с интересом наблюдают за скандалом между Эйзенштейном и Говардом. Рядом, конечно, и Врач...

У Говарда разорвана пола халата, он потирает ногу...

Эйзенштейн. А я повторяю: вы нарушаете условия нашего контракта!..

Говард. Но в контракте не написано, что вы будете меня кусать...

Эйзенштейн. Зато в контракте написано, что вы предоставляете для съемок все — камеру, группу, актеров, реквизит! За эти сумасшедшие деньги!

Врач. Что тут такой? В сумасшедшем хаусе и деньги должны быть сумасшедшие...

Говард. Ван момент! Что мы вам не давай?..

Эйзенштейн. У меня сегодня на съемке должна была быть кукла! Где она?

Врач. Зачем вы так говорить, мистер Эйзенштейн! Я вам лично приносить эта кукла! Еще естеди! Перед сном! Поздним ивнингом!...

Эйзенштейн. Да! Но она пропала! Пропала в вашей психушке! И вы обязаны дать мне новую!

Говард. Но у нас больше нет...

Эйзенштейн. Ничего не знаю! Тогда давайте живого актера такого же роста...

Врач. Где ж мы возьмем?..

Эйзенштейн. Где хотите! Небось для Спилберга, этой бездарности, вы нашли!.. Он же сумасшедший! А я — абсолютно нормален! Заберите у этого кретина, дайте мне...

Кадр-перебивка

Спилберг и Брасс у двери в павильон.

Спилберг. Ну ты подумай! С руки у меня ел!.. Нет, мне это неприятно слушать...

Поворачивается, чтобы уйти.

Брасс. Да ладно! Давай досмотрим...

Спилберг. Потом расскажешь...

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД (Продолжение)

Говард. Мы не можем забирайт... *(Смотрит на Врача.)*
О! Берите этот человек!..

Врач *(испуганно).* Но... Но я же не есть больной...

Говард. О, кто это знает. *(Говард стряхивает с себя чертиков и пристально смотрит, как Врач повторяет его жест.)* Мы работайт с такой контингент — всегда можно подцепляйт...

Врач. А что я должен делать?

Эйзенштейн. Представьте себе — Одесса! Девятьсот пятый год! Солнечное утро! Вы — ребенок!

Ассистентка подкатывает Врачу коляску.

Вот, садитесь...

Врач. Гу-гу-гу... Вери вел! Мне нравится...

Кадр-перебивка

Брасс за дверью с досадой бьет кулаком по двери.

Брасс. Карамба! Выкрутился!..

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД (Продолжение)

Эйзенштейн. Итак — вы ребенок! В коляске! Солнечное утро! Мама прогуливает вас по набережной...

Подбегает к Даме в шляпке, снимает с нее шляпку, нахлобучивает на себя, возвращается к коляске, берется за ручки...

Эйзенштейн (вдохновенно). И в это время — солдаты! Расстрел!

Солдаты стреляют.

Мама падает... *(Картинно падает и толкает коляску вниз.)* И коляска летит вниз по одесской лестнице!..

Слышен вопль Врача: «А-а, ма-ма-а...» И звук бешено мчащейся по ступенькам коляски...

А затем — чавкающий звук, словно от упавшего мешка...

ДВАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД

Перед павильоном Брасса. На двери табличка — «Калигула. Реж. Т. Брасс».

Воровато оглянувшись, Спилберг входит в павильон.

Декорации — внутренние покои дворца Калигулы. Посреди — огромная кровать. На кровати шикарная, расшитая драгоценными камнями женская туника, рядом — парик. В павильоне никого нет.

Спилберг хватается и то и другое, поспешно направляется назад к двери.

Спилберг. Ну, дорогой Брасс, посмотрим, как ты снимаешь без костюма главной героини...

Он уже берется за ручку, но за дверью шум, голоса, дверь распахивается, вваливаются Брасс, его съемочная группа, артисты...

Спилберг едва успевает спрятаться за распахнувшейся дверью...

Кадр-перебивка

Белесый в накинутом на плечи халате, с портретом Толстого в руке и, держа другой за руку Жонкова, тащит его по коридору.

Белесый. Быстрее давай, интеллигенция!

Жонков. Да куда ты меня тащишь?

Белесый. Потом объясню! Некогда! Сейчас, главное, твои шмотки из палаты забрать и смыться...

Вдруг откуда-то выскакивает перепачканный, по-прежнему похожий на спецназовца и по-прежнему полуголый Санитар...

Санитар. Ага! *(Встает в боевую каратистскую позу, подманивает Белесого.)*

Белесый. Смотри, козел! Нашел все-таки... *(Отбрасывает портрет, скидывает халат, тоже встает в боевую каратистскую стойку.)*

Санитар *(испуганно).* Чего ты, чего ты? Мне только халатик мой... *(Опасливо хватая халат и убегает.)*

Белесый наклоняется за портретом Толстого, случайно бросает взгляд вдоль коридора и застывает...

Белесый. Началось... Опоздали...

Жонков. Куда опоздали? Что началось? *(Смотрит в ту же сторону, что и Белесый.)*

В кадре — перед палатой Жонкова в очередь стоит десяток девиц...

Белесый *(выпрямляясь).* Говард начал операцию «Вумен»...

Жонков. Какую еще операцию?

Белесый. Они все — буйные, из женского отделения, помешаны на сексуальной неудовлетворенности...

Жонков. А я тут при чем?

Белесый. Так их к тебе прислали! Пробоваться на главную роль... И они готовы на все...

Жонков. Что же делать?

Белесый. Теперь не знаю... Говорил, надо шмотки брать и смываться... А теперь что ж... *(Белесый с улыбкой подталкивает упирающегося Жонкова вперед.)* Вперед! Что тянуть? Раньше начнешь — раньше кончишь...

Жонков. В каком смысле?

Белесый *(ржет по-лошадиному).* В прямом! Га-га-га!

ДВАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД (Продолжение)

В съемочном павильоне Брасса.

Скандал. Очень коротко стриженная и в одном нижнем белье Женщина машет кулачками и кричит на Брасса. Вокруг стоят и с удовольствием наблюдают за этой сценой члены съемочной группы, актер, загримированный Калигулой, статисты в туниках и тогах.

Женщина (вся кля). Так поступить! Со мной! С Гурченко! На пять минут отойти нельзя! На пять минут! Ну как вы думаете, что можно сделать за пять минут?

Брасс. Ну, я даже не знаю, Людмила Марковна, за пять минут можно сделать очень много...

Гурченко. Так вот, у меня за пять минут украли платье и парик!

Брасс. Ну, успокойтесь, дорогая...

Гурченко. Нет! Все! С меня хватит! Я уйду!..

Брасс хватается двумя руками за голову, закрывает глаза.

Брасс. Мама мия! Святая мадонна! Верни ее, и я больше никогда не буду снимать порнофильмы!

Гурченко устремляется в открытую дверь и с громким стуком закрывает ее за собой.

И нашему взору открывается стоявший за дверью Спилберг. Он в тунике и нахлобученном парике.

Спилберг пытается улизнуть из павильона. Но только он разворачивается и берется за ручку двери, как слышится голос Брасса. И Спилберг замирает на месте...

Брасс (за кадром). О, мадонна! Ты услышала мои молитвы! Она вернулась! И платье нашлось...

Ко все так же стоящему и не смеющему шевельнуться Спилбергу бросается Брасс, хватает за руку и тащит к кровати...

Пойдемте! Пойдемте, дорогая! Скорее сниматься! Ложитесь в кровать...

Спилбергу приходится лечь в кровать. Он ложится и поворачивается спиной и к Брассу, и к камере.

Туда же пытается залезть и Калигула, но Брасс останавливает его.

Нет-нет! Я сам покажу, как надо... *(Поднимает глаза к небу, молитвенно складывает руки.)* О, святая мадонна! Клянусь, это не порнография! Это фильм-символ! Фильм-протест! *(Показывает на лежащего Спилберга.)* Она протестует против порядков, заведенных Калигулой, против грязного разврата и поворачивается к нему спиной! И он... Он понимает всю мерзость своих поступков, он хочет попросить у нее прощения... *(Брасс лезет в кровать.)* Он протягивает к ней руку, хочет помириться, но она лежит спиной, и его рука ищет, ищет ее руку, ищет здесь, ищет там *(Брасс шарит рукой в кровати, водит по телу Спилберга.)*... ищет под платьем...

Рука Брасса забирается Спилбергу под тунику. Замирает. Через секунду Брасс, видимо, осознает, что держит в руках... Его глаза буквально вылезают из орбит, лицо искажает гримаса ужаса и брезгливости, рука отдергивается, как будто от гадюки, и жуткий вопль оглашает павильон.

А-а-а-а!..

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ЭПИЗОД

Коридор у режиссерской палаты. Напротив двери у окна коридора большая пальма в кадке.

Сестра снимает табличку с фамилией Брасса.

Только сняв, замечает очередь девиц под дверь. Слышит доносящиеся из-за двери любовные стоны.

На минуту стоны прекращаются, из палаты выходит наспех одетая девица.

Очередь. Ну как? Как?

Девица. Ах, этот Сан Саныч просто чудо! Сказал, что подумает...

Очередь. Ой, какая ты, Надька, счастливая!

Девица. Саша просил... То есть Сан Саныч... Он просил, чтоб проходила следующая...

И очередная претендентка впархивает в дверь. Тотчас оттуда снова — ах, ах...

Сестра. Что тут происходит?..

Из очереди. Тут творческий процесс. Отбор на главную женскую роль...

Сестра, сжимая кулачки, вся вспыхивает, еле сдерживается.

Сестра. Ах, отбор, творчество... *(Подбородок дрожит, хочет сказать еще что-то, но сдерживается, круто поворачивается на каблучках и убегает.)*

Она спешит по коридору, а навстречу ковыляет Врач. Весь в гипсе, на костылях.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ЭПИЗОД

В кабинете Говарда. Из окна виден шлагбаум у въезда на «Мосфильм». У Говарда в кабинете — Санитар, который наконец в своем родном халате.

Санитар, видимо, давно уже что-то говорит, но Говард, похоже, не слушает, стоит у окна, смотрит куда-то.

Санитар. В общем, вот такая история, мистер Говард. Это самозванец! У него мания величия, он решил, что он — Санитар! Представляете?..

Говард *(продолжает смотреть в окно)*. Хорошо-хорошо, я разбираться. Идите... *(Сам с собой.)* Уже файф о клоч... Операция «Вумен» давно должна была сработать! Почему нет вестей? Где этот чертов... то ли коллега, то ли калека...

Кадр-перебивка

Врач на костылях доковыливает из последних сил до палаты Чапаева, заходит... Тот спиной к нам, по-прежнему удит... Врач крадет баночку с червями...

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ЭПИЗОД (Продолжение)

Говард у окна.

Санитар *(за кадром)*. Да, и еще мистер Говард...

Говард *(оборачиваясь)*. Вы еще здесь?

Санитар. Чуть не забыл... *(Достает из кармана халата фотографию Светланы-красавицы.)*

Санитар. Вот... в кармане халата лежала. Может, сгодится вам для чего...

Говард отходит от окна, рассматривает фотографию.

Говард. Кто это? Какой знакомый фэйс...

Заходит Сестра. У нее в руках табличка с фамилией. Говард, увидев табличку, вскидывается.

Говард. Ну? Жонков, да?

Сестра. Нет, Брасс...

Говард сокрушенно качает головой, садится за стол, бросает на него Светкино фото, берет стоящую на столе пробирку с какой-то красной жидкостью, взбалтывает, смотрит на свет...

Говард. Сбывается мой худший опасений! Я знал! Знал! Но продолжайт надеяться! Но чудо не бывайт... Мы сделайт этот Жонков анализ крови... Не могу понимать, в чем дело, но кино у него в крови... Его ничто не остановит...

Сестра смотрит на фото на столе.

Сестра. Остановит... Еще как остановит...

Говард. Вы добрый, красивый девушка, но не надо меня утешайт... Нет! Он подойдет к камера и на третий день, и на четвертый, и на пятый...

Сестра продолжает рассматривать снимок.

Сестра (*мстительно*). Не подойдет...

Говард (*поднимая на нее глаза*). Не подойдет? (*Замечает наконец, что она рассматривает снимок*). Что вы смотрите? Вы знаете этот женщин?

Сестра. Что тут знать? Хахальница его. Он от нее просто в шок! Столбенеет...

Говард приподнимается из-за стола. На лице — радостная улыбка.

Говард. Столь-бе-неет?!

ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ ЭПИЗОД

Со смехом подходит к «режиссерской палате» Спилберг в тунике и женском парике. У палаты по-прежнему очередь из девиц... Спилберг смотрит на прикрепленные к двери таблички.

Спилберг (с фальшивой жалостью). Ой! А где же Брасс? (Довольно потирает руки. Хочет войти в палату. Берется за ручку двери.)

В это время из палаты выходит очередная кандидатка, счастливая, окрыленная... Спилберг хочет войти, девицы хватают его.

Девушки. Девки, смотрите! Она без очереди лезет! Мы тут с утра стоим!

Спилберг. Да вы что — с ума посходили? (Отпихивает всех и заходит в палату.)

Девушки. Ну ты смотри, какая наглая!

Вдруг из палаты слышится жуткий вопль. Оттуда вылетает Спилберг в порванной тунике, со съехавшим набекрень париком... Он секунду стоит в полном ступоре, с ошалевшими глазами, потом медленно уходит по коридору, держа руку на заднице...

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ЭПИЗОД

Говард в своем кабинете за столом. На стене — его собственный портрет. Входит Сестра. Тот вскидывается... Но она отрицательно качает головой и молча кладет на стол Говарду табличку: «Спилберг». В это время входит сияющий Врач. Улыбка до ушей.

Врач. Можно снимать табличку!

Говард тоже с широкой улыбкой, раскрыв объятия, подходит к Врачу, обнимает.

Говард. Не надо быть телепат, чтобы, глядя на ваш оскал, понять, чей табличка можно снимать! Жонков?

Врач (с той же улыбкой, радостно). Нет! Эйзенштейн!

Улыбка медленно сходит с лица Говарда.

А врач так же радостно показывает на окно, приглашая поглядеть.

Все трое — Говард, Сестра и Врач — смотрят в окно.

Кадр-перебивка

Вид сверху на дорогу, ведущую к проходной «Мосфильма». Сначала мы видим бегущего со всех ног к шлагбауму Эйзенштейна.

А затем видим преследующих его революционных матросов в пулеметных лентах крест-накрест, потрясающих винтовками и маузерами.

Матросы. В борще черви! Хватай его, братцы!

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ЭПИЗОД (Окончание)

У окна в кабинете Говарда. Сестра и Говард переглядываются. Врач продолжает смотреть в окно. Крестится. Лица не видно.

Говард (Сестре). Ну что ж, снимай табличка...

Сестра выходит.

Говард похлопывает Врача по плечу.

Тот поворачивается — весь в слезах.

Говард. Ну-ну... Искусство требует жертв...

Врач. Это есть слезы радости, мистер Говард...

Говард. Я вас не совсем понимайт! Этот Жонков может оставаться один! Без конкурент!

Врач. Ой, ай эм сорри...

Говард (беря и показывая фото Светки). Вот что мы тут придумайт...

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ЭПИЗОД

Коридор. Около «режиссерской» палаты.

Сестра снимает табличку «Эйзенштейн».

Очереди у двери уже нет. Но сладостные стоны из палаты еще слышатся.

Сестра (злорадно). Давай-давай, Сан Саныч! Развлекись напоследок!. Господи, я его за человека считала,

а он — просто животное какое-то! Обезьяна!..

Вдруг откуда-то сверху слышит голос Жонкова.

Жонков (за кадром). Наташа, если человек забрался на пальму, это еще не значит, что он обезьяна...

Сестра выпучивает глаза, не в состоянии осмыслить происходящее и не смея посмотреть наверх, откуда доносится голос.

А сверху, над ее головой, появляются сначала ноги в пижамных штанах, а потом и весь Жонков... Он без пижамной куртки, в майке...

Я же не за кокосами на пальму полез, я — прятался...

Но Сестра, похоже, не слушает. Она тупо переводит глаза с Жонкова на дверь палаты...

Дверь приоткрывается, выпуская последнюю претендентку на роль. Она выходит и говорит в сторону приоткрытой палаты.

Претендентка. Так мне можно надеяться, Сан Саныч?

В щель высовывается наружу голова Белесого.

Белесый. Конечно! У вас есть определенные способности!..

Претендентка радостно упархивает.

Сестра (хватаясь за голову). Господи, какая же я дура! (Убегает.)

Жонков смотрит ей вслед. Пожимает плечами.

Из палаты выходит Белесый. В руках пижамная куртка. Бросает ее Жонкову.

Белесый. Держи, интеллигенция! Ну, чтоб я еще за тебя...

Жонков напяливает на себя куртку, на ней, на груди, пришпилена бумажка. На бумажке написано от руки: «ЖОНКОВ. ПРАДЮСИР».

Жонков срывает бумажку, прячет в карман.

Белесый. Фу, даже не знаю — выживу ли...

Жонков. Да ладно, тебе это только в охотку...

Белесый. Ага, в охотку! Эта, в тунике, номер восемнадцать, знаешь как сопротивлялась?

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ЭПИЗОД

Коридор. Сестра быстро идет, очень спешит.

Сестра. Ой, ну как же я... Вот дура-то дура... Куда он ее бросил? На стол, кажется... Надо отвлечь и...

Она замолкает и останавливается, услышав характерный стук костылей. Мимо нее, ковыляя и держа осторожно, как бомбу, фотографию Светки, идет Врач. Идет сосредоточенно, ничего не замечая вокруг, проходит мимо. Сестра останавливается, провожая его отчаянным взглядом.

Вот он доковыливает до двери палаты Жонкова, резко распаивает ее и бросает внутрь фотографию, как гранату, сам прижимается к стене, словно опасаясь взрыва...

Врач (*швыряя фото*). Ага! Получай!

В палате тишина. Врач еще секунду прислушивается.

Врач. Тишина... Готов! Даже не пикнул! Кажется, сработало!

Заглядывает в палату. На лице — крайнее удивление.

В палате — никого...

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ЭПИЗОД

Павильон Жонкова, где еще недавно снимали «Мертвые души». Теперь тут только голые стены и ворох брошенных актерских костюмов...

На дальнем плане Оператор и Ассистентка.

В центре — Жонков и Белесый.

Белесый (*оглядываясь*). Ну, Хичкок! Ну, хорек! Все унес!..

Жонков (*тоже оглядываясь*). Да-а...

Белесый. Ну давай, давай, Саныч, конкурентов больше нет, все их денежки пополам... (*Трясет Жонкова.*)

Давай снимай что-нибудь...

Жонков. Что я буду снимать? В голых стенах, без сценария...

Белесый. Да сценарий мы сейчас сварганим... Сейчас бумажку найдем... *(Белесый роется в карманах, находит фото Толстого, переворачивает чистой стороной, приседает, берет огрызок карандаша.)* Ну? Чего там надо писать-то?..

Жонков *(с досадой)*. Ой, я тебя умоляю! Ты напишешь! Ты когда-нибудь писал что-то... кроме просьб о помиловании? Писатель — это талант! Это искусство! Это таинство!

Белесый перевортывает фото, смотрит на лицо Толстого.

Белесый. Ладно — «таинство»... Вечно вы, интеллигенты, мудрите... *(Всматривается в портрет.)* Мужик как мужик...

Жонков. Да это — Толстой! Понимаешь? Тол-стой! Таких больше нет! *(Принимается расхаживать по павильону, рассуждая. Сейчас он один в кадре.)* Нет! Про кого из нынешних писателей можно сказать, что он пишет как Толстой, что он чувствует как Толстой, что он хоть вот столечко похож на Толстого...

Белесый *(за кадром)*. Ну, я могу сказать...

Жонков поворачивается на голос. Лицо приобретает изумленное выражение...

В кадре — Белесый в гриме Толстого, с бородой, в крестьянской рубахе... Стоит рядом с ворохом актерских костюмов. В руках — тот же портрет.

Я могу сказать: «Я — Толстой...» Что уставился? Не похож, что ли? *(Смотрит на портрет, потом сбрасывает с себя ботинки, остается босиком.)*

А так?

Но Жонков ничего не слышит. Он только, озаренный какой-то идеей, медленно, словно боясь спугнуть мысль, идет к Белесому, по пути поднимая здоровенную палку...

Белесый *(испуганно и отступая к двери павильона)*. Эй! Сан Саныч! Ты чего? Чего ты так смотришь?.. Все-

таки дурдом на тебя действует...Положи палку! Если ты насчет этих денег, то можем договориться! Мне только свои, и все... Эй!

Жонков приближается к Белесому...

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ЭПИЗОД

Загипсованный Врач, по-прежнему держа фото Светки, подковыливает к павильону. И снова — то же движение. Распахивает дверь, бросает фото, прижимается к стенке, заглядывает...

И снова — никого. Перед ним — пустой павильон...

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ЭПИЗОД

В павильоне Спилберга. Из декораций — только ракета, стоящая на старте. Около ракеты ходит туда-сюда Космонавт в серебристом костюме и шлеме. В щелочку шлемного иллюминатора видны только его глаза. В павильон решительно входит Жонков с палкой. Он тащит упирающегося Белесого. Следом идут Оператор и Ассистентка.

Жонков (Ассистентке). Заприте дверь...

Она послушно набрасывает щеколду изнутри павильона на дверь.

Оператор (оглядываясь). Картинка красивая...

Космонавт. Куда вы идете? Это не ваш павильон! Здесь мистер Спилберг свои «Звездные войны» снимает!

Оператор. Здрасьте! Ты когда прилетел?

Ассистентка. Мистер Спилберг уже выписался! Дома сидит!

Оператор. И ты собирайся! К себе на Марс...

Космонавт берет свой чемоданчик.

Жонков (Космонавту). Нет-нет, подождите! У меня для вас будет работа...

Кадр-перебивка

Врач ковыляет мимо двери спилберговского павильона. На ней табличка — «Звездные войны». Реж. Спилберг.

Голос Жонкова (из-за двери). Камеру вот сюда ставьте! Свет оттуда! А вы здесь становитесь!

Врач бросается к двери, дергает — заперто...
Прижимается ухом к двери. Потом смотрит на табличку.

Врач. Да нет, не может быть! Галлюцинации... (Ковыляет дальше.)

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ЭПИЗОД (Продолжение)

В павильоне Спилберга уже стоит камера, Космонавт около ракеты. От ракеты тянется провод, в руках Ассистентки пульт с кнопкой.

Жонков с палкой в руке тащит Белесого к ракете.

Жонков (Ассистентке). Не нажми раньше времени! Пуск — только после хлопка в ладоши!

Ассистентка. Хорошо, Сан Саныч, после хлопка...

Белесый. Да куда ты меня тащишь? Как ты вообще с Толстым общаешься?

Жонков останавливается, отпускает Белесого.

Жонков. Ты — не Толстой! Ты — Циолковский! (Вручает ему палку). Мы снимаем фильм о рождении космонавтики!

Белесый (радостно хлопая в ладоши). Здорово!

Сразу после хлопка вспыхивает огонь под ракетой, она уходит вверх и исчезает...

Жонков (хватаясь за голову). Боже мой! Идиоты...

Ассистентка. Я... как вы сказали, Сан Саныч... После хлопка...

Оператор. Картинка красивая была... Жалко, снять не успел... Хорошо, хоть Космонавт не улетел...

Космонавт снимает шлем, и мы видим, что это Пожарник.

Пожарник. А я не космонавт, я — пожарник... Это нам для тушения новую форму выдали. Сан Саныч, с вас полтинник... за открытый огонь... (Показывает на место старта.)

Жонков, не глядя на Пожарника, протягивает ему деньги. Он смотрит только на Белесова, идет к нему...

Белесый. Ты чего? Я только в ладоши хлопнул! Это она кнопку...

ТРИДЦАТЫЙ ЭПИЗОД

Загипсованный Врач поспешно возвращается к павильону Спилберга.

Врач. Да нет! Какие галлюцинации! Громыкнуло как! *(Дергает ручку, та легко поддается, дверь открывается, он бросает внутрь Светкино фото.)*

Тишина.

Заглядывает — в павильоне пусто...

Только дымится место старта.

Врач *(ошеломленно)*. Улетели...

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ЭПИЗОД

Натура. Редкий лесочек на территории студии. Совсем близко видны павильоны... Жонков бежит за Белесым. Уже устал, задыхается.

Белесый *(кричит)*. Лю-уди! На помощь! Убива-ают! Циол-ков-ского убива-ют!..

Жонков. Да замолчи! Не нужен ты мне!

Белесый *(останавливаясь)*. Честно? Тебе не нужен Циолковский?

Жонков. Да я уже забыл про него... Я другое кино сниму! Без копейки денег! Без павильонов! Без этих проклятых пожарных! Прямо здесь, в лесу! Вот представь: ты — Сусанин! Это будет народная драма! Историческое полотно!

Белесый. Сусанин! Здорово! *(Хочет хлопнуть в ладоши, потом вспоминает, осекается и сводит ладони очень осторожно.)* Слушай... А где мы этих поляков возьмем? Ну, которых Сусанин в лес завел?

Жонков. Ну, у нас же были поляки, когда мы по Гоголю снимали!

Белесый. Верно! Этих поляков — как грязи было!

И уже в костюмах! Ну ты, Сан Саныч, голова! Знаешь, кто ты? Ты — продюсер!

Жонков. Давай веди сюда поляков, оператора — ну, в общем, знаешь....

Белесый. Сей момент! *(Бежит в сторону павильонов.)*

Кадр-перебивка

В кабинете Говарда. Он беседует с загипсованным Врачом.

Врач. Ничего не выходит, мистер Говард! *(Врач кладет на стол Светкино фото.)*

Говард удивлен, машинально берет фото, рассматривает.

Говард. Не выходить? Вай?

Врач. Они... Они улетели!

Говард *(ошарашенно).* Улетают? Куда же они улетают?

Врач. Ай донт ноу, мистер Говард! Может, на Марс, может, на Венеру...

Дальше Говард беседует с Врачом, как с умалишенным. Отодвигает от него все предметы со стола, сбрасывает их в ящик стола, укладывает фотографию Светки в конверт, тоже кладет в стол. Потом сам потихоньку отодвигается вместе со стулом...

Говард. Ага... Значит, на Венеру...

Врач. Уес! Они на ракете полетели!

Говард. На ракете... Прямо из павильон... *(Говард ногой нажимает кнопку на полу.)*

Врач. Так точно... Прямо из... *(Он прерывается, увидев входящего Санитара.)*

Говард. Я думаю, вам надо немножко отдохайт...

Санитар подходит к Врачу, кладет руку ему на плечо...

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ЭПИЗОД (Продолжение)

Натура. Полянка в густом лесу... На полянке — свалка. Белесый с той же «толстовской» бородой, только он теперь Сусанин, ведет по лесу группу Поляков, одетых в национальные военные костюмы той исторической эпохи.

Параллельно этой группе движется снимающий их Оператор, рядом Ассистентка и Жонков. У Жонкова — коробка с пленкой под мышкой. Сусанин ведет всех явно на запад — прямо на садящееся в лес солнце...

1-й поляк. Прошу даровач, пан Сусанин, мы идем на всход?

Сусанин. Ну, а куда ж еще? Конечно, на восток! *(Показывает прямо перед собой.) Видишь? Солнце садится? Значит, на восток...*

Поляки в удивлении переглядываются...

2-й поляк. Но... Пан Сусанин добже помыслил?

Сусанин. Я всегда добже мыслю...

3-й поляк. Но, пан Сусанин, солнце сидает на заход!

Сусанин. Ой! «Заход, заход»! Все-то у вас, поляков, Запад на уме! Все-то вам Запад мерещится! Все-то вы в ту сторону смотрите!

К этому моменту Оператора с камерой и Ассистентку уже не видно...

Сусанин останавливается, поворачивается в разные стороны, при каждом повороте показывая куда-то рукой, и говорит не очень уверенно.

Сусанин. Говорю вам... на восток идем...

Только что рядом с Жонковым был Оператор. Но он исчез, Жонков еще этого не знает, не заметил, он смотрит только на Сусанина, смотрит восхищенно. И говорит, обращаясь к Оператору, думая, что тот рядом.

Жонков. Снимай-снимай! Ты посмотри, как играет перед поляками, будто бы заблудился! Вот бандюга! Ведь прирожденный артист! А вот пошел по кривой дорожке... Ты снимай, снимай... *(Бросает взгляд в сторону Оператора и понимает, что его нет.)* Эй! А где оператор? Где камера?

Сусанин. Не знаю... Я же им сказал: идти строго на восток!.. Неужели они заблудились?

Жонков (с подозрением). Они? Или мы?..

Сусанин *(неуверенно, шепотом)*. Думаешь, это он сработал?

Жонков *(тоже шепотом)*. Кто?

Сусанин (шепотом). Ну, этот... мой идиотизм топографический...

Жонков (с сердцем). Тьфу.. (Жонков хватается Сусанина за грудки.) Ты понимаешь, что все пропало? Уже сумерки! А завтра последний, пятый, день! И в девять утра я должен был... Ой, вот Говард обрадуется! Ни меня, ни камеры, ни снятого материала — и все денежки его! Ты куда нас завел, Сусанин хренов!

В это время их обступают Поляки с саблями наголо...

Поляки. Так-так, панове! Ничего не разумеем... Не добже! Вшистко... Пся крев!

Жонков (морщась, с досадой отмахивается рукой). Ой, ладно, ребята! Только вас не хватало! Вы же видите — камеры нет! Никто не снимает. Ну и хватит из себя поляков корчить... «Пся крев, пся крев...»

Сусанин (с ужасом). Да они не корчат, Сан Саныч! Они и есть поляки! Самые настоящие!

Жонков (тоже с ужасом). Как — настоящие? Ты кого привел?

Сусанин. Делегацию польских психиатров... Они по обмену опытом к Говарду приехали. Спросили, как к нему пройти? Ну, я их и повел...

Жонков медленно переводит глаза на приближающихся Поляков.

Кадр-перебивка

В кабинете Говарда.

Лицом к двери стоят Говард и Медсестра. Он — в хорошем костюме. Она — с рушником и хлебом-солью.

На ее лице — широкая застывшая улыбка.

Сестра. Мне еще долго так стоять? У меня уже от этой улыбки челюсть свело...

Говард (посмотрев на свои часы). Ничего не понимайт! Этот польский делегейшн должен был прийти еще три часа назад!

Дверь приоткрывается.

Говард. Наконец-то!..

Сестра делает еще шаг к двери, фактически загораживая ее. В проеме двери появляется фигура Санитара. Он видит рушник, хлеб-соль. Улыбается.

Санитар. Ну, вы так встречаете...

Отщипывает хлеб, троекратно целует вырывающуюся Сестру. Наконец Говард его оттаскивает.

Говард. Это все не вам! Вас послали найти Жонкова...

Санитар (*разводит руками*). Нету... Только ихнего Оператора встретил. Он со съёмок из лесу вернулся. Говорит, что Жонков заблудился...

Сестра. Надо искать! Надо вызвать милицию! (*В волнении она крошит каравай...*)

Говард. Что вы делать? Красивый, глупый девушка... Зачем нам искать? Чтобы завтра в девять он подошел к камере?

Сестра. Он все равно придет.

Говард. Бессмысленно! Он в двойная ловушка: камера тут, он там... Это ван! И если он и приходить, то без снятый материал! Это ту! Ноу доказательств, что сегодня снимал! А это нарушение контракт... Ха-ха-ха!

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ЭПИЗОД (Продолжение)

Натура. Свалка на полянке в лесу. На этой свалке перевернутая машина. В ней прячутся побитые, ободранные, грязные Жонков и Сусанин.

Жонков. Фу, оторвались, кажется...

Сусанин. Это ненадолго, скоро найдут...

Жонков. Слушай! Может, рванем, пока они...

Сусанин. Бесполезно! Засекут, как только голову высунешь. Нет, Сан Саныч, уйти может только один, пока другой отвлекает... Слушай, я тут подумал...

Жонков. Нет! Нет!..

Сусанин. Да ты послушай...

Жонков. Нет! Почему я должен уйти? Чем я лучше тебя?

Сусанин. Ты, конечно, ничем не лучше, может, даже хуже, тут я согласен...

Жонков. Вот видишь!

Сусанин. Но, во-первых, ты не сможешь отвлечь — за тобой они не побегут. Это ж я их завел, они на меня зуб имеют...

Жонков. Меня тоже били!

Сусанин. Ну, это так, за компанию... Во-вторых, я один, не семейный, никого у меня нет...

Жонков. У меня тоже никого...

Сусанин. Ладно! А то я не видел, как вы с этой медсестрой в гляделки играли... Не стыдно старику-то врать?

Жонков. Ой, старик! Я смотрю, ты так в образ вошел!..

Сусанин. И вот за это еще хочу, чтоб ты уцелел...

Жонков. За что — «за это»?

Сусанин. Ну, что дал мне попробовать... К искусству... Я первый раз в жизни... Не знаю, как сказать...

Жонков. Не говори ничего — я понял...

Сусанин *(беспечно, нарочито веселым тоном)*. И потом — мне бесполезно бежать: я ведь все равно заблужусь! *(Резко меняя тон на серьезный)*. Все! Приготовься! Я в эту дверь, а ты — до десяти сосчитаешь и в другую!

Сусанин уже берется за ручку своей двери, но останавливается и поворачивается к Жонкову.

Слушай, а ты, если деньги получишь, что с ними сделаешь?

Жонков. Кино сниму, что же еще?

Сусанин. На все?

Жонков. На все.

Сусанин. Так я и думал... *(Снова берется за ручку)*.

Жонков. А ты? Ну, если бы тебе достались?

Сусанин. Я бы государству сдал... И сказал бы... *(Патетически)*. Вот тебе, государство, держи...

Жонков. Го-су-дар-ству?! Да-а, видно, сильно тебя тот поляк по башке саданул...

Сусанин *(рассердившись)*. Все! Считай до десяти!

Он выскакивает в свою дверь, и сразу за кадром слышатся его крики...

Сусанин *(за кадром)*. Ну что, поляки, на восток захотелось? Расширяться? Сами додумались или это вам в НАТО сказали? Я тебе продвинусь на восток, я тебе продвинусь...

Жонков бросается в другую дверь... Он ползет, не разлучаясь с коробкой пленки, по свалке под доносящиеся крики борьбы...

Сусанин (за кадром). Уй, гады! Вы ж психиатры, мать вашу! Что ж вы по мозгу бьете?

Поляки (за кадром). Хо-хо! Добже вдарили пана!..

Сусанин (за кадром). Получайте, панове!

Поляки (за кадром). Ой, пся крев...

Под все эти крики Жонков ползет мимо свалки. Ползет мимо какой-то сломанной куклы, ржавой кровати, каких-то банок...

Но вот — он проползает мимо ржавой мясорубки. Уже, отползая от нее метра на два, вдруг замирает, ползет обратно... Берет мясорубку, задумчиво крутит ручку, потом лезет в карман, вынимает очки, ломает их, оставляет в руке одно стеклышко...

Кадр-перебивка

По другую сторону от ржавой машины.

Сусанин отбивается какой-то длинной оглоблей от нападающих Поляков.

Сусанин (размахивая оглоблей). Плохо вам было в Варшавском Договоре, да?

Удар — Поляк падает...

СЭВ вас не устраивал? Мы вам нефть... Мы вам газ...

Еще два Поляка — летят на землю...

Вдруг — голос Жонкова.

Жонков (за кадром). Та-ак, хорошо, теперь отходишь назад, назад отходишь... (Сусанин от изумления опускает дубину, резко поворачивается.)

Сусанин. Ты еще...

И замирает, увидев Жонкова...

Тот снимает... самодельной камерой — крутит ручку мясорубки, у которой спереди поблескивает объектив из стеклышка от очков, сверху прикручена проволокой коробка с пленкой.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ЭПИЗОД

Кабинет Говарда. Медсестра, как стояла с рушником и караваем лицом к двери — так и стоит. Рядом Говард. За окном — темно. Ночь...

Сестра. Мистер Говард, ну что ж мы так и будем всю ночь этих поляков ждать?

Говард отходит от двери, подходит к столу.

Говард. Да! Вы прав! Идите сюда! Черт с ними! Им же хуже...

Достает из ящика стола бутылку коньяка, два стаканчика... Ящик остается открытым. В нем конверт, из которого выглядывает краешек фотографии Светки...

Сестра подходит к столу, замечает фото, оглядывается на Говарда. Тот увлеченно рассматривает бутылку. Рука Сестры тянется к фотографии...

Говард поворачивается к Сестре, та быстро отдергивает руку.

Я специально покупайт для их встречи. Это коньяк вери гуд! Он называется в честь вашего радио...

Сестра. Даже не слышала... «Маяк», что ли?

Говард. Ноу! Армянски... Мы его выпьем сами...

Говард отвлекается, открывая бутылку, разливая, и снова рука Сестры тянется к фотографии. И снова не успевает. Говард поднимает на нее глаза, она снова отдергивает руку от конверта... И рука, странно меняя траекторию движения, берет стаканчик. Говард берет свой.

У нас гуд повод! За победа! За победа над мистер Жонков!

Сестра ставит свой стаканчик назад.

Сестра. Нет-нет, я не буду... Я... я вообще не пью...

Говард. О! Вы обязан! В этот победа большой ваша доля! Если б вы не рассказывайт про этот фотографий...

Сестра (горько). Да уж...

Говард. Если бы он не заблудился, этот фото был бы наш единственный шанс его остановка...

Сестра (уныло). Но он заблудился... Вот радость-то!

Говард (широко улыбаясь). Да, заблудился! (Торжественно потрясая рукой со стаканчиком). Заблудился, снимая фильм про Сусунина...

Сестра (машинально поправляет). Про Сусанина...

Говард. Уес. Ай эм сорри. Про Су-са-ни-на... Кстати, кто он, этот Су-са-нин?

Сестра. Старик один. Герой. Он врагов в лес завел...

Говард подносит свой стаканчик ко рту.

Говард. О! Каких врагов?

Сестра. «Каких-каких»... Какая вам разница? Ну, поляков...

Рука Говарда со стаканчиком замирает, не дойдя до рта. Большая пауза...

Говард. По-ля-ков?

В это время звонит телефон. Говард хватается трубку. Слушает. На лице ужас. Кладет трубку. Потом быстро снимает, лихорадочно набирает две цифры — «ноль-два».

(Сестре, с трубкой у уха). Звонили из посольства Польши... Они не пришли ночевать...

ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ ЭПИЗОД

Натура. Лес. Предрассветные сумерки.

Жонков и Сусанин спят в кроне высокого дерева.

Вдалеке слышен лай собак.

Жонков открывает глаза. Потягивается, забыв, где находится, чуть не падает, хватается за ветку...

Смотрит на свои часы.

Жонков. Шесть... Скоро совсем светло. А на свету эти поляки как пить дать нас найдут... Какое сегодня? (Вспоминает, спохватывается, опять чуть не падает.) Сегодня ж пятый день! (Снова взгляд на часы.) Через три часа Говард все денежки... Не успеть... Пешком не успеть...

Лай собак совсем близко.

Жонков всматривается вниз.

Жонков (радостно). А может и успеть!..

Внизу появляются милиционеры с собаками, за ними въезжает на поляну милицейский «газик».

Его обступают Поляки, жестикулируют, садятся в «газик». Жонков хочет крикнуть милиционерам, уже сложил ладони рупором, но тут бросает взгляд на спящего Сусанина, осекается...

Нет, ему же нельзя с милицией. (Вздыхает.) Черт с ними, с деньгами! Подавитесь, мистер Говард...

Внизу «газик» взревел мотором и покатил из леса. Милиционеры с собаками бегут следом.

От рева моторов Сусанин открывает глаза, видит выкапывающий из леса «газик».

Сусанин. Милиция?!

И чуть не падает с ветки...

Жонков хватает его за бороду, но борода остается в руках, а Сусанин, сразу без бороды превратившийся в Белесого, — летит вниз...

Жонков скатывается вслед за ним.

Белесый припускает в том же направлении, что и «газик». Жонков — за Белесым, пытается остановить...

Жонков. Да ты же за ними бежишь, идиот топографический! Да стой ты! Нас не заметили!

Белесый на секунду приостанавливается.

Белесый. Ты что — им не крикнул?

Жонков. А ты бы на моем месте крикнул?

Белесый. Конечно, крикнул бы! До девяти — три часа! Как ты доберешься?

Жонков. Да черт с ними, с деньгами...

Белесый снова бежит, Жонков — за ним.

Белесый. Нет, не черт...

Жонков. Не надо! Зачем ты это? Ради меня...

Белесый. Что — ради тебя?..

Жонков. Сдаваться бежишь... Не надо мне такой ценой...

Белесый (снова останавливаясь, недоуменно). Куда сдаваться? Какой ценой?

Жонков. Пойми, я не смогу снять ни одного кадра на деньги, из-за которых мой друг попал в тюрьму! Я за это время... к тебе... Пересидим где-нибудь... Сделаем тебе пластическую операцию... Ты встанешь на честный путь...

Белесый. Какая операция? Какой честный путь? *(После паузы.)* Подожди... Ты что — меня за бандита принял?

Жонков. Да уж не за ангела... С кличкой «Белесый».

Белесый. Белесый — это моя фамилия. Капитан милиции Белесый... Я был внедрен к бандитам со спецзаданием...

Жонков *(прерывая)*. Потом расскажешь!

Они бегут в сторону ушедшего «газика» и кричат.

Оба. Милиция! Милиция!

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ЭПИЗОД

«Режиссерская» палата.

На тумбочке у койки Жонкова стоит камера. Часы в палате показывают без одной минуты девять. На кровати большой мешок, в каких обычно возят деньги.

Жонкова нет. В палате Говард, Санитар и Сестра.

Говард *(им.)*. Я приглашаю вас, чтоб все было честно! Итак, вот камера, вот деньги, вот часы. На них девять. Мистера Жонкова нет, и я забираю... *(Говард берет мешок.)*

Сестра *(поглядывая на дверь)*. Сейчас без минуты...

Говард *(поворачиваясь к ней, оказываясь спиной к двери)*. О, я ценю вашу честность, но чудеса не бывают...

Он осекается, заметив, какой радостью озаряется лицо Сестры, смотрящей на дверь. Боясь увидеть нечто ужасное, Говард оборачивается к двери...

В дверях стоит запыхавшийся Жонков. Оглядывается и через всю палату спешит к камере...

На пути — перед ним и камерой — возникает Говард. Он быстро выхватывает из кармана конверт, из конверта, как саблю из ножен, фотографию и, даже не успев взглянуть на нее, как щит выставляет ее перед Жонковым...

(Снимается со спины Говарда, и мы не видим, что на фотографии). Жонков останавливается как вкопанный. Но только на секунду. В следующую он делает шаг, другой... Говард ошеломлен! Поворачивает фото к себе, словно стараясь понять, почему не сработало... И тут мы видим, что это не Светкина фотография, а фото самого Говарда, то самое, со стены в его кабинете... А в следующую секунду в кадре лицо Сестры. Она победно улыбается... Жонков спокойно отодвигает ошеломленного Говарда, дотрагивается до камеры и хочет забрать у Говарда мешок с деньгами. Говард упирается, не отдает...

Говард. Ван момент! Ван момент! Да! Сегодня вы успевайте! Но вчера, естеди... Вчера был прогул...

Жонков. С чего вы взяли?

Говард. Камера стоит тут со вчера...

Жонков. Кто вам это сказал? (Достает из-под рубахи коробку с пленкой.) Вот — отснятый материал...

Говард безвольно опускает руки.

И Жонков легко забирает у него мешок.

Но в это время в палату входит Белесый. Он в форме капитана милиции...

Белесый (смущенно). Извините, гражданин Жонков, те деньги, которыми заплачено за ваше лечение, это грязные деньги...

Жонков Ничего, я их помою...

Белесый. Нет, по закону их забирает государство...

Жонков (лезет в мешок, достает ту самую пачку, с которой все началось.) Пожалуйста... (Отдает пачку Белесому и потряхивает мешок, как бы взвешивая, сколько у него осталось.)

Белесый. А прибыль, полученная в результате вложения незаконных денег... тоже возвращается государству. (Забирает весь мешок у ошеломленного Жонкова.) Таков закон, Сан Саныч...

Жонков в замешательстве идет из палаты, берет коробку с пленкой... Его останавливает голос Белесого.

Белесый (за кадром). И фильм, который появился в результате расплаты за лечение незаконными деньгами...

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ЭПИЗОД

Внутри домика Жонкова на садовом участке. Он спит. Рядом крутится Чарли, он опять маленький... Жонкову снится сон...

Кадр-перебивка

(Сон Жонкова)

Из зыбки сна возникают хроникальные кадры: проход звезд мирового кино на Каннском фестивале. Их приветствуют, они оборачиваются, посылают воздушные поцелуи... Хроникальные кадры вручения наград на Каннском фестивале. Звезда мирового кино объявляет результаты. На сцену поднимаются знаменитые актеры, режиссеры. А потом... Звезда объявляет по-французски и тут же идет по-русски синхронный перевод.

Перевод. Премию за лучший фильм года «Иван Сусанин» получает Министерство внутренних дел России!

Хроника: на сцене кланяется министр...

Хроника: аплодирующие кинозвезды...

В следующем кадре на сцену врывается Белесый.

Белесый (к залу). Нет! Это Сан Саныч! Сан Саныч!

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ЭПИЗОД

(Окончание)

Спящего Жонкова расталкивает и будит Белесый. У его ног все тот же мешок с деньгами.

Белесый. Сан Саныч! Сан Саныч!

Жонков открывает глаза. Видит мешок. И опять закрывает. Белесый опять толкает.

Да нет, это вам не снится! Мы его назад отдаем...

Жонков тотчас бодро садится на кушетке, смотрит на мешок.

Я все выяснил по нашим каналам! Оказывается, ваша настоящая фамилия — Ханжонков!

Жонков. Ханжонков? Так это же...

Белесый. Вот именно! Знаменитый русский кино-продюсер Александр Александрович Ханжонков — ваш дед...

Жонков. А как же... Почему же...

Белесый. Ханжонковы — это очень древний род! Он с Золотой Орды тянется. Оказывается, ваш прадед был хан. И у него было очень много жонок, целый гарем. Вот отсюда пошли Ханжонковы... Ну, после революции, конечно, у него все отняли — студию, деньги...

Жонков. Ая-то тут при чем? Я-то — Жонков! Жон-ков!

Белесый. А это вы своей бабушке спасибо скажите. Подстраховалась при Сталине... Ну, ее можно понять! Вы же знаете, как тогда относились к графьям, князьям... Хана тоже бы шлепнули... Короче, знакомая паспортистка за две хлебные карточки стерла первую часть вашей фамилии... А теперь государство вам все возвращает. Забирайте студию, вот деньги... Собрали, сколько смогли...

Но Жонков уже не слушает. Он видит, что в дверях стоит Медсестра Наташа.

Жонков. Наташа?

Он поднимается, идет к ней.

Она вынимает из кармана фото Светки, протягивает...

Наташа. Вот... вы забыли...

Сан Саныч только мельком взглядывает на фотографию, его руки обнимают Наташу, и они долго целуются.

Наташина рука разжимается, ложится на плечо Сан Саныча.

Светкино фото медленно падает на пол...

К О Н Е Ц

УЛИЦА ПОДБИТЫХ ФОНАРЕЙ

Милицейская комедия

УЛИЦА ДАЧНОГО ПОСЕЛКА. MORNING

У одного из домов милицейские машины, «Скорая помощь»... Стоят несколько милицейских генералов, зеваки, журналисты с фотоаппаратами. Вокруг дома — ограждение из красно-белой ленты...

По улице к дому мчится с сиреной и мигалкой милицейский «газик». Останавливается.

Из «газика» появляются Главные действующие лица, они — как сборная из милицейских сериалов: «Толстый Нахалис» похож на одного из «Ментов», девушка, вылезшая из «газика» с кипятильником и банкой «Нескафе», — «Цементская» (копия Каменской), а начальник в кожаном пальто и черной шляпе — вылитый Жеглов. У него даже фамилия похожа — «Щеглов».

У всех троих лиловые фингалы под глазом.

По этому кадру появляется титр-название нашего сериала: «УЛИЦА ПОДБИТЫХ ФОНАРЕЙ...»

Трое молча направляются к дому. Генералы почтительно расступаются, показывая друг другу на Щеглова.

Генералы. Щеглов! Щеглов!..

Нахалис, пройдя мимо генералов, на секунду оборачивается на одного из них, молча смотрит. Генерал поспешно застегивает верхнюю пуговку мундира, поправляет фуражку, встав навывтяжку, отдает честь. Нахалис, укоризненно покачивая головой, идет к дому, догоняя Щеглова и Цементскую.

КОМНАТА В ДАЧНОМ ДОМИКЕ. MORNING

На полу комнаты лицом вниз тело Блондинки в черной юбке и белой блузке. Рядом с телом кучка белого порошка. Над телом щелкает вспышкой Криминалист. В комнату входят Щеглов, Нахалис и Цементская. Она сразу включает свой кипятильник, опустив его в кружку. Щеглов и Нахалис подходят к телу.

Криминалист обводит мелом по полу контур тела. Затем...

Криминалист. Можете переворачивать.

Нахалис переворачивает тело на спину. Вглядывается в лицо, удивленно присвистывает.

Щеглов. Ты чего, Нахалис?

Нахалис (показывая на женщину). Тетя Ася!

Подбегает Цементская, прихлебывает из кружки, смотрит на тело.

Цементская. Да-а... Тетя Ася приехала, кажется...

Щеглов берет щепотку порошка, нюхает, лижет.

Щеглов. Думаю, передозировка. Героин.

Тетя Ася неожиданно вскакивает.

Все (в ужасе). А-а!

Тетя Ася. Нет, это не героин, это «Ариель». С ним не страшно лечь в белой блузке на грязный пол. Достаточно всего несколько граммов этого порошка...

Щеглов. Все ясно. Ложный вызов, самореклама. Нахалис! Цементская! Поехали!

В МИЛИЦЕЙСКОМ «ГАЗИКЕ». MORNING

Все трое в «газике». Щеглов за рулем. Включает зажигание. Зуммер рации.

Щеглов (в трубку). Щеглов...

Голос в рации. Цветочная, семнадцать, сработала сигнализация...

«Газик» рвет с места...

ПОДСОБКА МАГАЗИНА. НА ДВЕРИ ТУАЛЕТА НЕ- СКОЛЬКО ЖУРНАЛЬНЫХ ФОТОГРАФИЙ ОБНАЖЕН- НЫХ ДЕВУШЕК. НОЧЬ

Бандиты грабят магазин. Хватая с полок продукты, быстро запихивают их в мешки, несут к двери и складывают, все время при этом спотыкаясь о бездыханное тело Сто-рожа. Он сидит на полу, прислонившись головой к стене, в полной отключке.

Первый бандит (спотыкаясь). Черт! Разлегся тут!..

Один из бандитов с мольбертом и красками рисует на двери черную кошку. Рисует с натуры: двое других бандитов держат кошку-натурщицу в руках.

Художник (к кошке). Головку повыше, вот так...

Рядом останавливается еще один бандит. Он горбатый и слепой... Ощупывает руками художника.

Горбатый (художнику). Айвазовский?

УЛИЦА. РЯДОМ С МАГАЗИНОМ «ПРОДУКТЫ». НОЧЬ

Из подъехавшего к магазину «газика» выходят Нахалис, Цементская и Щеглов. Щеглов на цыпочках подходит к двери магазина. Нахалис достает рацию.

Щеглов (громко, ему). Рациями не пользоваться! Они могут знать нашу волну! (Громко, сложив ладони рупором, всем.) Полная тишина-а! Молчание в эфире!

ПОДСОБКА МАГАЗИНА.

Бандиты, подняв головы, прислушиваются.

Голос Щеглова. Настя Цементская! Нахалис! Сюда!

Голос Цементской. Идем, товарищ Щеглов!

Горбатый. Щеглов?! Мусора! Сматываемся! Через черный ход! Все оставить!

Бандиты убегают в сторону, противоположную двери, и тотчас через дверь вбегают в подсобку Щеглов, Нахалис и Цементская. Она тотчас опускает в кружку кипятильник, включает в розетку.

Нахалис. Опоздали...

Щеглов. Интересно, кто это был?

Цементская. Я думаю — грабители...

Щеглов. Умно...

Нахалис подходит к мешкам с награбленным.

Нахалис. Даже вещи не взяли. Что-то их спутнуло. Но что? Мы действовали бесшумно...

Голос Щеглова. Значит, кто-то их успел предупредить. Быстро сработали, сволочи. В шесть утра поступил сигнал, а в двенадцать ночи мы уже были на месте. О вызове, кроме меня, знали только Нахалис и Цементская. Значит, кто-то из них «крот»... Кто? Цементская или Нахалис? Думай, Щеглов, думай...

Цементская. Надо опросить сторожа.

Нахалис. Да бесполезно...

Голос Щеглова. Не хочет, чтоб сторож заговорил... Возможно, тот его видел... *(Нахалису.)* И все-таки попробуем...

Пожав плечами, Нахалис окатывает бесчувственного Сторожа ведром воды.

Нахалис. Не, одного мало... Сейчас я ледяной принесу..
(Он уходит с ведром, чтобы наполнить его снова.)

Голос Щеглова. Хочет его заморозить...

В этот момент Сторож открывает глаза.

Щеглов *(ему).* Отец, ты помнишь что-нибудь?

Сторож кивает головой.

Говори! Говори!

Сторож. Я только помню... сижу вот так вот... И вдруг...

Щеглов. Ну-ну, батя!

В этот момент возвращается Нахалис с ведром. Сторож, заметив его, вцепляется Нахалису в горло.

Сторож. Это он! Он! Сволочь!

Щеглов. Что — он? Говори!

Сторож. Это он меня ведром воды окатил!...

В МИЛИЦЕЙСКОМ «ГАЗИКЕ». НОЧЬ

За рулем Щеглов, рядом Цементская с кипятильником и кружкой. Сзади — Нахалис.

Цементская включает кипятильник в гнездо прикуривателя.

Голос Щеглова. Почему, почему сторож набросился на Нахалиса? Не за ведро ж воды. Подумаешь, облили его! Узнал?

Нахалис. Может, надо было в магазине засаду оставить? Вещи-то они не успели взять...

Голос Щеглова. Нет, «крот» не Нахалис. Этот вон как за дело болеет... Значит, Цементская...

Щеглов (Нахалису). Говоришь, засаду надо было? Недооцениваешь противника, Нахалис. Они не идиоты, чтоб второй раз соваться.

Нахалис. Меня вот здесь высадите. Мне рядом тут...
(Он выходит из машины.)

Щеглов пристально смотрит на Настю.

Голос Щеглова. Неужели Цементская — «крот»?

Щеглов. Насть, ну-ка повернись ко мне.

Та поворачивается.

Голос Щеглова. Кто б мог подумать — внешне совсем на «крота» не похожа. Да, научились они маскироваться...

Щеглов (Цементской). Давно хотел спросить. Откуда у тебя с милицейского оклада деньги, чтоб каждый день кофе пить?

Цементская. Так у меня ж муж имеется...

Голос Щеглова. Неубедительно. Муж — физик. Там никаких денег нет, одни молекулы... Да, Настя, Настя... Никогда б не подумал. Мы ж в таких переделках с тобой были. Сколько раз ты выносила меня... С работы... После получки... И вот, продалась все-таки...

Щеглов. И фамилия у тебя какая-то странная: Цементская...

Цементская. Так я ж с Украины, детдомовская. Меня милиционер ребенком на помойке нашел и принес. Там и фамилию придумали. Заведующая у нянечки спрашивает: «А це шо за дивчина?» А та говорит: «Це? Це

ментская». Мол, мент ее притащил. Так и осталось — Цементская.

Щеглов. Да? Может, и композитора Мусорского тоже мусора на помойке нашли?

Цементская. Вы что? Мне не верите? Да эту историю все в Управлении знают! Между прочим, этот милиционер потом пришел за мной и удочерил...

Щеглов. Ладно, хватит кофе пить. Я из-за твоего кипятильника рацию включить не могу — освободи гнездо. *(Выдергивает кипятильник из гнезда прикуривателя, втыкает другой провод, и тотчас раздается зуммер телефона. Щеглов снимает трубку.)*

Голос в трубке. Щеглов? Это дежурный по отделению. Какого хрена у тебя рация отключена?

Щеглов понимающе смотрит на Цементскую.

Голос Щеглова. Отключила специально, хотела оставить без связи...

Голос в трубке. Але, ты уснул там?

Щеглов *(в трубку)*. Да что случилось?

Голос в трубке. Вы только отъехали, бандюги второй раз в магазин полезли. Недоворовали, видно...

Щеглов. Что? Цветочная, семнадцать?! Еду...

Машина круто разворачивается.

Цементская. В чем дело?

Щеглов. Опять в тот же магазин...

Цементская. Правильно Нахалис сказал — надо было засаду оставлять...

Машина резко тормозит.

Щеглов. Нахалис! Ну конечно! Выведаль, что засады не будет, вышел, предупредил. *(Повернувшись к Насте.)* Прости... Я ведь...

Настя кладет свою руку на руку Щеглова

Цементская. Поехали...

УЛИЦА. РЯДОМ С МАГАЗИНОМ.

«Газик» подкатывает к магазину. Из него выскакивает

Настя, делает несколько быстрых шагов к магазину, оборачивается к машине.

Цементская (к Щеглову). Ну, что же вы?

Щеглов (из машины). Иди-иди, девочка, я сейчас...

Настя бежит к магазину.

В МИЛИЦЕЙСКОМ «ГАЗИКЕ». НОЧЬ

Щеглов. Я старею... Я заподозрил в нечестности боевую подругу, я проболтался настоящему преступнику. Да, пора на покой...

Достает пистолет, приставляет к виску.

На вечный покой. Сейчас вся жизнь пройдет перед глазами. Вот. Детский сад. Школа. Первый класс, второй, третий, четвертый. Опять четвертый... Заело... А, нет, правильно. Я же в четвертом два года сидел...

Распахивается дверца, просовывается голова Насти.

Цементская. Ну где же вы... (Заметив, чем занят Щеглов, радостно.) Ой, наконец-то!

Щеглов. Что — наконец-то?

Цементская. Нам что, наконец-то в Управление патроны привезли, да?

Щеглов (мрачно). Ладно, пойдём...

ПОДСОБКА МАГАЗИНА. НОЧЬ

Щеглов и Цементская входят в подсобку, осматриваются...

На двери уже две нарисованные кошки.

Сторож без сознания лежит у двери. Под глазом фингал. Неподалеку опрокинутый стул, отодвинутый столик с тарелкой. В тарелке обглоданная курица.

Цементская (показывая на кошек). Это действовала та же банда.

Щеглов (тряся сторожа, ему). Как, как это было?...

Сторож. Я перекусывал вот за этим столиком. Сидел, конечно... лицом к двери, чтоб если что, все видеть...

Вдруг она распаивается, удар, дальше ничего...

Щеглов (глядя на фингал сторожа). Правый прямой. А сторож сидел. Значит, бил человек маленького роста...

Цементская. Почему вы так решили?

Щеглов. Ну давай проведем следственный эксперимент. (Ставит столик и стул у двери. Сажая Сторожа лицом к двери). Сторож сидел вот так. Допустим, входит нормальный человек, вроде меня, бьет правый прямой...

Кулак Щеглова свистит над головой Сторожа.

Щеглов (Насте). Видишь? Мимо. Человеку обычного роста, чтоб Сторож отключился, пришлось бы бить сверху...

Бьет Сторожа сверху по башке, тот падает без чувств.

Щеглов. Ну, это я так, к примеру...

Цементская. Значит, маленького роста?

Щеглов усаживает Сторожа на стул, тот открывает глаза.

Щеглов. Да. Возможно, это была женщина. Но женщина вряд ли могла бы отключить его одним ударом кулака.

Цементская. Ну почему?

Бьет Сторожа сверху по голове, тот падает.

Щеглов снова сажает его на стул.

Щеглов. Я ж тебе объяснил! Правый прямой! Кулаком!

Цементская. Почему обязательно кулаком? (Хватая сковородку, бьет ею Сторожа по лицу.)

А если так?

От удара Сторож снова падает замертво.

Снова Щеглов поднимает Сторожа. Теперь у него заплыли оба глаза.

Щеглов (Насте, показывая на Сторожа). Нет, видишь? От сковородки совершенно другой рисунок синяка... Кто же, если маленького роста и не женщина?

Цементская. Может, ребенок? А ну-ка... (Выглянув в дверь, кричит в дверь.) Мальчик-мальчик! Иди сюда...

Вбегает Мальчик.

Цементская (мальчику). Ну-ка, ударь дядю...

Мальчик набрасывается на Щеглова.

Щеглов. Да не меня! (Показывая на Сторожа.) Вот этого!..

Мальчик пытается ударить Сторожа ногой.

Щеглов. Ты что — ногами! (Насте.) Убери этого садиста!

Настя еле выпихивает упирающегося и рвущегося к Сторожу Мальчика.

Щеглов. Не женщина, не ребенок. Мужчина маленького роста, но с очень сильными и длинными руками... Маленький не смог бы дотянуться через стол...

Цементская. Это горбатый!

Щеглов. Горбатый?

Цементская. Да! Горбатые маленького роста, но у них длинные и сильные руки!

Щеглов. Умно! Дальше?

Настя заглядывает в туалет, выходит.

Цементская. Горбатый и слепой!

Щеглов. Почему слепой?

Цементская. В туалете кто-то... ну, мимо унитаза....

Голос Сторожа. Я ничего не вижу...

Сторож стоит согнувшийся, с заплывшими глазами, шарит перед собой...

Щеглов (показывая на него). Слепой! (Смотрит на его спину.) И горбатый! Это он!

Цементская. Да нет! Он бы тогда со всеми убежал.

Щеглов. Они рванули, его бросили, а он, слепой, дорогу не нашел! И для алиби прикинулся сторожем! Все сходится!

Цементская. Да мы когда первый раз приезжали, он был зрячий.

Щеглов. Временное улучшение зрения! Это у них бывает! (Вынимая пистолет, Сторожу.) А ну, пошел, бандюга!

КАБИНЕТ Щеглова. ДЕНЬ

Щеглов допрашивает Сторожа.

Щеглов. Говори! Где тело настоящего сторожа? Молчишь? А я тебе скажу...

Ставит на стол ту же тарелку с костями, что стояла на столике.

Твоя тарелка? *(Берет из нее косточку.)* Ты съел настоящего сторожа!

Входит Цементская с бухгалтерскими счетами.

Цементская. Товарищ Щеглов! Я вычислила настоящего преступника. *(Щелкая счетами.)* Это другой горбатый.

Щеглов *(кивая на сторожа).* А этот?

Цементская. А перед этим вы должны извиниться...

Щеглов *(изумленно).* Перед этим?...

И так и застывает с открытым ртом в полном оцепенении.

Цементская *(сторожу).* Извините, вы свободны.

Сторож *(уходя, Цементской).* Вот что я тебе скажу, Цементская... *(Показывая на Щеглова.)* Это страшный человек! Для него человеческая жизнь — ничто!

Цементская подходит со спины к по-прежнему окаменевшему Щеглову, смотрит на него, потом трясет за плечо.

Цементская. Товарищ Щеглов! Товарищ Щеглов!

Заглядывает ему в лицо, и мы вместе с ней видим, что по его лицу ручьем текут слезы...

Цементская. Вы плачете?

Щеглов *(проникновенно).* Ты знаешь, Настя, я сейчас долго думал... *(Глянув на часы.)* Секунд пятнадцать... Я только что чуть не отправил в тюрьму невинного человека! Все-таки мы должны бережнее относиться к людям... *(Резко меняя тон, вытирая слезы.)* Хватит лирики! Немедленно пойдешь в банду горбатого, скажешь, что ты подружка Фокса...

Цементская. Я? Немедленно? Да вы что! В какую банду? Забыли?

Щеглов. Что?

Цементская. Сегодня ж получка!..

Щеглов. Хм... Верно. Жалко, у меня уже и документы на тебя давно готовы... *(Достав из стола паспорт.)* Вот... «Ларина Татьяна Петровна»... *(Задумываясь.)* Кого же... Есть у меня один парень, только пришел, ему и получка еще не положена. Носатый такой... Как же его фамилия... Казанцев, Казанский, Курский... Вспомнил! Белорусский! *(Нажав кнопку, в переговорное устройство.)* Белорусского ко мне!

Цементская. Белорусский... Что-то знакомое...

Щеглов. Вокзал такой есть.

Входит человек с длинным носом, это Белорусский.

Цементская *(апарт).* А-а, кажется, вспомнила.

Белорусский. Вызывали?

Щеглов. Да. Пойдешь в банду... *(Подтирая ластиком паспорт и протягивая.)* По легенде, ты теперь будешь Ларин Татьян Петрович...

Цементская. Товарищ Щеглов!

Щеглов *(виновато разводя руками).* Ну нет времени новый паспорт делать! *(Белорусскому.)* Сынок, на всякий случай... У тебя родные есть?

Белорусский. Только собака и...

Щеглов. Да не волнуйся ты, это я так! Риска никакого... Ты к нам из деревни, по лимиту, кроме нас двоих, в Управлении тебя никто не знает...

Цементская. Одна милиционерша, кажется, знает, подружка моя...

Щеглов. Да? Когда успел только...

Белорусский. Товарищ Щеглов, разрешите с ней попрощаться?

Щеглов. Попрощайся и сразу...

В дверь заглядывает Нахалис. Смотрит на Белорусского, потом на Щеглова.

Нахалис. А чего это вы тут делаете?

Секунду Щеглов в растерянности, потом подскакивает к Белорусскому, дает пощечину, хватает за грудки.

Щеглов. Говори, гад, где горбатый? *(Нахалису.)* Извини, мы тут работаем...

Нахалис исчезает.

Белорусский. Я не понял.

Щеглов. Плутишь, это я для твоей же пользы...

Белорусский *(щупая щеку).* Для моей пользы?

Щеглов *(кивнув на дверь).* Я ему не доверяю. Надо бы его сразу посадить, но поскольку я теперь другой человек, бережно к людям — пусть походит пока...

Цементская. Но если Белорусский по легенде для Нахалиса преступник, как же он окажется в банде?

Щеглов. Скажем, что бежал из тюрьмы...

КОРИДОР В КВАРТИРЕ МИЛИЦИОНЕРШИ. В ОДНОМ КОНЦЕ — ВХОДНАЯ ДВЕРЬ, В ДРУГОМ — ВАННАЯ.

Звонок в дверь. Из ванны, на ходу запахивая халат и надевая фуражку, выбегает Милиционерша, спешит к входной двери, открывает. На пороге — Белорусский.

Белорусский. О, у вас новая форма?

Милиционерша. Да это я в ванной была.

Белорусский. А я попрощаться зашел. Иду на задание.

Милиционерша. Ну давай. Буду ждать. *(Хочет закрыть дверь.)*

Голос из ванной. Ой, мыло в глаза...

Белорусский. Кто это?

Милиционерша. Не хотела тебе говорить раньше времени. Помнишь, мне подружка рассказывала, как ее милиционер нашел на помойке, отнес в детдом, потом забрал, удочерил? Вот, я тоже взяла мальчика...

Белорусский *(радостно).* Правда? Что ж ты скрываешь? *(Оттеснив хозяйку, спешит к ванной.)*

Милиционерша. Ну, я не знала, как ты отнесешься...

Белорусский. Ну как я могу отнестись! *(Распахивает дверь в ванную, там здоровущий голый парень...)*

Белорусский (машинально повторяет). Как я могу отнестись... (После паузы.) И сколько лет... мальчику?

Милиционерша. Восемь...

Белорусский. Восемь?

Милиционерша. Ну, так в документах написано. Они же там, ты знаешь, пишут со слов ребенка, а он, малой, что соображает-то?

Белорусский хватает упирающегося парня, тащит к двери.

Милиционерша. Куда ты его?

Белорусский. Обратно в детдом. Мы сейчас не имеем права. А вдруг со мной что-нибудь? Вернусь живой — тогда возьмем. Во как упирается...

Милиционерша. Ой, эти малыши, так быстро привыкают к домашнему теплу и ласке...

Белорусский (вытаскивая парня за дверь). Еще бы...

ВОРОВСКАЯ МАЛИНА.

Бандиты пьют, едят, поют на гитаре блатные песни.

Звонок в дверь.

Один из бандитов (Художник) идет в прихожую.

Горбатый (ему). Сразу не открывай! Спроси — кто?

Художник. Действительно, а то вдруг воры! Сейчас такая преступность...

Все. Ха-ха-ха!

Голос Художника (из прихожей). Что надо?

Голос Белорусского. Простите, здесь воровская малина?

Голос Художника. Ну здесь! А ты кто?

Голос Белорусского. Я — Ларин, бежал из тюрьмы, хочу дать наводку на магазин...

Голос Художника. Заходи.

Из прихожей появляются Художник и Белорусский.

Художник. Горбатый, поговори с ним.

Белорусский (ему). Простите, вы — Горбатый?

Горбатый. А ты не видишь? Непонятно, кто из нас слепой... (Ощупывает Белорусского.) Я-то Горбатый, а ты похоже... (Хватая его за нос.) Мент!..

Художник. Да нет, Горбатый, это ты его с героем одно-

го сериала спутал! Помнишь, мы тебе рассказывали? Там такой же носатый...

Белорусский. Я не мент. Я... (*Апарт, ища по карманам.*) Где ж моя легенда... (*Найдя бумажку, читает.*)

«Я — Ларин, бежал из тюрьмы, хочу дать наводку на магазин...»

Горбатый. Ксива есть?

Белорусский достает паспорт. Художник берет, читает.

Художник. «Ларин Татьян Петрович»...

Горбатый. Как?

Художник. Татьян Петрович. Наверное, трансвестит...

Горбатый. По-моему, тоже свистит...

Белорусский (*апарт*). Мамочки! Он еще и глухой...

Художник в этот момент замечает вложенную в паспорт фотографию. Берет, рассматривает.

Художник. А это еще что за фотка?

Белорусский. Да это мы там вдвоем с фоксом...

Все срываются с места, рассматривают фото.

Все. С Фоксом! Фокс его дружок!

Горбатый. Что ж ты сразу не сказал? Там действительно Фокс?

Художник. Да, действительно Фокс!

Теперь и мы видим это фото. На нем — Белорусский с... собакой — фоксом.

Горбатый. Так какой, говоришь, магазин?

Белорусский. Цветочная, семнадцать.

Горбатый. Мы ж там только что были!

Художник. Два раза!

Белорусский. Вот именно! Там они меньше всего ждут!

Горбатый. И когда? Ночью?

Белорусский. Нет. Среди бела дня. В два часа.

Горбатый. Оригинально...

ТОРГОВЫЙ ЗАЛ СУПЕРМАРКЕТА. ДЕНЬ

По залу туда-сюда ходят с пустыми каталками Цемент-ская и Щеглов.

Щеглов. Они, конечно, опять через подвал полезут.

Цементская. Так какого черта мы тут по залу тележки возим?

Щеглов. А что я могу сделать? Нахалис увязался: «Вы куда? Вы куда?» Не мог же я ему сказать, если не доверяю, что мы на операцию... Сказал, что просто в магазин за продуктами. Кто знал, что он скажет: «Мне тоже надо...» Вот... *(Показывает назад.)* Теперь ходит как хвост...

В нескольких метрах сзади с такой же каталкой бредет Нахалис.

Цементская. И долго мы так будем ходить? Я уже сорок минут кофе не пила...

Щеглов. Стой! Кажется, я придумал!..

Цементская смотрит, как он разворачивается, подходит к Нахалису, что-то говорит, тот кивает, смотрит на часы и направляется к выходу.

Цементская подкатывает к Щеглову.

Цементская. Что вы ему сказали?

Щеглов. Пришлось сказать про операцию...

Цементская. Да вы что?!

Щеглов. Спокойно, Цементская! Я ему сказал, что операция в три-ноль-ноль. Когда он подъедет, уже все будет кончено.

Цементская. А во сколько на самом деле?

Щеглов. В два.

Цементская *(в ужасе, хватаясь за сердце)*. Как — в два?! Вы с ума сошли!

Щеглов. Что? Что случилось?

Цементская *(слабым голосом, почти умирая)*. У нас же... с двух до трех обед...

Щеглов *(сердито)*. Тьфу ты! Только о еде!..

Цементская. Ну хоть в два пятнадцать! Хоть кофейку попить...

Щеглов. Ну хорошо, хорошо...

Зуммер рации.

Щеглов *(хватая рацию)*. Да? *(Выключает, поворачивается к Насте.)* А вот это уже серьезно... Наблюда-

тель докладывает: они нашего Татьян Петровича с собой на дело взяли...

ПОДСОБКА МАГАЗИНА.

Щеглов мечется по подсобке туда-сюда.

Щеглов. Что же делать? Куда ж ему спрятаться, куда ж... *(Останавливается перед репродукцией мадонны с ребенком на двери туалета.)*

Щеглов. Настя! Сюда фото его милиционерши!

Цементская. Люси?

Щеглов. Да! Вместо мадонны! Он поймет, куда спрятаться!

УЛИЦА. РЯДОМ С МАГАЗИНОМ «ПРОДУКТЫ». ДЕНЬ

Магазин оцеплен милиционерами. Чуть поодаль Щеглов и Цементская.

Щеглов *(взглянув на часы)*. Почему они не выходят? Они в два приехали, сейчас почти три. Сколько можно грабить?

Цементская. Вот именно! Скоро их дружок Нахалис придет.

Щеглов. Пора начинать... *(Лицом к двери в подвал, в мегафон)*. Господа бандиты! Магазин окружен! Татьян Петрович! Ты жив? В туалете?

Голос Белорусского. Да!

Щеглов. Слава богу! Выходи! Если они хоть волос с твоей головы — всех порешу!

Из двери выбегает Белорусский, бежит, раскинув руки, к Щеглову. В этот момент, поглядывая на часы, появляется Нахалис. Видит бегущего Ларина. Вынимает пистолет, целится.

Щеглов. Нахалис! Не стрелять!

Нахалис. Уйдет! Уйдет, бандюга!... Эх, жалко патронов нет...

Щеглов и Белорусский обнимаются.

Щеглов *(обернувшись к Нахалису)*. Ты хотел убить человека...

Нахалис. Я хотел убить бандита...

Щеглов. Погоди... Так ты не «крот»? Ты — наш?

Нахалис (*обнимаясь с ним*). Ну а чей же?

Щеглов (*в мегафон, к двери*). А теперь — Горбатый!

Пауза. Никто не выходит.

Щеглов. Я сказал — Горбатого ко мне!

Милиционеры выкатывают из-за двери горбатого «Запорожца».

Милиционер. Там пусто, только этот...

Белорусский. Они еще в два десять убежали.

Щеглов (*Насте*). «В два пятнадцать приедем! Кофе по-пьем!» Вот и попили...

Щеглов, за ним остальные бегут к двери в подсобку.

Щеглов. Чего они испугались?..

Белорусский. Не знаю, они на дверь в туалет только глянули и пулей оттуда...

Распахивает дверь в подсобку. Щеглов смотрит от двери внутрь подсобки и выпучивает глаза. В стоп-кадре — в вырезанном в туалетной двери отверстии — Люся в милицейской форме кормит грудь, держа на руках того самого детдомовского «мальчика»...

Цементская. Как вы сказали — вместо мадонны...

Люся (*неожиданно оживая*). Здравствуйте!

Щеглов (*в ужасе*). А-а-а!

Цементская. Люся на фото так плохо получается, боялась, он ее не узнает, я живую привела...

Щеглов (*в сердцах*). Тьфу!..

Он, Цементская, Нахалис идут гуськом по лестнице вверх к выходу из подсобки. Белорусский задерживается, беседуя со своей Люсей.

Щеглов. Жалко, что этот Горбатый — слепой...

Щеглов. Если б он эту мадонну увидел — его б на месте кондрашка хватила... А так небось просто стоит сейчас где-нибудь, трясется...

УЛИЦА. РЯДОМ С МАГАЗИНОМ «ПРОДУКТЫ».

Щеглов, Цементская и Нахалис выходят из подсобки на улицу. И первое, что видят — трясущегося Горбатого...

Нахалис (*показывая пальцем*). Горбатый!..

Цементская. И слепой! Это он!..

Щеглов. Не факт. Вас послушать, так надо всех горбатых и слепых сажать... Как вам легко, ребята, обидеть человека недоверием, подозрением...

Цементская. Да что тут подозревать? Вон стоит трясется от страха!

Щеглов. Да, он испуган. Но мы не знаем — чем. Может, он просто боится улицу перейти. (*Горбтому.*) Пойдемте, я вам помогу...

Переводит Горбатого через улицу, долго машет ему рукой...

В этот момент из подсобки появляется троица — Люся, Белорусский и между ними, держа их за руки, «мальчик». Белорусский бросает взгляд в сторону удаляющегося Горбатого, бежит к Щеглову.

Белорусский. Вы отпустили бандита?

Щеглов (*умильно глядя вслед Горбтому, маша рукой*). Я отпустил человека... Если не знаешь точно, лучше...

Белорусский. Это я-то его не знаю?

Щеглов смотрит на него, только тут до Щеглова доходит улыбка на лице сменяется тревогой. Он поворачивается в сторону исчезнувшего Горбатого.

Щеглов. Стой... Сто-о-й!

И все бегут за тем, кого и след простыл...

К О Н Е Ц

«Все лучшее —
детям»

ПРЕДИСЛОВИЕ № 8

Мне было лет пять, когда я услышал по радио страшную сказку.. Уже не помню, о чем там шла речь, помню только, что читал ее, как всегда, «радиоволшебник» Николай Владимирович Литвинов, и помню тот ужас, с каким я, выглядывая из-под стола, смотрел на черный репродуктор, а из него несло: «Айя-га-га-га...»

Как говорится, прошли годы... Но и сейчас, сидя за какой-нибудь рассказ для детей, я вспоминаю и тот репродуктор, и тот ужас... Вспоминаю — и хочу написать обязательно что-то веселое и уж никак не страшное.

Кстати, о той сказке... Много лет я писал передачу «Радионяня». В 70-е годы ее вели трое замечательных артистов — Александр Лифшиц, Александр Левенбук и тот самый «радиоволшебник». Помню, я как-то не удержался и сказал ему: «Николай Владимирович, вы меня когда-то так напугали этим «айя-га-га-га...». — «Да я сам всегда пугался, когда это читал!» — признался Литвинов...

Мне кажется, работать для детей можно, только если в тебе самом еще живут ощущения детства...

Сын-подросток с плеером на шее, говорит по телефону. Отец, внимательно слушает, пытается понять.

Сын. Нет, ватрушка, у меня дома не катит. Да у меня шнурки в стакане, тут полный отстой... *(Кладет трубку, втыкает наушники в уши и танцует.)*

Отец *(пытаясь докричаться до Сына, громко).* Сынок! Сыно-ок! Ты с этой музыкой совсем с ума сошел! Уже с ватрушками разговариваешь! Шнурки в стакан кладешь!..

Сын. Да ты че? Ватрушка — это ромашка одна! А шнурки в стакане — это вы с мамкой в доме... Ну вы вообще тормоза — ничего не догоняете...

Отец. Сынок, мама... э, второй шнурок... просила найти с тобой общий язык...

Сын. Только не надо меня строить... *(Балдея от музыки.)* О, чума какая!

Отец хватается наушник с головы Сына, прикладывает себе.

Отец. Да что у тебя там в ухе такое, что ты прямо оторваться не можешь!

Сын *(с издевкой).* Тебе не покатит, не Магомаев...

Надев наушник, Отец в первую секунду чуть не падает, но тотчас берет себя в руки: на лице фальшивая улыбка, начинает делать те же па, что и Сын.

Отец. Чума-а-а...

Сын *(растерянно).* Не, правда всосался?

Отец. Ой, не просто чума, а... а бубонная прямо!

Сын. Я думал, ты гонишь, а ты действительно колбасишься?

Отец. Колбасюсь! Выше подымай! Я... я сосисячню прямо...

Сын *(удивленно).* Во дает! Ну, шнурок, я думал, ты кекс какой-нибудь, а ты правильный перец... Так что

вас с мамой беспокоит?

Отец. Да ничего не беспокоит, дай лучше музыку послушать... Ой, чума! Холера! Туберкулез! Сенная лихорадка!

Сын. Нет, погоди — ты... чего, сюда от музыки торчать пришел?

Отец. А почему не поторчать, если я вижу, что у моего... э, эклера все нормально, все он правильно... это... всасывается... Молодец, сынок! Ты правильный... баклажан. И что я, старый шнурок, могу тебе...

Сын. Да какой ты шнурок? *(С уважением и гордостью.)* Ты — мой фазер... Ни у кого таких фазеров нет, чтоб так быстро всасывались и тащились... Ну, говори...

Отец. Ну ладно. Понимаешь, сынок, мы ведь с мамой тоже были молодые...

Сын. Чем ширились, что нюхали?..

Отец. Нас воспитывали в строгости, сынок. В то время мы нюхали только носки...

Сын достает из кармана пакетик с порошком.

Сын. Бедный папка! И вы совсем не торчали? Хочешь? Для кайфа...

Отец. Что это?

Сын. Это Герасим...

Отец. Герасим? Сушеный Герасим? Это за что его? За Муму?

Сын. Герасим — это героин значит. Никогда не пробовал?

Отец. Нам это не надо было, сынок. Мы в то время тащились от Чапаева...

Сын. Чапаев? Не пробовал... Вы сушили его?

Отец. Чапаева, сынок, не сушили, а мочили! И не наши красные перцы, а... беляши в Урале! Наше поколение шнурков знало и это, и многое другое! Мы торчали от Шекспира... Его ты, конечно, тоже не знаешь...

Сын. Не-ет...

Отец. А ведь он писал, между прочим, о таких, как вы, молодых... Писал о том, как один перец увидел на балконе одну ватрушку, и они заторчали друг от друга с первого взгляда...

Сын. А у нее что, до него никого не было?

Отец. У ватрушки у этой? А, пара кексов за ней бегало — ничего серьезного. А как перца этого увидела — вообще всех забыла...

Сын. Колбасно!..

Отец. Не так уж и колбасно, сынок... Им не катило... У обоих шнурки были против...

Сын. Вот лохи панцирные! Почему?

Отец. Эти шнурки когда-то... один ботинок не поделили. А тут еще наш перец на тусовке подрался с одним сочником, а тот возьми да окажись из того же творога, что и эта ватрушка...

Сын. Чего-то я не въезжаю...

Отец. Ну ты тормоз, сынок! Этот сочник ее брательником оказался! И стал нашего напрягать: мол, видали мы таких болгарских перцев... Ну и наш ему: мол, чего ты тут гонишь — вытащил шпагу и в дубняк вогнал...

Сын. Ой, представляю, какой отстой начался!

Отец. Полный, сынок! Ватрушка переживает...

Сын. Знаешь, фазер... не надо ее так. У нее что — имени не было?..

Отец. Было... Джульетта.

Сын. Так и говори...

Отец. И вот ватрушка Джульетта в полном этом, отпаде: и сочника жалко, на одной сметане все-таки, и этого, перца своего... Шнурки кричат: мол, не бывать этому перцу живым, консервировать его хотят...

Сын. Ну что ты все — «перец, перец»...

Отец. Ну Ромео, Ромео... Тут Джульетту еще стали строить, хотели замуж выдать...

Сын. Ой! За кого?

Отец. За этого... За старого сухарика...

Сын. Смотри, как не покатило им...

Отец. Да что ты! И Джульетта, чтоб от нее шнурки отстали, прикинулась, будто она в полной отключке... А Ромео решил, что она по-настоящему.

Сын. Не въехал? Эх, что же он...

Отец (разводя руками). Ну вот не всосался, сынок, с кем не бывает... И решил, что нет ему жизни без Джульетты... Нюхнул чего там двойную дозу... (заплакав)

и с копыт... А она в себя пришла, видит, он в отключке...

Сын. И тоже кольнулась? Эх ты, ну как же...

Отец (разводя руками). Любовь, сынок, она, может, один раз приходит... И потерять ее...

Сын. Фазер, не надо меня грузить! «Один раз любовь приходит...» К тебе сколько раз Любовь приходила?

Отец. Один, когда мы с мамой...

Сын. Да? А Любовь Петровна, соседка наша? Сколько раз к тебе, когда мама на даче?

Отец. Э... Э... Дай нюхнуть... (Нюхает порошок.) Ты... Ты на себя посмотри! Как ты со своей... люля-кебаб разговариваешь!

Сын. Я больше не буду. Фазер, а можно она к нам придет?

Отец. Конечно!

Сын. Ты нам Шекспира считаешь?..

Отец (совсем задурев). Да хрен с ним, с Шекспиром! Скажи, пусть лучше с собой еще подружку, какую-нибудь ромовую бабу, берет!

Сын. У тебя ж своя, законная есть! Вы ж вместе тридцать лет...

Отец (заплетающимся языком). Вот именно — тридцать лет! Она уже давно черствая... моя ромовая баба... Увы, мы стареем, сынок. Скоро в отстой. Но мы спокойны за будущее страны — мы оставляем ее замечательным кренделям, сырникам и килькам в томатном соусе!

«РАДИОНЯНЯ»

(Действуют два персонажа — Алик Левенбук и Женя Хорошевцев.)

«РАНИЦА НА ЗАМКЕ»

А. и Ж. Здравствуйте, дорогие ребята!

Ж. Можете нас поздравить — мы переехали в новую студию! Теперь у нас большая, прос-тор-ная!

А. Да, не то, что раньше: ой, та такая тесная была! Помнишь, Жень? Такая тесная!

Ж. А знаешь, Алик, мне ту, старую, даже немножко жалко... Конечно, тесная! Но, как говорится, жили в тесноте, да не в обиде! Жили, дружили...

А. Не грусти, Женька! В просторной-то дружить еще лучше будет! Ты посмотри, сколько тут всего нового — и кондиционер, и кресла, и даже холодильник — смотри какой!

Ж. Да вижу... Все равно грустно...

А. Что ты видишь — ты внутрь не заглядывал! А я — смотрел! И, скажу тебе по секрету, там — мороженое и еще кое-что!

Ж. Ух ты! Здорово!

А. Ты только представь: скоро лето, жара, а ты себе тут включаешь кондиционер — и тебе прохладно, обдувает...

Ж. Хорошо!

А. И ты садишься в кресло... Вот садись!

Ж. Ну — сел...

А. Сидя, не вставая, лениво так протягиваешь руку к холодильнику...

Ж. Ну, протянул...

А. От-кры-ваешь!

Ж. Ну — открываю...

А. А там, рядом с мороженым, холодная «пепси-кола».

А? Ну как? Полная бутылка! Видишь?

Ж. Вижу... Была полная...

А. Подожди... Что ты этим хочешь сказать?

Ж. Я хочу сказать — конечно, тебе никто не считает, — но тут полбутылки кто-то уже отпил...

А. Ну и что? Это я просто тренировался к приходу лета! Чтоб оно меня своей жарой врасплах не застало...

Ж. Это как же?

А. Очень просто! Сам себе скомандую: «Жара пришла!» — и бегом к холодильнику с «пепси-колой»... Укладывался в восемь секунд! Представляешь? Это добежать, открыть...

Ж. Выпить...

А. Да что ты все — «выпить, выпить»... Можно подумать, эта бутылка — только твоя! А она, между прочим, общая!

Ж. Жара тоже будет общая, что ж ты меня на эту тренировку не позвал, а? Хорош друг, нечего сказать!

А. Потому и не позвал, что я — настоящий друг! Ведь я, как все настоящие спортсмены, тренируюсь по индивидуальному плану! Как же я мог тебя позвать? А вдруг ты таких нагрузок не выдержишь? Конечно, если б мне было безразлично твое здоровье, я бы сказал: «Женька, давай со мной! Надрывайся! Пей пепси-колу»...

Ж. Ой-ой-ой! Обо мне ты думал, да?

А. А то о ком же? Я как утром проснулся, только глаза открыл, сразу о тебе подумал: «Как там Женька? Ведь в холодильнике бутылка «пепси-колы». Как бы он не выпил»...

Ж. Не бойся! Не все такие, как ты!

А. Да не в том дело! Ты пойми! Сейчас ведь очень много подделок! А вдруг в бутылке гуталин какой-нибудь?

Ж. Ну да! И ты решил на себе проверить!

А. Конечно! Пусть лучше я пострадаю, чем мой друг! Встал пораньше и сюда. Никому ничего дома не сказал, чтоб не тревожились, только на всякий случай записку оставил: мол, если что — ищите меня около холодильника...

Ж. Да и без записки все знают, где тебя искать, — ты все время у холодильника пасешься... Надо, кстати, еще мороженое пересчитать...

А. Да что ж ты меня все попрекаешь? Друг называется! Я ведь тебе ничего не сказал, когда ты в наше общее кресло с ногами забрался!..

Ж. Ой-ой!

А. Думаю, ладно! Раз моему товарищу так удобнее — сидеть в кресле в грязных ботинках, — пусть сидит. Лишь бы ему было удобно и хорошо... Вот я какой товарищ! А ты, Женька, хочу тебе сказать, очень изменился!..

Ж. Я... Ну ты нахал! Я изменился! Интересно, с каких это пор?!

А. С тех пор, как переехал в эту просторную студию... с «пепси-колой»...

Ж. Да я за нее не держусь, пожалуйста! Готов хоть сейчас разменять одну просторную студию на две тесные! Все — разъезжаемся!

А. Мы не можем разъехаться — нам же вместе передачу вести. Давай просто разделим студию на две части и будем вести «Радионяню» каждый со своей территории... Так... Где у нас мел был?..

Ж. Погоди... что ты чертишь на полу?

А. Я провожу границу... и провозглашаю от тебя полную независимость.

Ж. Это что же... Была одна большая «Радионяня», а теперь распалась на два карликовых государства? На две какие-то маленькие «Радионянечки»?

А. Ну, это ты свое можешь так называть, а мое будет вроде Люксембурга...

Ж. Да? И как же оно будет называться?

А. По имени своего короля — Левенбург... А его жители — левенбуры... И они, между прочим, во мне души не чают...

Ж. В тебе? Ой, не смейся!..

А. Во избежание международных конфликтов прошу обращаться ко мне с уважением, согласно протоколу. Зови меня — ваше величество...

Ж. (с издевкой). Простите, ваше величество... Вы что же — и свою валюту введете?

А. Конечно! Буду чеканить монеты со своим профилем!

И называться они будут — «алики». Сегодня один алик равняется американскому доллару!

Ж. Подумаешь! Я тоже свои деньги введу... И называться они будут так же благозвучно, как немецкие пфенниги.

А. Да? Это как же?

Ж. Жениги...

А. Ой-ой-ой! Все равно все твои жениги не стоят одного моего алика...

Ж. Это почему же?

А. Да потому что у тебя страна нищая, а у меня богатая...

Ж. С чего это она у вас богатая, ваше величество?

А. А ты посмотри, как я границу провел — на моей стороне и кондиционер, и холодильник... А у тебя что? Одно кресло... И то — с отпечатками твоих ног. Ха-ха-ха!..

Ж. Ничего-ничего! Цыплят по осени считают...

А. Да что там осени ждать? И так все ясно! У меня тут полный порядок — включая кондиционер... Ой, а что это он не включается?

Ж. Да потому что в вашем Левенбурге нет электроэнергии!

А. Подожди... Как это?..

Ж. А очень просто! Все розетки-то — с моей стороны остались!..

А. Да-а, об этом-то я и не подумал... Эй! Не выдергивай вилку из розетки!

Ж. С какой стати я буду давать электричество в недружественное государство?

А. Ты что, издеваешься? Да я сейчас сам включу!

Ж. Стоп! Не переходи линию! Граница на замке! (Напевает.)

Вдоль границы Алик ходит хмуро,

Край суровый тишиной объят.

И глядят с тоскою левенбуры,

На розетки Женины глядят...

А. Да у меня сейчас все мороженое в холодильнике растает! Ну вот... Так и есть... И «пепси-кола» теплая... Жень, знаешь что? Я был не прав... Давай обратно объединяться. Все-таки дружить — гораздо лучше, чем враждовать...

Ж. Понял все-таки? Так-то лучше!..

ПОЛИГОН «РАДИОНЯНИ»

Ж. и А. (вместе). Полигон «Радионяни»!

Ж. На этом полигоне, дорогие ребята, мы будем испытывать самые разные ваши идеи и проекты...

А. Будем испытывать на себе: пусть уж лучше мы немножко пострадаем...

Ж. Чем потом вам, ребята, всю жизнь мучиться... Итак! Испытатель Левенбук, вы готовы?

А. Так точно! А вы?

Ж. Испытатель Хорошевец готов выполнить любое задание «Радионяни»!

А. Тогда вскрывай вот этот конверт — его прислал из Мурманска ученик восьмого класса Петя Жигалов...

Ж. Ну, Петя дает! Сургучом запечатал!.. Наверное, тут большой секрет какой-нибудь! (*Шелест бумаги.*) Точно! (*Шепотом.*) Петя предлагает новейшее грозное оружие против учителей! Применяется при подготовке к экзаменам!

А. Ух ты! Как вовремя! Сейчас ведь у многих как раз экзамены идут... Читай-читай!

Ж. «Предположим, — пишет Петя, — вам надо сдавать несколько предметов и на все про все у вас всего несколько дней...»

А. Ха! «Предположим»! Тут и предполагать нечего! Так всегда и бывает! Эти вредные учителя, как нарочно, дают на подготовку как раз столько времени, чтобы одного-единственного денечка бедненьким, несчастным ученикам всегда не хватало...

Ж. Так Петя как раз и предлагает сорвать эти коварные замыслы учителей! Те-то рассчитывают, что школьники будут готовиться, скажем, три дня к экзамену по математике, два дня к литературе, да?

А. Ну, а как же иначе? Конечно. К одному подготовился — сдал. Потом ко второму. А по-другому нельзя...

Ж. Вот и учителя так думают! А гениальный Петя предлагает учить два предмета — одновременно! Ты представляешь, какой это выигрыш во времени?

А. Погоди... Как это — два одновременно...

Ж. Петя говорит — это очень просто! Нужно только с кем-нибудь вдвоем заниматься. И учить вслух. Тогда каждый глазами учит один предмет, а ушами другой...

А. Хм... Ну, хорошо, давай испытаем этот способ. Вот я беру, скажем, литературу..

Ж. А я вот этот учебник. О, «Геометрия»! Давно не читал...

А. Первый готов!

Ж. Второй готов!

А. Старт!.. *(Читает монотонным голосом.)* «Бессмертная комедия Гоголя «Мертвые души» дает нам целую галерею сатирических образов. Чичиков и Манилов, Коробочка и Собакевич — все это...

Ж. *(прерывает)*... «геометрические фигуры. Треугольники, квадраты, ромбы, трапеции...»

А. *(прерывает и продолжает читать свое)*... «все они вызывают у нас смех. Нам смешно, когда мы...»

Ж. «...проводим окружность большого диаметра, и у нас получается...»

А. «...Собакевич!.. Мы от души смеемся над Плюшкиным. Ведь Плюшкин — это, по сути...»

Ж. «...перпендикуляр, опущенный из вершины треугольника на его основание...»

А. Плюшкин живет...

Ж. «...под углом тридцать градусов». Все! Геометрию выучил! Смотри, сколько времени сэкономили! Можно еще один предмет попробовать! Так, беру зоологию. Раздел «Слоны». Семейство млекопитающих, отряд хоботных...

А. Не мешай! «Плюшкин — очень жадный, он...»

Ж. «...питается сеном, ветками, отрубями...»

А. «Плюшкина ни с кем невозможно спутать. Драный халат, колпак...»

Ж. «Огромные уши, хобот, бивни...»

А. «Но главный герой поэмы, конечно, Чичиков. Он ездит и скупает мертвые души, хотя...»

Ж. «...может возить на себе людей, таскать камни и валить деревья...»

А. «Но нет. Чичикова гложет низкое происхождение...»

Ж. «Его прародителем был мамонт... Смотри рисунок...»

А. Смотрю... А у меня тут никакого рисунка.

Ж. Рисунок у меня, вот...

А. А, так вот ты какой — Павел Иванович Чичиков! Смотри, что с людьми страсть к деньгам делает — совсем потерял человеческий облик...

Ж. Я только одного не пойму: если его прародителем был мамонт, почему же у него отчество не Мамонтович, а Иванович?..

А. Да ладно, главное-то мы поняли!

Ж. Да? И что ж мы поняли? Что Россия — родина слонов?

А. Нет, мы поняли, что этот способ подготовки к экзаменам никуда не годится! Вот я действительно знаю способ, как оставить ни с чем кровожадных экзаменаторов...

Ж. (заинтересованно). Да? Ну как, как? Скажи, Алик, не вредничай...

А. Ну, хорошо, скажу... Но, Жень, только между нами, ты никому... Потому что это действительно секретный...

Ж. Да что ты! Могила!

А. Ну ладно, давай на ушко... (Шепотом.) Если хочешь хорошо сдать экзамены... надо нормально заниматься весь год...

Ж. (разочарованно). А-а-а...

«ВЕСЕЛЫЙ УРОК»

А. Трр! Начинаем веселый урок!

Ж. Подожди — какой урок? Экзамены позади, лето впереди... Чему можно учиться летом?

А. Как — чему? Искусству загорать!..

А. и Ж. Ой! Ай!..

Ж. Ну и солнце!..

А. (сдавленно, чуть живой). Дорогие друзья! Не пугайтесь, услышав наши голоса...

Ж. (так же). Ой! Мы еще живы...

А. Ай... Просто мы с Женей испытываем на собственной шкуре...

Ж. Я бы сказал — на собственной красной шкуре... Уй... Испытываем, действительно ли это так вредно —

загорать целый день...

А. Женья — молодец, настоящий товарищ. Конечно, он мог бы бросить меня здесь одного — голого, в одних плавающих, на раскаленном песке, под палящим солнцем... Мог бросить и уползти в тень... Ведь мог?

Ж. Нет, Алик, не мог... Чтобы ты один проверял — вредно загорать после обеда или нет? Оставить тебя? Чтобы ты перед загаром в одиночку съел весь обед? Вместе с моей порцией, с моим пирожным? Да ни за что! Лучше смерть...

А. И он остался! Пусть знают об этом люди!

Ж. И еще пусть знают, что загорать можно только до обеда... Ой...

А. Ни в коем случае не после! Ай... Это открытие я сделал вместе с моим другом...

Ж. Да, я лежу рядом...

А. А рядом с ним лежит его шкура...

Ж. Алик так испугался, когда я из нее выполз... Уй...

А. Это точно... И ведь знал, что нельзя, как Женья, собираясь на пляж, умываться с мылом и освежать лицо одеколоном...

Ж. Как — нельзя?

А. Да, от этого кожа прямо кусками слезает...

Ж. Знал про мыло и одеколон — и мне не сказал? Почему?

А. Да неудобно было... Мыло-то мое, и одеколон тоже... Как я скажу: не пользуйся? Ты бы подумал, что я жадничаю... Да ладно, Женья, зато ты меня так напугал, когда из кожи полез! Я решил, что это кобра ползет во время линьки!

Ж. Но ты-то меня напугал еще больше! Лежу себе спокойненько... весь в галлюцинациях от теплового удара, и вдруг мне кажется, что индейцы с меня скальп снимают! Открываю глаза — а надо мной действительно краснолицый! Краснолицый Левенбук Белый Орел...

А. Да какой скальп! Это я с тебя панамку снимал...

Ж. Для чего?

А. Чтобы проверить, опасно загорать с непокрытой головой или нет...

Ж. Что ж ты свою панамку не снял? На себе не проверил?

А. Ну к чему лишние, бессмысленные жертвы? Хоть один из нас должен был выжить...

Ж. Ой, больно... Зачем, зачем нам жить?

А. Чтобы принести ребятам бесценные данные наших опытов... Ой...

Ж. Уй... Ребята! Вот наш совет: в первый день вообще не загорайте.. Оставайтесь в тени...

А. Как ты думаешь, а можно им в первый день хотя бы ноги на солнышко выставить, ну, на пять минут? Мы же не пробовали...

Ж. Ноги — можно. Но в ботинках. И ни в коем случае не дремать...

А. Это еще почему?

Ж. Могут ботинки снять...(Слабо смеется.) Ха... Ха... Ха... Ой...

А. Уй... Ты еще шутишь! Откуда только силы берутся у этого мужественного человека! Жень, как это так получается: лежишь тут столько же, сколько я, а чувствуешь себя лучше, даже еще острить способен? Ай...

Ж. Ой... Это потому, что я брюнет...

А. Ну и что? Ты — брюнет, я — блондин, какая разница?

Ж. У блондинов меньше защитного пигмента в коже, они хуже загар переносят... Это я где-то в книжке читал...

А. Что ж ты меня не предупредил, если про это читал?

Ж. Ну.. В книжках — кто им верит? Там одна теория, а нам важно было на практике испытать...

А. А-а-ай... Спасибо, Жень, испытали...

Ж. Ты бы лучше вместо «спасибо» мне попить дал...

А. Это пожалуйста. Вот, в тени лежала, холодненькая...

Ж. Ай! Уй! Ой!

А. Что — больно? Смотри-ка, не обманули на этот раз...

Ж. (стонет). М-м-м... Кто не обманул?

А. Да книжка. Ты сказал, что там вранье одно, ну я и не стал тебе говорить, когда ты воду пил. А тут прямо написано: «На пляже не пейте очень холодные напитки — в организме может начаться сложная химическая реакция...»

Ж. Ой, мамочки!..

А. «И даже пятнадцатиминутную солнечную ванну он воспримет как многочасовое лежание под солнцем. А это — неминуемый ожог». Неминуемый, Жень...

По-моему, нам пора прощаться...

Ж. Думаешь, так плохо?

А. Да уж что хорошего...

Ж. Одна радость... Может, ребята... не пойдут нашим путем... Что ты там пишешь... пальцем на песке...

А. «Здесь пали на песок и загорали смертью храбрых ведущие «Радионяни» Александр Левенбук и Евгений Хорошевцев».

«П РОСТО НЯНЯ ТОЖЕ ПЛАЧЕТ... В САНТА-БАРБАРЕ»

Ж. Ну, как тебе это нравится?

А. А что такое?

Ж. Люди специально сделали для детей учебные телепрограммы, а они не смотрят!

А. А что же они смотрят?

Ж. Все, что смотрят взрослые! Ток-шоу, мексиканские сериалы...

А. погоди... Сериалы говоришь? А давай в эти сериалы учебную информацию навставляем!

Ж. Идея! Начинай!

А. «Алик и Женя компани» представляет... Луиса Альберто...

Ж. ...Марианну...

А. ...Рамону...

Ж. ...и других в радиосериале «Просто няня...

А. ...тоже плачет...

Ж. ...в Санта-Барбаре».

А. Первая серия!.. (Жене, шепотом.) В ней что происходит?

Ж. (тоже шепотом). Луис Альберто сидит, обедает. Это я буду...

А. (шепотом). А я?

Ж. (шепотом). А ты будешь мне подавать, прислуживать... потом посуду помоешь...

А. (громко, возмущенно). С какой стати!..

Ж. (шепотом). Тише! Потому что ты — Рамона...

А. (шепотом). Рамона?

Ж. (шепотом). Ну да, Рамона! Ты и есть няня! Я тебе главную роль уступаю...

А. (шепотом). А почему она плачет?

Ж. (шепотом). Откуда я знаю? Может, у нее нервы не в порядке! Ну, все, поехали... (Громко.) Гм! Рамона! Что у нас сегодня на обед?

РАМОНА (плача). Утка по-мексикански...

ЛУИС. По-мексикански?

Здесь и далее Рамона каждую свою реплику произносит с плачем...

РАМОНА. Да, сеньор Луис Альберто, по-мексикански... Мексика — это такая страна к югу от Соединенных Штатов Америки площадью две тысячи квадратных киломе-етро-ов... У-у-у... Население 65 миллионов человек, официальный язык — испанский, из природных ископаемых — уголь, свинец, цинк...

ЛУИС. А почему ты плачешь?

РАМОНА. Утку жалко-о-о...

ЛУИС. Утку?

РАМОНА. Да, сеньор, бедную уточку, она могла бы жить и жить... Утка — это птица, сеньор, отряд гусеобразных, средняя годовая яйценоскость — 200 яиц...

ЛУИС. Этот отряд гусеобразных... Он что, партизанский?..

РАМОНА. Почему партизанский, сеньор Альберто?

ЛУИС. Да потому, что он, видимо, действует скрытно, этот отряд гусеобразных... Во всяком случае, никакой утки я на тарелке не вижу... Надо очки надеть... А-а, вот теперь вижу — господи, какая же она маленькая!

РАМОНА. Да, она совсем маленькая! Почти ребенок! Неужели вы ее съедите?..

ЛУИС. Рамона, утки на базаре стоят по двадцать песо за килограмм. Сколько же должна весить эта, если, отправляясь на базар, ты взяла у меня триста песо?..

РАМОНА. Сеньор, я купила огромную утку..

ЛУИС. Почему же она так похудела? Ты ей давала «Хербалайф»?

РАМОНА. Видите ли, сеньор, пока мы разговариваем, она остыла...

ЛУИС. А при чем тут это? Остыла не остыла...

РАМОНА. Вы просто забыли, сеньор, что тела при нагревании расширяются, а при охлаждения сжимаются... Я принесла эту утку горячей, и она была огромной, сейчас она подостыла, а при остывании утки сжимаются!

ЛУИС. Может, они и сжимаются, но не до такой же степени! Это не утка, а колибри какая-то!

РАМОНА. Как вы сказали?

ЛУИС. Ты еще и глухая?

РАМОН. Да, сеньор, дело в том, что ухо человека состоит из стремечка, наковальни, молоточка, улитки...

ЛУИС. О, мадонна! Зачем ты мне послала образованную кухарку?

РАМОНА. А еще там есть внутреннее ухо, наружное...

ЛУИС. Рамона, замолчи! Или я тебе так врежу молоточком по наковальне, что улитка поскачет без всякого стремечка!

РАМОНА. Но вы сказали...

ЛУИС. Я сказал, что на обед у меня колибри! Это по дотряд птиц, отряд длиннокрылых, в длину от пяти до двадцати сантиметров, вес до двадцати грамм (*чавкает*). И как ты этой птахой собиралась накормить меня, жену Марианну, дочку... Кстати, где Марианна?

РАМОНА. Боюсь, сеньор, вы ее больше не увидите...

ЛУИС. Господи! Как? Почему?

РАМОНА. Потому что вы не мыли руки перед обедом, а это может быть смертельно для вас!

ЛУИС. Тьфу...

РАМОНА. Бедный Луис Альберто! На немытых руках могли быть микробы... Микробы — это такие микроорганизмы...

ЛУИС. Не морочь мне голову! Где Марианна?

РАМОНА. Она пошла поплавать в бассейне. Наверное, ждет, когда его наполнят чистой водой...

ЛУИС. Она пошла еще утром, сейчас обед! Сколько же можно наполнять бассейн?

РАМОНА. Дело в том, сеньор, что в бассейн ведут две трубы. Через одну вода вливается, через другую выливается. За сколько же наполнится бассейн, если...

ЛУИС. За пять минут!

РАМОНА. Но вы же не дослушали условие, вы не знае-

те объем бассейна...

ЛУИС. Пять минут!

РАМОНА. Вы не знаете, во сколько одна труба производительнее другой...

ЛУИС. Пять минут! Ровно столько мне нужно, чтобы выгнать дурака-сантехника, который забыл заткнуть вторую трубу... Фу... Где Марианна?

РАМОНА. Она еще в школе, сеньор...

ЛУИС. В школе! Мне сказали, она встречается там с каким-то типом...

РАМОНА. Что вы, сеньор! Это невозможно! Ведь тот парень из параллельного класса!

ЛУИС. Ну и что?

РАМОНА. А параллельные не могут встретиться и пересечься. Так сеньор Евклид сказал...

ЛУИС. Сеньор Евклид?

РАМОНА. Да. Наверное, это директор их школы...

ЛУИС (плачет). Рамона, у меня больше нет сил, еще немного, и я сойду с ума от тебя! Надо выбрать что-то одно — либо мне конец, либо конец первой серии!

РАМОНА (все так же плача). Конец первой серии!

А. и Ж. Здравствуйте, дорогие ребята!

А. Ой, Женя! В какой ты шикарной панаме!

Ж. Так лето! Солнце-то как печет!

А. Да, лето — в самом разгаре!

Ж. Хорошо! Можно поплавать, позагорать...

А. Можно сходить на рыбалку...

Ж. А я смотрю, что это за банка из-под леденцов у тебя! А это ты, конечно, червячков накопал. Да, рыбалка — хорошо. А можно просто почитать интересную книжку...

А. Интересную — можно. Но не такую ерунду, как у тебя в руках...

Ж. Ты об этой? Это, по-твоему, ерунда? Книжка про гипноз! Да ты знаешь, Алик, что, если ее внимательно прочесть, можно получить такую власть над людьми!

Такую власть!

А. Ой-ой! Какую еще власть?

Ж. Да тут смотри, что написано: «Искусный гипнотизер может даже внушить человеку, что тот — какое-нибудь животное или птица!..»

А. *(вполголоса, апарте).* Ну, ладно, сейчас я этого Женьку разыграю... *(Громко.)* Гм! Женья! И как же это можно внушить человеку?

Ж. Ну, я еще не до конца дочитал, но, в общем, надо свести брови к переносице, посмотреть на человека таким вот сосредоточенным взглядом... Выпучить глаза...

А. *(испуганно).* А-а! Нет-нет! Не смотри на меня так! Мне страшно!..

Ж. Выпучить глаза и сказать: «Вы птица, вы краси-и-вая птица, вам очень хочется лета-а-ать...» Алик, ну кончай прикидываться, что ты руками машешь?

А. Алик — харрроший! Алик — харрроший попугай!

Ж. Да ладно тебе! Какой еще попугай...

А. Вал-нистый! Вал-нистый! Вал-нистый! Вал-нистый...

Ж. Ну долго ты будешь... Эй! Что ты носом мою книжку долбишь? Не рви страницы! Алик, ну перестань...

А. Клеваты! Клеваты!

Ж. Господи! Да что же это?! Уй! Больно! Ты что, дурак, что ли?

А. Попка дурак! Попка дурак! Попка дурак!

Ж. Уй! Ты чего волосы у меня рвешь!

А. Попка вьет гнездо! Попка вьет гнездо! Вить! Вить! Вить!

Ж. Эй, это не гнездо! Это моя панамка! Не садись на нее! *(Растерянно, чуть не плача).* Ой, мамочки! Что же делать? Похоже, его действительно гипноз взял... А где тут написано, как из него выйти? Сейчас, оглавление... Вот! «Выход из гипноза». Страница тридцать пять...

А. *(голос издалека).* Вить! Вить! Вить!

Звук листаемой книги.

Ж. *(спеша, вполголоса).* Потерпи! Потерпи, Алюнечка!

Сейчас... Сейчас я тебя спасу.. Так... Тридцать третья страница, тридцать четвертая... *(Пауза после паузы — медленно.)* Тридцать... шестая... А где же тридцать пятая? Ух! Он ее вырвал! В гнездо понес! У, глупая птица!

А. *(издалека)*. Попка — волни-истый... Попка — волни-истый!

Ж. *(передразнивает)*. «Волни-истый!». Что же делать, что... Идея! Где у нас телефонная книжка? Та-ак...

Набирает номер телефона.

А. Але? Это «Скорая»? Кашпировский? Как хорошо, что я вас застал. Это Женя из «Радионяни». Понимаете, у нас тут несчастный случай. Я тут Алика... нечаянно... под гипнозом... *(Плачущим голосом.)* Он в попутая превратился и обратно никак не выхо-о-ди-ит!.. Что? Нет, я не могу ему трубку дать... Не могу ему трубку дать, потому что он в гнезде на яйцах сидит! Птенцов вывод-и-ит! Думаете, прикидывается? А как проверить? Понял... *(Кладет трубку на рычаг.)*

Ж. Попутайчик! Ты, наверное, есть хочешь! Поешь своих червячков. Вот они — в твоей банке из-под леденцов...

А. Клевать! Клевать!

Ж. Ой, не буду смотреть... Глаза закрою... Противно... Прямо вцепился в эту банку с червями...

А. *(чавкает, чмокает и, главное, хрумкает)*. Хрум! Хрум...

Ж. Чем это он хрустит? Разве эти... хрустят? Рожденный ползать хрустеть не может!

А. Горький!

Ж. Кто — горький? Червячок?

А. Ты — как Горький. Горький! Горький! Горький!

Ж. А червячок?

А. *(нормальным голосом, спокойно)*. А червячков не пробовал, не знаю... Я леденцы грызу...

Ж. Ты... Ты опять превратился в человека?.. Ура-а!

А. Да я никогда и не был попутаем... Я тебя разыграл!

Ж. Ладно рассказывать! Что я, своего товарища не знаю? Если б ты был человеком, никогда бы ради розыгрыша не вырвал у меня клочок волос, не порвал бы книжку...

А. (вполголоса, апарт). Ну вот, ребята... Разыграл — теперь не знаю, как выкрутиться. Ой, мне так стыдно... (Промко.) Гм... А знаешь, Жень, если честно, что-то такое попутайное я в себе действительно почувствовал...

Ж. Ага! То-то же! Значит, я действительно владею гипнозом! Одного не пойму: как это у меня червячки в леденцы превратились? Прости, Алик, я не хотел тебе эту гадость подсовывать. Сам не знаю, как это я...

А. Успокойся! Да не было там никаких червячков. Это ты сам все придумал и про них, и про рыбалку. А я как купил банку с леденцами, так и принес...

Ж. Да нет, это ты меня просто успокоить хочешь! Никогда не поверю, чтобы ты, с твоей-то добротой, принес леденцы — и не угостил друга... Прости...

А. А ты меня прости за этот глупый розыгрыш! От него только одна польза: может, ребята, послушав нас, будут разыгрывать друг друга только по-доброму, не обидно...

Ж. И не будут превращать панамку товарища в птичье гнездо!

ГИГИЕНИЧЕСКАЯ... СКАЗКА»

А. Трррр!

А. и Ж. Начинаем веселый урок!

Ж. Ой, может, не надо? Алик, ну какой урок в июле? Жарко...

А. А ты знаешь, кто больше всех любит жару?

Ж. Ну кто?

А. Микробы! Вот кто!

Ж. Та-ак, начинается! Сейчас начнем полезные советы давать! (Унылым голосом.) Ребята, надо мыть руки перед едой, ноги перед сном...

А. Да, и не только про это! И про то, что не надо повсюду свои вещи разбрасывать, и про то, что очень плохо на деревьях вырезать всякие слова... Разве это не правильно?

Ж. Да правильно! Правильно! Только очень скучно!..

А. Ну, знаешь, Женя! Конечно! Выслушать полезный совет — это тебе не сказочку веселую послу-

шать... (Пауза). Слушай! У меня идея! Иди на ушко скажу...

Ж. (вполголоса). Ну — чего?

А. (тихо). Ой, ну и ушки! Ты их когда мыл последний раз?

Ж. Да ладно! Что ты сказать хотел?

А. Слушай!

Шушуканье.

Ж. (тихо). Ну, так это ж совсем другое дело! Здорово! Давай! Начинай!

А. Гм-гм! Дорогие ребята! Слушайте веселую сказку! Жил да был царь...

Ж. И был у него сад, в котором росли яблони с золотыми яблочками! Каждое утро царь вставал...

А. Умывался, чистил зубы, делал зарядку...

Ж. И отправлялся в сад. И вот однажды...

А. (за царя). А-а! Кто съел мои золотые яблочки! Мне не жалко, но они же — не мытые!..

Ж. Прибежали на крик цареvy сыновья.

А. Самыймышленный, Иван Царевич, говорит...

Ж. (за Ивана Царевича). Это, наверное, Жар-птица склевала — вон кругом ее перья разбросаны!

А. и **Ж.** Дорогие дети! Не разбрасывайте повсюду свои вещи!

Ж. (за Ивана). Батюшка! Дозволь мне поймать жар-птицу да поучить ее уму-разуму!

А. (за царя). Да как же ты ее поймаешь? Она в клетке живет, в саду у Кашея Бессмертного! А если он тебя услышит, когда ты за птицей полезешь?

Ж. (за Ивана). Кто? Кашей? Не услышит он, батюшка! Он же уши не моет никогда...

А. (за царя). Да? Ну тогда поезжай...

Удаляющийся цокот кпыт.

Ж. Сел Иван Царевич на коня и поскакал.

А. Видит — в поле дуб огромный стоит и на нем вырезано...

Ж. (за Ивана, читает по слогам). «Здесь гуляли мы — Кашей и Жар-птица»... Ага! Вот вы где, голубчики!..

А. и **Ж.** Дорогие ребята! Не пишите на деревьях, забо-

рах и в других общественных местах!

А. Можете вот так же попасть в неприятную историю!

Ж. (за Ивана). Ну, Кащей, держись!..

Снова цокот.

А. Но тут, откуда ни возьмись, выскочил Серый Волк!

А. (за волка). У-у-у! Ням-ням! Кто тут топчет копытами?!

А. и **Ж.** Дорогие ребята! Не громыхайте обувью в помещении! Не топчите каблуками! Надевайте тапочки и другую сменную обувь! Не то ваши воспитатели озвещают, как серые волки!

Ж. (за Ивана). Куда же ты, мой верный конь?

Удаляющееся конское ржание.

Ж. Убежал... И все из-за тебя! Кто ты такой, чтоб коней пугать!..

А. (за Волка). Я — Серый Волк, лесной санитар! И сейчас я тебя съем, Иван Царевич!

Ж. (передразнивает). «Санитар»! А ты... ты лапы перед едой вымыл, санитар?

А. (за Волка, растерянно). Не-ет...

Ж. А в какой лапе вилку держать, в какой — нож, знаешь?

А. (так же растерянно). Нет, не знаю.

А. и **Ж.** Дорогие ребята! Учитесь правильно пользоваться за обедом столовыми приборами!

А. (за Волка). Иван Царевич, миленький, научи меня!

А я... я тебя за это к Кащейю отвезу.

Ж. Сел Иван Царевич на серого волка, и они поскакали! Перемахнул волк через высокую ограду Кащеева сада, схватил клетку с Жар-птицей — и был таков!

А. Кащей со своими немывыми ушами даже не шелокнулся!

Ж. А потом спохватился — и бросился в погоню!

А. (за Кащея). У-у-у! Догоню-ю!..

Ж. (за Ивана). Ну, быстрее! Быстрее, Волк!

А. (за Волка, тяжело дыша). У... У... Куды быстрее, Иван Царевич? Ой, не могу... курево проклятое...

А. и **Ж.** Дорогие ребята! Не пробуйте курить! И ваше дыхание всегда будет ровным!

А. (за Волка). Ой, задыхаюсь! Нагоняет нас Кащей!

Иван Царевич, бросай назад волшебное мыло!..

Ж. Бросил Иван Царевич мыло — гора выросла перед Кашеем!

А. и Ж. Дорогие ребята! Не расставайтесь с «Детским» Иван-царевич мылом! Иван-царевич! Мыло — ваш друг!

Ж. Объяехал Кашей гору — и опять догоняет!

А. (за Волка). У... У... Царевич! Гребешок бросай!

Ж. Бросил Царевич гребешок — дремучий лес вырос перед Кашеем!

А. и Ж. Дорогие ребята! Всегда носите с собой расческу!

Ж. Вошел Кашей в лес, а выйти не смог — заблудился!

А. и Ж. Ребята! Учитесь пользоваться компасом в лесу!

Ж. А Иван Царевич всю ночь на Волке скакал, и к утру почти у самого дома его сон сморил. А в это время братья его из дома вышли, видят: спит Иван, рядом клетка с Жар-птицей стоит! И больше никого!

А. Волк в это время в лесу умывался, чистил зубы, делал утреннюю гимнастику...

Ж. Подбежали братья к Ивану, ноги отрубили, схватили клетку с Жар-птицей — и бежать!..

А. и Ж. Ребята! Вовремя ложитесь спать и вставайте пораньше!

Ж. Волк вернулся, видит: Иван Царевич отдельно, ноги отдельно...

А. (за Волка). Ты что же, Иван Царевич, перед сном не мыл ноги живой водой?

Ж. (за Царевича, плаксиво). Не-ет, не мы-ыл...

А. (за Волка). Ну вот и результат...

Ж. (радостно). Плеснул Волк на ноги Ивану Царевичу живой воды — они и приросли!

А. А волк бросился в погоню, нагнал братьев-злодеев, вымыл лапы перед едой, взял в левую вилку, в правую — нож...

Ж. Но Иван Царевич их простил, взял Жар-птицу и повез ее в больницу, потому что она наелась немытых золотых яблочек...

А. А Жар-птица вышла из больницы и говорит: «За то, что ты меня спас от дизентерии и кишечной палочки, я тебя отблагодарю, Иванушка! И превратилась в Ва-

силису Прекрасную!

Ж. Сыграли они с Иваном Царевичем свадьбу и жили счастливо и долго-долго...

А. и Ж. Потому что никогда не ели невымытых овощей и фруктов! Вот и все!

«ВОВОЧКА»

Сценарий детской комедии

ПОРОСШИЙ ЛЕСОМ БЕРЕГ ОЗЕРА.

Школьники идут среди деревьев вместе с Училкой и Физкультурником, здоровенным и тупым малым.

Училка. Пятый «Б»! Никто не гуляет! Это не прогулка, это урок! Все ходят и изучают мимирию! Леночка, ты наша отличница, напомни нам, что это такое...

Отличница (*четко рапортует*). Мимикрия — это когда животные и насекомые обманывают своих врагов с помощью окраски, принимая угрожающие позы или прикидываясь мертвым...

Училка. Молодец, Леночка!

Показывает на сучок.

Вот гусеница прикинулась сучком...

Показывает на жучка, лежащего кверху лапами.

А этот, посмотрите, прикинулся мертвым, ой-ой-ой! Так мы и поверили! Все зарисовываем, фотографируем, запоминаем!..

Школьники щелкают вспышками фотоаппаратов, обступив какую-то ветку.

Училка в это время, крадучись, на цыпочках, тянет за собой Физрука и идет в сторону озера, вот они уже скрываются в кустах.

Голос Училки. Зарисовываем, фотографируем...

Отличница (*оглядываясь*). Я не могу так стоя записывать, некрасиво будет, я сесть должна... Хотя бы бревнышко какое...

Стоявший рядом Вовочка незаметно для Отличницы одним движением руки сдирает длинный кусок коры с березы, в секунду заматывается в него и плюхается перед Отличницей на спину — бревно бревном...

Отличница (увидев бревно). О, вот же...

Садится на него, но тотчас вскакивает с криком...

Ой! Кажется, я на сучок села...

Вовочка (нежно). Это не сучок, милая...

Отличница. Ну, Вовочка!.. Ну, Дудыкин!..

ОЗЕРО.

В озере плещутся Училка и Физрук.

КУСТЫ НА БЕРЕГУ.

Школьники продолжают зарисовывать жучков и бабочек. Из кустов со стороны озера высовывается голова Вовочки.

Вовочка. Ребята! Там на озере такой классный пример мимикири!.. Все сюда!..

Мальчик Коля Каренин и Отличница устремляются в кусты за Вовочкой.

ОЗЕРО.

Физрук сзади лапает Училку.

Вдруг — фотовспышка.

Физрук и Училка в испуге смотрят на поросший кустами берег.

На берегу — Коля, Отличница и Вовочка целятся в них фотоаппаратами. Вовочка показывает Коле пальцем на купающихся.

Вовочка. О, гляди! Училка, видно, решила, что на нее сзади хищник напал, и быстро-быстро меняет окраску...

В озере — Физрук прячется под воду... Училка краснеет, лицо становится прямо пунцовым...

Коля (глядя в сторону озера). Ага! Красная стала! Прямо как рак!..

Вовочка. И поза такая же! Видишь — пятится...

В озере — Училка действительно пятится от ребят, заходит «по горлышко»...

Отличница. Это потому, что многие водяные хищники боятся страшных клешней рака...

Вовочка. Ага, видишь — даже физрук испугался, под воду сразу...

Училка (из озера). Что вы тут делаете?

Отличница (сложив руки рупором). Смотрим, как вы занимаетесь ми-ми-кри-ей!

Вовочка (кричит Училке). Отлично, Анна Николаевна! Молодец!

Училка. А ты, Вовочка, завтра приведешь отца! Давно мечтаю с ним познакомиться...

Вовочка. Познакомиться? Да вы совсем не в его вкусе... И потом... у вас же есть... Или вы думаете, он уже не всплывет?..

Училка смотрит на круги по воде, идущие в том месте, где нырнул Физрук, и снова кричит ребятам...

Училка. Все уходите!

Отличница. Мы не можем, Анна Николаевна, вы сами сказали: «Это не прогулка, а урок». И у нас до звонка еще тридцать минут...

Училка (скосив глаз на пузыри от Физрука, апарт). Нет, столько он не продержится... (Детям, почти плача.) Ну почему сегодня никто, как обычно, не отпрашивается к больным бабушкам... Коля! Каренин! Ты же вчера ушел с контрольной, сказал, что у тебя баба Аня под поезд попала...

Коля. Ой, а я и забыл... Действительно...

Училка. За лучшую историю про больную бабушку — ставлю пятерку в журнал!

Вовочка. А у вас и журнал там с собой?

Отличница. Анна Николаевна, можно мне уйти? У меня бабушка живет в одном из русских селений. Простая русская женщина...

Училка. Ну короче, Леночка!

Отличница. И вот как-то раз она попыталась войти в горящую избу, коня на скаку остановить...

Училка (*теряя терпение*). Ну пять, пять! Иди уже, иди! Проведай... коня после столкновения с бабушкой. Её-то я видела — об дорогу не расшибешь...

В кадре — на берегу остается один Вовочка.

Училка. А ты что стоишь, Вовочка?

Вовочка. А у меня нет бабушки...

Училка. Ну.. В общем, так. Дудыкин: или ты сегодня же находишь себе больную бабушку, или завтра приводишь здорового отца!..

ОПУШКА ЛЕСА. ВПЕРЕДИ ПОЛЕ, ЗА НИМ ВДАЛИ ТРЕХЭТАЖНЫЙ ДОМ.

Вовочка выходит из леса на опушку, осматривается.

За ним следом, крадучись, идет Отличница. Наступает на ветку... Триск. Вовочка оглядывается.

В ту же секунду Отличница взбирается на ближайшее дерево. Ветка под ней качается.

Вовочка отворачивается. Триск.

Ветка под Отличницей ломается...

Отличница. А-а-а!

Взмахивая руками, летит с дерева, какое-то время держится в воздухе. Вовочка смотрит на нее.

Вовочка. Ты чего?

Отличница (*еще в воздухе*). Только не думай, пожалуйста, что я за тобой бегаю! Я... Я... я просто мимо пролетала...

Отличница плюхается на землю.

Вовочка (*с иронией*). Ну да, у тебя просто бензин кончился...

Отличница. Хм! Ну и пока!

Вовочка. Пока...

Вовочка вступает на поле — трава по пояс...

Достает бинокль, наводит на трехэтажный дом.

А, вот он!

В окулярах бинокля вывеска на трехэтажном доме:

«Дом престарелых»...

Тут этих бабушек — море! Бери не хочу...

Он не замечает, что Отличница по-пластунски быстро ползет по полю. След в расступающейся пшенице показывает, что она заползает далеко вперед, а потом ползет навстречу Вовочке...

Вовочка делает несколько шагов в поле по направлению к дому, и тут перед ним как из-под земли появляется Отличница.

Вовочка *(в испуге)*. А-а-а!

Отличница. Ой, ты что за мной бегаешь, что ли?

Вовочка. Я? Я? Извини, после таких встреч...

Оглядывается, замечает шалашик уборной с двумя дверями — «М» и «Ж», устремляется туда.

Отличница *(ему в след)*. Ну и пока!

Распахивается дверца «М», выходит Вовочка.

Тотчас распахивается «Ж», выходит Отличница.

Отличница. Ой, Вовочка! А ты что тут делаешь?

Вовочка *(в ярости)*. Живу я здесь! А вот ты... *(Наступает на нее.)*

Отличница *(отступая, испуганно)*. Я... Я... Почему я не могу в уборную...

Вовочка. Действительно, почему ты не можешь, если захотелось, сесть в электричку, проехать 50 километров, сходить и назад...

Отличница *(выкручивается)*. А... А может, я рекорд Гиннеса хотела установить? Сколько человек вытерпеть может...

Вовочка. Бедные пассажиры в электричке! Как они рисковали...

Отличница *(продолжает врать)*. А может, я вообще... не из Москвы ехала, может, я в том доме живу. *(Показывает на дом.)*

Вовочка молча протягивает ей бинокль. Она смотрит на дом...

Гм... Ну... Ну...

Вовочка *(с издевкой)*. Бабуля? Может, вам помочь... отвалить отсюда!

Отличница. Мне кажется, после того, что между нами было... там... в лесу... когда ты прикинулся деревом... меня не покидает чувство какой-то незавершенности...

Вовочка. Какой еще незавершенности? Нам же всего тринадцать! Три-над-цать!

Отличница. Ой-ой, тринадцать! Какие мы суеверные! Ты, Вовочка, прямо как старик...

Останавливается, пораженная какой-то мыслью, смотрит на дом, потом на Вовочку...

Ты что — туда собрался? Перестань, какие наши годы...

Вовочка. Да мне надо какую-нибудь старушку стащить, а то придется отца завтра в школу...

Отличница. Да что ты так его боишься? Вот я...

Вовочка (*перебивает*). Твой кем работает?

Отличница. Депутатом...

Вовочка. И что он домой с работы таскает?

Отличница. Ну... когда микрофон притащит, когда карточки для голосования...

Вовочка. А мой — миллионер... Он с работы только дубинки таскает... Чуть что — как врежет... Не, мне обязательно...

Шагает к дому престарелых. Отличница идет за ним. Вовочка останавливается.

Ладно, уговорила! Давай в прятки играть. Иди, прячься. Если я тебя найду — поцелую...

Отличница. Хорошо! А если не найдешь — я буду вон за тем деревом...

Бежит обратно к опушке леса.

(*На бегу.*) Не пора, не пора, не пора...

Вовочка (*апарте*). Вот и я говорю — не пора тебе еще...

Бежит в другую сторону, к дому престарелых.

КОРИДОР ДОМА ПРЕСТАРЕЛЫХ.

Приоткрывается дверь, в коридор заглядывает Вовочка. По коридору марширует толпа старушек. Все — как близнецы, в платочках, одинаковых халатиках... Сильно оторвавшись от других, впереди колонны марширует Ста-

рушка с развевающимся красным знаменем. На знамени вышита голова Ленина в кепке.

Вовочка. Ой, да тут у них прямо гнездо! Вон сколько — глаза разбегаются!.. Будем брать вожака...

Старушка со знаменем останавливается рядом с Вовочкой, поджидая остальных, марширует на месте. Вовочку не видит: он отделен от нее знаменем.

Вовочка подпрыгивает, снимает с вышитого Ленина кепку, усы, бородку, все это напяливает на себя и предстает в таком виде перед Старушкой...

Старушка (восхищенно). Владимир Ильич! Так вы живой?

Вовочка (картавя). Живой, живой! Живее всех живых! Пойдемте со мной, товарищ...

Старушка. Куда?

Вовочка (беря ее за руку, тащит к двери). Будем поднимать вооруженное восстание!

Внезапно дверь распаивается — на пороге два здоровенных Санитара.

Первый санитар. Смотри — Ленин!

Второй санитар. Из шестнадцатой палаты сбежал!..

Хотят схватить Вовочку, тот, схватив Старушку в охапку, убегает по коридору.

Санитары топчут за ним. В конце коридора окно.

На подоконнике — клетка с попугаем.

Вовочка подбегает к окну, распаивает, заглядывает вниз.

Внизу уже ждет один из санитаров, тянет к нему руки: мол, иди-иди сюда... Вовочка, отпрянув от окна, оглядывается в коридор. Второй санитар все ближе. Оттолкнув Старушку, Вовочка распаивает клетку, хватается попугая...

Вовочка (санитару). Стой! Или я откручу ему голову!

Санитар в ужасе закрывает глаза руками...

Попугай. Попка! Попка!

Вовочка. Хорошая мысль...

Вовочка подносит попугая ко рту и надувает через попку.

как воздушный шар. Попугай становится все больше, больше, вот он уже размером с большого орла... Санитар отнимает руки от глаз, видит что-то жуткое, бросается к Вовочке. Но тот, оседлав раздувшегося попугая, схватив Старушку, вылетает в окно... Санитар, стоящий внизу, бессильно провожает глазами птицу, уносящую Вовочку и Старушку... Сверху летит какой-то предмет. Подлетая ближе к Санитару, становится ленинской кепкой и нахлобучивается ему на глаза...

ДВОР ПЕРЕД ОТДЕЛЕНИЕМ МИЛИЦИИ. СООТВЕТСТВУЮЩАЯ ВЫВЕСКА, НЕСКОЛЬКО МОТОЦИКЛОВ И МАШИН С ПОЛОСОЙ.

Несколько милиционеров стоят в кружок вокруг одного. Тот в тельнике, с лицом один к одному Вовочка. Вокруг него куча битых кирпичей. Кто-то из милиционеров протягивает ему кирпич, тот в секунду разбивает его о голову.

Милиционеры. Вот это да! Во дает Дудыкин...

Дудыкин. Ну, что еще разбить...

Кто-то протягивает ему бутылку водки. Дудыкин берет, замахивается, вот-вот ударит ей по лбу... останавливается.

Дудыкин. Не, не могу, рука не подымается... Кирпичи давайте...

Подходит еще один милиционер и протягивает Дудыкину-старшему гаишный «кирпич»...

Он берет двумя руками, целится в него лбом...

Голос. Нет! Не-ет!..

Сквозь окружившее Дудыкина кольцо прорывается маленький тщедушный Гаишник, отбирает знак.

Гаишник. Вы что? Это ж мой хлеб... *(Любовно протирает его обшлагом.)* Мне его товарищ полковник вместо премии на день рождения подарил...

В это время из дверей отделения выходит пузатый милицкий Полковник с дубинкой в руке.

Полковник. Дудыкин! Вот вам новая дубинка...

Дудыкин радостно бросается к нему.

Полковник. Шестая в этом году. Едите вы их, что ли...

Сирена... Из отделения выскакивает Дежурный.

Дежурный. Тревога! Из дома престарелых похищена старушка!

Полковник. В ружье! Все на выезд! Дудыкин за старшего!..

Милиционеры разбегаются по машинам и мотоциклам. Дудыкин садится на мотоцикл спиной к рулю. Ищет перед собой руль, не находит...

Дудыкин. Кто взял руль...

Смотрит на сидящую в коляске его мотоцикла овчарку. Она-то сидит как надо...

Дудыкин. Ты, что ли?

Сравнивает, как сидит овчарка, как он... Пытается развернуть ее морду на 180 градусов. Овчарка огрызается.

Дудыкин. Как скажешь...

Поворачивается сам на сиденье, и мотоцикл с ревом, подняв клубы дыма, уносится из кадра...

КОРИДОР ДОМА ПРЕСТАРЕЛЫХ.

Дудыкин с ноутбуком, Санитар и овчарка.

На втором плане — старушки.

Дудыкин раскрывает ноутбук, ищет, куда бы поставить... бросает взгляд на собаку.

Дудыкин. Сидеть!

Собака садится, подняв передние лапы, Дудыкин ставит в них ноутбук.

Дудыкин (санитарам). Будем составлять фоторобот...

Санитар показывает жестами, какая у него борода, усы... На экране появляется портрет Ленина.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ. МАВЗОЛЕЙ.

Группа захвата во главе с Дудыкиным, крадучись, подходит к дверям мавзолея. Секунду они стоят, прижавшись спиной к стене, с пистолетами в поднятых руках, затем врываются внутрь... У дверей их остается ждать только овчарка.

В НЕБЕ НАД ГОРОДОМ.

Вовочка со Старухой летят на раздутом попугае. Вдруг попугай, повертев головой, открывает клюв.

Попугай. Харрашо!..

Шипение.

Попугай начинает уменьшаться в размерах, они резко теряют высоту. Вовочка зажимает попугая клюв.

Вовочка. Закрой рот! Воздух выходит!..

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ. МАВЗОЛЕЙ.

Овчарка сидит и смотрит на дверь.

Из дверей мавзолея выходят Дудыкин и остальные милиционеры, засовывают пистолеты в кобуры.

Дудыкин (овчарке, разводя руками). У него полное алиби: он все это время лежал...

Овчарка сокрушенно качает головой, вздыхает и тоже разводит лапами...

Дудыкин берет овчарку на поводок.

К ним подбегает Второй санитар, показывает Дудыкину «ленинскую» кепку.

Овчарка тотчас начинает прыгать вокруг кепки, обнюхивает ее и бросается бежать. Дудыкин, еле удерживая поводок, с трудом поспевает...

В НЕБЕ НАД ГОРОДОМ.

Вовочка, сидящий вместе с бабкой верхом на попугае, внимательно смотрит вниз. Под ними многоэтажный дом. Вовочка широко открывает клюв попугая.

Шипение.

Попугай, быстро съеживаясь, как воздушный шарик, временно стремительно снижается. Через секунду они уже

у подъезда дома. Взяв Старушку на одно плечо, с попу-
гаем на другом, Вовочка входит в подъезд, бежит по лест-
нице, и вот он уже перед дверью с табличкой «147» и с над-
писью фломастером через всю дверь «Вовка Дудыкин — ду-
рак». Нажимает кнопку звонка, одновременно рукавом сти-
рает надпись. Дверь открывается. На пороге — Вовочкина
Мама с помадой у рта. Она продолжает подкрашивать
губы. Но тут до нее доходит, что сын притащил Старушку.
Рука с помадой останавливается. Ее глаза вылезают из ор-
бит. Машинально, не моргая, не отрывая глаз от Старушки,
она откусывает кусок помады, жует...

Вовочка. Мамочка, я тебе сейчас все объясню...

УЛИЦА, НА КОТОРОЙ СТОИТ ВОВОЧКИН ДОМ.

Милицейская погоня приближается к дому.

Милицционер. Смотри, Дудыкин, дом прямо как у тебя...

Дудыкин. Сейчас все стандартное...

Овчарка рвет в подъезд, вот они уже несутся по лестнице,
Овчарка останавливается у квартиры «147».

Дудыкин. И квартира как у меня, сто сорок седьмая.

Милицционер. Так, может, твоя?

Дудыкин. Не, у меня тут «Дудыкин дурак» написано.

ПРИХОЖАЯ ВОВОЧКИНОЙ КВАРТИРЫ.

Вовочка и Старушка стоят перед его Мамой. Попугай си-
дит на верхушке вешалки.

Вовочка (показывая на Старушку). Мы ее только
до завтра — училке показать...

В ПОДЪЕЗДЕ. ПЕРЕД ДВЕРЬЮ В 147-Ю КВАРТИРУ.

Милицционеры по бокам от двери, прижавшись к стене
с пистолетами, как в американских боевиках... Дудыкин
даже держит пистолет двумя руками, как американцы.

Милицционер. Давно хотел спросить, Дудыкин... Все не
решался...

Дудькин. Спрашивай... Кто знает, может, последний раз разговариваем...

Милиционер. Чего ты пистолет двумя руками держишь?

Дудькин. Чтоб не украли... Сейчас такая преступность...

К двери подходит другой милиционер, с кувалдой, размахивается...

Стой! Тут не силой надо действовать, а тонко работать! Головой!..

Бьет головой в дверь...

В ПРИХОЖЕЙ.

Грохот. Вовочка, Мама и Старушка отскакивают... Дверь падает. В проеме Дудькин с компанией...

Мама (Вовочке, вполголоса). Ну? Посмотри, как твой папочка с дружками домой приходит..

Милиционер. Смотри, Дудькин, как похоже все. И жена, и парень на Вовочку..

Дудькин (смотрит на попугая). Не, не моя, у нас попугая не было...

Милиционер. Гляди — вон старушка...

Но в эту секунду Старушка снимает платок и оказывается... Отличницей.

Отличница (Вовочке). Ой! И ты тут? Какая встреча!..

Вовочка. Тьфу, привязалась...

Затемнение.

Из затемнения.

КОМНАТА В КВАРТИРЕ ДУДЬКИНЫХ.

Мама вертится перед зеркалом, примеряя шубку. Вовочка смотрит на нее.

Мама. Ну как?

Вовочка. Красивая. Это тебе папа купил?

Мама. Если б я на твоего папочку надеялась, то и тебя бы на свете не было...

Вовочка (*мрачно*). Вот и хорошо бы... Не пришлось бы завтра в школу без бабки идти...

Мама. Сам виноват. Придумал какой-то дурацкий дом престарелых, когда у нас своя личная бабушка есть...

Вовочка. Как — своя бабушка?

Мама. Да, моя мама... Живет в Пятигорске.

Вовочка. А... А почему ж я ее никогда не видел?

Мама. А это ты спроси у своего дорогого папочки...

Вовочка (*зовет*). Папа! Папа!

Входит из соседней комнаты Папа — Дудыкин-старший, в неизменном тельнике.

(*Радостно.*) Папа, почему ты никогда не говорил, что мамина мама жива?

Папа. Да не хотел тебя расстраивать раньше времени...

Вовочка. А... а почему она с нами не живет?

Папа. Сынок, неужели я похож на идиота?

Вовочка (*неуверенно*). Ну... Не расстраивайся, папа, внешность обманчива...

Папа круто поворачивается и выходит, хлопнув дверью... Бум. С полки падает бюст Дзержинского.

Вовочка (*апарт*). Не хочешь по-хорошему? Ладно...

Затемнение.

Из затемнения.

КВАРТИРА ДУДЫКИНЫХ. ПРИХОЖАЯ.

Дверь открывается, входят Папа и Мама, она в шубке, он в милицейской шинели.

Мама. А почему так тихо? (*С тревогой.*) Где Вовочка?

Она заходит в комнату, и тотчас испуганный Папа слышит оттуда...

Мамин вопль. А-а! Нет-нет!..

Мама выходит из комнаты, шатаясь, слезы ручьем, в глазах ужас...

Мама. Он... он... *(показывает в сторону Вовочкиной комнаты)* он читает!..

Папа. Что-о? Чи-та-ет? Где он это подцепил?.. У них же никто в классе...

Мама *(набирает телефон)*. Але, «Скорая»? Немедленно приезжайте! У нас мальчик... *(сквозь слезы)* ...мальчик сошел с ума... Да! Он читает... *(Ему.)* Это все ты, Дудыкин! Твои гены!..

Папа *(удивленно)*. Мои? Да я в жизни ни одной книжки... У меня в роду одни милиционеры! Это не мои, а твои гены...

Мама. Ты, конечно, имеешь в виду мою мамочку!

Папа. Нет! Я имею в виду твоего Гену! Гену, который к тебе шастал, пока я был на боевом посту!..

Звонок в дверь. Мама поспешно открывает.

Стремительно, молча входит Врач, устремляется в комнату. Мама и Папа — за ним...

КОМНАТА В КВАРТИРЕ ДУДЫКИНЫХ.

На полке — бюст Дзержинского. Теперь он с забинтованной головой.

На диване сидит Вовочка, держит в руках раскрытую книгу «сказок» и внимательно смотрит в нее... При этом держит книжку вверх ногами.

Врач быстро подходит к нему, поворачивает Вовочкину голову в одну сторону от книжки, в другую, но он все равно скашивает глаза в книжку.

Врач *(Папе с Мамой)*. Боюсь, я тут бессилен...

Мама *(рыдая)*. Что же с ним будет, доктор?..

Врач. Если не перестанет читать — можно ожидать самого худшего: кончит каким-нибудь химиком или физиком — словом, нищим... Кто сегодня читает? Только бомжи, у них полно времени...

Папа. А если дубинкой его?

Врач. Не-ет, силой тут ничего... Только если сам откажется от этой пагубной привычки...

Мама (Вовочке, с мольбой). Ты ведь откажешься, а, Вовочка? Ну что тебе эти... (рассматривает обложку)... эти сказки? Ну кто в классе это читает?

Вовочка. Да им не надо, им сказки бабушки рассказывают. А у меня нет бабушки, вот я сам вынужден... глаза портить...

И хитро смотрит на Маму из-под обложки книги.

Мама (встрепенувшись, с надеждой). А если бабушка придет, ты не будешь читать? Так я ее завтра же... Пусть некоторые даже не думают...

Папа, круто развернувшись, выходит, хлопает дверью. Бум! Бюст Дзержинского падает на пол...

Затемнение.

Из затемнения.

ПРИХОЖАЯ.

Звонок в дверь.

Вовочка бежит открывать.

На пороге стоит с чемоданами его Бабушка — папина Теща...

Вовочка (обнимая ее). Бабушка! Настоящая! А ты болеть будешь?

Бабушка. С твоим папочкой? Разве с ним можно остаться здоровой?..

Вовочка. Ура-а!..

КОМНАТА В КВАРТИРЕ ДУДЫКИНЫХ.

Папа в тельнике храпит на диване.

Входит Теща с ведром и шваброй, критически оглядывается, проводит пальцем по стене — палец становится черным, качает головой, берет в руки швабру...

Папа приоткрывает глаза — видит Тещу, крепко зажмуривается.

Папа. Чур меня, чур!..

Осторожно приоткрывает один глаз...

Теща со шваброй и ведром на месте. В его воображении она трансформируется в Бабу-ягу с метлой и ступой...

(С фальшивой радостью.) Ой, мама! Вы прибраться или улетать собрались?..

Теща, ничего не ответив, выходит...

КУХНЯ. НА ПЛИТЕ ДВЕ КАСТРЮЛИ — МАЛЕНЬКАЯ И ОГРОМНАЯ.

Теща входит на кухню, к плите, помешивает в большой кастрюле. В кухню входит, позевывая, в майке-тельняшке Папа. Тянет носом, на лице появляется улыбка, потирает живот, идет к плите.

Папа *(фальшиво-ласково)*. Ну, что там моя любимая теща сварила?..

Теща *(ехидно)*. Что мой любимый зятек вчера принес в получку, то и сварила...

Он открывает крышку маленькой кастрюли, выуживает из нее кость.

Папа *(обгладывая кость)*. А что я вчера принес? Не помню...

Теща. Дружка своего, десантника, на себе принес — он никакой был...Вы еще потом заперлись в той комнате и пили...

Папа *(укоризненно)*. Мама! Зачем вы в замочную скважину подглядываете?

Перестает есть, пораженный какой-то страшной мыслью. Смотрит на кость, потом на Тещу..

Теща в это время из большой кастрюли выуживает тельняшку..

(В ужасе.) Мама! Вы что? Дружка моего сварили?

Отбрасывает кость, хватает у Тещи тельняшку..

(Плача.) Сеня! Кореш мой!..

Теща. Успокойся, зятек! Я в этой кастрюле белье кипячу... *(Кричит в дверь.)* Все за стол! *(Зятю.)* Садись, покормлю уж тебя на свою пенсию...

Папа садится за стол, на нем пока только вазочка с грецкими орехами.

Папа. Между прочим, грецкие орехи я сам купил...

Мама *(входя на кухню, ему).* Вот их и ешь...

Теща. Молодец! Хорошо сказала, доченька...

Теща расставляет тарелки с едой.

Зять слюпывает слюну, старается не смотреть, отворачивается.

Тогда Теща нарочно проносит тарелки к столу прямо под носом у зятя...

Вбегает Вовочка, садится за стол, хватает бутерброд, жадно ест...

Во как изголодался ребенок! Конечно, на папкину зарплату-то... Ничего, внучек, откормлю тебя на свою пенсию...

Теперь все за столом. Теща сидит рядом с зятем.

Теща. Да, зятек, я тут твою рубашку стирала, чуть вместе с ней бумажку не выстирала... *(Достает бумажку из кармана фартука.)*

У Папы глаза начинают бегать туда-сюда.

Мама перестает есть, с интересом смотрит на него.

(Читает бумажку.) Какая то... «Жор-жет-та...»

Папа. Я... я увлекаюсь скачками на ипподроме. И это имя одной очень перспективной кобылы...

Теща. Да... Эта перспективная кобыла звонила тебе час назад...

Папа подвигает к себе вазочку с орехами. Достает один — кладет на стол, бьет по нему головой, съедает зерно, достает другой — опять колет головой... Достает третий, кладет на стол...

Ой, зачем же ты своей головой, поберег бы...

Папа *(уже вне себя от ярости).* Действительно! Зачем же своей...

Хватает Тещу за голову и часто-часто бьет ею по ореху..
Потом вскакивает и выбегает...

ВОДНОЙ ИЗ КОМНАТ.

Рассерженный Папа роется в сундуке, вышвыривает
оттуда разные тряпки...

Папа. Я тебе покажу, как подглядывать в замочные
скважины...

Извлекает из сундука здоровенный зубастый капкан с
цепью.

О! То что надо! Капкан на медведя... *(Проверяет, щелкает страшной пружиной... Затем приоткрывает дверь, выставляет капкан, цепь протягивает в комнату, закрывает дверь, берет два пустых стакана, бьет ими друг о друга...)* Сенька! Давай еще выпьем! *(Изменившимся голосом.)* Не, Дудыкин! Я больше не могу... *(Опять своим.)* Нет, ты не обижай... *(Опять чокается сам с собой...)*

ШКОЛЬНЫЙ КОРИДОР.

Школьный звонок. По коридору идет к классу Училка.
Вот она уже берется за ручку двери...

Голос Отличницы. Анна Николаевна!

Сзади Училку догоняет Отличница.

Отличница *(мстительно)*. Я хочу сказать, что никакой больной бабушки у Вовки Дудыкина нет! Вот! Это он все...

Осекается, увидев, что Училка смотрит куда-то вдоль коридора. Поворачивается в ту же сторону и растерянno заканчивает фразу..

(Растерянno.) Выдумал...

Последний кадр. В рапиде, медленно приближается навстречу Училке улыбающийся от уха до уха Вовочка, а рядом с ним — с забинтованной головой, с ногой

в гипсе и в капкане, волоча за собой цепь, хромает родная настоящая бабушка...

Картинка замирает в стоп-кадре. По нему идут финальные титры.

«Нехорошо

забытое

старое...»

ПРЕДИСЛОВИЕ № 9

Дорогие читатели! Когда мы только знакомились, я уже жаловался на то, как быстро стареют вещи, написанные для эстрады. Но с некоторыми из них расставаться все же не стоит. Нехорошо, может, даже вредно забывать о том, как мы жили еще десять лет назад. Конечно, и сейчас не все так просто, и много проблем, и настроение подчас паршивое...

Рекомендую в качестве психотерапии в такие моменты почитать что-нибудь из этой главы. О том, как мы жили, как работали, о том, кто и как нами руководил. Или, скажем, о том же дефиците, пожирившем наше время, и наши нервы, и наше достоинство. И уверяю, вам сразу станет легче...

В МИРНЫХ ЦЕЛЯХ

Слушайте, Семенов, вы куда пришли? У нас тут биржа труда, а не благотворительная лавочка! Да я уже это все слышал: вы полковник КГБ, вас сокращают, вы без куска хлеба... да мы вам уже сколько профессий предложили, но эти ваши профессиональные привычки!.. Ну как, как использовать вас в мирных целях?

Мы вас дворником устраивали? «Ну, устраивали». Очень хорошо. Дворник должен мусор в урны собирать? «Должен»... Почему же вы наоборот — все оттуда высыпали? Что вы там искали? Что — «вдруг»? Господи, какой «секретный план»?!

А сколько вы делов натворили, когда в курьеры пошли? Пройти из одного здания в другое, отнести пакет — чего проще? Так нет, вам ведь все мерещится, что вы резидент в одной из западных стран! Вы же ни одного раза нормально в дверь не вошли! Что — «ну как это»? Да вот же у меня жалобы: «Разделся до гола и поднялся грузовым лифтом для буфета вместе со свиными тушами...» Что-что? «Как догадались?» Конечно, согласен с вами: «свинья как свинья». Но, согласитесь и вы — несколько странно было буфетчику вдруг увидеть свинью, у которой на заднице татуировка: щит и меч...

Вот еще жалоба, это на следующий день: «Подкрался к вахтерше, набросил ей на лицо тряпку с хлороформом, переоделся во все вахтерское и уселся...» Что? «Как обнаружили?» Опять удивляетесь? Вы, наверное, думаете, что кругом идиоты? А что они должны думать, когда видят, что вместо семидесятилетней старушки сидит здоровый мужик в юбке, с усами и вяжет?..

И все это вместо того, чтобы просто взять пакет и отнести его на четвертый этаж!

Кстати, там спрашивали, где он, этот пакет? Что? Зачем? Зачем вы его съели?! Что вам показалось? Ка-

кую еще опасность вы там почувляли? Нет, это был не «хвост»! Это была бухгалтерша! Да перестаньте — никаким затвором автомата она не щелкала! Это были счета! Да, до сих пор! Привыкли, понимаешь, к компьютерам... И не надо нам тут про опасность. Честно скажите: очень есть хотелось, вот и съел пакет с документами...

После этого случая вам вообще перестали эти пакеты доверять, верно? Ну вот, я же знаю. Просили все на словах передавать, так? И что же? Кто вас просил все шифровать? Ах, «по привычке»... Ну, и к чему эта ваша привычка привела? Вам сказали: «Зайдите в двадцатую комнату и передайте, что черные чуточные болванки пришли на склад одни, без документов». А вы? Со своим условным кодом: «На складе голые негры...»

И вся женская половина института тут же сыпанула на склад! Давка, травмы...

Да что говорить! Ведь вы даже здесь, на бирже... Ну вот что вы два месяца преследуете мою секретаршу? Ну как же, она мне сказала — вы ей повсюду встречаетесь, якобы случайно. Случайно... Случайно можно, знаете, на улице встретить, в магазине, в театре, но... но не в женской же бане!..

Прихожу, говорит, в Сандуны и в том месте, где скульптура, где купидоны фонтан держат, стоит вместе с ними, говорит, этот ваш Семенов. Только там, где у купидонов фиговые листочки, у Семенова... видеокамера висит...

Как это — «вовсе не за ней следил»? Кому вы рассказываете? Она наблюдательная девушка, сразу заметила: как только она мимо фонтана — у вас сразу объектив выдвигается...

Скажите, ну ее-то вы в чем заподозрили? Что-что она вам сказала? Что не знает английского? Ну, и что тут подозрительного? Я тоже не знаю... Ах, «на самом деле знает...». С чего это вы взяли? Да? Интересно, чем же это она себя выдала? Та-ак... То есть вы к ней подкрались, неожиданно крикнули у нее над ухом английское слово, и она вздрогнула, будто понимает?..

Да-а... И какое же слово вы крикнули, если не секрет? Ну какое, какое? Цифру «три»? По-английски?

И она только вздрогнула? Ну, другой на ее месте просто окочурился бы... Или сделал бы прямо в соответствии с этим словом...

Понимаете, вы все время всех пугаете! Вот мы вас на картошку направили — прекрасный воздух, поля... Через день мне звонят: «Этот ваш тип тут народ пугает, по ночам чертом прикидывается...» А не надо, Семенов! Не надо тренироваться в переходе границы и ходить по полю на кабаньих копытах!

Ну, я не знаю, куда вас еще послать... Вы у матери были? «У какой, у какой» — у своей! Нет? Ну так съездите, проведите, мы пока тут подумаем...

Слушайте! Погодите! В радиомастерскую! А, нет, я вспомнил, там вы уже работали... Да-да, я помню. Помню, как вы на дом выезжали, магнитофон чинили. Да. И по своей чекистской привычке микрофон в ножку стула вставили...

Куда хотите? Грузчиком? В мебельный магазин? Но вы ведь там уже были! Вы думаете, они забыли тот скандал? Слушайте, Семенов, ну так, честно, между нами: кто вас тогда за язык тянул, а? Ну подошел к вам человек, спросил: «У вас продается славянский шкаф?» Кто вас просил отвечать: «Шкаф продан, есть никелированная кровать с тумбочкой»? В результате магазин и шкаф никому не продал, и покупателей потерял! Теперь все говорят: «А, тут какими-то старыми кроватями торгуют...»

Вот есть тут у меня одно местечко... В школу, физрукком... Ой, нет, я вспомнил! Вы же там уже преуспели... Да-да, хорошая была эстафета — прыжки в наручниках...

Стойте, кажется, я придумал! Но это — ваш последний шанс. Сейчас, вы знаете, народ в Израиль уезжает, но это — целое дело: ОВИР, анкеты, паспорта, билеты... И потом, самое главное — для этого обязательно надо быть евреем... А вы организуйте конкурирующую фирму по заброске. Ну, через свои окна в границе — бывших коллег подключите... И никакой дискриминации по национальному признаку — да к вам православные толпой повалят!

Представляете: официально — всякие мучения,

а у вас — со всеми удобствами! Ночью летит самолет без опознавательных знаков, летчик говорит: «Под нами — Тель-Авив». И вы: «Абрам Соломоныч, пошел!..» И он затяжным... Кто? Да русский, конечно, это у него кличка такая: «Абрам Соломоныч»...

Что, нравится? Ну идите, действуйте. Ну что еще? Господи, ну что вы так далеко заглядываете? Русских — сто миллионов, когда еще они кончатся! А кончатся — я не знаю, на татар перейдете... Не бойтесь, на ваш век хватит!..

Сказать вам, что в настоящее время я живу в сумасшедшем доме, — это значит ничего не сказать... Потому что сегодня любой дом — сумасшедший. Я вам больше скажу: сегодня такая жизнь, что вместо любого адреса, скажем, «Тверская, дом 17», спокойноенько можно писать: «Тверская, сумасшедший дом, семнадцать».

И все у нас было как у людей — никаких там эксцессов, никто Македонским или Наполеоном не прикидывался, потому что у нас публика в основном образованная, все знают, что Наполеон — это торт... А уж тортом прикинуться — это вообще последнее дело...

Правда, была в женской палате одна дама... Ее как-то ночью из-под санитары Василия вытащили... Она при этом кричала, что она — Анна Каренина, а Василия приняла за паровоз, вот под него и легла... А Василий при этом делал так: «У-у, чух-чух-чух...»

Но до скандала не дошло. Вася объяснил, что применял к пациентке метод щадящей психотерапии. Это когда, если кто кем-нибудь прикинется, ему морду не бьют, а щадят — кивают и всячески подыгрывают...

И все у нас было тихо, пока не пошли в наш сумасшедший дом косяком бывшие партработники. Свихнулись-то они давно, сразу после отмены руководящей роли КПСС. Но, видно, какое-то время еще держались, надеясь, что старое назад вернется. А когда поняли, что шиш им с маслом, тут они окончательно мозгами и поехали...

В среду к нам в палату «Ленина» привезли... У нас уже были свой Каменев, свой Дзержинский, а Ленина еще не было...

Мы, дураки, конечно, обрадовались. Но вы нас тоже поймите — ну что нам этот Дзержинский? Он или обоняет, или стоит два часа у умывальника в туалете и за всеми подслушивает. А если увидит, что его засекли, сразу воду включает, мыло берет и приговаривает: «У

чекиста должны быть чистые руки...»

Нет, конечно, с Лениным вроде как веселей стало...

Ну, что сказать про него? Нас из третьей палаты часто спрашивают, какая у Ильича главная черта? И я всегда отвечаю: «Простота. Прост, как правда...»

Когда санитар Василий привел его к нам, он поздоровался со всеми запросто, за руку, а с Урицким даже за ногу, тот в это время на люстре висел, качался...

Подошел ко мне:

— Ленин, Владимир Ильич...

— Очень приятно, — говорю. — Давно это у вас?

— Да месяца три, — отвечает. — Смотрю — лысеть начал, борода пошла, закартавил... А вы здесь с чем, батенька?

— А что я? — говорю. — Я-то нормальный, я-то случайно тут.

— Понятно-понятно, — Ленин говорит. — Ваша как фамилия?

— Моя — Зиновьев, — отвечаю.

Тут санитар Василий ему газеты принес.

— Товарищ Василий, — Ленин спрашивает, — это что, вся пресса? А где же черносотенные издания?

И Василий в соответствии с щадящей психотерапией стал выкручиваться, говорить, что в следующий раз обязательно, а Ленин его чехвости́л за нерадивость...

Но тут в палату заглянул какой-то тип в женском платье.

— Керенский? — встрепенулся Ленин и тут же нахлобучил парик и достал документы на имя немого финского батрака...

— Да нет, — сказал тип в платье, — я просто «голубой»...

Но Владимир Ильич — не дальтоник какой-нибудь, он видел, что платье на мужике не голубое, а вовсе розовое, заподозрил обман и решил на всякий случай скрыться от ищеек Керенского...

Ленин вытащил свою кровать на середину палаты, сделал из простыни шалаш, юркнул в него, а мы всей палатой напрудили вокруг — получился Разлив... И мы с Дзержинским по очереди плавали к Ильичу на ночных судах...

Вышколенный медперсонал в соответствии со своими щадящими методами сквозь пальцы смотрел на наши штучки, тем более что Ленин до поры до времени тихо сидел себе в шалаше, никого не трогал, и няньки, разнося завтрак, по утрам подходили ко мне или к Дзержинскому, протягивали тарелку, подмигивали и говорили: «Отвезите Ильичу...»

Каждый раз, когда мы подплывали, Ленин выскакивал из шалаша, как кукушка из часов, и спрашивал:

— Ну, не созрела еще революционная ситуация?

И мы отвечали: мол, нет, не созрела... Между нами говоря, чего ей было-то особенно зреть? Жили мы неплохо, тихонько защищали себе интересы рабочего класса. Рабочий класс был у нас в двадцать третьей палате, там выздоравливающие занимались трудотерапией — клеили конверты. Мы эту палату называли «почтой». И было там все нормально, только паренек один, из Луганска, он себя все Ворошиловым называл, все время ел клей...

Ну, Ильич, конечно, расстраивался, когда узнавал, что ситуация еще не созрела, ел вяло...

Вообще-то в еде он был неприхотлив, но вот на воле узаконили частную собственность, и он стал приниматься к каждому кусочку колбасы и с подозрением спрашивал:

— Это социалистическим способом сделано? Не в результате эксплуатации человека человеком?

И мы наперебой говорили ему:

— Ну что вы, Владимир Ильич! Как можно — конечно, не в результате... Вы колбаску-то на срез посмотрите — тут и волосы, и опилки... Видно, что ребят не угнетали в процессе работы...

В общем, успокаивали его как могли, и он, повторяю, тихо сидел в шалаше, пока мимо опять тот мужик в женском платье не пробежал...

Что началось! Ленин подхватился, перевязался платком, сделал себе из туалетной бумаги фальшивые документы на имя рабочего Иванова и стал бегать от санитаров...

Санитары позвали главврача, родоначальника ме-

тогда щадящей психотерапии. И он давай Ленину подыгрывать:

— Владимир Ильич! Идите сюда! Мы сочувствуем большевикам! Идите, мы вас спрячем!..

Но Ленин принял главврача за провокатора, в руки не шел и в соответствии с правилами конспирации стал прикидываться:

— Какой еще Владимир Ильич? Я рабочий Иванов...

Тогда санитары стали его потихоньку окружать, отвлекая вопросами:

— Браток, а Ленина ты не видел?

— Какой он из себя? На кого похож?

И наш Владимир Ильич хитро шурился и говорил:

— Ленин? На кого похож? На артиста Щукина...

А санитары уже подводили его к отдельному боксу...

Оказавшись в боксе, Ленин засуетился, затосковал, стал спрашивать:

— Что это? Где я?

— Тихо, — шепотом ответил главврач. — Вы в plombированном вагоне... Сейчас поедете через Германию...

Ленин затих на полчасика, потом стал стучаться из бокса и спрашивать:

— Почему стоим? Почему стоим?..

— Приехали, — отвечал главврач.

— Тогда почему не открываете?

— Трудности с разгрузкой...

— Кто Председатель Совета министров? — кричал из бокса Ильич. — Немедленно расстрелять за саботаж и головотяпство!..

— Слушаюсь, — сказал главный и выстрелил в воздух из взятого у Дзержинского пугача.

— А-а! — закричал якобы смертельно раненный санитар Василий.

...Когда Ильичу полегчало, его вывели погулять во двор, но пьянящий весенний воздух сыграл с ним злую шутку.

Ленин принял стоящую во дворе «неотложку» за броневик, забрался на нее и выступил с апрельскими тезисами. А няньки и санитары по команде главного изображали народ и кричали:

— Хватит! Долой господ! Попили нашей кровушки!..

Стащить его не было никаких сил. Пришлось просить пробежаться по двору того психа в женском платье. Ленин тотчас сиганул с «броневика» — очень он Керенского опасался...

Конечно, что говорить, нянчились с ним. А что вы хотите? Как-никак, вождь мирового пролетариата...

...Как раз в это время в гости к нашему главврачу пришел главный из другого дурдома — они с нами были дома-побратимы.

Ихний главный прошелся по палатам, равнодушно посмотрел на шалаш и сказал:

— Господи, Ленин, что ли?

И дальше пошел...

Нашему главному даже обидно стало:

— А по-моему, коллега, это достаточно необычно, — с вызовом сказал наш.

— Господи, да у меня этих Лениных — девать некуда, — сказал ихний. — Но они у меня тихо сидят, у меня ведь там еще и Деникин, и Врангель, Ленины их побавляются... Так что если твой Ленин буянить начнет, ты позвони — я тебе парочку Корниловых подкину...

— Да нет, спасибо, у нас и так тихо, тьфу-тьфу, — сплюнул наш.

— А вы своего Ленина где брали? — спросил чужой главврач.

— В Смольном, — ответил наш, родной.

— В Смольном? Это где был ленинградский обком? Так компартия же, слава богу, опять в подполье. Я слышал, в Смольном теперь снова Институт благородных девиц...

— Вот он там к одной девице и пристал, — улыбнулся наш. — Да, пристал: мол, подружки у тебя нет? А то, мол, мы сейчас с Троцким придем...

— И девица, конечно, вызвала перевозку...

— Ну, естественно! Ой, мы этого Ленина еле поймали: санитары сначала перепутали и смирительную рубашку на памятник у входа надели...

Врачи засмеялись и пошли к выходу.

А Ильич... Не знаю, то ли наш главный сплюнул не через то плечо, то ли Ленину не понравилось, что глав-

врачи над ним смеются — в общем, к вечеру у него началось обострение и он поставил перед нашим больничным ЦК вопрос о вооруженном восстании...

— Как ваше мнение, товарищ Зиновьев? — меня спрашивает.

Мы с Каменевым, конечно, были против и тут же настучали главврачу. Он немедленно посадил Владимира Ильича в палату к буйным. А по радио приказал персоналу отставить метод щадящей психотерапии. Выйдя в коридор, попросил санитаря Василия немедленно убрать шалаш...

— Хватит! Попили нашей кровушки! — заорал Василий и подмигнул.

— Хватит подмигивать, — устало сказал главный. — Доподмигивались... Ты что, Вась, не слышал радио? Я отменил щадящую...

— Я не подмигиваю! — продолжал орать Василий. — Это у меня тик начался! Долой эксплуататоров! — И-помчался по коридору, распевая «Варшавянку»...

«Жалко парня, — подумал главный, — теперь его самого вязать надо...»

Он увидел идущих по коридору медсестер, позвал:

— Там Василий с ума сошел, надо...

Ему не дали договорить:

— Потом-потом, сейчас некогда, — возбужденно сказала медсестра Клава, — мы буржуев бить идем! Наша задача — захватить телеграф и почту!

— Почту?! Какую, к черту, почту?! Зачем?!

— Там в конвертах клей очень вкусный, — объяснила Клава...

Главного бросило в дрожь... Он все понял! Сумасшествие — оно, может, и не заразно, а вот идеи мировой революции!..

«Ильич, — вдруг молнией пронеслось в голове. — Господи! Я ж его сам к буйным посадил! Если он их пропагандирует!.. Скорее, может, еще не поздно!»

Но было уже поздно: за дверью палаты для буйных доносилось пение «Интернационала»...

А потом дверь с грохотом распахнулась, оттуда выплыл в коридор на каталке один из буйных в самодельной бескозырке с надписью «Аврора», развернул-

ся и оглушительно пукнул, вообразив себя баковым орудием легендарного крейсера!

В нашем дурдоме начиналась новая эра...

Н ЕШТАТНАЯ СИТУАЦИЯ

Я долго не мог понять: как это у нас, несмотря на все наши успехи, еще летают космические корабли?

Ну, в самом деле: пылесосы на следующий день после окончания гарантии с режима всасывания мусора переходят на режим выплевывания... Как говорится, «нештатная ситуация». И когда телевизоры вдруг взрываются — тоже она самая, «нештатная», и когда кофемолки не крутят, и когда плиты не греют...

А космические корабли летают себе и летают... И это так странно, так необычно для нас...

И вдруг жуткая мысль пришла в мой воспаленный мозг: «А что, если... сам их полет — тоже штатная ситуация? Может, не просто так ракеты называют космическими кораблями? Может, хотели сделать какой-нибудь там крейсер, подлодку — корабль, в общем! А он, как это водится у нас, вместо того чтобы поплыть, возьми да и полети!.. Штатная ситуация! Но генеральный конструктор не дрогнул — сказал, что так и было задумано! И осталось от летящего в космос крейсера только одно слово — корабль... Теперь уже не морской, а космический...»

И я представил себе этого генерального конструктора... подводных лодок:

— Та-ак, ну, где моя подлодка, показывайте, быстро, сейчас комиссия приедет ее принимать... Вот эта?!

А... А где же у нее гребные винты? Турбины, крыльчатки — где это все? Кто тут старший на верфи? Ты, Михеич? Ну, и в чем дело? Где гребные? Что значит, еще вчера были... Ах, «наверное, ребята домой унесли». Что? «На вентиляторы». Да, в этом году жаркое лето, действительно, как же без вентиляторов... Ну, спасибо тебе, Михеич, спасибо за верную службу...

О! Я и рубки не вижу... Вон, от нее только дырка в корпусе... Да не объясняй ничего, Михеич, я теперь

вспоминаю, видел, когда сюда через деревню ехали, еще удивился: «Что это собачка вместо конуры в рубке на ороде сидит...»

У-у, и перископа нет... Михеич, а когда ехали, пацаны какую-то трубу к женской бане подтаскивали — это он? Не, ну ты скажи, чего уж там...

А главное, ты мне вот что скажи... Почему она, лодка наша, как ракета, носом в небо смотрит? Что «все по чертежу»? Где чертеж? Ну, дорогуша, кто ж его так держит? Его ж горизонтально держать надо было... Тогда это была бы лодка! А теперь это что?.. Да, Михеич, сколько раз я тебе говорил: не пей на работе! Ты ж меня без ножа зарезал...

Нет, повернуть уже не успеем... А что, если... Кто командир подлодки? Вы? Снимайте фуражку, надевайте скафандр и быстро в дырку от рубки... Будем взлетать!

Почему не можете? Да-а, действительно, высоко-вато... Михеич, тащи лестницу! И крышку от кастрюли, будет вместо люка дырку от рубки закрывать. Да! И там, внутри, все, что есть, все веревочками привяжи — кружки, карандаши, планшеты, — пусть комиссия думает, что мы к невесомости готовимся.

Что? Еще вчера привязано? Откуда ты знал, что мы будем ракету изображать? Не знал? А зачем привязал тогда? «Чтоб не украли...» Понятно...

Ладно, полезай в кабину за капитаном. Подожди! Там — вот я смотрю по чертежу — справа в углу должна стоять в таком железном ящике новейшая бортовая ЭВМ. Переведи ее с режима плавания в режим взлета...

Что? Что ты покраснел весь? Михеич! Не доводи до греха! Она стоит справа, в углу? А что ж ты дрожишь весь? «Дома у тебя»? «В правом углу... Ребенок в нее играет...» А ящик от нее остался? Слава богу! Кто-нибудь, дайте ему счеты! Михеич, полезай в ящик, сиди считай...

Ну что ты там никак влезть не можешь! Капитан влез, а ты... Большое же отверстие должно быть — метр двадцать сантиметров... Вот, я по чертежу смотрю. Должен влезть. Сам же вырезал... А, ты не в сантиметрах

считал. Почему, Михеич? «Сантиметр жене отнес»... Вот в чем дело... И в чем же ты считал? «В михеичах»? Это как же? Руки развел, к чертежу примерился и люку пошел? Ясно, ну и лезь теперь как хочешь... Залез? Ну видишь, а ты... Боишься, не вылезешь? А я думаю, Михеич, тебе и не понадобится... Потому что, похоже, это путешествие в один конец... Все! Прячься! Комиссия идет!..

Гм! Товарищ председатель комиссии! Корабль к взлету готов!.. Да, мы решили из лодки ракету сделать, да, в последний момент, чтобы обмануть цэрэушников... Они нас на море ждут, а мы сверху, из космоса... Разрешите взлет?

Начинаем отсчет! Пять, четыре, три... Волнуетесь, товарищ председатель? А чего вы волнуетесь?.. Два, один, старт!.. Пошла! Ну, а вы боялись... Вот первая ступень отделилась...

А чего вы боялись-то? Что не отделится? Как у американцев в прошлом году? Ну, что вы! Американцам до нас... Обязательно отделится, и вторая ступень, и третья — все отделятся... Чего им не отделиться-то? У нас же, товарищ председатель, тут все на соплях...

— Жвачка, жвачка, кому жвачка? Турецкая, вкусная, почти не жеванная...

— Пуховик, кому китайский пуховик! Женщина, я вас прошу, подержите в руке — видите, легкий какой? А что ему тяжелым быть — он же без пуха...

— Уран, плутоний, синхрофазотрон, меняю свою «Докторскую» на вашу «Любительскую»...

— То-о-чим ножи-ножницы, обрезание делаем, в Израиль отправляем!..

— Свежие гранаты! Каму свежие гранаты вместе с гранатометом?..

— Теплую бабу! Кому теплую бабу? Ты... ты чего ко мне руками лезешь! Не себя предлагаю! Теплую бабу на чайник надевать!.. Ты чего свистишь — чайник изображаешь?

— Будка под ларек! Кому будка под ларек?

— Распродается Музей восковых фигур! Восковая фигура Брежнева! Кому восковую фигуру... Гражданочка, возьмите! Поставите в квартире, смотрите какая прелесть... Что? Нет квартиры? В деревне живете? Пожалуйста, можете его на огороде поставить...

— Коммунизм строим, мозги пудрим, светлое будущее обеща-а-ем!..

— Друзья, не слушайте их, это путь в тупик, я предупреждаю. Купите лучше у меня, у нашего фонда хороший товар: социализм с человеческим лицом...

— Ну, гад! Где этот тип, который мне будку под ларек продал? Представляешь, он мне, оказывается, заводскую проходную толкнул вместе со спящим сторожем...

— Слушай, малый, «лимонка» не нужна? Пятьсот рублей всего. Держи. Подожди, так ты мне четыреста восемьдесят дал. Ладно-ладно, двадцатку занесешь когда-нибудь. Не спеши, когда сможешь. Я тебе верю. Подожди, я только в качестве залога... чеку выдерну...

— Банковская печать? Кому банковская печать?

— Освобождение от армии, справки о беременности...
ти...

— Место у Кремлевской стены, кому место у Кремлевской стены?

— Раздаю графства, баронские титулы, в фельдмаршалы произвожу!..

— Ага, вот ты где, тварь! В фельдмаршалы он производит!.. Бей его, ребята! Он меня вчера произвел...

Я ему деньги за фельдмаршала, прошу документ выписать. Он меня во двор заводит. Там двое. «Сейчас, — говорят, — мы тебе выпишем». Так дали в глаз — до сих пор им не вижу. «Ну вот, — говорят, — теперь ты чистый фельдмаршал Кутузов...»

— Поправки к конституции, голоса избирателей, шестой микрофон, который не отключается!

— Эротические картинки, эротические картинки «Купание московского мэра в проруби»...

— Явки, шифры, пароли, пистолет Дзержинского!

— Военные тайны, списки резидентов, Ро-о-дину продаем!..

— Друзья, ну купите социализм с человеческим лицом. Нет, одно лицо нельзя, только вместе с социализмом, так сказать, в одном пакете... Не хотите? Тогда купите пальтишко. Хорошее, с плюшевым воротничком. Меня товарищ просил продать, он сам не может: он в мавзолее лежит... Хорошее, не сомневайтесь. Где дырка? Нет, это не моль, это след от пули Каплан...

— Указы, указы, кому указы? Свежие, понимаешь, только что подписанные!..

Друзья, а со зрением как у вас? А то заходите на той неделе — будут очки Крупской...

— Жвачка, жвачка, кому жвачка...

«КУДА МЫ ЛЕТИМ?»

Предлагается сценарий первого российского фильма ужасов под названием «Куда мы летим?».

Сюжет его прост: ночным рейсом летит красавец «Ил». Под мерный гул моторов засыпают пассажиры. И каждому из них снится свой личный кошмарный сон...

Слесарю-сантехнику снится, что бортмеханик на высоте восемь тысяч метров отколупывает от обшивки прокладки герметизации и бормочет: «Финские... дома на кран поставлю...»

Господину Ашумову, владельцу бензозаправки, снится, что механики на земле разбавили горячее водой...

Колхознику снится, будто пилот вдруг хлопает себя по лбу: «Елки точеные! Сегодня ж праздник — Покров день! Гуляем!» — бросает штурвал, достает гармошку и бутылку самогона...

Начальнику телефонного узла снится, что самолет потерял связь с землей — отключили за неуплату...

Инженеру Лидии Ивановне снится, что бортинженер молча встал, надел парашют, написал в бортовом журнале: «Ушел в министерство...», а сам полетел за австрийскими сапогами...

Таксисту снится, что пилот сказал: «Москва не принимает...» — включил счетчик и пошел делать круги...

Гаишнику снится, что к нему подходит стюардесса: «Почему не пристегнулись ремнями?» — и берет штраф в размере десяти зарплат.

Руководителю департамента жилья снится, что люди вокруг сидят не в самолете, а в предбаннике его кабинета... Он идет мимо них, и каждый дает ему взятку, и денег так много, что начинается перегруз, самолет летит из последних сил, летчик умоляет выбросить деньги в сортир, и он выбрасывает, но рука не поднимается спустить воду, и самолет входит в штопор...

А строителю-прорабу снится, что в салон с криком: «Где прораб?» — врываются агенты ЦРУ. И разворачивают самолет, и сажают в Вашингтоне. И предлагают большие деньги, чтобы он выдал свой секрет. У нас, говорят, на бомбардировщиках от перегрузок иллюминаторы сами открываются, а вы, господин прораб, так умеете в домах окна поставить, что жильцы их не в силах открыть...

Но прораб молчит, не открывает секрета, и его шантажируют — обещают не отпустить никогда назад, в Россию. И соблазняют его сладкой жизнью, и перед ним танцуют голые герлз, а он, чтобы не смотреть в их сторону, читает «Строительную газету»...

...И вскрикивают пассажиры во сне, и размахивают руками, отбиваясь от кошмарных видений...

А самолет летит. Летит как ни в чем не бывало, и ничего с ним не происходит, хотя ведут его такие же в общем-то люди, как те, что спят сейчас в салоне...

Такие же — только до конца выполняющие свой рабочий долг. Попробуй не выполни, если любая ошибка на борту летящего самолета, грозит тебе смертью.

И я тоже летел на борту этого самолета, и мне снился свой кошмарный сон: в нем все работали! Работали под страхом смерти!..

Работали без перекуров: попробуй покури, когда у каждого за спиной баллончик с гремучим газом...

С завода никто ничего не выносил: кто-то пустил слух, что все заминировано. А для тех, кто не поверил слухам, посадили вахтера. Неспящего — его, чтоб не спал, посадили не в будку, а за штурвал истребителя...

И всех колхозников тоже пересадили на летающие трактора и комбайны: там не очень-то посидишь, ожидая, когда в помощь пригонят студентов...

Летающие кафе и рестораны! Сразу снимаются все претензии: «Почему так долго, где эти чертовы официанты...» Какие претензии? Закон Аэрофлота: кормят только после трех часов полета... И у официанток улыбки, как у стюардесс, потому что никто не нервничает, что клиент убежит, не расплатившись. Куда? Все же к креслам пристегнуты, а ключ у pilota...

Летающие дома и летающие сантехники. И всем

сантехникам — парашюты. И пусть их складывают жильцы. Хорошо сделал кран — хорошо сложили... Содрал лишнее — а зачем нам такой сантехник? Так ему сложим парашют — пусть летит затяжным...

Все научные институты в воздух! Летающие лаборатории! Надо брать пример с космонавтов: никто из них с обеда не отпрашивается. Если кто и выйдет с работы в открытый космос — ненадолго и всегда на веревке...

Вся страна в моем сне летала, входила в штопор, пикировала и снова летала. И все работали, работали, работали!

Потому что... Кто это сказал, что работать надо не за страх, а за совесть? Может быть, но только не у нас. У нас все наоборот: если кто и будет работать, то только за страх...

ПЕРЕДНИЙ КРАЙ

Иногда говорят, будто в мирной жизни негде себя проявить... Это неправда. Есть десятки мест, где можно почувствовать себя, как в бою, на переднем крае.

Ранним утром тишину южного городка прорезал взволнованный голос диктора местной радиостанции:

«Братья и сестры! Пятнадцатого августа без объявления войны группа сибиряков-отпускников выдвинулась по направлению к пляжу и завязала бои за лежаки...»

Сняв жидкую цепь отдыхающих москвичей, они вышли к Днепру и с ходу форсировали его! При этом использовались все подсобные средства и проявлялись чудеса находчивости и смекалки! Воспользовавшись моментом, когда один из ничего не подозревавших москвичей, выполнявший, как всегда, с утра комплекс утренней гимнастики, встал на мостик, один из сибиряков даже попытался перейти Днепр по нему...

Переправившись на противоположный берег, они закрепились на платном пляже местного санатория. При этом сибиряк Алексей Курыгин в одиночку на расвете захватил шесть лежаков противника и, переползая с одного на другой, удерживал их до подхода всей семьи...

В тяжелых боях за гостиницу «Прибрежная» другой сибиряк, Александр Кокосов, подполз к амбразуре администраторши, непрерывно поливавшей все живое, и забросал ее деньгами...

Руководство города просит граждан соблюдать спокойствие — обстановка контролируется!..»

После таких слов обычно и начинается паника... Жители городка выскакивали из квартир, высовывались с балконов, прислушивались:

— Слышишь? Бух-бух...

— Да, Катюша бьет... Степана своего!..

— Батарей! Батарей! Почему не слышу батареи?

— Что? Что — «батарея»? Горячую воду отключили?

— Ложись! Воздух! Воздух!..

— Ну что — «воздух»? Воздух, правда, паршивый — соседи опять самогон варят...

Где-то прогрохотал, проухал, прочухчухал тяжело груженный состав...

— Идет!..

— По местам!.. Семенов! Берешь гранаты, бутылки, ползешь к поезду! Бутылку проводнику, бутылку бригадиру, гранаты на закуску.. Нехай задавятся, лишь бы уехать отсюда...

...Говорят, что треть своей жизни человек тратит на сон. Даже если это наш человек... Но обидно, что этот наш человек остальные две трети тратит на такую вот борьбу — за нормальную работу, нормальный быт, нормальный отдых...

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

Монолог беспризорного пса

Ав! Погоди, лохматый, куда бежишь, дай понюхать-то... Полкан, ты, что ли! Ну, здорово-здорово! Чего чешешься? Блохи? Да, блохи — просто замучили! Для нас, собак, блоха — первый враг! И откуда их столько? Наверное, с людей перескакивают... Ну, глисты-то точно от людей... Я щенятам своим всегда говорю: «Поиграл с людьми, погладили вас — сразу мыть лапы...»

Я тоже обчесался прямо... Ну, еще это лето такое: на блох урожайное. Вот жалко, ученые не додумались: надо было блоху с пшеницей скрестить — и урожай будь здоров, и хлеб сам по столу прыгает...

Ой, да эти ученые, я тебе скажу... Среди них один только приличный был — Иван Петрович Павлов, царство ему небесное... Этот — да! Этот всегда к нам с полным уважением. Стоит тебе только гавкнуть на зажженную лампочку — он тебе тут же миску несет...

Сегодняшние-то людишки что... Им бы только нас попрекать. Только и слышишь: «Сейчас люди живут хуже собак...»

Все этим людям мало! Все завидуют! А я вот так по помойке сужу — хорошо стал жить народ! Такие куски выбрасывают!.. Только нам не всегда достается: сами же люди в наших же помойках теперь роются! И что за мода у них такая пошла!..

Нет, в городе жить можно. А вот у меня деверь, кобель восточноевропейский, на границе служит, так он мне написал на столбике: «Минобороны задерживает довольствие. Живем впроголодь, от нарушителя до нарушителя...»

Да-а, все на нас сваливают! Я тут мимо какого-то подъезда бегу, смотрю — мужик объявление читает и ругается: «Вот собаки! На два месяца горячую воду отключили...» Подхожу, читаю — действительно, на два

месяца! И что интересно: подпись собачья — Джэк какой-то!..

Мясо мы у них все съели, болезни на себе переносим... Я еще удивляюсь, как они на нас в том году не урожай зерна не свалили... Ну, когда засуха была.

Хотя, если б нам по-хорошему, Полкаша, разве б мы не помогли? Вышли б на поле дружно, все вместе, ножку подняли — и нет засухи!..

Но, Полкаш, по-хорошему к нам не хотят... Все-таки человек — существо тупое. Ну вот ты мне скажи: гонятся за нами, бродячими, ловят... А кто-нибудь подумал: если нас, собак, переловят, на кого они все сваливать будут?

То-то и оно, что не на кого будет. И придется людям тогда работать. А ведь работать, Полкаша, я так смотрю на людей — ни одна собака не хочет!..

ВНЕШНИЙ РЫНОК

Мы сейчас голову ломаем: «Где взять валюту? Чем нам торговать с Западом?» Смешно даже... Богатство-то у нас прямо под ногами, а мы не видим! Я больше скажу: наши года — наше богатство. Особенно года, проведенные под Советской властью. Это ж такая, как говорится, ментальность, которой больше ни у кого нет! Вот этой ментальностью и надо торговать!..

К примеру, вот говорят, что на Западе перепроизводство, что там фермерам аж доплачивают, чтобы они много не выращивали, чтоб специально выводили низкоурожайные сорта и малопродуктивные породы... Только где им это все взять?

И вот в этот самый драматический для них момент выходим на внешний рынок мы, со своей ментальностью. И оглашается этот внешний рынок нашей, русской речью:

— Окружающую среду загаживаем! Продукты травим! Реки вспять поворачиваем!..

— Студенты! Студенты! Кому студенты для шефской помощи? Съедают и ломают больше, чем убирают!..

— Чернобыль! Кому Чернобыль? Превращаем пашни в пустыни...

Жуткая толпа, мордобой... Это американцы записываются в колхоз имени ножек Буша...

А тут похороны... Хоронят главу японского автомобильного концерна «Мицубиси»... Только что его хваленый грузовик проиграл в грузоподъемности нашему скромному «ЗИЛу», и японец сделал себе харакири... Да, проиграл, на глазах у всех. В «Мицубиси» загрузили шесть тонн зерна, и он провалился под этой тяжестью. А в «ЗИЛ» грузили и десять, и двадцать тонн, а ему хоть бы что... И все благодаря нехитрому приспособлению — дыркам в днище...

А тут снова крики наших удалых продавцов:

— Для тех, кто любит приятный синий цвет — наши куры!..

— Продаем все для коровников: падающие стены, незакрывающиеся двери, автоматическое отключение обогрева в мороз!..

— Сопли! Сопли! Кому сопли? Успешно заменяет сварку и резьбовые соединения! Хороши для сейсмоопасных районов!..

— Буренка! Кому буренка? Только жрет — молока не дает... Кто надоит больше стакана — даром берет, везет в свои страны! Берите, берите, пока не сдохла...

И бегут, бегут к буренке шведы, финны, французы...

Какой необычный хвост! Потрясающе!..

— Извиняюсь, месье, но у нас, у русских, все по-честному. Сразу хочу предупредить: это не хвост, это — вымя...

А здесь — настоящий аукцион:

— Посмотрите на этот экземпляр! Начальная цена — тысяча долларов! Не деньги для тех, кто озабочен слишком большими урожаями! Кто больше? Две? Две тыщи долларов дает этот джентльмен! Три? Четыре справа, я вижу. Пять! Пять тысяч долларов, кто больше? Пять тысяч — раз, пять тысяч — два, пять тысяч — три... Продано! Итак, господа, за пять тысяч долларов уходит с торгов редчайший экземпляр, за пять тысяч счастливчик-фермер приобрел доброго друга и советчика — бывшего инструктора райкома по сельскому хозяйству! Поздравляю!

...Да, придет время — валюта к нам рекой потечет.

ПРЕДВЫБОРНАЯ ПРОГРАММА

Дамы и господа! Товарищи и подруги! Братья и сестры! Солдаты и старшины!

Голосуйте за меня! Если вы меня куда-нибудь выберете, то даже не представляете, как вам всем будет хорошо!

Уже через год вы не узнаете страну. Выглянете в окно — и не узнаете: все крутом будут шикарно одеты. Ну, может, один человек будет рыться в помойках, ходить в рванине, с подвязанными галошами, в женском капоре на голове, как на картине «Немецкая армия после Сталинграда» — это Жванецкий... Потому что ему нечего будет критиковать и обличать — так все будет хорошо.

Но будет и трудно. Надо честно сказать — трудно будет. Если вы меня выберете, вам придется пройти через труднейшее испытание — испытание изобилием...

И уже сейчас надо готовиться к тому, чтобы грядущее изобилие не застало нас врасплох...

Поначалу даже возможен всплеск преступности, связанный с тем, что люди не будут знать, куда деть деньги... И я не исключаю, что в один прекрасный день в вашу квартиру ворвутся люди в масках и, угрожая раскаленным утюгом, будут требовать: «Возьми мою машину! Возьми тыщу рублей! Курицу возьми!»

Что, например, делать с огромными квартирами, которые будут у каждого из нас? Не ухудшат ли они демографическую ситуацию? Не получится ли так, что муж, дойдя наконец в такой квартире после ужина до спальни жены, забудет, зачем он шел? Тут надо думать — может, в спальнях держать специальных людей, которые бы никуда не ходили, а занимались бы с вашей женой только исправлением демографической ситуации...

Но главная проблема с продуктами. Если заранее

не продумать, куда их девать, люди будут объедаться! Обеденный перерыв придется сделать с трех до шести — иначе все не съесть...

Но беспокоиться не надо: на случай изобилия у нас уже готова специальная программа ухудшения жизни, чтобы как-то снять напряжение на желудок и на мозг...

С колбасой решается просто: часть батонов сервелата отдать милиционерам вместо дубинок, часть — в секс-шопы...

С икрой тоже: сделать из нее красно-черное конфетти, пусть люди обсыпают друг друга на маскарадах...

Но как решить проблему изобилия в целом? У нас уже подготовлен проект постановления «О мерах по дальнейшему ухудшению жизни трудящихся». Иначе мы будем похоронены под этой горой продуктов, которые хлынут сразу после моего избрания...

Во-первых, предлагаю восстановить Агропром и колхозы. По нашим расчетам, это поможет уменьшить ожидаемое количество продуктов на треть...

Во-вторых, предлагаю вернуть на овощные базы старые, незаслуженно обиженные кадры: они обещают сгноить и растащить еще на треть...

Что касается последней трети... Предлагаю пустить экскурсионные автобусы по линии «Интуриста»: англичане, немцы, датчане будут приезжать якобы на экскурсию, а сами — по нашим «Гастрономам»...

В общем, что-нибудь решим. Как говорится, пережили нищету — переживем и изобилие...

Вы меня только выберите...

НАЛЕГКЕ...

Тут таможня за границу? Пропустите меня, пропустите женщину! Что — без очереди? Да, без очереди! А вы, гражданочка, на мой живот посмотрите! Вам это о чем-то говорит? О чем? «Есть меньше надо...» Сережа, не обращай на нее внимания. Просто ставь сумки, и все... Я не ругаюсь с ней, Сереж, я говорю, меньше шмоток с собой за границу таскать надо и не будешь психовать, верно? Да! Потому что, Сереж, есть такие люди, им бы только что перетащить за границу, продать, купить... Нам-то с тобой что психовать? Мы-то просто едем посмотреть, как люди живут, налегке. Я говорю, налегке едем. Серег, шестую сумочку сюда поставь...

Все, все досматривайте, нам с Серегой скрывать... Что? Ну, бинокли. Я ж говорю — мы только посмотреть едем... А? Два? Ну да, два. Мне и Сереге, по одному. Чтоб, знаете, не драться — «дай посмотреть, дай посмотреть»...

Что вы там еще нашли? Еще два? Ну да, два и...и еще два, по-резервному. Вдруг те два откажут? Представляете, как обидно будет? Специально ехали налегке, только посмотреть — и вдруг откажет? Конечно, подстраховка нужна...

Еще два? А-а, ну так это ж театральные... Да, шестидесятикратные, и что? Вы поймите, мы ж туристы, откуда у нас деньги на билеты в театр? Только так, издали, на афиши навести...

Что? Еще один? Нет, посмотрите, граждане! Он спрашивает, зачем человеку седьмой бинокль! Это все равно что спросить, зачем человеку есть, пить, дышать... Вы забываете, что я с животом, мне волноваться нельзя! Не дай бог, выкидыш! Ребенок выскочит: «Где я? Что?» — осмотреться ему надо? А тут бинокль под рукой...

Не, ну, если так рассуждать, вы еще можете спро-

ситель, зачем мне микроскоп... Ах, вам действительно интересно... Ну еще бы! Действительно, зачем человек везет с собой за границу микроскоп? Да чтоб в него свою валюту рассматривать!..

Пожалуйста, переходим к другой сумке... О! Я знала, что вы об этом спросите! Да! Это партбилет! Я — коммунистка и горжусь этим! И как бы вы, демократы, ни смеялись над нами, я остаюсь трижды коммунисткой! Вот почему у меня три партбилета... Что вы там нашли? Пять! А Серега? А ребеночек родится? Да, мы его сразу в партию примем... Ну что еще? Ах, вас интересует, почему они на разные фамилии? Да потому что из-за таких, как вы, мы уходим в подполье! Мы будем менять адреса, явки, фамилии, но останемся большевиками!.. Что фотографии? Да, фотографии не наши! Потому что неизвестно, как мы будем выглядеть в этом подполье! Может, нас ждут такие трудности, что мы на себя не будем похожи!» «На бой кровавый, святой и правый...» Но придет время, товарищи, и нас оценят в России так, как уже сейчас ценят в Европе, где каждый партбилет уходит за десять баксов... «Вихри враждеб...»

Да нет, я спокойна, конечно, у вас такая работа... Но вы все время допускаете бестактности. Люди едут на легке, посмотреть просто, а вы... Ну вот — опять! Да! Это икра! Вы на живот посмотрите, да не на свой, на мой... Ну что вы, не понимаете? А вдруг мне соленью-кого захочется? Да, шестьдесят банок! Что — «не положено», что — «нельзя»? Откуда вы знаете, что мне нельзя, вы что — гинеколог?

Что еще? Что вы там роетесь? Военная форма? Ну, моя, а что вас удивляет? Ну, морская, да. А фуражка... Гм... А фуражка действительно танкистская... А что такое? Морская пехота вас не удивляет? Ну, а мы — морские танкисты... Да, мы по дну ползаем...

Что — ордена? Да, ордена! Да, мы их повсюду с собой, не расстаемся. Ну и что, что не наши... Пока не наши... А не дай бог что-нибудь и мы в бою отличимся? Что же — ждать пятьдесят лет, чтоб награда нашла своего героя? Нет, пусть на всякий случай под рукой будут...

Что? Это? Это противогаз.. Понимаете, у Сереги очень ноги потеют... Вот я и думаю, чем брать ему носков двадцать пар, возьму лучше себе один противогаз. Один, конечно. Почему два? А где второй? На ком? Да нет, это я просто с утра не накрасилась...

Целый день на ногах, собой заняться некогда, у вас уже тут сколько торчим... Что вы так смотрите? Часов никогда не видели? Ах, «в таком количестве никогда»? Да, восемь пар... Так нас же двое! Вот, по четыре на каждого. Слава богу, не инвалиды какие — две руки, две ноги... Как это — «при чем тут ноги»? А мы и на ногах носим. Как это — зачем? Мы же в какой круиз едем? В мор-ской! Что — ну? Вы вообще в море бывали? Ну вот — шторм! Стоишь на палубе, двумя руками за поручни держишься, чтоб в море не снесло. А время узнать хочется! А руки не оторвешь — волной смое!.. А так — ногу поднял — а, полшестого...

Что вы на Серегу уставились? Нет, что вы ему на брюки смотрите? Что — штаны уже тоже провозить нельзя? Что вам «просто интересно»? Ну, что делать — расстегни, Серега, ну человеку интересно, он завидует...

Ну, и что вы там увидели? Да, дрель, и что? Это наше интимное... Внести в декларацию? Ну дошли! Лезут к человеку в штаны и это дело вносят в декларацию! Ну, таможня! Ничего святого у вас нет!...

Т ЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

Але, Маша? Я из магазина. Тут эти выбросили... Ну «что-что» — мне говорить неудобно... Ну чисто женское... Нет, не кастрюля. Из одежды. Нет, не пальто. Плубже внутрь... Ну что устанавливают на родине героя?.. «Памятник»? Да какой памятник! Памятник — это когда с ногами, а когда только до пояса, без ног... Без ног, я говорю. Да какой инвалид!..

Ну это одежда такая. Нет, «не выходное»! Можно сказать, на каждый день. Да? Надо тебе на каждый день? А то что? «Не в чем в магазин выскочить»...

Ты вообще понимаешь, о чем речь? Ну в чем ты по улице не пойдешь, а по пляжу можно? «В шлепанцах»... Ты что, по пляжу в одних шлепанцах ходишь? Что — «поняла-поняла»? Нет, не соломенная шляпка! Тут... как будто две шляпки, соображаешь?..

Сейчас поймешь. Вот представь: два пловца, в шапочках, плывут рядом. Они рядом, к финишу, в шапочках — что ты можешь сказать? «Победила дружба»?..

Ты не волнуйся, сосредоточься. Давай от искусства пойдем. Ты картину «Мадонна с младенцем» помнишь? Помнишь, что там ребенок сосет? Ну, хорошо, картину не помнишь, а что вообще ребенок сосет? «Деньги»? Это наш, ему двадцать два, а грудной что ест? Да при чем тут рыбий жир!..

Давай по-простому. Может, это грубо, но поймешь наконец... Ты корову видала? Ну, откуда у нее молоко берется? Правильно! Умница! Поняла теперь, что мне предлагают? Что? Ну при чем тут доильный аппарат?!

Ну вспомни, ты еще утром просила меня застегнуть... Сообразила? Что — «кстати»? Что? «Так застегнул, что Степан Петрович на работе расстегнуть не мог»?! Тьфу ты, да какой портфель!

Я это дело все равно возьму: дефицит! Да. Только не знаю, какой размер. Тут один знаешь какой? Так, на глаз, в него буханка хлеба войдет... А есть, как фран-

цузские булочки, — брать? Что? «Только если свежие»...
Как я узнаю? «Пощупать»? Я пощупал! Прощай! Тут
милицию вызывают!..

КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ

Думаю, мы совершенно напрасно забыли художников эпохи соцреализма. Надо только заменить старые подписи под их картинами на новые...

Итак, приглашаем всех на наш маленький вернисаж...

Знакомое полотно: элеваторы ломаются от зерна, длинная колонна грузовиков, счастливые, румяные лица шоферов...

Только новенькая подпись: «Принимай, Родина, канадский хлеб...»

А вот еще одна картина: **веселый** деревенский праздник, танцуют девчата, отплясывают трактористы, гармошка в руках комбайнера...

И подпись: «Пока работают студенты...»

Третья картина: крепко взявшись за руки, идет совершенно обнаженная пара...

Подпись: «После уплаты налогов...»

Ой, а эта! До боли знакомая: Артек. Стремительно выбегает из волны улыбающийся белозубой улыбкой негритенок...

Только подпись новая: «Ваня Смирнов после купания в экологически чистом Черном море...»

А тут натюрморт: из лукошка выглядывает хвостик рыбы, рядом с лукошком одинокое красное яблочко...

Подпись? Пожалуйста: «Потребительская корзина».

А знаменитое полотно Решетникова «Прибыл на каникулы»? Ну, чего ему пропадать? Картина-то какая шикарная:

прелестный мальчик в военной форме, приложив руку к козырьку, стоит перед высоким, красивым стариком...

Только подпись заменить надо. Скажем, на такую: «Посадив отца, Павлик Морозов пришел за дедушкой...»

Конечно, могут спросить: «А как быть со старыми табличками к картинам? Что же их — все повыбрасывать?»

Конечно, нет! Зачем? Люди же их специально писали...

Нет, просто к старым табличкам надо нарисовать новые картины. Ну, к примеру, изобразить современный рынок. А табличку от старой картины привинтить — «Девочка с персиками»...

Или там изобразить купание в проруби секретаря компартии. И опять же старую табличку от Петрова-Водкина: «Купание красного коня»...

Ничего выбрасывать не надо! Не такое у нас положение, чтобы вещами разбрасываться...

БЫКА ЗА РОГА...

— Слушай, сынок, — сказал Зевс Гераклу, — ты не съездишь на остров Крит? Там, понимаешь, огромный бык объявился! Все топчет, всех пугает... А, сынок? Соверши подвиг!

— Какой разговор, батя? Сделаем! — ответил мифический герой. — Но ты мои условия знаешь: сутки — подвиг, двое — дома...

— Хорошо-хорошо. Ты только один не лезь, я тебя знаю. Как говорится, обопрись о народ...

— Да обопрись, обопрись! Не волнуйся, старый!

«Не волнуйся». — Зевс пожевал губами, раздумывая, говорить сыну или нет, а ну как откажется от поездки... Но отцовские чувства взяли вверх, и он все-таки сказал:

— Там, между прочим, такая штука на этом острове...

— Ну какая, какая штука?

— Пугать не хочу, но... в общем, эхо там...

— «Эхо»! — засмеялся Геракл. — Батянь, ну ты еще скажи, чтоб ножки не промочил! Что я, ребенок, чтобы эха пугаться?

— Для меня вы всегда и везде мои дети, — проникновенно сказал Зевс.

— Дети у него везде! — злобно прошипела Гера и швырнула миску с амброзией на стол. — Да уж, «папаша», погулял в свое время!..

У божественных родителей назревал очередной скандал, и Геракл быстренько выскользнул из дома. Он знал, чем кончаются такие разборки. Уже в гавани, всходя на корабль, он увидел, как засверкали молнии, загрохотал гром, заклокотал Везувий...

«Опять мамаша посуду бьет», — покачал головой Геракл и приказал быстрее поднимать паруса.

...На Крит они прибыли в тот же день. Его, сына Зевса, встретила многотысячная толпа. Без лишних слов Геракл сразу спросил:

— Где бык?

«Где бык... где бык... где бык», — тотчас «заработало» критское эхо. А может, и не эхо, может, придуривались в толпе, повторяя и переспрашивая, не решаясь показать на преступное животное... Еще неизвестно, как все сложится, может, и не победит его Геракл — уж тогда бык вспомнит всех, кто на него наступал...

Гераклу самому пришлось искать этого быка. Собственно, это оказался даже не бык, а так, бычок, которого людская молва раздула до огромных размеров.

— Пошли, ребята! — устремился вперед Геракл, выламывая на ходу огромную дубину из эвкалипта. — Не давай ему уйти! Руби деревья!..

«Пошли, ребята...пошли, ребя-та-а... — понеслось над островом критское эхо. — Руби деревья-а-а...»

Каждый рубил и тащил, кто жердь, кто бревно. До бычка оставалось локтей двадцать, когда Геракл вдруг услышал за спиной... стук молотков. Он оглянулся.

Островитяне из жердей и бревен сколачивали... трибуну. Вот на нее взобрался один из аборигенов.

— Друзья! Позвольте мне открыть митинг солидарности с жертвами критского быка! Слово предоставляется знатной куртизанке-текстильщице, обслуживающей двадцать станков...

В громе аплодисментов потонуло ее имя.

— Жители острова Крит! Дорогие мои... критины! — начала куртизанка-текстильщица. — В этот трудный час слова рвутся прямо из сердца! — И достала бумажку с речью. — Мы говорим критскому чудовищу наше решительное «нет»! Ответим на его происки новыми трудовыми... И я в этом году.. Еще двадцать станков...

Взметнулись плакаты: «Копыта прочь от нашего острова!» Судя по всему, народ расположился тут всерьез и надолго...

Геракл решительно взошел на трибуну.

— Да вы что, ребята? Что вы тут рассусоливаете? Надо ж брать быка за рога!..

«Правильно!.. Быка за рога... рога-а...га-а...» — понеслось над островом.

И началась активная, повсеместная, бескомпромиссная борьба с рогами.

Для начала издали указ, запрещающий пить из рога. Потом подумали и запретили пить вообще...

Резьба по рогу была объявлена пошлостью, а не искусством...

Из древнегреческих фильмов вырезали все сцены, где жены наставляли мужьям рога...

С сухопутных карт исчез древнегреческий город Кривой Рог, отчего враги стали считать его засекреченным...

На звездных картах перестали печатать созвездие Козерога, поэтому мореплаватели стали сбиваться с пути, постылые родственники с соседних островов перестали прибывать и гостить месяцами...

Когда порезали весь рогатый скот и коровы остались без партнеров, на Крите задумались, как пополнить коровье стадо.

Древнегреческие генетики предложили скрестить коров с бабочками. И получилось даже лучше, чем было: теперь коровы летали кормиться в соседние районы, а когда приходило время, они, как бабочки в куколки, сразу свертывались в колбасу...

В рамках борьбы с рогами запретили пьесу Ионеско «Носороги»...

В булочных — как объяснили, по политическим причинам — пропали рогастики...

Геракл обожал рогастики, и тут его терпение лопнуло. Он закричал на весь остров:

— Да вы что, с ума все посходили?! Мы же не с рогами боремся, а с быком!..

«Мы с ума посходили... Мы не с рогами должны бороться... Мы с быком...» — полетело эхо.

Был издан указ, в котором говорилось об имевших место перегибах, приведших к тому, что многие посходили с ума.

Возникали стихийные, но хорошо организованные митинги, на которых ораторы говорили, что они сошли с ума, но теперь больше не будут бороться с рогами, а все силы бросят на борьбу с быком.

Созвездие Козерога вернули на место. Но сняли с карт созвездие Тельца...

Пьесу «Носороги» разрешили. Но только в Кривом

Рого, поскольку его на всякий случай так и не рассекретили...

Рогалики появились, но пропали бычки в томате.

Слово «бык» исчезло не только из лексикона, но и из меню...

Хотели даже переименовать древнегреческий аэропорт Быково, но не могли выбрать момент, поскольку какие-то самолеты всегда крутились в воздухе и они бы не знали, куда сесть. Но число электричек в аэропорт на всякий случай сократили...

Зато теперь каждый мог спокойно взять бюллетень, потому что врачи боялись сказать симулянту «здоров, как бык!..».

Геракл был в отчаянии... Проклятое эхо превращало каждое его слово в очередную кампанию... И он, победивший немейского льва и лернейскую гидру, покоривший целую армию амазонок, впервые не знал, что делать...

И он закричал страшным голосом:

— Я, сын Зевса и Геры, запрещаю вам все эти кампании! Хватит!..

«Хватит... хватит кампаний-ий...» — понеслось над Критом.

Геракл схватился за голову...

Вышел указ о борьбе с кампаниями.

Зачитав его на площадях, глашатаи кричали:

— А теперь расходитесь! Расходитесь! Будем бороться с кампаниями! Больше двух не собираться!..

Геракл заплакал и пошел обратно на корабль...

Уже в море, видимо от всех этих волнений, ему страшно захотелось есть... Открыл холодильник — пусто...

Геракл прошел на камбуз. Повар Ясон мрачно смотрел на него и что-то жевал...

— Сейчас бы, кажется, быка съел, — сказал Геракл и почувствовал всю нелепость этой фразы.

— Все бы съели. Только его для этого сначала поймай надо, — сказал Ясон, дожевывая золотое руно. — Эх, и зачем только вы кричали: «Хватит кампаний, хватит кампаний...»

— А что такое?

Ясон молча кивнул на огромный замок, украшавший соседнюю дверь. На двери была записка: «В соответствии с Указом о борьбе с кампаниями кают-компания закрыта...»

Злой и голодный, Геракл сходил с корабля, пробиваясь через толпу журналистов.

— Как вы себя чувствуете?

— Почему так долго?

— Гомер, корреспондент «Афинской правды»... Скажите, вы победили быка?

— Победили, победили, — буркнул Геракл, чтобы отвязаться от назойливого старичка.

И на следующий день газеты пестрели заголовками: «Десятый подвиг Геракла! Критский бык побежден!»

А что Гомер? Он же слепой... Ему что скажут — то и напишет...

Так родился этот миф...

После Указа...

Вот времечко пришло!.. После этого Указа о борьбе с пьянством и выпить не с кем: и на работе нельзя, и к себе никого не заманишь — поддатými возвращаться бояться... А как может наш, советский человек пить в одиночку, если его всю жизнь учили жить и пить в коллективе? Что же мне теперь, с телевизором пить? Кстати, мысль хорошая!..

(Подсаживается к телевизору, включает). Ну-ка, кто у нас там?.. Ой, Хрюша, Степаша, тетя Света Моргунова! Ну чего, Свет? Так с этими двумя пацанами одна и маешься? Слушай, давно спросить хочу.. Тебя тот самый Моргунов бросил? Ну здоровый такой, пес Барбос? Ну он еще с Вициным и Никулиным пил? Чего молчишь? Молчание — знак согласия! Да и без тебя про это любой догадается: Хрюша ж с ним — одно лицо! Ой, ой — «всего вам доброго, ребята»! Ушла, застеснялась...

О, Капица! «Добрый день»! Ну привет! Привет, Серега! Ты выпьешь чуть-чуть? Да погоди ты про Вселенную! Ну что — «комета, комета»? Она еще когда прилетит! Мы успеем... Ну и что тебе, что у нее хвост? Подумаешь! Я сегодня за водкой знаешь какой хвост отстоял? Ни одной комете не снилось...

У меня только закусить нечем. А у тебя? Серега, у тебя там есть что-нибудь? «Атомы, атомы»... Ну давай хоть атомами закусишь, а то без закуски захмелеешь там в прямом эфире, неудобно получится. Так я наливаю? Серег, ну так нельзя, ты не налей — узнал, что выпить на халяву, и сразу еще двоих притащил!.. Да я их и знать не знаю, дружков твоих. «Разрешите представить»... Ну представляй! Да мне хрен, что они японские астрономы! Что? Премию получили? Нобелевскую? Вот жлобы — и не могли с премии бутылку поставить? Ждали, когда я со своей появлюсь? Не, ну Серега, думаешь, если твоя закуска... А закуска-то, госпо-

ди!.. Вот именно что «мельчайшие частички вещества».... Ладно уж, давай по чуть-чуть.... Слушай ты, астроном! Япона мать! У тебя вообще совесть есть? Я сказал «по чуть-чуть», а ты телескоп подставляешь... А ко мне в девятнадцать тридцать Юра Сенкевич по первой программе забежит, чем мне его тогда угощать?

Вы чего — обиделись, ребята? А чего вы все без меня меж собой толкуете? «Белые ка-арлики, белые ка-арлики». Вроде мне не по уму, да? Да я это все читал, пацаны! Про Буратино, что ли? Ну там, папа Карлик, все прочее.... Да? Угадал? Серег, и что ты там про Кеплера толкуешь? Прямо вычислил планету? Не глядя в телескоп? А почему ж он его не использовал? А, он у него, наверное, тоже для другого дела был. Тоже, наверное, пил из него, как эти японцы....

А у нас на работе, между прочим, тоже такой вот Кеплер был. Цикерман фамилия. Тоже никуда не глядя... наряды нам закрывал. Не, ну мы ему, конечно, отстегивали и сейчас не забываем — передачи носим...

Чего — «Всего доброго»? Не, а чего это вы засобирались? Да я понял: обломилось из телескопа выпить, сразу неинтересно со мной стало... Ну иди-иди! Бог подаст....

О, Юрка! Сенкевич! Вот, Юр, ты бы на минуту опоздал — Капица бы все выпил! Юр, давай по чуть-чуть? Чего ты сразу: «Давайте отправимся в Африку»? А здесь боишься? Ой, трус! Смотри — в джунгли забрался, чтоб никто не видел! Это ты после Указа о пьянстве такой пугливый стал? Да мне с тобой пить противно! Я тебя вообще переключаю!..

(Переключает.) О, кого я вижу! Игорек! Кириллов! Ты выпьешь? Ну чего ты — программа «Время», программа «Время»... Вы ж вдвоем ведете, что она за тебя не подежурит, что ли? А мы ей оставим... Не будешь? Вообще-то я тебя понимаю... Лет пятнадцать назад программа «Время» была — так было за что выпить! Тут небывалые успехи, там грандиозный урожай!.. А теперь? И это нехорошо, и то плохо — все все критикуют! Нечего отметить.... Нет праздника в душе....

Вообще, ребята, надоели вы мне. Без вас найду

с кем выпить. Сейчас попереключаю и найду....

(Переключает.) Подожди! Ну подожди! Ну не превращайся в таблицу!

Да. Да. Не забуду. Не забуду. Не забуду.. И ты, таблица, тоже не забудь выключить телевизор.... Нет, ты первая давай, выключай.... Слышал уже! Сколько можно повторять? Да не могу я, не могу я его выключить: я ж тогда... совсем один останусь.

В КОСМОС ПО-РУССКИ...

Так, давайте, ребята, все пройдем еще раз. Значит, ракета на старте, поддерживаем фермами, поджиг, фермы отходят... Стоп! Не отойдут. Обязательно заклинят, что вы наши фермы не знаете? Надо подумать, надо под... Эврика! Не заклинят! Ставим по бокам шесть солдат с веревками — пусть тащат!..

Кабина на какой высоте? «Тридцать метров...» Нет, ребята, лифт не годится, застрянет вместе с космонавтом. Или дети в нем кататься будут... Да, а ты не знал, Семенов? Вот я тоже как-то спросил часового, разбудил и спросил: «Откуда в лифте на секретном космодроме дети берутся?» Он говорит: «Аист приносит». Так что для верности придется космонавту наверх ножками топать.

Так, Петров, горючее рассчитал? Ну, и сколько у тебя получилось туда-обратно? Шестьсот литров? Спирта? Пиши «восемьсот», пусть наши алкаши хоть зальются, только б все не украли....

Хо-хо! Еще как воруют! А ты думал, почему у нас в ракете все на веревочках? Кружки, планшеты, карандаши... Да какая невесомость, Петров? Просто воруют все подряд, вот и привязываем, как ручки на почте....

Так, давайте электрическую схему пройдем. Ты чертил, Ваня? Хорошо, и тут хорошо, все нормально. Только, Вань, везде плюс на минус поменяй. Они на сборке все перепутают — как раз нормально и получится...

Механику кто чертил? Коля? Иди сюда, сынок. Ты недавно у нас? Ну да, многого еще не знаешь... Скажи, сынок, ты задумывался когда-нибудь, почему американцы у нас со времен первого спутника все воруют, воруют у нас чертежи, а сделать по ним ничего не могут? Потому что, сынок, они рассчитаны только на наши заводы. И конструкторы наши учитывают русскую ментальность. Если ты рабочему на чертеже пи-

шешь «резьба», — он обязательно наглухо заварит. Поэтому писать надо «сварка» — тогда он резьбу нарежет, что тебе и требуется.

Теперь, ты вот тут допуски ставишь в микронах — это не наш стиль, сынок. Ты съезди на завод, в шестой цех, там главный на сборке Макарыч. Попроси его руки в стороны развести и замерь. Будет тебе единица размерности: «один макарыч», «два макарыча». Что? Если маленький размер, значит, миллимакарыч...

Чего смеешься, Петров? Ты связь с космонавтом продумал? Нет, радиотелефон не годится! Будет или двушки глотать, или попадать не туда. Запроектируй радио. Только космонавта предупреди, чтоб сверху лишнего не болтал. Ну, знаешь там: «Ой, вижу — хлеба полегли, поезд с рельс сошел!..» Примут за станцию «Свобода» — будут глушить....

Так что — радио. Ты что, на каких лампах? Вчерашний день! Не стыдно? Ты ж современный инженер, должен быть в курсе новейших достижений! Сейчас весь мир перешел на твердотельные элементы. В общем так: берешь сержанта Кербабая — он маленький, мускулистый, с твердым телом — сажаешь внутрь приемника. Кербабая не рация, не откажет, а если откажет — под трибунал пойдет.

Теперь краткая записка по сборке: «Учитывая особую стерильность объекта, к сборке ракеты категорически не допускаются больные гриппом — иначе все, как на гражданке, будет сделано на соплях...»

Литературно-художественное издание

Ефим Смолин

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА

Том тридцать первый

Ответственный редактор *М. Яновская*
Художественные редакторы *Л. Яковлев, А. Мусин*
Компьютерная верстка *С. Семенов*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

*По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00.*

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:

117192, Москва, Минуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

**1 марта 2004 года открывается новый мелкооптовый филиал ТД «Эксмо»:
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел. (095) 780-58-34**

Книжные магазины издательства «Эксмо»:

Супермаркет «Книжная страна». Страстной бульвар, д. 8а. Тел. 783-47-96.
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр-т, 26 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.
Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11

ООО Дистрибуторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.

**Северо-Западная компания представляет весь ассортимент книг
издательства «Эксмо». Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.**

**Сеть ювелирных магазинов «БУКВОЕД». Крупнейшие магазины сети «Книжный супермаркет»
на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34 и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.
Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг
издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.**

Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молдая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на Соколе».

**Весь ассортимент продукции издательства «Эксмо»
в Нижнем Новгороде и Челябинске:**

ООО «Пароль НН», г. Н. Новгород, ул. Деревцообделочная, д. 8. Тел. (8312) 77-87-95.
ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Книги «Эксмо» в Европе — фирма «Атлант». Тел. + 49 (0) 721-1831212.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 23.01.2004.
Формат 84x108¹/32. Печать офсетная. Бум. тип. Усл. печ. л. 23,52 + вкл.
Тираж 8000 экз. Заказ 3147.

ISBN 5-699-05466-9

9 785699 054664 >

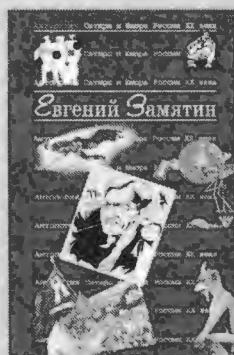
ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

**Самое яркое событие
в литературной жизни
России 2004 года!**

**АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА
РОССИИ XX ВЕКА
В 50 ТОМАХ**

**В ближайшее время увидят свет книги
Антологии**

**«ОДЕССКИЙ ЮМОР»
ЛЕОНИД ФИЛАТОВ
ДОН АМИНАДО
СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ**

32

АПРЕЛЬ

Жен. - оф. резонт
Т/кд дезовы:

отпалов в Америку, и
начает Елену. Те так
а в кас-те в 04. фс
в кфе - Тариха.

Она манюча! - Да б
чо! Так я и ду

собрала, гуне-лет...
Средов ит. Нахерое, не
в а. белугах, мы их
не угуем...

Как в Ревизоре - не
неф и маюдовы
и не ужендо в
врузне... бу

33

Жен. - оф. лесовос
Т/кз describes:

7

отпалко в Амелуны, иф-
ларае Емена. Те данс 9
а в кас-те в 04. фз 10
в кфене - Тануна.

11

Она мануна! - Да б
во! Так и в джун 13

сделана, джун-лес... 14

Средь лес. Набелне, не
в а. лесу, мб, их 15
16

не угнаны...

17

Как в Ревноте - истре 18
неф. и маводовны 19

и не угнаны в

и не угнаны в

Energy measured by
viscosity of the
Methanol, Acetone
(A₉ now, 200 per cent
D₁₀)

3² из 3² компаний
А/Опарано ввешивает
нефть в 11.

14. Кожен ден с адо
15. Снео убо с дрв.

16 He grew c. 100 h
17 100 h

3₁₉ и 3₁ - один ховт
ах лагунъ, дровъ маат,
рагъ ховт елпестъ, дровъ

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

ЭФИМ МОЛИН

Антология Сатиры и Юмора России XX века

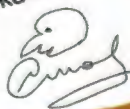
Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Люди добрые, сами мы нездешние,
помогите кто сколько можете
бедному писателю —
купите эту книгу.

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века